

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA

BOOK CARD

Please keep this card in
book pocket

RUSSIAN-TITLE
 PARTIAL TITLE
 0 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80

9 9 9
 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

BUILDING USE ONLY

DK50
.R8 , t.12
kh.1, ch.1
kn.2, ch.1

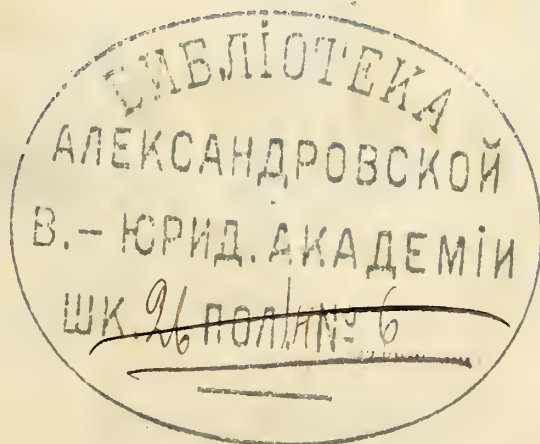

Digitized by the Internet Archive
in 2014

<https://archive.org/details/stolietievoennag1211skal>

6/20 76

ГЛАВНОЕ ВОЕННО-СУДНОЕ
УПРАВЛЕНИЕ
И
ВОЕННО-ТЮРЕМНАЯ ЧАСТЬ.

к.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

СТОЛЪТІЕ
ВОЕННАГО
МИНИСТЕРСТВА

1802 ≡ 1902

XII

Книга I.

Часть I.

ГЛАВНОЕ ВОЕННО-СУДНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.

СОСТАВИЛ
I. A. Шендзиков

Обм. 158159

1875

W. J. B. 103
S. W. 103
S. W. 103

2 1/2

103

103

8/34/50988

DK50
.R8
t.12

мс
с

kn. 1, ch. 1
kn. 2, ch. 1

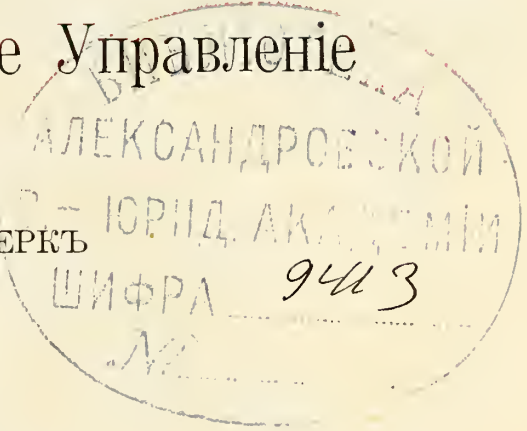
СТОЛѢТІЕ ВОЕННАГО МИНИСТЕРСТВА 1802-1902

Главное Военно-Судное Управление

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Книга I.

Часть I.

главный редакторъ генераль-лейтенантъ Д. А. Скалонъ.

составилъ заслуженный профессоръ Александровской военно-юридической академии
генераль-майоръ I. А. Шендзиковскій.

помощникъ составителя капитанъ Н. И. Фалѣевъ.

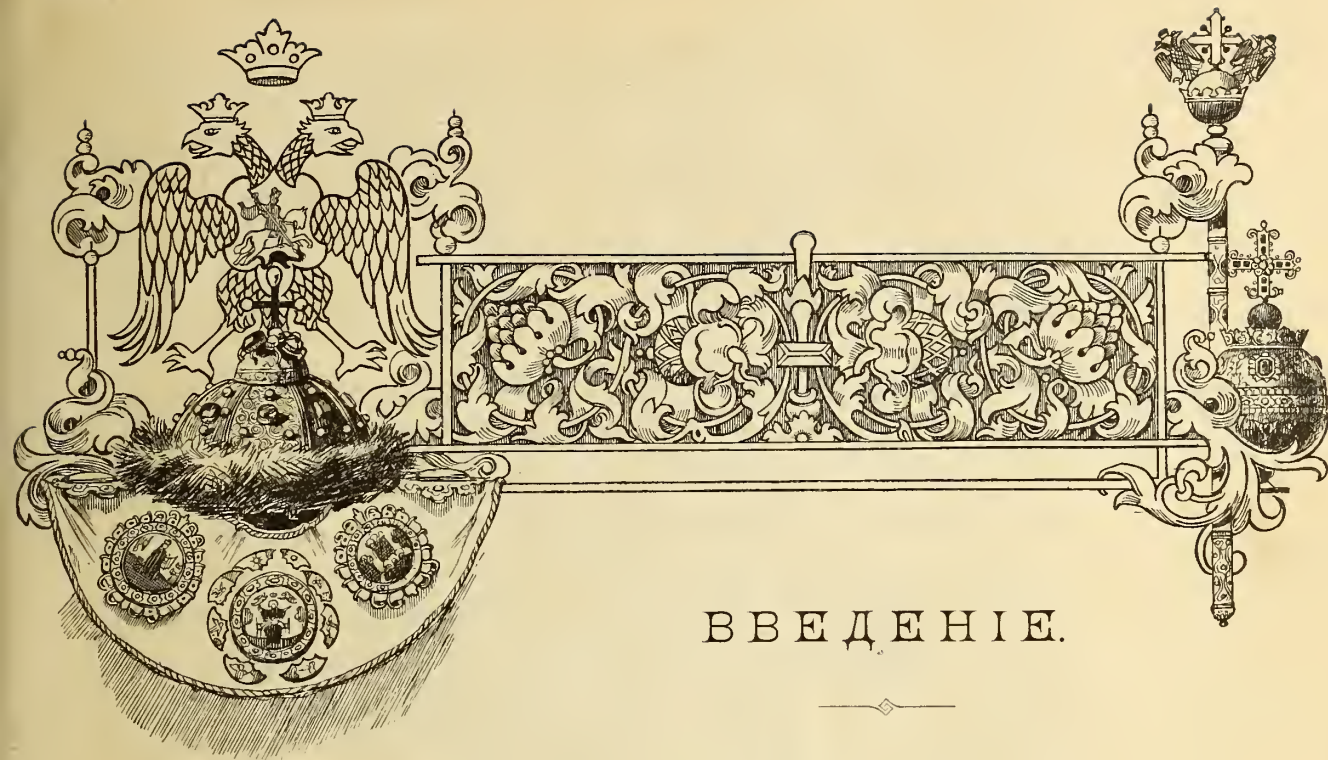

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза»
Большая Подъяческая, № 39.
1902.

ПРЕСТА
ВОЕННАГО МИНИСТЕРСТВА

ПЕЧАТАНО ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА.

ВВЕДЕНИЕ.

ГЛАВА I.

До-Петровский периодъ.

ВЪЯТЕЛЬНОСТЬ военно-судебная, или отправленіе военного правосудія касается съ одной стороны военных преступленій и военных наказаній, т. е. опредѣленія ответственности военно-служащихъ за дѣйствія, запрещенныя закономъ подъ страхомъ наказанія; съ другой стороны она касается особыхъ военныхъ судовъ, т. е. опредѣленія ихъ состава, подвѣдомственности (подсудности) и порядка производства въ нихъ дѣлъ (процесса).

ПОНЯТИЕ ВОЕННО-СУДЕБНОЙ ДЪЯТЕЛЬНОСТИ.

Въ отношеніи отправленія военного правосудія въ русскихъ войскахъ въ самыя первыя времена ихъ существованія, въ видѣ княжескихъ дружинъ и народныхъ ополченій (ряда полчнаго), можно сказать, что въ нихъ несомнѣнно должны были существовать какіе-либо порядки, обыкновенно соблюдаемые на практикѣ, въ качествѣ юридическихъ обычаевъ военно-уголовнаго характера, какъ, напримѣръ, относительно случаевъ военной пзмѣны, бѣгства съ поля сраженія и т. п.

Съ упроченіемъ государственнаго устройства и введеніемъ грамотности, послѣ принятія христіанства, многіе существовавшіе тогда юридическіе обычаи вошли въ составъ изданнаго по распоряженію князя Ярослава Мудраго сборника, извѣстнаго подъ названіемъ Русской Правды. Но въ Русской Правдѣ, какъ краткой, древнѣйшей, такъ и въ послѣдующихъ спискахъ ея, болѣе обширныхъ, дополняемыхъ отчасти и указною дѣятельностью князей, вовсе не встрѣчается постановленій военно-уголовнаго характера.

*ВОЕННОЕ ЗАКО-
НОДАТЕЛЬСТВО
ВЪ XVI СТ.*

Послѣ объединенія Руси Московскими великими князьями, въ Судебникѣ Царя и Великаго Князя Іоанна IV 1550 г. (ст. 61) упоминается только о градскомъ сдвѣцѣ, т. е. начальникѣ, сдавшемъ непріятелю безъ уважительной причины городъ, въ смыслѣ крѣпости. Градскому сдвѣцу, наравнѣ съ важнѣйшими преступниками и вѣдомымъ лихимъ людьми, полагается «живота не дати, казнити смертною казнію». Затѣмъ объ ответственности военнотружущихъ за нѣкоторыя преступленія и о судебной власти воеводъ въ этихъ случаяхъ говорится въ носящихъ названіе Устава постановленіяхъ о сторожевой и станичной службѣ, составленныхъ извѣстнымъ воеводой княземъ Михаиломъ Воротынскимъ, изданныхъ, съ утвержденія Царя Іоанна Грознаго, 16 февраля 1571 года. Для охраны отъ набѣговъ татаръ открытыхъ границъ Московскаго Государства, чтобы, какъ сказано, „государству было бережнѣе и воинскіе люди на Государевы украинны безвѣстно не приходили,“ на такъ называемой польской украинѣ, начиная съ половины XIV столѣтія, стали устраивать укрѣпленные городки и цѣлыя линіи ихъ и назначать для несенія сторожевой службы на мѣстѣ и станичной службы для постоянныхъ разъѣздовъ, первоначально такъ называемыхъ городовыхъ казаковъ, а затѣмъ служилыхъ татаръ, дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ. На основаніи постановленій упомянутаго Устава 1571 г. сторожа, которые сойдутъ съ мѣста, не дождавшись смѣны, въ то время, когда на границу произойдетъ нападеніе непріятеля, подвергаются отъ «Государя и Царя» смертной казни. За оказавшееся по осмотру посланныхъ воеводамъ дозорщиковъ со стороны сторожей и станичниковъ небрежности и „неусторожливости“, въ особенности, если станичники до означенныхъ мѣ въ обѣ стороны урочищъ не доѣзжаютъ, то, хотя бы въ это время и не было опасности отъ непріятеля, виновнымъ опредѣляется наказаніе кнутомъ. Наконецъ, если „сторожи“ не явятся въ срокъ для исполненія своихъ обязанностей, вслѣдствіе чего товарищи ихъ лишніе дни пе-

рестоятъ за нихъ на постахъ, то назначается денежное взысканіе съ первыхъ, очевидно въ пользу послѣднихъ. Въ 1577 году, при преемникѣ князя Воротынскаго по завѣдыванію сторожевой и станичной службой— бояринъ Никитѣ Романовѣ, было издано постановленіе о томъ, что дѣти боярскіе, предназначенные для защиты на случай нашествія непріятеля, если состоятъ на очереди, то не должны отлучаться отъ мѣста своего жительства, отъ домовъ и обязанности являться на службу немедленно по полученіи свѣдѣній о приближеніи непріятеля. За нарушеніе же этого дѣтямъ боярскимъ, неявившимся на службу тотчасъ, если произойдутъ военныя дѣйствія, то полагается отъ Царя и Великаго Князя—смертная казнь, а если военныхъ дѣйствій не будетъ, то имъ назначается за ослушаніе кнутъ и сбавка помѣстнаго и денежнаго оклада, по усмотрѣнію Государя.

Разсматривая исторію военно-судебной части въ Россіи въ Московскій періодъ до начала XVII столѣтія, мы видимъ, что во время господства дружбинныхъ отношеній между князьями и служилыми людьми и существованія принадлежащаго послѣднимъ права отъѣзда, ясно выраженнаго въ договорныхъ грамотахъ между князьями („а боярамъ и слугамъ между нами вольнымъ воля“), для служилыхъ людей не должно было существовать преступнаго оставленія военной службы, за которое могли подлежать наказанію только лица, входившія во время войны въ составъ народныхъ ополченій (ряда полчнаго), назначаемыя для исполненія воинской обязанности, согласно постановленію вѣча по этому предмету. Съ усиленіемъ Москвы и по водвореніи византійскихъ порядковъ, право отъѣзда начинаетъ ограничиваться на практикѣ взятіемъ отъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ намѣреніи совершить его, клятвенныхъ записей, обезпеченныхъ поручительствомъ многихъ лицъ съ обязательствомъ уплатить обыкновенно немалую сумму денегъ въ качествѣ «заряда», т. е. неустойки; впоследствии же право отъѣзда стало примѣняться все рѣже и, съ уничтоженіемъ удѣловъ на Русь и въ особенности при Іоаннѣ Грозномъ, отъѣздъ служилаго человека считался проявленіемъ измѣны. Совершеніе уклоненія отъ службы сдѣлалось возможнымъ послѣ установленія обязательной службы для бѣльшаго числа лицъ, надѣляемыхъ для этого помѣстьями, даваемыми изъ свободныхъ казенныхъ земель, и возложеніемъ обязанности военной службы на владѣльцевъ вотчинъ, а также учрежденіемъ войскъ постоянно-поселеннаго характера, какъ-то: городовыхъ казаковъ, стрѣльцовъ и пушкарей.

Дисциплина была весьма слаба въ ратяхъ удѣльно-вѣчеваго періода,

такъ какъ при патриархальныхъ отношеніяхъ между княземъ и дружиной ей принадлежало какъ-бы право совѣта, и были случаи, когда дружина отказывалась слѣдовать за княземъ въ его военномъ предпріятіи, на томъ основаніи, что онъ «замыслилъ» дѣло самъ безъ ея согласія, и подобные поступки не считались нарушеніемъ дружинныхъ обязанностей. Съ усиленіемъ власти московскихъ князей, дисциплина поддерживалась только присутствіемъ самихъ князей, т. к. по свидѣтельству лѣтописцевъ княжескихъ, воеводъ далеко «не всѣ слушаютъ».

Изъ времени царствованія Іоанна III извѣстенъ случай ослушанія дѣтей боярскихъ, которые, состоявъ Смоленскомъ походѣ въ войскахъ, находившихся подъ начальствомъ сына вел. кн. Дмитрія, ходили на добычу вопреки его запрещенію, за что великій князь, по окончаніи похода, подвергъ ихъ различнымъ наказаніямъ, а именно: кнутомъ и тюремному заключенію. Кромѣ того, поддержанію дисциплины въ войскахъ мѣшала установившійся издавна и развивавшійся съ ограниченіемъ права отъѣзда извѣстный обычай мѣстничества между начальствующими лицами, по которому назначеніе на должности зависѣло отъ значенія для службы не даннаго лица, а того рода, къ которому онъ принадлежалъ, и занимаемаго въ немъ этимъ лицомъ положенія, вслѣдствіе чего часто происходили столкновенія между военными начальниками, имѣвшія нерѣдко печальныя послѣдствія для военныхъ дѣйствій. Объявленіе въ Царскомъ указѣ о томъ, что въ данномъ походѣ «быть безъ мѣсть», мало помогало дѣлу. За неправильныя домогательства, касающіяся мѣстничества, виновные подвергались царской опалѣ, состоявшей иногда въ лишеніи чести, имѣнія и наказаніи тѣлесномъ, или же въ выдачѣ противнику головою.

Наконецъ характернымъ для разсматриваемой эпохи является отношеніе, существовавшее въ войскахъ къ личности и имуществу жителей театра войны. Образъ веденія войны, какъ у насъ, такъ и на западѣ отличался въ описываемое время опустошительнымъ характеромъ, который объясняется не только стремленіемъ нанести возможно бѣльшій вредъ противнику, но и желаніемъ вознаградить войска за понесенные ими труды и лишенія, тѣмъ болѣе, что снабженіе войскъ въ то время не было правильно обезпечено, не говоря уже о дозволеніи грабежа и насилія въ случаѣ взятія городовъ приступомъ («на щить») послѣ продолжительной осады. Захватъ военной добычи до окончанія битвы и происходившія при этомъ ссоры изъ-за нея бывали иногда причиной пораженій, испытанныхъ русскими войсками.

Сознаніе безправственности (грѣховности) насилій противъ жителей существовало и тогда, какъ видно, на примѣръ, изъ того, что князь Игорь Сѣверскій, въ приписываемыхъ ему словахъ въ словѣ о полку Игоревѣ, горько раскаявался въ поступкахъ этого рода, приписывая свое нахожденіе въ тяжкомъ плѣну у Половцевъ совершенной имъ когда-то жестокости, при взятіи одного русскаго города приступомъ (на щитъ) въ междоусобной войнѣ. Особенною жестокостью отличались входившія въ составъ русскихъ войскъ, татарскія войска, находившіяся подъ начальствомъ своихъ князей и служебныхъ царевичей. Вслѣдствіе чего мы встрѣчаемъ раньше всего мѣры, направленныя противъ насилій со стороны этихъ татаръ; такъ мы находимъ извѣстіе, что еще во время Новгородскаго похода Іоанна III, татарамъ, дѣйствовавшимъ съ Московскими войсками, даже лишь въ качествѣ союзниковъ, запрещено было забирать въ плѣнъ въ Новгородскихъ земляхъ какъ воюющихъ, такъ и жителей, вѣроятно во избѣжаніе возможности обращенія плѣнныхъ въ магометанство.

Затѣмъ при Великомъ Князѣ Василіи Іоанновичѣ, по договору, заключенному имъ относительно принятія на службу Казанскаго царевича Абдуль-Летифа, татарамъ его войска между прочимъ были строго запрещены грабежъ, насиліе надъ женщинами и разрушеніе церквей, причемъ нарушители этого запрещенія, пойманные на мѣстѣ совершенія преступленія, могли быть убиты немедленно, «въ чемъ никакой вины нѣтъ», а въ остальныхъ случаяхъ подлежали выдачѣ для наказанія самому Великому Князю. При Іоаннѣ Грозномъ, однако, какъ видно изъ описанія осады Венденскаго замка во время Ливонской войны, 300 пѣмецкихъ рыцарей, не имѣя возможности защищаться, рѣшились взорвать себя съ своими семействами на воздухъ, именно во избѣжаніе насилія надъ своими женами и дѣтьми со стороны татаръ, находившихся въ русскомъ войскѣ.

Но, какъ извѣстно, вообще Іоаннъ Грозный строго наказывалъ за насиліе войскъ противъ своихъ подданныхъ, если на то не было дано особаго приказанія или дозволенія.

Что касается судебной власти и порядка производства суда, то, по словамъ профессора Дмитріева ¹⁾, правило «кто управляетъ, тотъ и судитъ» находило повсемѣстное примѣненіе въ Московской Руси во все это время до XVII столѣтія, вслѣдствіе чего право суда принадлежало князьямъ и

¹⁾ Дмитріевъ, Исторія судебн. инстанцій, Москва, 1859 г.

ихъ воеводамъ, а въ народныхъ ополченіяхъ (рядѣ полчномъ) ихъ начальникамъ тысяцкимъ и, кромѣ того, лица, входившія въ составъ этихъ ополченій, за нарушеніе своихъ обязанностей могли подлежать, какъ и всѣ граждане, суду народнаго вѣча, какъ это было въ одномъ случаѣ въ XV столѣтіи, когда Кіевляне, защищая дѣло избраннаго ими самими князя Изяслава II, на заявленіе его о томъ, что не всѣ граждане желаютъ участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ, отвѣтили: «выдай ихъ намъ, мы ихъ убьемъ сами». Въ войскахъ же народоправствъ (вольныхъ городовъ) Новгорода и Пскова, въ походѣ вѣче это составлялось для суда изъ всѣхъ находившихся въ данномъ мѣстѣ лицъ, входившихъ въ составъ войска.

Народное вѣче въ городахъ Новгородѣ и Псковѣ немедленно призывало обвиняемаго въ собраніе, гдѣ послѣ непродолжительнаго разбирательства, виновный приговаривался и подвергался тутъ же тѣлесному наказанію, соединяемому иногда съ денежнымъ взысканіемъ, или же — смертной казни.

Таковы отрывочныя свѣдѣнія, касающіяся опредѣленія преступленій и наказаній и устройства суда и порядка производства въ немъ дѣлъ въ русскихъ войскахъ разнаго рода за весь разсмотрѣнный промежутокъ времени до XVII столѣтія. Настоящая же исторія русскаго военно-уголовнаго законодательства можетъ быть начата лишь съ этого столѣтія, преимущественно даже со вступленія на престолъ дома Романовыхъ.

*ВОЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
ВЪ XVII СТ.*

Въ XVII столѣтіи Московская Русь, вступивъ въ постоянныя сношенія съ Западно-Европейскими государствами, сознала свою отсталость отъ нихъ въ военномъ отношеніи, вслѣдствіе чего въ ней во-первыхъ—приступлено было къ устройству и обученію войскъ по иностранному образцу и во вторыхъ—сдѣланы были попытки къ заимствованію постановленій иностранныхъ государствъ, какъ военно-административнаго, такъ и военно-уголовнаго характера.

Въ это время, сверхъ существовавшихъ издавна войскъ помѣстныхъ (полковой службы), стрѣльцовъ, пушкарей и городовыхъ казаковъ, появились полки солдатъ, рейтаръ и драгунъ, получившіе названіе войскъ иноземнаго строя. Полки иноземнаго строя состояли первоначально изъ однихъ иностранцевъ, но затѣмъ пополнялись главнымъ образомъ русскими людьми и вскорѣ приобрѣли, подобно остальнымъ войскамъ, поселенный характеръ.

Военно-уголовные законы въ это время (въ XVII столѣтіи) входятъ

въ составъ нѣкоторыхъ законодательныхъ памятниковъ національнаго характера или же заключаются въ воинскихъ уставахъ, взятыхъ изъ иностранныхъ государствъ. Иностранцы же, находившіеся въ русской службѣ, судились и наказывались «по своему праву».

Законодательные памятники XVII столѣтія, имѣющіе національный характеръ, состоятъ изъ различнаго рода наказовъ и грамотъ воеводамъ и другимъ лицамъ, и указовъ, издаваемыхъ по разнымъ случаямъ.

Но самымъ важнымъ памятникомъ и для военно-уголовнаго права того времени является Соборное Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича 1649 года ¹⁾. Постановленія его касательно преступленій и наказаній заключаются преимущественно въ VII гл. «о службѣ всякихъ ратныхъ людей Московскаго государства», — находятся отчасти и въ главѣ II — о государственной чести и какъ его государственное здоровье оберегать, затѣмъ въ гл. X — о судѣ и въ гл. XXIII — о стрѣльцахъ.

СОБОРНОЕ УЛОЖЕНІЕ 1649 Г.

VII-я глава уложенія состоитъ изъ 32 статей, изъ которыхъ около половины имѣютъ военно-административный характеръ, остальные же заключаютъ въ себѣ постановленія о преступленіяхъ, совершаемыхъ въ войскахъ исключительно во-первыхъ — во время военныхъ дѣйствій или во вторыхъ — во время отпращиванія въ походъ или возвращенія изъ него. Сообразно этому преступленія, предусмотрѣнныя въ VII главѣ, могутъ быть раздѣлены на двѣ группы, имѣющія каждая свой особый характеръ.

О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ И ПРОСТУПКАХЪ ВОЕННОСЛУЖАЩИХЪ.

Къ первой группѣ, т. е. преступленій, совершаемыхъ собственно во время военныхъ дѣйствій, принадлежатъ: I) Военная измѣна, которая состоитъ въ томъ, что «кто учнетъ переѣзжать въ непріятельскіе полки» и «сказывать про вѣсти и про государевыхъ ратныхъ людей», за что положено повѣшеніе въ виду непріятельскихъ полковъ и конфискація всего имущества. Особый видъ военной измѣны предусмотрѣнъ въ гл. II, именно сдача непріятелю города, о которой говорено было еще въ Царскомъ Судебникѣ, за что опредѣлено также повѣшеніе и полная конфискація.

II) Наибольшее количество статей занимаютъ постановленія объ уклоненіи отъ службы. Въ числѣ ихъ предусмотрѣны: 1) Побѣгъ изъ службы, за который окладнымъ служилымъ людямъ полагается наказаніе кнутомъ, а для иноземца и иного кормового челоуѣка (стрѣльца, казака и даточнаго челоуѣка) то же наказаніе, но жестокое; относительно же даточныхъ людей по-

¹⁾ П. С. З. т. I. № 1.

ложено еще, что если они не сыщутся, взыскивать съ тѣхъ людей, которые ихъ сдали на службу, по 20 руб. сер. за каждаго бѣжавшаго. Кромѣ того, особое наказаніе за повтореніе побѣговъ назначено для окладныхъ служилыхъ людей, которые за побѣгъ во второй разъ подвергаются сбавкѣ помѣстнаго и денежнаго окладовъ, а за третій побѣгъ лишаются всего помѣстья, которое и обращается въ раздачу. 2) Побѣгъ съ бою «къ себѣ домовъ» наказывается такъ же, какъ и простой побѣгъ—кнутомъ, но нещадно, да кромѣ того, изъ помѣстнаго и денежнаго окладовъ берется половина и часть помѣстья отписывается на государя. Слова «къ себѣ домовъ» какъ бы указываютъ на то, что при побѣгѣ этимъ должно выражаться намѣреніе вовсе уклониться отъ службы. 3) Заявленіе со стороны окладныхъ служилыхъ людей просьбы относительно увольненія ихъ отъ службы подъ предлогомъ старости, увѣчья и болѣзни, когда по осметру окажется, что имъ на службѣ «быти мочно», то они все-таки не наказываются, но только высылаются на службу. 4) Содѣйствіе къ уклоненію отъ службы, посредствомъ отпуска со службы за посулы, со стороны бояръ и воеводъ, которые имѣли право отпускать лишь по законнымъ причинамъ; бояре и воеводы подвергаются наказанію «жестокому», по усмотрѣнію самого государя; сотенныхъ же головъ, за отпускъ людей безъ государева указа и воеводскаго вѣдома, предписывалось, сказавъ имъ вину при ратныхъ многихъ людяхъ, чинити наказаніе—бити батоги, да вкинути въ тюрьму.

III) Третью категорію нарушеній во время военныхъ дѣйствій составляютъ нарушенія, совершаемыя противъ имущества жителей мѣстности, арміей занимаемой, при чемъ они состоятъ въ одномъ лишь причиненіи имъ убытковъ. Для того, чтобы понять эти постановленія, надо имѣть въ виду, что, согласно Уложенію, служилые люди въ походѣ должны были довольствоваться сами, вслѣдствіе чего они покупали припасы по вольной цѣнѣ, иногда же имъ предоставлено было право пріобрѣтать припасы по указной цѣнѣ, при посредствѣ приставовъ, при томъ изъ числа тѣхъ запасовъ мѣстныхъ жителей, которые будутъ въ излишкѣ за ихъ домашними расходами. За нарушеніе этихъ правилъ полагается только причиненные убытки доправить вдвое. Кромѣ того, за потрапу хлѣба и употребленіе его въ кормъ лошадямъ назначено то же самое, но прибавлено еще: «учинити наказаніе по разсмотрѣнію». Въ послѣднемъ случаѣ вѣроятно имѣется въ виду тотъ вредъ, который это истребленіе или нерасчетливая трата продуктовъ приносили довольствію самой арміи.

IV) Четвертую категорію нарушеній составляютъ преступленія противъ собственности своихъ товарищей: кража оружія и лошади. Эти предметы, какъ извѣстно, и въ дѣйствующихъ военно-уголовныхъ законахъ признаются имѣющими особый характеръ, по ихъ значенію для исполненія служебныхъ обязанностей. Наказанія положены строгія, а именно: за кражу ружья—битье кнутомъ нещадно, а за кражу лошади—отсѣченіе руки. Постановленія эти, какъ видно изъ отмѣтки, сдѣланной въ текстѣ Уложенія противъ статей, въ которыхъ онѣ заключаются, заимствованы изъ Кормчей книги—градскихъ византійскихъ законовъ.

Вторая группа, т. е. преступленія, совершаемая во время выступленія въ походъ и при возвращеніи изъ него, состоятъ исключительно въ причиненіи насилій и убытковъ жителямъ своей, конечно, земли. При этомъ предусматрѣно: 1) Когда ратные люди учнутъ ставиться по селамъ для воровства и стануть убивать, дѣлать насиліе женскому полу, или грабить, травить хлѣбъ, и рыбу вылавливать изъ прудовъ и садковъ, то въ первыхъ двухъ случаяхъ, т. е. убійства и изнасилованія, положена смертная казнь, а въ остальныхъ случаяхъ—наказаніе смотря по винѣ, а убытки всегда взыскиваются вдвое; постановленія эти цѣликомъ заимствованы изъ Лптовскаго статута; 2) когда служилый человекъ пріѣдетъ къ кому на станъ по педружбѣ наряднымъ дѣломъ для задору и учинится брань и бой, то въ случаѣ убійства и нанесенія ранъ полагается смертная казнь, а если были только причинены побои рукою, или нанесена обида словомъ, то наказывалось смотря по винѣ и во всякомъ случаѣ убытки за грабежъ и безчестіе взыскиваются вдвое.

Изъ обозрѣнія наказаній, положенныхъ въ главѣ VII Уложенія, видно, что они нерѣдко были указаны въ общихъ выраженіяхъ: «смотря по винѣ», «по разсмотрѣнію». Роды наказаній были: 1) смертная казнь, совершавшаяся преимущественно посредствомъ повѣшенія; 2) членовредительное наказаніе—отсѣченіе руки; 3) тяжелое тѣлесное наказаніе—кнутомъ, которое было простое и нещадное; 4) легкое тѣлесное наказаніе—батогами. Тѣлесныя наказанія примѣнялись въ то время ко всѣмъ лицамъ безъ различія званій, и наказаніе батогами назначено сотеннымъ головамъ, принадлежавшимъ къ числу начальныхъ людей, даже именно за преступленія по службѣ. 5) Заключение въ тюрьмѣ. Последнія два наказанія: батогами и тюремное заключеніе могли быть наложены властью частныхъ начальниковъ (какъ мы увидимъ ниже). Наконецъ, 6) важное значеніе

*О НАКАЗАНІЯХЪ
ВОЕННО-СЛУЖА-
ЩИХЪ.*

имѣли взысканія имущественныя. Они состояли: а) въ убавкѣ помѣстнаго и денежнаго оклада и отобраніи части или всѣхъ помѣстій, что легко объясняется тѣмъ, что помѣстья давались именно подъ условіемъ исправнаго отправленія службы и не успѣли еще приобрѣсти тогда характера личной собственности; б) полная конфискація помѣстій и вотчинъ и жпвотовъ, т. е. имущества движимаго. Конфискація этого рода была какъ бы основана на предположеніи о солидарности, существующей между членами рода и семейства. Но уже и въ уложеніи встрѣчается ограниченіе полной конфискаціи. Относительно тѣхъ случаевъ, когда жена и дѣти про измѣну не вѣдали, сказано: «никакого наказанія имъ не чинить» и на прожитокъ выдать имъ изъ помѣстій и вотчинъ, что государь укажетъ; в) денежная пеня, взыскиваемая съ отдатчиковъ въ случаѣ побѣга даточнаго челоуѣка, о чемъ было упомянуто выше, и г) во многихъ случаяхъ за причиненіе убытковъ полагается взыскивать ихъ въ двойномъ количествѣ въ пользу лица потерпѣвшаго.

Постановленія о преступленіяхъ военно-служащихъ, сверхъ главы VII, находятся въ главѣ II, гдѣ, кромѣ особаго вида измѣны, состоящей въ сдачѣ непріятелю города, говорится еще о запрещеніи въ городахъ и полкахъ приходить къ воеводамъ и приказнымъ людямъ скопомъ и заговоромъ, съ цѣлью убійства ихъ, и положено за эти дѣйствія подвергать смертной казни безъ всякаго пощады. Эти постановленія суть единственныя, которыя касаются преступленій противъ военной дисциплины, при чемъ они предусматриваютъ лишь самую важную форму ея нарушенія. Въ главѣ X (о судѣ) стрѣльцамъ, пушкарямъ и городовымъ казакамъ, наравнѣ съ лицами низшихъ сословій, положено за причиненіе ими оскорбленій духовнымъ властямъ и думнымъ людямъ—кнутъ и тюремное заключеніе, а за обиды остальныхъ лицъ опредѣлено лишь взыскивать безчестье: за окладныхъ служилыхъ людей—сообразно ихъ окладу, а за всѣхъ другихъ—по особой таксѣ. Но въ главѣ XXIII (о стрѣльцахъ) говорится, что если стрѣлецъ, нанесшій обиду другому стрѣльцу или женѣ его, станетъ бить челомъ, что заплатить ему за безчестье нечѣмъ, то онъ подвергается въ этомъ случаѣ наказанію кнутомъ, чтобы, какъ тамъ сказано, «ему и пнымъ такимъ неповадно было свою братью стрѣльцовъ и женъ ихъ безчестить».

СУДОУСТРОЙ-
СТВО И СУДС-
ПРОИЗВОДСТВО.

Что касается устройства военныхъ судовъ, то изъ Уложенія 1649 г. и другихъ законодательныхъ памятниковъ видно, что войска постоянныя, хотя и поселеннаго характера, и въ мирное время подлежали юрисдикціи

особыхъ судовъ. Но суды эти были повидимому учреждены не съ цѣлью обособленія военнаго сословія или предоставленія ему привилегированной подсудности, а собственно ради удобства въ отправленіи правосудія. Положеніе это подтверждается объемомъ подсудности этихъ особыхъ судовъ, которымъ не были подвѣдомственны дѣла губныя (разбой, татьба съ поличнымъ и т. п.), т. е. важнѣйшія уголовныя преступленія, за которыя военнослужащіе, наравнѣ съ остальными гражданами, подлежали суду особаго рода губныхъ учреждений. Но съ другой стороны особымъ судамъ подлежали дѣла не только о менѣ важныхъ преступленіяхъ общихъ и преступленіяхъ по службѣ, но и всѣ гражданскія дѣла, съ исключеніемъ дѣлъ о недвижимыхъ имуществвахъ. Судебная власть принадлежала тѣмъ лицамъ или мѣстамъ, подъ начальствомъ которыхъ состояли служилые люди, по правилу, «кто управляетъ, тотъ и судить».

Органы судебной власти для войскъ въ мирное время могутъ быть раздѣлены на низшіе и высшіе. Къ числу низшихъ судебныхъ органовъ относятся начальники отдѣльныхъ частей войскъ, а именно: стрѣлецкіе — головы, потомъ полковники, пушкарскіе, осадные и казачьи головы и полковники войскъ иноземнаго строя (солдатскіе, рейтарскіе и т. п.) относительно лишь имъ подчиненныхъ. Въ дошедшемъ до насъ наказѣ стрѣлецкому головѣ Дмитрію Дернову въ 1614 г. сказано: «а будетъ который стрѣлецъ доведется до какой пени и ему Дмитрію ихъ смирать, смотря по винѣ, въ тюрьму сажать или батогами бить, кто чего доведется, а будетъ случиться стрѣльцу на стрѣльцѣ искать, а Дмитрію ихъ судить во всякихъ управныхъ дѣлахъ, опричь разбоя и татьбы съ поличнымъ, а въ татьбѣ и разбою судить воеводамъ, а ему Дмитрію съ воеводами быть тутожъ»¹⁾. Изъ этого виденъ объемъ судебной власти стрѣлецкихъ головъ и другихъ частныхъ начальниковъ. Судъ отправлялся единолично, но въ сѣзскихъ избахъ. Начальные люди вообще (сотники, ротмистры, поручики) частнымъ начальникамъ были неподсудны.

Мѣстные областные или городовые воеводы, какъ лица, облеченныя военною и гражданскою властью, нерѣдко пользовались правомъ наблюденія за отправленіемъ суда, со стороны находившихся въ ихъ районѣ начальниковъ частей войскъ, что особенно примѣнялось въ областяхъ отдаленныхъ, такъ, какъ видно изъ наказа Архангельскому стрѣлецкому головѣ

1) Акты Археографич. Экспедиціи, т. IV, № 34, — Розенгеймъ, стр. 47.

1646 года, что даже о тѣхъ судныхъ и сыскныхъ дѣлахъ, которыхъ онъ не могъ рѣшить самъ, онъ докладывалъ воеводѣ, но «большія» дѣла отсылалъ прямо въ приказъ. Высшимъ родомъ судовъ для войскъ были тѣ приказы, подъ вѣдѣніемъ которыхъ войска находились, а именно: Стрѣлецкій ¹⁾, Казачій, Иноземскій, Пушкарскій и Рейтарскій. Въ Разрядномъ приказѣ судились полковники и вообще высшія начальствующія лица войскъ русскаго строя, подобно тому, какъ въ войскахъ иноземнаго строя эти лица подлежали исключительно суду Иноземскаго приказа ²⁾, и кромѣ того въ Разрядномъ приказѣ разбирались дѣла о мѣстничествѣ. Войска бывали нерѣдко подсудны не своимъ сословнымъ приказамъ, но тѣмъ, которые были оставлены для высшаго завѣдыванія тою областью, въ которой войска были расположены. Таковы были приказы: Казанскаго дворца, княжества Смоленскаго, Новгородской четверти, Малороссійскій ³⁾ и т. п. Приказы судили важнѣйшія дѣла въ первой инстанціи и составляли какъ бы вторую инстанцію для дѣлъ, рѣшенныхъ частными начальниками.

Въ военное время войска постоянного состава сохраняли, по всей вѣроятности, вмѣстѣ съ полковой организаціей и право суда же надъ чинами «полковой службы», окладными служилыми людьми, набираемыми на время военныхъ дѣйствій, и вообще высшимъ органомъ суда въ арміи или отрядѣ былъ воевода ⁴⁾, который судилъ лично или поручалъ отправленіе суда своему товарищу или назначаемымъ имъ полковымъ судьямъ. Относительно подсудности въ военное время въ Уложеніи сказано: «а будетъ межъ служилыми людьми какая обида учинится въ полкахъ и ихъ въ такихъ дѣлахъ судити и расправу межъ ними чинити полковымъ воеводамъ или судьямъ, которымъ полковые воеводы прикажутъ» и далѣе говорится, что, если тѣ обиды учинены не въ полкахъ, «и въ такихъ дѣлахъ въ полкахъ никому ни на кого суда не давати, а судити ихъ въ такихъ дѣлахъ на указные сроки, въ тѣ поры какъ имъ государева служба мѣшается» ⁵⁾. Правило это очевидно не относится къ войскамъ постоянного состава, въ которыхъ низшіе суды и въ военное время оставались безъ переменъ. Суду

¹⁾ П. С. З., т. II, №№ 1072 и 1181.

²⁾ П. С. З., т. III, № 1570.

³⁾ П. С. З., т. II, № 845, ст. 283.

⁴⁾ Соб. Улож., гл. X, ст. 149.

⁵⁾ Соб. Улож., гл. X, ст. 149, ст. 39.

самого воеводы или его товарища, какъ предполагать г. Розенгеймъ ¹⁾, поддежали высшіе и средніе чины окладныхъ служилыхъ людей, причемъ первые (бояре, окольниковы и стольники) были подсудны ему за всѣ преступления, а послѣдніе (стряпчие, жильцы, дворяне московскіе и городовые) только за болѣе важныя преступления. Низшіе чины служилыхъ людей (дѣти боярскіе) и средніе чины за менѣе важныя нарушенія судились полковыми судьями. О полковыхъ судьяхъ въ Уложеніи говорится весьма мало, причемъ пзъ приведенной выше статьи его видно, что полковые судьи находились въ полной зависимости отъ пазпачавшихъ ихъ воеводъ; но въ Уложеніи упоминается еще о полковыхъ судьяхъ по поводу обязанности нашедшаго какую либо вещь представлять ее къ явкѣ въ полкахъ воеводамъ, а за ихъ отсутствіемъ—судьямъ или сотеннымъ головамъ, что указываетъ на то, что должность полкового судьи была постоянной, а не учреждалась лишь для каждаго дѣла особо. О судьяхъ, пазначаемыхъ воеводами для суда надъ ратными людьми, упоминается въ наказѣ князю Прозоровскому и Коцдыреву 1632 г., слѣдовательно еще до изданія Уложенія 1649 г., причемъ сказано было судьямъ этимъ «ратнымъ людямъ ни въ чемъ не наровить» ²⁾.

Порядокъ судопроизводства въ судахъ для войска едва-ли могъ отличаться отъ общаго какими либо особенностями. Въ нихъ употреблялись вѣроятно тѣ же формы процесса, которыя были приняты тогда вообще, а именно: «судъ» (въ техническомъ значеніи этого слова), т. е. процессъ обвинительный и состязательный, затѣмъ оцная ставка, допускавшая большее участіе судьи въ производствѣ дѣла, и наконецъ розыскъ, возлагавшій изслѣдованіе преступления всецѣло на обязанность должностныхъ лицъ, его производившихъ.

Хотя г. Розенгеймъ находитъ, что въ военныхъ судахъ форма процесса была исключительно розыскною ³⁾, но предположеніе это ни на чемъ не основано, и напротивъ—изытаніе губныхъ дѣлъ (о разбоѣ и т. п.) пзъ вѣдѣнія судовъ для войска должно было вести къ тому, что розыскъ находилъ въ нихъ рѣдкое примѣненіе. Въ военныхъ судахъ въ то время очевидно должны были примѣняться тѣ же судебныя доказательства, какъ и въ су-

¹⁾ Очеркъ исторіи в.-судн. учреждений въ Россіи до кончины Петра В. СПб. 1878 г., стр. 49.

²⁾ Акты Археографической Экспедиціи, т. III, № 207.

³⁾ Очеркъ исторіи, стр. 49.

дахъ общихъ, а именно: признаніе, свидѣтели (особаго рода ссылка на нихъ виноватаго и общая ссылка), повальный обыскъ, письменныя доказательства, жребій и присяга. Относительно послѣдней есть специальное постановленіе въ VII главѣ Уложенія, именно, что въ случаѣ причиненія убытковъ ратными людьми, «буде про то сыскать нечѣмъ, и въ томъ дѣлѣ дати судъ, и что по суду и сыску сыщется, въ томъ во всемъ учинити вѣра кресто-цѣлованіе». Постановленіе это заимствовано, какъ и нѣкоторыя другія изъ Литовскаго статута.

УКАЗЫ О ПРЕСЛѢДОВАНІИ ЗА УКЛОНЕНІЕ ОТЪ СЛУЖБЫ.

Изъ числа законодательныхъ памятниковъ, изданныхъ послѣ Уложенія 1649 г., замѣчательна та масса указовъ, которая тянется до самаго XVIII столѣтія, касательно преслѣдованія уклоненія отъ военной службы¹⁾. Преступленіе это было двухъ родовъ: побѣгъ и нѣтчество. Первое состояло въ оставленіи полка, совершаемомъ всѣми военнослужащими, а послѣднее въ неявкѣ на службу, почти исключительно со стороны окладныхъ людей. За побѣгъ изъ полка наказаніе назначалось иногда согласно Уложенію—битые кнутомъ, иногда же усиливалось для окладныхъ служилыхъ людей еще отобраніемъ всѣхъ или части помѣстій и вотчинъ и даже всякихъ пожитковъ и доходило до смертной казни²⁾, а иногда наоборотъ—уменьшалось до замѣны кнута батогами, до одного отобранія помѣстій и вотчинъ или перемѣщенія по разряду въ низшую степень (изъ стольниковъ и стряпчихъ—въ городовые дворяне или изъ выбора и двороваго—на службу съ городомъ, изъ полковой службы—въ рейтары или даже написанія въ пѣшую службу въ солдаты³⁾).

Наказаніе соображалось иногда съ тѣмъ временемъ, когда былъ совершенъ побѣгъ; такъ въ 1659 году тѣмъ, которые бѣжали изъ полковъ до Копотскаго боя, оно назначено строже, чѣмъ тѣмъ, которые бѣжали послѣ этого боя. Особенно важнымъ нарушеніемъ считалось, когда кто, «взявъ государево денежное жалованье, на службу не поѣхалъ или поѣхавъ воротился назадъ и на государевой службѣ не былъ», причѣмъ за это «воровство» (какъ выражаются указы), большею частью, назначалось наказаніе кну-

¹⁾ П. С. З., т. I, №№ 97, 121, 127, 128, 143, 144, 154, 178, 234, 252, 253, 260, 261, 297, 302, 323, 364, 587, 670, 673, 675; т. II, №№ 739, 741, 745, 747, 756, 814, 847, 1096, 1218, 1224, 1280, 1313 и 1327. См. также. Акты Археологической Комиссіи, т. IV, №№ 50 и 70.—Розенгеймъ, стр. 17.

²⁾ П. С. З., т. I, №№ 127, 143, 234 и 253.

³⁾ П. С. З., т. I, № 260; т. II, №№ 1042, 1097, 1147, 1218, 1313 и 1327.

томъ на козлѣ нещадно. Замѣчательно, что, какъ видно изъ указа 1661 г., строгое наказаніе примѣнялось въ этихъ случаяхъ только тогда, когда въ полкахъ никакой «скудости не было», т. е. не существовало недостатка въ довольствіи. Вообще при уклоненіи отъ службы особеннымъ увеличивающимъ вину обстоятельствомъ считалось повтореніе преступленія. Такъ, по указу 1654 г. за вторичный побѣгъ или неявку полагалась смертная казнь, вмѣсто наказанія кнутомъ, назначеннаго за совершеніе ихъ въ первый разъ.

Нѣтчики наказывались иногда совершенно наравнѣ съ бѣжавшими, иногда же неявка на службу наказывалась легче побѣга и бывали случаи, что нѣтчики даже вовсе не подвергались наказанію, причѣмъ ограничивались только высылкою ихъ на службу. Кромѣ лицъ, уклонявшихся отъ службы, уставы строго наказываютъ ихъ пристанодержателей и укрывателей, причѣмъ наказанія были различны, смотря по ихъ званію ¹⁾. Для помѣщиковъ и вотчинниковъ полагалось иногда только отобраніе тѣхъ деревень, въ которыхъ скрывались бѣглецы, или же, сверхъ жестокаго наказанія, кромѣ бѣглаго даточнаго, брали за каждаго изъ нихъ еще по лучшему крестьянину, котораго за чужую вину и переселяли вмѣстѣ съ семействомъ, на счетъ помѣщика, въ украинные города на вѣчное житіе. Прикащики же во владѣльческихъ селеніяхъ и старосты, и лучшіе люди въ другихъ селеніяхъ и въ городахъ подвергались жестокому наказанію и переселялись сами на границу съ своими семействами, иногда же велѣно было изъ числа ихъ годныхъ къ службѣ брать въ службу вмѣсто укрываемыхъ ими бѣглыхъ и отправлять въ дальніе полки, расположенные на окраинахъ. Правительство, съ другой стороны, нерѣдко стало прибѣгать къ поощренію доносовъ относительно уклоняющихся отъ службы или ихъ укрывателей и пристанодержателей, обѣщая доносчикамъ даже половину отбираемаго отъ виновныхъ имѣнія.

Производство дѣлъ объ уклоняющихся отъ службы лежало на обязанности тѣхъ лицъ, которымъ поручалась ихъ поимка, а именно: городовыхъ воеводъ, сыщиковъ, посылаемыхъ по наказамъ Разбойнаго приказа, и особо командированныхъ лицъ для поимки бѣглыхъ и нѣтчиковъ. Всѣ эти лица должны были только снять съ пойманнаго допросъ (кто, какого полка, когда бѣжалъ, гдѣ и у кого жилъ, сколько получалъ денежнаго и кормового жалованья, самъ ли бѣжалъ или по подговору, одинъ или съ

¹⁾ П. С. З., т. I, № 615.

товарищами, или же былъ отпущенъ за взятки ¹⁾. Изъ самаго допроса и того, что обыкновенно велѣно было спрашивать накрѣпко, видно, что производство дѣлъ о бѣглыхъ имѣло розыскной характеръ и сопровождалось употребленіемъ пытки. «Распросныя рѣчи» отсылались въ Москву, а бѣглый содержался въ тюрьмѣ до окончанія дѣла. Самыя же дѣла о бѣглыхъ и нѣтчикахъ рѣшались большею частью указомъ государя, даваемымъ черезъ Разрядный приказъ (какъ это видно, на примѣръ, изъ указа 1661 г.); но иногда произнесеніе приговора поручалось особо уполномоченнымъ лицамъ, назначавшимъ наказаніе по данному имъ указу (наказъ стольнику князю Волконскому 1659 г.) или даже это возлагалось иногда на городовыхъ воеводъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ бѣглые и нѣтчики были пойманы.

ОРГАНИЗАЦИЯ И
ОТПРАВЛЕНІЕ
ВОЕННО-СУДЕБ-
НОЙ ВЛАСТИ ВЪ
ДОНСКОМЪ КА-
ЗАЧЬЕМЪ ВОЙ-
СКЪ.

Въ Донскомъ казачьемъ войскѣ до конца XVII столѣтія сохранялась самостоятельность и оно находилось лишь въ нѣкоторой зависимости отъ Московскаго правительства. По преступленіямъ, совершаемымъ въ войскѣ противъ него или казаковъ, «судъ и расправа чинились по древнему ихъ казацкому обыкновению», причемъ никакихъ писаныхъ законовъ не было. По тѣмъ же отрывочнымъ даннымъ, которыя на этотъ счетъ имѣются ²⁾, оказывается, что судъ по менѣе важнымъ преступленіямъ производился выборною войсковою старшиною, именно войсковымъ атаманомъ и есаулами; важнѣйшія же уголовныя дѣла разрѣшались, какъ и всякаго рода важнѣйшіе вопросы, на подобныхъ народныхъ вѣчахъ войсковыхъ кругахъ; круги эти составлялись изъ всѣхъ находившихся налицо казаковъ, способныхъ носить оружіе, причемъ войсковая старшина предлагала на разрѣшеніе предварительно принятое ею мнѣніе, что выражалось въ формѣ нѣсколько разъ повторяемаго вопроса «любо-ли? любо-ли?..» Впрочемъ, каждый присутствующій въ кругу могъ оспаривать дѣлаемое предложеніе и высказывать свое мнѣніе. Подобно тому, какъ на народныхъ вѣчахъ, въ кругахъ случались нерѣдко раздоры и драки, происходившіе главнымъ образомъ вслѣдствіе разединенія, существовавшего между старыми домовитыми и новоприбывшими, большею частью, изъ числа гонимыхъ или бѣглыхъ людей, такъ называемой голытьбы. Сама войсковая старшина однажды при царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ просила царскаго посланца Тарасова, чтобы «государя не велѣли ссылатъ въ ближніе украинныя города, изъ ко-

¹⁾ П. С. З, т. II, № 998.

²⁾ Ригельманъ, Ист. донскихъ казаковъ.

торыхъ они уходятъ на Донъ, всё смуты творять, въ кругахъ оспариваютъ силу царскихъ указовъ и ворами потакають. Намъ, старшицѣ и добрымъ казакамъ, говорить нельзя, потому что всѣхъ насъ побьютъ». Постаповленныя въ кругахъ приговоры обыкновенно приводились въ исполненіе немедленно. Стрѣльцы, во время своихъ бунтовъ, освободившись отъ власти своего начальства, какъ извѣстно, завели у себя круги „по казачьи“, въ которыхъ, за отсутствіемъ старшины, судили еще болѣе безпорядочнымъ образомъ.

Лица, обвиняемая въ совершеніи преступленій противъ Московскаго государства, принадлежавшія къ числу природныхъ казаковъ или же бѣглыхъ московскихъ людей, подлежали выдачѣ Московскому правительству, по его требованію, и судились назначенными имъ боярами и воеводами. Вопросъ о выдачѣ преступниковъ рѣшался обыкновенно также въ войсковыхъ кругахъ и болѣею частью не безъ затрудненія. Отказъ въ выдачѣ этой въ важнѣйшихъ случаяхъ влекъ за собою посылку на Донъ московскаго войска, какъ это случилось впервые при Іоаннѣ Грозномъ, пославшемъ туда съ войскомъ воеводу Ивана Мурашкина, который за грабежъ и другія преступленія перевѣшалъ многихъ виновныхъ, причемъ спасшійся отъ него Ермакъ съ товарищами вскорѣ подвигомъ своимъ заслужилъ царское прощеніе, положивъ основаніе завоеванію Сибирскаго царства. Донской казакъ Стенька Разинъ, когда дѣло его считалось потеряннымъ, во избѣжаніе неудовольствія на войско со стороны Московскаго правительства, былъ задержанъ и отправленъ въ Москву по распоряженію самого атамана Яковлева.

Изъ числа наказаній, примѣняемыхъ на практикѣ въ Донскомъ войскѣ, во главѣ стояла смертная казнь, но только въ простыхъ ея видахъ. У казаковъ, какъ прибрежныхъ жителей, наиболѣе употребительно было совершеніе ея посредствомъ утопленія („въ мѣшокъ, да въ воду“, или „посадить въ воду“), но также назначалось отсѣченіе головы, повѣшеніе за шею или за ноги и, наконецъ, даже разстрѣляніе изъ лука. Затѣмъ примѣнялись и наказанія тѣлесныя: плетми подъ висѣлицею или въ станичныхъ избахъ всѣмъ обществомъ и наказаніе палками. Существовало еще въ Донскомъ войскѣ особое наказаніе—погруженіе на время въ воду въ платѣ, для исполненія чего насыпали неску за пазуху. Съ весьма давнихъ временъ встрѣчаются указанія на примѣненіе такъ называемаго „опредѣленія въ яму“, т. е. тюремнаго заключенія, которое назначалось, но всея вѣроятности

сти, преимущественно въ качествѣ предварительнаго ареста для обвиняемыхъ. Наконецъ, почти всѣ наказанія могли соединяться, въ важнѣйшихъ случаяхъ, съ „грабежемъ пожитковъ“, т. е. конфискаціей движимаго имущества, которое обращалось, однако, не въ войсковую казну, а предоставлялось захвату со стороны всякаго желающаго имъ воспользоваться, какъ при упоминаемомъ въ Русской Правдѣ, потокѣ и разграбленіи.

Законодательные памятники иностраннаго происхожденія.

Законодательные памятники XVII столѣтія иностраннаго происхожденія, дошедшіе до насъ и изданные до единогодержавства Петра I, таковы:

I. Уставъ ратныхъ, пушкарскихъ и другихъ дѣлъ, касающихся военной науки 1621 г. и II. Ученье и хитрость ратнаго строя 1647 г.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СОДЕРЖАНИЕ УСТАВА РАТНЫХЪ И ПУШКАРСКИХЪ ДѢЛЪ.

I. Уставъ ратныхъ и пушкарскихъ дѣлъ, какъ видно, является старѣйшимъ изъ этихъ уставовъ. Составленіе его было начато еще при царѣ Василии Шуйскомъ въ то время, когда знаменитымъ родственникомъ его, Скопиннымъ-Шуйскимъ, была сдѣлана первая попытка обученія русскихъ войскъ по иноземному образцу. Въ 1607 г. царь Василій Шуйскій, «желая къ крѣпкому ратному строенію имѣть надежду русскаго царства», поручилъ дьяку Посольскаго приказа, Онисиму Михайлову, сдѣлать переводъ съ латинскаго и нѣмецкаго языковъ всякихъ свѣдѣній о различныхъ «ратныхъ хитростяхъ», т. е. военномъ искусствѣ, придуманныхъ «мудрыми и искусными людьми» въ разныхъ государствахъ, причемъ переводчикъ, какъ видно изъ его словъ, пользовался преимущественно «старыми книгами ратнаго дѣла, писанными людьми Цесарской и Испанской земли». Составленіе было окончено уже при царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ 2 апрѣля 1621 г. и уставъ былъ представленъ царю. Будучи найденъ въ Московскои Оружейной палатѣ въ рукописи, въ концѣ XVIII столѣтія, уставъ былъ напечатанъ по распоряженію князя Потемкина въ 1777—1781 г. подъ наблюденіемъ кол. ас. Рубана, извѣстнаго въ литературѣ.

По изслѣдованію г. Бобровскаго, напечатанному въ 1882 году, оказалось, что Уставъ ратныхъ дѣлъ заимствованъ большею частью изъ 2 части Военной книги (Kriegsbuch) Леонгарда Фронспергера, изданной въ Германиіи въ 1575 году. Уставъ состоитъ изъ 663 указовъ, или статей, расположенныхъ въ извѣстной системѣ. Большая часть статей заключаетъ въ себѣ научныя и практическія данныя по тактикѣ, артиллеріи и фортифика-

цин, кромѣ того, не мало статей касается устройства и управленія войскъ; между послѣдними попадаются и постановленія о военно-судной части. По этимъ постановленіямъ судебная власть въ войскѣ была главнымъ образомъ ввѣрена „подручнику“ большого полковаго воеводы—Полевому Маршалку (т. е. фельдмаршалу). Суду его подлежали дѣла «о смутѣ, розницѣ, межеусобицѣ и сполохѣ», и при немъ учреждался «ратный (военный) судъ», въ которомъ онъ разбиралъ дѣла самъ. Но «буде какія важныя дѣла объявятся, сказано въ уставѣ, и ему призывать головъ (т. е. капитановъ) и иныхъ разумныхъ людей», такъ что въ этихъ случаяхъ судъ получалъ коллегіальный характеръ. Въ вѣдѣніи полевого маршалка находился большой полковой приставъ, которому принадлежить «о воинскихъ судныхъ дѣлахъ, по приказу маршалка, расправляти и никому въ томъ власти не имѣти». У пушкарей судебная власть принадлежала пушкарскому головѣ, причемъ отправленіе суда совершалась черезъ посредство особаго прпстава, именуемаго «большой профосъ, спречъ судья». Онъ судить за всѣ нарушенія указовъ, а также въ безголовныхъ дѣлахъ, и палоченныя имъ наказанія можетъ привести въ исполненіе по докладу о томъ восводѣ, т. е. вѣроятно пушкарскому головѣ. Впрочемъ, что касается ратнаго (т. е. военного) суда и «иныхъ наказательныхъ дѣлъ» (т. е. преступленій), совершенныхъ «видно и ясно», то приставъ (пушкарскаго головы) обязанъ быть только задержать преступника и «отдать его на судъ полевого маршалка, который по дѣлу указъ учинить»... Изъ этого видно, что приставамъ вообще принадлежалъ судъ только по нарушенію указовъ, т. е. вѣроятно полицейскихъ постановленій и по дѣламъ маловажнымъ (безголовнымъ), причемъ приговоры постановлялись ими по указамъ полевого маршалка, или пушкарскаго головы, или докладывались этимъ лицамъ до ихъ исполненія.

Въ уставѣ находится 29 статей, именуемыхъ Пушкарскими, или статейною росписью пушкарскою, изъ которыхъ большая часть имѣетъ военно-уголовный характеръ. Въ первыхъ 16-ти статьяхъ говорится о преступленіяхъ, совершеніе которыхъ возможно лишь со стороны однихъ пушкарей, а въ 4 статьяхъ (изъ которыхъ одна сама состоитъ изъ 18 указовъ или статей)—о преступленіяхъ обще-военнаго характера. Пушкарскія статьи, какъ оказывается, были заимствованы изъ находящагося въ упомянутой книгѣ Фронспергера артикула для артиллеристовъ (Kriegs Artikel der Büchsenmeister). Подобныя артикулы (der Büchsenmeister Artillerie Bedienter), вслѣдствіе исключительнаго положенія лицъ, служившихъ въ артиллеріи, имѣли

особый характеръ и въ XVI и XVII столѣтіяхъ существовали во многихъ государствахъ Германіи и вообще западной Европы. Впрочемъ статьи о преступленіяхъ обще-военнаго характера имѣютъ много общаго съ издааннымъ императоромъ Максимилианомъ II въ 1570 г. артикулами для остальныхъ двухъ родовъ оружія: пѣхоты (ландскнехтовъ) и для кавалеріи (рыцарей). Многія пушкарскія статьи заключаютъ въ себѣ одни только предписанія или запрещенія безъ означенія за нарушеніе ихъ какого либо наказанія. Затѣмъ, кромѣ случаевъ, когда назначается смертная казнь, наказанія указываются постоянно въ крайне неопредѣленныхъ выраженіяхъ, (какъ напр.: по обстоянію дѣла, по наказанію достойному, по наказанію великому и жестокому). Изъ числа причинъ, вліяющихъ на наказуемость, говорится о совершеніи преступления въ состояніи опьяненія слѣдующее: «Да аже будетъ кто, что до пьяна не учинитъ и зачнетъ, и его смирити тѣмъ дѣломъ, какъ бы онъ въ трезвѣ учинилъ ¹⁾. Кромѣ того, въ уставѣ есть замѣчательное постановленіе объ освобожденіи отъ наказанія въ случаѣ, если совершившій преступленіе, не только пушкарь, но пѣшій или конный человекъ, прибѣжить къ снаряду; тогда ему дается «вольности на день и на ночь на двадцать четыре часа, потомъ его отпускаютъ»,—такъ что орудію предоставлено было право убѣжища, принадлежавшее въ древности только храмамъ ²⁾. О существованіи этого правила въ западной Европѣ въ началѣ XVI вѣка свидѣтельствуетъ отзывъ современника, но оно примѣнялось тамъ ко всякаго рода преступникамъ, за исключеніемъ однако дезертировъ. Въ артикулахъ императора Максимилиана II 1570 г. о правѣ убѣжища уже не упоминается. Въ пушкарскихъ статьяхъ изъ числа преступленій, совершеніе которыхъ возможно со стороны однихъ пушкарей, предусмотрены во первыхъ—отлучка отъ орудія безъ разрѣшенія (ночью или днемъ, для грабежа или полученія добычи, или въ загонъ для пріобрѣтенія корма и особенно во время штурма города) и во вторыхъ—неисполненіе правила о содержаніи орудія въ постоянной готовности для стрѣльбы, при расположеніи въ виду непріятели, и растрата необходимыхъ для стрѣльбы принадлежностей. Преступленія эти запрещены подъ угрозой смертной казни, («по заповѣди казни смертна»). То же наказаніе положено и за важнѣйшія преступленія обще-военнаго характера, а именно: 1) сношеніе съ ли-

¹⁾ Ст. 3, ч. 4-я.

²⁾ Ibid., ст. 8

цами, находящимися въ непріятельской странѣ, безъ разрѣшенія начальства; 2) причиненіе напрасной тревоги (посредствомъ стрѣльбы, шума или драки) при расположеніи въ виду непріятели, когда разставлены сторожевые посты, и 3) ограбленіе церквей или даже занятіе ихъ подъ квартиры и разореніе мельницъ.—Наконецъ изъ числа менѣе важныхъ преступленій, за которыя не положено опредѣленнаго наказанія, въ пушкарскихъ статьяхъ помѣщены: 1) нарушенія военной дисциплины, состоящія въ ослушаніи или неисполненіи приказаній; 2) самовольное оставленіе службы (безъ отпросу и безъ отпусныхъ); впрочемъ въ случаѣ неуплаты въ срокъ жалованья предписывается «въ терпѣніи пребыти мѣсяць», по истеченіи котораго, значить, дозволялось уйти изъ службы безнаказанно. 3) Разнаго рода нарушенія воинскаго благочинія, къ которымъ можно причислить и незаконное сожитіе неженатаго пушкаря, за что полагается изгнаніе его отъ орудія и товарищей, очевидно, какъ за дѣяніе грѣховное и позорящаго свойства ¹⁾, и 4) преступленія противъ мѣстныхъ жителей, относительно чего сказано: «да въ дружней или супостатней землѣ чинити пощады: родильницамъ, старымъ, юнымъ, убогимъ людямъ и ихъ ни разорити, ни грабити, ни крови ихъ ни пролити», подъ опасеніемъ за то достойнаго наказанія; въ другой статьѣ говорится, чтобы безъ особаго приказанія не забрать въ плѣнь, не жечь и не брать поборовъ съ жителей, но при этомъ никакого наказанія не назначено.

II. Уставъ этотъ, напечатанный въ Москвѣ въ 1647 году, при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, очевидно, иностраннаго происхожденія и, по мнѣнію г.г. Обручева и Карцова, есть переводъ устава, издавнаго императоромъ Карломъ V, а по мнѣнію г. Забѣлина — есть переводъ книги, составленной капитаномъ датской службы, Вальгаузенемъ, и, судя по частымъ обращеніямъ «къ рачительному читателю», заимствованъ изъ какой-либо «воинской книги», подобно уставу ратныхъ дѣлъ 1621 года.

УЧЕНЬЕ И ХИТРОСТЬ РАТНАГО СТРОЯ.

Ученье и хитрость ратнаго строя есть собственно строевой пѣхотный уставъ, въ которомъ относительно военно-судной части встрѣчается только упоминаніе о должностяхъ «полковаго профоса съ товарищи и полковаго судьи съ товарищи» и суднымъ писаремъ или секретаремъ и означеніемъ полагаемаго имъ содержанія. Кромѣ того въ немъ говорится о нѣкоторыхъ важнѣйшихъ нарушеніяхъ караульной службы, за которыя наказанія ука-

¹⁾ Ст. 2.

заны большею частью въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ (жестокое, на образецъ и т. п.) и тамъ же заключается курьезное постановленіе о томъ, что «круговой обводчикъ» (патруль) долженъ стараться подкрадываться незамѣтнымъ образомъ къ часовому, при чемъ, если онъ застанетъ послѣдняго спящимъ, то можетъ бить его «до улогу», т. е. пока тотъ не сляжетъ, или же можетъ захватить отъ часоваго ружье и доставить его, въ качествѣ полчнаго, на главный караулъ. Наконецъ, говоря о походѣ, въ Уставѣ сказано о томъ, чтобы солдаты «на сторону на шарпанье не ходили», отставая отъ своей части подъ разными предлогами, т. е. собственно о мародерствѣ. Наблюденіе за предупрежденіемъ и пресѣченіемъ этого дѣянія, по уставу, должно лежать на начальникахъ всѣхъ степеней («урядникахъ великихъ и малыхъ»), и полагается за этимъ «профосу надзирати и палачемъ смиряти, желѣзами или петлею», такъ какъ «шарпанье» такого рода «въ обычаѣ», вслѣдствіе чего «подъ смертною казнью заказано». Строгость наказуемости за это преступленіе объясняется вредными послѣдствіями его, которыя заключаются во-первыхъ, въ томъ, что оно состоитъ въ грабежѣ мѣстныхъ жителей, во-вторыхъ тѣмъ, что солдаты могутъ быть за это убиты мѣстными жителями и въ-третьихъ, что хуже всего, именно что такіе отсталые могутъ попасть въ руки непріятеля, который, посредствомъ пытокъ, въ состояніи будетъ получить отъ нихъ свѣдѣнія о войскахъ. Къ этому уставъ добавляетъ, что начальники сами виноваты «въ шарпаньи», если солдатъ своихъ «жесточію не унимають» и замѣчаетъ, что иногда капитаны нарочно «щадятъ» ихъ съ корыстною цѣлью, такъ какъ солдаты эти являются для нихъ «лучшими пчелами, которыя имъ лучшей медь приносятъ». Ученые и хитрость ратнаго строя 1647 года подало поводъ къ предположенію о томъ, что еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ былъ изданъ настоящій, полный Вошскій Уставъ, такъ какъ Петръ I, въ предисловіи къ своему Вошскому Уставу 30-го марта 1716 г., говоритъ о какомъ-то Уставѣ, изданномъ при его отцѣ, но о неосновательности этого предположенія будетъ сказано ниже.

Военные суды и законы для иностранцевъ, находившихся въ русской военной службѣ.

ВОЕННАЯ ЮСТИЦІЯ
ДЛЯ ИНОСТРАНЦЕВЪ.

Иностранцы изрѣдка появляются на военной службѣ въ Россіи цѣлыми частями войскъ въ XVI столѣтіи и встрѣчаются въ русскихъ войскахъ при всѣхъ государяхъ, начиная съ Іоанна Грознаго. Въ царствованіе Василя

Шуйскаго правительство пользуется значительнымъ отрядомъ шведовъ, находившихся подъ начальствомъ Делагарди, и главный воевода, знаменитый Скопинъ-Шуйскій, при ихъ участіи дѣлаетъ попытки, хотя бы наскоро, обучить свои войска по иностранному образцу, но бунтъ этихъ полковъ, помѣшавшій движенію на освобожденіе Москвы, и вообще ихъ поведеніе показали Россіи, что на помощь иноземныхъ наемниковъ въ войнѣ рассчитывать трудно, вслѣдствіе чего неудивительно, что въ смутное время извѣстный предводитель народнаго ополченія, князь Пожарскій, даже въ самое тяжелое время, отказался воспользоваться услугами иностранныхъ отрядовъ и отвергъ предложеніе на этотъ счетъ, сдѣланное Эстономъ и Гилемъ въ августѣ 1612 года. Затѣмъ наемъ иностранцевъ на военную службу производился въ большомъ размѣрѣ при Михаилѣ Федоровичѣ въ 1631 году, когда были посланы для вербовки въ разныя государства иностранные полковники Лесли и Ванъ-Даммъ, которымъ поручалось нанять въ службу нѣсколько тысячъ солдатъ «добрыхъ и ученыхъ». Участіе этихъ иноземныхъ полковъ въ Смоленскомъ походѣ 1632 года въ войскахъ, находившихся подъ главнымъ начальствомъ боярина Шенна, не оправдало, однако, возлагавшихся на нихъ надеждъ. Между иноземными начальниками происходили несогласія, дошедшія до того, что полковникъ Лесли застрѣдилъ на глазахъ самого Шенна англійскаго полковника Сандерсона; затѣмъ нерѣдки были переходы этихъ наемниковъ на сторону непріятели, непослушаніе главному начальнику и наконецъ побужденіе его съ ихъ стороны къ сдачѣ на капитуляцію, за которую, какъ неуважительную, Шеннъ понесъ впоследствии смертную казнь.

При значительномъ различіи, существовавшемъ между русскими и иностранцами относительно религіи, языка, происхожденія, степени и характера образованности и при отдаленности Россіи и крайнемъ неудобствѣ въ то время средствъ сообщенія и сношенія, составъ иностранцевъ, пріѣзжавшихъ для поступленія въ русскую военную службу, въ общемъ не могъ быть удовлетворителенъ. Къ людямъ этимъ принадлежали большею частью разные авантюристы, но, впрочемъ, являлись иногда искать счастья и лица достойныя, гонимыя въ своемъ отечествѣ вслѣдствіе религіозныхъ или политическихъ причинъ. Поэтому между иностранцами въ русскихъ войскахъ встрѣчались личности, которыя, въ особенности впоследствии, при Петрѣ Великомъ, оказали немаловажныя услуги, какъ войскамъ, такъ и вообще Россіи, каковы, напримѣръ: Виніусъ, Гордонъ, Боуръ, Вейде и

другіе. Нѣкоторые иноземцы, вмѣсто жалованья, надѣлялись помѣстьями, оставаясь жить въ Россіи навсегда, и носили названіе иноземцевъ «старого выѣзда», ничѣмъ не отличаясь по правамъ отъ русскихъ людей. Иноземцы же вновь прибывшіе, такъ называемые «новаго выѣзда», состоявшіе на жалованьи (кормовые), находились на особомъ положеніи. Иноземцы эти, временно пребывающіе въ Россіи, пользовались льготой судиться по своимъ законамъ, «по своему праву», подобно тому, какъ это было принято въ то время во всѣхъ государствахъ Западной Европы. Относительно подданныхъ Священной Римской Имперіи существовалъ даже указъ о дозволеніи паниматься въ службу другихъ государей не иначе, какъ подъ условіемъ соблюденія имперскихъ постановленій. При разнообразіи состава полка обыкновенно принято было примѣнять законы той націи, къ которой принадлежалъ наибравшій полкъ военачальникъ. Правила эти должны были быть соблюдаемы и въ Россіи, не только у насъ въ войскахъ иноземцы, наравнѣ со всѣми остальными военно-служащими, подлежали суду губныхъ учреждений за важнѣйшія преступленія (разбой, татьба съ поличнымъ и т. п.). Объ учрежденіи особыхъ военныхъ судовъ западно-европейскаго характера въ полкахъ, составленныхъ изъ однихъ иноземцевъ, встрѣчается указаніе уже въ 1631 году въ штатѣ полка, формированіе котораго было поручено полковнику Лесли; въ штатѣ этомъ упоминается должность *Regimentschultheis*, т. е. полкового шультгейса или судьи. Въ полку другого полковника Дегеберта (какъ видно изъ наказа ему 1633 года) были профосы. Наконецъ, въ наказѣ главному начальнику въ Смоленскомъ походѣ боярину Шенну въ 1632 году имѣется указаніе, что такъ называемый «пѣмецкій-судъ», т. е. для иноземцевъ, былъ учрежденъ въ войскахъ его при лицѣ завѣдывающемъ кормовыми деньгами и раздачею жалованья. Впослѣдствіи въ войскахъ иноземнаго строя: солдатскихъ, рейтарскихъ, драгунскихъ и т. п., состоявшихъ главнымъ образомъ изъ русскихъ людей и иностранцевъ, первые судились по русскимъ законамъ, а послѣдніе — по «своему праву». Особые суды въ войскахъ для иноземцевъ продолжали существовать до самаго конца XVII столѣтія и находились въ вѣдѣніи Иноземскаго приказа, какъ это видно изъ того, что назначенная Петромъ I для составленія новаго уложенія комиссія, такъ называемая Палата объ уложеніи, въ теченіе 1700—1703 годовъ требовала неоднократно обрѣнь ихъ свѣдѣнія изъ этого приказа. Особая юрисдикція для иностранцевъ, находившихся въ русскихъ войскахъ, представляла немалыя неудобства,

въ особености въ случаяхъ совершенія преступленій по службѣ или направленныхъ противъ правъ русскихъ подданныхъ, вслѣдствіе чего, на практикѣ, она, постоянно служиваясь, ограничивалась впоследствии, къ концу XVII столѣтія, вѣроятно, лишь дѣлами гражданскими и уголовными дѣлами иностранцевъ между собою.

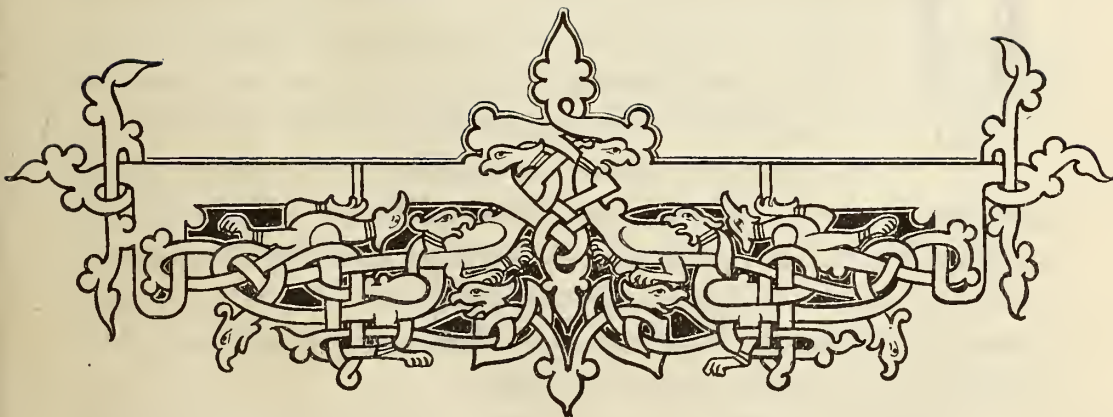
1) До XVII-го столѣтія въ Россіи отправленіе военно-уголовнаго правосудія совершалось на основаніи обычаевъ военно-уголовнаго характера, такъ какъ военно-уголовныхъ законовъ не существовало, кромѣ незначительнаго числа постановленій Судебника 1550 года и Устава сторожевой службы 1571 года.

2) Законодательные памятники національнаго происхожденія XVII ст. состоятъ во первыхъ изъ частей Соборнаго Уложения 1649 г., въ особености главы VII-й, предусматривающей небольшое число преступленій, совершаемыхъ во время военныхъ дѣйствій или во время выступления въ походъ или возвращенія изъ него, и во вторыхъ — изъ многихъ указовъ, касающихся, преимущественно, преслѣдованія уклоненія отъ военной службы.

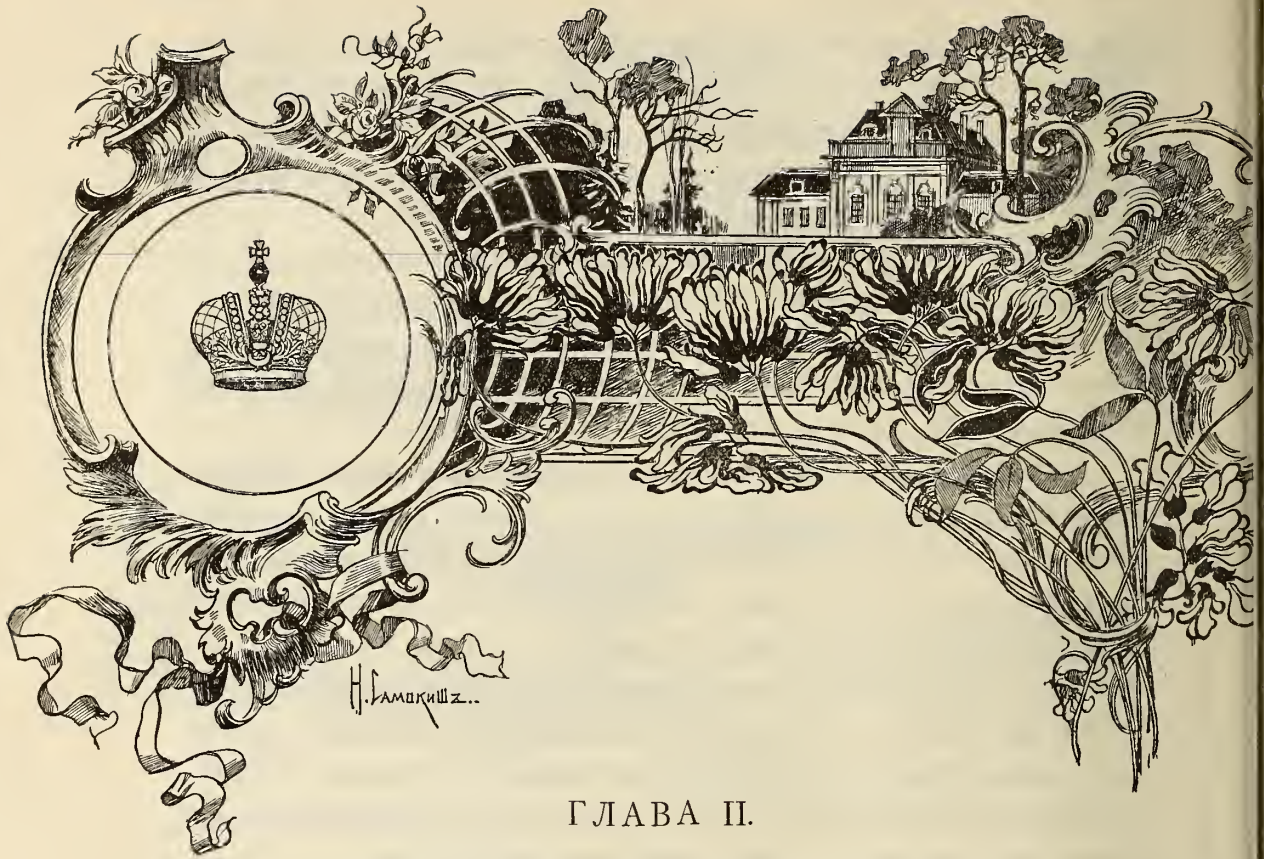
3) Законодательные памятники иностраннаго происхожденія состоятъ изъ переводовъ иностранныхъ сборниковъ свѣдѣній о военномъ дѣлѣ, заключающихъ въ себѣ, между прочимъ, постановленія военно-уголовнаго характера, при чемъ они не были, примѣняемы на практикѣ.

4) Иностранцы, находившіеся въ русской военной службѣ, подлежали дѣйствию своихъ законовъ.

ВЫВОДЫ.

Н. Симокишъ.

ГЛАВА II.

Царствованіе Петра Великаго.

ПРИ ПЕТРѢ I Россія вступила въ систему европейскихъ государствъ и приобрѣла въ ней немаловажное значеніе, которое зависѣло преимущественно отъ учрежденія многочисленной по тому времени, постоянной регулярной арміи. Приступая къ учрежденію этой арміи, для упроченія ея устройства и приданія ему настоящаго «регулярства», гениальный монархъ не замедлилъ озаботиться снабдить ее положительными военными законами, касающимися правъ и обязанностей лицъ, ее составляющихъ, и ответственности и порядка производства дѣлъ, въ случаѣ совершенія ими преступныхъ дѣяній, т. е. установить для нея законы военно-уголовные.

СТАТЬИ ВОИНСКІЯ.

Совершенно естественно, что, какъ было и прежде, сначала пришлось воспользоваться готовыми образцами на этотъ счетъ, существовавшими въ то время во множествѣ въ Западной Европѣ. Съ этою цѣлью, для лучшаго

ознакомленія на мѣстѣ съ существовавшими тамъ военными порядками, былъ посланъ за границу одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ царя, гвардіи майоръ, бригадиръ арміи Адамъ Вейде. Онъ отправился по приказанію Петра I-го въ 1696 году въ Священную Римскую имперію, собственно въ Австрію («цесарскую землю»), откуда до тѣхъ поръ пытались у насъ заимствовать всѣ свѣдѣнія о «ратныхъ хитростяхъ», т. е. военномъ дѣлѣ (Уставъ ратныхъ дѣлъ и Учене и хитрость ратнаго строя) въ XVII столѣтіи, при чемъ Вейде находился въ Венгріи при войскахъ знаменитаго полководца того времени, принца Евгенія Савойскаго, дѣйствовавшаго противъ турокъ. По возвращеніи своемъ въ Россію въ 1699 году, Вейде представилъ Петру I-му какія-то статьи «для утверженія порядка и дисциплины при обученіи новоучрежденной пѣхоты», изъ которыхъ, по всей вѣроятности, были составлены дошедшія до насъ: «Статьи Военскія, какъ надлежитъ солдату въ житіи себя держать и въ строю, и во ученіи, какъ обходится». Въ статьяхъ этихъ, числомъ всего семь, заключаются самыя краткія постановленія о главнѣйшихъ обязанностяхъ собственно нижнихъ чиновъ въ отношеніи поведенія и исполненія службы строевой и караульной въ мирное время и послѣдней—даже въ военное время. Въ нихъ предусматрѣны: несвоевременная явка въ строй, за которую въ первый и второй разъ полагается «взять за карауль», т. е. подъ арестъ на 1 или 2 сутокъ и кромѣ того ношеніе мушкетовъ по 3—5 штукъ, по два часа, съ двухчасовыми промежутками; за совершеніе же въ третій разъ назначено наказаніе «спиць-рутенъ»; наконецъ,—нарушеніе тишины и порядка во фронтѣ, за которое солдатъ полного оклада полагается написать въ племянничій окладъ (т. е. рекрутскій), а солдатъ племянничьяго оклада «бить батоги». За повтореніе же этихъ поступковъ всѣмъ солдатамъ назначается наказаніе шпицрутенами.

Затѣмъ говорится о поведеніи солдатъ, именно: чтобы они жили смирно и озорничества и обидъ хозяевамъ не чинили, за нарушеніе чего полагается наказаніе «по винѣ смотря», и о запрещеніи пьянства «гульбы», «рѣзни» (рѣзаться ножами) и «зерни» (игры въ зерна на деньги), за что назначено «жестокое наказаніе», вѣроятно, шпицрутенами. За воровство (пошима я его въ обширномъ смыслѣ) и вину продажу (корчемство) положено бить кнута и ссылатъ на вѣчное житіе, куда не указано. Наконецъ, большинство постановленій посвящено нарушеніямъ караульной службы, относительно которой сказано, что при назначеніи въ карауль нужно являться тотчасъ и о запрещеніи часовымъ выпускать ружье изъ

ругъ и отдавать его кому-либо, хотя бы и своимъ начальникамъ, и оставлять постъ безъ разрѣшенія своего ефрейтора или капральнаго (т. е. разводящаго); за опаздываніе въ караулъ назначено почти такое же наказаніе, какъ и за несвоевременную явку въ строй, а за остальные нарушенія караульной службы — «жестокое наказаніе». Если же всѣ упомянутыя нарушенія этой службы будутъ совершены въ виду непріятели, то за нихъ опредѣляется смертная казнь. При назначеніи «жестокаго наказанія» и наказанія шпицрутенами большею частью сдѣлана прибавка «и отъ полку будетъ отставленъ», показывающая, что статьи во многомъ были буквально заимствованы изъ иностранныхъ постановленій, предназначенныхъ для войскъ, въ которыхъ нижніе чины служили по найму. «Статьи воинскія» полагалось читать два раза въ недѣлю и «каждому солдату на память имѣть». Такого рода краткія и далеко несовершенныя постановленія подъ названіемъ «солдатскія права» были выданы для руководства генералу Автомену Головину, когда ему было поручено формированіе первыхъ солдатскихъ полковъ постоянного войска, и примѣнялись на дѣлѣ, какъ видно изъ донесенія царю Головина, въ письмѣ его отъ 23 Марта 1700 года, относительно того, что по шимъ солдатамъ Преображенскаго полка «за многое ихъ гулянье, и за пьянство, и за зернь, и за многіе нѣты учинено наказаніе шпицрутенами».

*ВОИНСКІЙ
УСТАВЪ
ВЕЙДЕ.*

Кромѣ того, Вейде представилъ Воинскій Уставъ, касающійся военно-административныхъ законовъ и строевого устава. Изъ Воинскаго Устава его сохранилась только часть, напечатанная впоследствии, по повелѣнію Императора Николая I-го въ 1841 г. Въ этой части относительно законовъ военно-уголовныхъ, при перечисленіи обязанностей разныхъ должностныхъ лицъ, сказано о Гепераль-Аудиторѣ, что онъ „у всѣхъ иноземцовъ зѣло во употребленіи, какъ воинская дума отправлена бываетъ, то собираетъ онъ всѣ голоса и чинитъ выписку изъ всѣхъ ихъ доношеній; онъ изображаетъ такоужь винному, противъ воинскихъ артикуловъ или правъ, приговоръ и осужденіе: и подобаетъ ему правдивому человѣку и книгъ читателю быть, и воинскіе права изустъ осповательно разумѣти“.

Далѣе говорится, что состоящій въ его вѣдѣніи „судебный писарь“ долженъ исполнять обязанности аудитора въ низшемъ военномъ судѣ, какъ генераль-аудиторъ исполняетъ въ высшемъ военномъ судѣ. Наконецъ Вейде, какъ видно изъ переписки ¹⁾ его съ Царемъ въ 1699 году (13 Юля) при-

¹⁾ Кабинетныя дѣла импер. Петра В. 1699 г., Отд. II, кв. 53, во время находженія подъ Азовомъ См. Розенгеймъ, 64.

готовлялъ и „статьи или артикулы, какое кому наказаніе за вины“ и какъ пишеть, „то все сдѣлалъ съ полнымъ указомъ, какъ у прочихъ великихъ государей въ обыкновенности есть, сіе до милости Вашей послать. Извольте пожаловать съ самаго съ начала, все съ ряду велѣть прочитать, то возможно видѣть, что послѣ чего послѣдуетъ и что милости Вашей годно и негодно будетъ; только чаю не безъ прегрѣшенія былъ для того, что еще не прочтено и съ подлинною сличить не успѣлъ. Стану еще готовить, чтобы подлинно справно было“. Вскорѣ послѣ этого Вейде въ битвѣ подь Нарвой попалъ въ плѣнъ къ шведамъ и пробылъ въ немъ до 1710 года, вслѣдствіе чего за все это время лишенъ былъ возможности принимать участіе въ начатомъ имъ дѣлѣ составленія воинскихъ уставовъ.

До появленія знаменитаго Воинскаго Устава 1715—1716 годовъ, положившаго основаніе всему нашему послѣдующему военному и военно-уголовному законодательству при Петрѣ I, въ XVIII столѣтіи было издано два военно-уголовныхъ устава, которые, подобно тому, какъ и прежде, были составлены изъ иностранныхъ источниковъ, но несомнѣнно примѣнялись на практикѣ. Уставы эти носятъ названіе: 1) Уложеніе или право воинскаго поведенія и 2) Краткій артикуль.

„Уложеніе, или право воинскаго поведенія генераламъ, среднимъ и меньшимъ чинамъ и рядовымъ солдатамъ“, напечатано не было, но было извѣстно въ концѣ XVIII-го столѣтія г. Шмидту, который въ изданной имъ на нѣмецкомъ языкѣ (и переведенной на русскій языкъ) «Исторіи происхожденія регулярнаго войска и флота въ Россіи» ¹⁾, выразилъ мнѣніе, что Уложеніе это было издано еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Въ наше время, въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, г. Розенгеймъ нашель въ Публичной Библіотекѣ списокъ этого Уложенія съ такого рода надписью фельдмаршала Шереметева: «Исполняя указъ Великаго Государя, Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества и Самодержца, подписалъ я, вѣрный рабъ и наименьшій регентаръ надъ войски помянутаго Монарха своего». «Сей артикуль ради лутчества подтвержденія подписалъ рукою своею, да не оtmѣнно будетъ сей указъ состоятеленъ, Борисъ Шереметевъ».

ПРАВО ВОИНСКАГО ПОВЕДЕНІЯ.

¹⁾ „Начертаніе о началѣ и успѣхахъ въ устроеніи регулярнаго войска и морскаго флота въ Россіи“. Изд. магистра философіи Фридриха Шмидта, переведено съ нѣмецкаго на російскій языкъ коллежскимъ ассессоромъ Василиемъ Ивановымъ. Москва, 1798 г. Библіотека Главн. Штаба, № 10—5—17.

Изъ такой надписи г. Розенгеймъ ¹⁾ заключаетъ, что Уложение было издано съ разрѣшенія Государя фельдмаршаломъ Шереметевымъ для подвѣдомственныхъ ему войскъ. Затѣмъ г. Розенгеймъ, имѣя въ виду, что нумерація статей въ Уложеніи идетъ непорядъ, и судя по характеру его постановленій, предполагаетъ, что Уложение составляетъ простой переводъ какого-либо иностраннаго устава, при чемъ, вѣроятно, выпущены были тѣ статьи, которыя почему либо находили непригодными для русскаго войска. Съ открытіемъ мною въ 1880 году сборника иностранныхъ военно-уголовныхъ законовъ конца XVII и начала XVIII столѣтія, посящаго названіе «Corpus juris militaris novissimum», изданій разныхъ годовъ, съ 1679 по 1724 годъ, вопросы эти можно рѣшить съ большою осповательностью.

ПОИСХОЖДЕНІЕ УЛОЖЕНІЯ.

По сравненію Уложения съ разными военно-уголовными уставами Западной Европы, оказывается, что содержаніе его было заимствовано несомнѣнно изъ Датскихъ воинскихъ артикуловъ короля Христіана V-го, 9 марта 1683 года, вслѣдствіе чего Уложение наше никакъ не могло быть издано при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Заимствованіе у насъ постановленій Уложения изъ Дании объясняется близостью этой страны и союзными въ то время отношеніями съ нею. На полученіе свѣдѣній о датскихъ артикулахъ нужно было время и потому кажется весьма вѣроятно предположеніе г. Розенгейма о томъ, что Уложение было издано не ранѣе вступленія войскъ Шереметева въ Лифляндію въ 1701 или 1702 году, а г. Бобровскій, по нѣкоторымъ даннымъ, находитъ, что это произошло именно 27 января 1702 г., что имѣетъ основаніе, такъ какъ вскорѣ въ томъ же году появился указъ Царя, воспреещающій именовать себя рабами, какъ это сдѣлалъ въ надписи на уложеніи, по старому обычаю, Шереметевъ, съ уничижительнымъ означеніемъ своей высокой должности («наименьшій региментарь надъ войска Его Величества»). Мнѣніе о томъ, что Уложение было издано самимъ Шереметевымъ для подвѣдомственныхъ ему войскъ, основано какъ на сдѣланной фельдмаршаломъ Шереметевымъ надписи, такъ и на томъ, что Петръ I въ 1705 году отвѣчалъ фельдмаршалу Огильви на просьбу его издать указъ о наказуемости за причиненіе войсками обидъ мѣстнымъ жителямъ, что «указу... посылать не для чего, понеже войско все вамъ двумъ фельдмаршаламъ (т. е. Шереметеву и Огильви) вручено съ полнымъ воинскимъ правиломъ, судомъ и указомъ, по которымъ вы должны чинить праведный

¹⁾ Указ. соч. стр. 62 – 63.

и воинской судъ» и при томъ Петръ I могъ слѣдовать въ этомъ отношеніи порядку, принятому въ Западной Европѣ, относительно предоставленія подобаго рода полномочій высшимъ военнымъ начальникамъ.

Подтверженіемъ этого мнѣнія служить то обстоятельство, что въ Уложеніи выпущено существующее въ датскомъ артикулѣ указаніе на дозволеніе сдачи крѣпости въ случаѣ крайности, что вѣроятно зависѣло отъ того, что Шереметевъ не нашель возможнымъ принять на себя отвѣтственности въ столь важномъ дѣлѣ. Вопросъ о происхожденіи и значеніи Уложенія еще лучше выясняется г. Мышлаевскимъ по найденной имъ въ Публичной Библиотекѣ и изданной въ 1894 году рукописи военно-уголовнаго устава, подъ названіемъ: «Уставъ прежнихъ лѣтъ».

Уставъ этотъ состоитъ изъ двухъ частей: Воинскаго Наказа, касающагося военныхъ судовъ и порядка судопроизводства, и Воинскихъ статей, касающихся преступленій и наказаній военнослужащихъ. Обѣ части Устава, очевидно, заимствованы изъ Датскихъ военныхъ законовъ короля Христіана V 9 Марта 1683 г., именно Воинскій Наказъ—изъ Устава военнаго судопроизводства (Gerichtsordnung), а воинскія статьи—изъ упомянутаго выше Воинскаго Артикула. При этомъ въ Воинскомъ Наказѣ всѣ постановленія приведены подрядъ, а въ Воинскихъ Статьяхъ размѣщеніе постановленій измѣнено, совершенно такъ же, какъ въ Уложеніи Шереметева, но только они сохранены въ полномъ количествѣ (141), имѣющемся въ Датскомъ артикулѣ. Весьма любопытно, что Уставъ прежнихъ лѣтъ, какъ видно изъ подлиннаго его текста, по свидѣтельству г. Мышлаевскаго, былъ разсмотрѣнъ и исправленъ самимъ Петромъ; но утвержденія Государя, однако, Уставъ не получилъ, хотя, какъ было говорено выше, фельдмаршалу Шереметеву повидимому было предоставлено право воспользоваться этимъ уставомъ, вслѣдствіе чего Шереметевъ, „исполняя указъ“, ту часть Устава, которая носитъ названіе Воинскія статьи, утвердилъ и ввелъ въ дѣйствіе въ подвѣдомственныхъ ему войскахъ, съ нѣкоторыми сокращеніями и измѣненіями, подъ названіемъ Уложенія.

Затѣмъ въ уложеніи въ нѣкоторыхъ случаяхъ назначается наказаніе кнутомъ, принятое только въ Россіи, но отличіе уложенія отъ его образца—Датскаго артикула замѣчается и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Языкъ уложенія по тому времени, къ которому оно относится, довольно хорошъ, и видно, что составитель старался соблюсти чистоту его, всячески избѣгая

употребленія иностранныхъ выраженій, которыя мы встрѣчаемъ въ изобиліи въ послѣдующихъ военно-уголовныхъ уставахъ.

Въ Уложеніи Шереметева нѣтъ перечисленія наказаній точно такъ же, какъ и въ Датскихъ артикулахъ, потому что въ то время было принято дѣлать это въ законахъ, касающихся судопроизводства. Вслѣдствіе этого мы находимъ это перечисленіе въ изданномъ въ Даніи одновременно съ артикулами 9 Марта 1683 г. в.-судебномъ уставѣ (*Gerichtsordnung*) и уставѣ прошлыхъ лѣтъ, причемъ оно было заимствовано впоследствии и помѣщено въ краткомъ изображеніи процессовъ Петра Великаго. Изъ разсмотрѣнія наказаній, заключающихся въ уложеніи, видно, что они въ весьма рѣдкихъ случаяхъ назначались сообразно съ званіемъ лица и очень часто были означены въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ (жестокое, чрезвычайное, бѣшенное). Роды наказаній, принятыхъ въ уложеніи, были слѣдующіе:

СИСТЕМА
НАКАЗАНІЙ. 1) смертная казнь ¹⁾—простая посредствомъ повѣшенія и отсѣченія головы мечемъ и кромѣ того усиленная посредствомъ четвертованія (за измѣну, участіе въ сходахъ начальниковъ вмѣстѣ съ подчиненными и убійство съ корыстною цѣлью). Наконецъ, существовала еще заочная казнь, исполняемая символически, посредствомъ прибитія пмени преступника къ вислицѣ, послѣ чего онъ, какъ безправный, „вольная птица“, какъ выражается уложеніе, переводя буквально слово *Vogelfrei*,—„всякому къ убіенію и похищенію осужденъ и гдѣ пойманъ будетъ безъ всякой милости повѣшенъ быти имѣть“. 2) Членовредительныя наказанія: отрѣзаніе поса (за клятвенное преступленіе ²⁾) и пригвожденіе руки пожемъ между пальцами, причемъ „какъ самому прорывать ее“ (за нанесеніе раны). 3) Тяжкія тѣлесныя наказанія: русское—кнути и иностранное—шпирутены, которые большею частью помѣщены въ однихъ и тѣхъ же статьяхъ рядомъ, изъ чего можно заключить, что они полагались: первое—для русскихъ, а послѣднее—для иностранцевъ, находившихся въ русскомъ войскѣ ³⁾. Шпирутены назначались черезъ нѣсколько разъ, черезъ полкъ или даже болѣе. 4) Легкія тѣлесныя наказанія состоятъ въ пошеніи мушкетовъ до 6 штукъ по 2 часа, съ трехчасовыми отдыхами, ежедневно въ теченіе нѣсколькихъ дней (до одной недѣли). О наказаніи же батогами не упоминается. 5) Наказанія,

¹⁾ Въ 52-хъ случаяхъ.

²⁾ Ст. 71.

³⁾ Ст. 3, 4, 12, 17 и 18.

направленные противъ свободы, состоятъ лишь въ арестѣ, т. е. содержаніи за карауломъ и посаженіи въ желѣза на время не болѣе 20 сутокъ ¹⁾. Кроме того, болѣе продолжительное лишеніе свободы является въ видѣ каторги безъ означенія срока, которая при томъ назначена въ одномъ случаѣ (за татьбу съ насиліемъ ²⁾). 6) Наказанія имущественнаго характера заключаются въ конфискаціи всего имущества, положенной за важнѣйшія преступленія, въ вычетѣ изъ жалованья (до полъ-мѣсяца), съ нежалованныхъ же (слѣдовательно окладныхъ служилыхъ людей) взыскивается пеня, сообразно числу дворовъ, которыми они владѣютъ (по гривнѣ). За причиненіе убытковъ они взыскиваются иногда въ большемъ размѣрѣ, даже однажды вшестеро. 7) Наказанія, направленные на честь и служебныя. „Лишеніе чести“, о которомъ упоминаетъ уложеніе, носитъ неопредѣленный характеръ, но подъ этимъ выраженіемъ слѣдуетъ разумѣть, согласно постановленіямъ Датскаго судебнаго устава и переводу ихъ, сдѣланному въ краткомъ изображеніи процессовъ, много различнаго рода наказаній, преимущественно же состоящихъ въ ограниченіи служебныхъ правъ. Последняго рода наказанія заключаются въ отставленіи отъ службы, изверженіи изъ чина (въ смыслѣ должности, а не ранга), разжалованіи въ рядовые (отъ чина отставленъ и написанъ въ рядовые солдаты) и употребленіи начальныхъ людей на службу за рядоваго, на время до 2 мѣсяцевъ. Наконецъ, 8) отплата равнымъ зломъ, т. е. тальонъ, который опредѣляется въ случаѣ полученія удара по лицу и состоитъ въ томъ, что по розыску виноватаго, тому, кого онъ ударилъ въ щеку, «ударить же при столькихъ же людяхъ, при какихъ онъ ударилъ» ³⁾. Впрочемъ, вообще назначенныя наказанія имѣютъ характеръ тальона во многихъ случаяхъ. Изъ причинъ, вліяющихъ на наказуемость, обращаютъ на себя вниманіе то, что если кто игралъ оружіемъ и отъ того причинилъ какой-либо вредъ, то онъ «также наказанъ будетъ, какъ бы онъ нарочно сдѣлалъ», и что состояніе опьяненія не только не служитъ причиною невмѣняемости, или уменьшающимъ вину обстоятельствомъ, но еще ведетъ къ увеличенію наказанія.

При совершеніи преступленій цѣлыми частями войскъ (бѣгства съ поля сраженія и сдачи крѣпости) смертной казни и конфискаціи подлежатъ

¹⁾ Ст. 3, 74 и 59.

²⁾ Ст. 58.

³⁾ Ст. 62.

одни начальники, другіе же начальныя люди и солдаты подвергаются смертной казни, но лишь одинъ изъ десяти человѣкъ по жребію, что обыкновенно называется *decimalia*; о наложеніи на остальныхъ какого-либо наказанія не упоминается. Вообще же когда въ преступленіи принимали участіе начальники вмѣстѣ съ подчиненными, то первые подлежатъ обыкновенно болѣе строгому наказанію; кромѣ того начальники отвѣчаютъ за убытки, причиненныя ихъ подчиненными. О примѣненіи закона въ заключительныхъ статьяхъ Уложенія сказано, что дѣйствіе его распространяется на всѣхъ лицъ, «отъ полковаго воеводы и до нижняго начальнаго человѣка и солдата», на состоящихъ при «воинскомъ комиссарствѣ и запаснаго чину (провіантскихъ) служителей и харчевниковъ (маркитантовъ)» и вообще всѣхъ тѣхъ, которые «при войскѣ на сухомъ пути каковымъ ни есть подобіемъ обрѣтаются». Кромѣ того, говорится объ обязательномъ чтеніи статей уложенія аудиторами передъ частями войскъ каждую недѣлю, чтобы «никто невѣдніемъ тѣмъ отговариваться причины не имѣлъ». Равное значеніе съ статьями его признается и за указами, объявленными «явно при вытрубкѣ и барабанномъ боѣ».

Въ Уложеніи Шереметева предусмотрены преимущественно воинскія преступленія въ большомъ количествѣ и наказуемость за нихъ довольно строгая.

О СУДОУСТРОЙ-
СТВѢ И СУДО-
ПРОИЗВОДСТВѢ.

Уложеніе Шереметева говоритъ почти исключительно о преступленіяхъ и наказаніяхъ, постановленій же о судопроизводствѣ оно касается только мимоходомъ. Но въ немъ упоминается и «военный судъ», какъ коллегіальное учрежденіе, такъ какъ вопросъ о невѣнненіи въ вину преступленій, совершенныхъ случайно, долженъ быть разрѣшенъ «собраннымъ военнымъ судомъ». Всѣ начальники обязаны привлекать къ судебной отвѣтственности своихъ подчиненныхъ за совершенныя ими преступленія; полковникъ же, которому принадлежитъ судебная власть, вѣроятно въ извѣстныхъ предѣлахъ, «когда и жалобщика нѣтъ, долженъ самъ по чину своему (должности, обязанности) всѣхъ злодѣевъ чрезъ право суда наказывать». При этомъ прибавлено, что «если онъ того не учинитъ, то отнять у него тотъ судъ и отдать его подполковнику или майору, во образъ безчестія ему». Последнее постановленіе, отличающееся странностью, объясняется, однако, просто невѣрностью перевода, такъ какъ въ соответствующей статьѣ Датскихъ артикуловъ и въ уставѣ прошлыхъ лѣтъ говорится, что въ этомъ случаѣ право суда передается генераль-майору, слѣдующему за полковни-

комъ высшему начальнику, а не майору или подполковнику, лицамъ подчиненнымъ.

Въ уложеніи ¹⁾ сказано о должности полковыхъ и генеральскихъ Гевальдигеровъ (т. е. гевальдигеровъ), которые были представителями обвинительной власти. На нихъ возлагалось: возбужденіе преслѣдованія (чтобы «всѣ вообще были подвергнуты за преступленія достойному наказанію»), наблюденіе за тѣмъ, чтобы судъ производился безпристрастно («безъ понаровки»), а въ случаѣ, если нѣтъ челобитчика, то они должны быть вмѣсто него, т. е. поддерживать на судѣ обвиненіе.

Уставъ прежнихъ лѣтъ заключаетъ въ себѣ Воинскій Наказъ (изъ 40 статей), въ которомъ, какъ заимствованномъ изъ Датскаго устава военнаго судопроизводства 1683 года, содержатся постановленія объ устройствѣ военныхъ судовъ, именно верхнихъ и нижнихъ, причемъ первые назначаются для разсмотрѣнія дѣлъ о важнѣйшихъ лицахъ (генералахъ и штабъ-офицерахъ) и важнѣйшихъ преступленіяхъ, совершенныхъ остальными военнослужащими или большимъ числомъ оныхъ. Кромѣ того, упоминается и о судѣ скорорѣшительномъ. Затѣмъ верхній военный судъ является вмѣстѣ съ тѣмъ и апелляціонной инстанціей по дѣламъ гражданскимъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда на рѣшеніе нижнихъ воинскихъ судовъ по этимъ дѣламъ поступитъ жалоба въ теченіе 6-ти недѣльнаго срока. Въ Наказѣ находится нѣсколько статей о Генераль-Аудиторѣ, на котораго возложены различныя обязанности. Въ концѣ же Наказа помѣщено «Оглавленіе приговоровъ въ наказаніяхъ и казняхъ», которое было заимствовано впоследствии при составленіи Воинскаго Устава 1715—1716 годовъ и приложено, какъ перечень наказаній, къ краткому изображенію процессовъ.

«Артикулъ краткій, выбранный изъ древнихъ христіанскихъ воинскихъ правъ, иже о богобоязни, и о наказаніяхъ различныхъ злостей. А именно: за смертное убійство, за прелюбодѣяніе, за воровство, за измѣну, за невѣрность, и прочая. Также о командахъ, о осторожности, храбрости и како имѣютъ въ квартирахъ и обозѣхъ воинскіе генеральные и полковые суды и особливвыя должности, по различію чиновъ». Въ печатномъ видѣ преимущественно извѣстенъ на нѣмецкомъ языкѣ, при томъ подъ заглавіемъ «Moskowitzisches Kriegs-Reglement», который былъ изданъ въ Петербургѣ въ 1706 году. По иностранному характеру постановленій краткаго артикула

УСТАВЪ ПРЕЖНИХЪ ЛѢТЪ.

А Р Т И К У Л Ъ
К Р А Т К І Й.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ
ЕГО.

¹⁾ Текстъ уложенія помѣщенъ въ книгѣ г. Розенгейма, стр. 269—294.

нѣмецкій текстъ его должно считать первоначальнымъ и слѣдовательно появленіе этого памятника относится несомнѣнно къ 1706 г. *Moskowitzisches Kriegs-Reglement*, какъ оказывается, былъ перепечатанъ въ ближайшемъ изданіи сборника *Corpus juris militaris* 1709 г., подъ названіемъ *Russisches Kriegs-Reglement* и затѣмъ оставленъ въ *Corpus juris militaris novissimum* 1724 г., гдѣ помѣщенъ даже вмѣстѣ съ воинскими артикулами 1715 года. Краткій Артикулъ на русскомъ языкѣ былъ напечатанъ также, но имѣется одинъ только неполный экземпляръ, пріобрѣтенный въ Москвѣ г. Пекарскимъ ¹⁾ въ 1859 году, въ нѣкоторыхъ же рукописныхъ экземплярахъ его помѣщена надпись, въ которой говорится, что «Артикулъ этотъ повелѣніемъ Государя Царя Петра Алексѣевича князь Меншиковъ установилъ для наилучшаго, порядочнаго и честнаго управленія въ кавалеріи Его Царскаго Величества употреблять» и т. д. На основаніи содержанія этой надписи и самаго артикула, г. Розенгеймъ полагаетъ, что онъ былъ написанъ какимъ нибудь нѣмцемъ, а затѣмъ и переведенъ на русскій языкъ по порученію князя Меншикова, который имѣя на то разрѣшеніе государя, подобно Шереметеву, утвердилъ и издалъ его для войскъ, находившихся подъ его начальствомъ въ Ингерманландіи и преимущественно для кавалеріи ²⁾. Съ этимъ мнѣніемъ г. Розенгейма не соглашается профессоръ Кистяковскій, который (въ библиографической замѣткѣ своей по поводу книги г. Розенгейма ³⁾ между прочимъ говоритъ, что если на нѣмецкомъ первопечатномъ текстѣ указанной надписи нѣтъ, то предположеніе г. Розенгейма лишено всякаго основанія. Дѣйствительно, на *Moskowitzisches Kriegs-Reglement* надпись отъ имени Меншикова не находится, да и въ русскомъ текстѣ Краткаго Артикула она имѣется не на всѣхъ экземплярахъ его. Кромѣ того, самое названіе (*Moskowitzisches*) придаетъ ему общій характеръ. Распространеніе знанія объ немъ и значеніе, которое ему придавали заграничей (помѣстивъ его въ *corpus juris militaris*), наконецъ, то, что онъ былъ примѣняемъ даже самимъ фельдмаршаломъ Шереметевымъ, который былъ старше Меншикова и самъ издалъ передъ тѣмъ уложеніе или право воинскаго поведенія, — доказываетъ, что Краткій Артикулъ не могъ имѣть частнаго характера, составлять уставъ, утвержденный самимъ княземъ Меншиковымъ.

¹⁾ См. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, — изслѣдованіе Пекарскаго, т. II, описаніе славяно-русскихъ книгъ и литографій, СПб., 1862 г.

²⁾ Стр. 63.

³⁾ Жур. Гр. и Учр. Пр., 1879 г.

Изъ надписи на Краткомъ Артикулѣ можно вывести, что онъ предназначенъ специально для кавалеріи, подобно изданному императоромъ Максимилианомъ II Reuter Bestellung, но выводъ этотъ опровергается тѣмъ, что въ Краткомъ Артикулѣ говорится о чинахъ разныхъ родовъ оружія. Для опредѣленія происхожденія Краткаго Артикула надо имѣть въ виду, что Петръ I послѣ Нарвскаго пораженія, готовясь къ возобновленію борьбы съ Карломъ XII и желая привлечь въ службу изъ-за границы возможно большее число офицеровъ, во избѣжаніе того, чтобы они не боялись, что имъ придется въ Россіи подчиняться несвойственнымъ имъ законамъ (что вѣроятно и было при ограниченіи на практикѣ къ концу XVII столѣтія юрисдикціи особыхъ судовъ для иностранцевъ, о чемъ было упомянуто выше), въ изданномъ 16 Апрѣля 1702 года манифестѣ, распространенномъ за границую подъ именемъ Плаката, постановляетъ, между прочимъ, что для завѣдыванія всѣми иностранцами, которые будутъ приняты въ русскую военную службу или въ ней уже находятся, учреждается особая Тайная Военная Коллегія, непосредственно подчиненная самому Царю; затѣмъ, что всѣ судебныя дѣла, гражданскія, уголовныя, военныя, относительно иностранцевъ, состоящихъ въ русской службѣ, будутъ подсудны особымъ судамъ, причемъ первая инстанція ихъ будетъ по-прежнему находиться въ полкахъ, но всѣ эти суды будутъ состоять подъ вѣдѣніемъ генеральнаго военного суда, который долженъ быть организованъ и дѣйствовать подобно тому, какъ принято въ другихъ европейскихъ арміяхъ. Кромѣ того, по манифесту 16 Апрѣля 1702 г. на президента тайной военной коллегіи возлагается, совместно съ ея членами, немедленно составить воинскіе артикулы, вмѣстѣ съ регламентами и ордонасами и, по представленіи ихъ на утвержденіе государя, распорядиться ихъ напечатаніемъ и опубликованіемъ. Совпаденіе времени изданія Moskowitisches Kriegs-Reglement съ тѣмъ временемъ, когда могли быть напечатаны воинскіе артикулы и регламенты, составленные тайной военной коллегіей, наводятъ на мысль, что Moskowitisches Kriegs-Reglement и есть именно тотъ самый военный артикулъ и регламентъ, который первоначально предназначался для иностранцевъ, состоящихъ въ русской военной службѣ, но что потомъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, онъ былъ напечатанъ для руководства и примѣненія ко всѣмъ служащимъ въ русскихъ войскахъ, безъ различія ихъ происхожденія. Предположеніе о томъ, что Краткій Артикулъ былъ первоначально составленъ для иностранцевъ, находящихся въ русскомъ войскѣ, подтверждается тѣмъ, что въ Краткомъ Артикулѣ, въ

противуположность Уложению Шереметева и волнскому артикулу 1716 г., главное вниманіе обращено на общія преступленія, постановленія же о нихъ могли имѣть особенное значеніе лишь для иностранцевъ, судившихся во всемъ по этимъ законамъ, а не для русскихъ людей, къ общимъ преступленіямъ которыхъ могло быть примѣняемо Соборное уложеніе 1649 г. Затѣмъ упоминаніе два раза о преступленіяхъ, совершаемыхъ собственно русскими, и составляетъ вѣроятно ту позднѣйшую прибавку, которая была сдѣлана при распространеніи дѣйствія Краткаго Артикула на русскія національныя войска. Наконецъ, Краткій Артикулъ, по сравненіи его въ *Corpus juris militaris* 1709 года со всѣми современными ему западно-европейскими военно-уголовными законами (которые довольно сходны между собою) значительно отличается отъ нихъ по внѣшней формѣ, и по содержанію своему составляетъ не механическое смѣшеніе, а какъ бы химическое соединеніе началъ, заключающихся въ этихъ артикулахъ; въ одномъ же случаѣ (прелюбодѣянія) сказано даже, что оно наказывается по правамъ каждаго народа. Все это можно объяснить только тѣмъ, что краткій артикулъ долженъ былъ служить кодексомъ для состоявшихъ въ русской военной службѣ иностранцевъ, принадлежавшихъ къ разнымъ національностямъ.

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, посредствомъ изданія Краткаго Артикула совершилось объединеніе военно-уголовныхъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ русскомъ войскѣ относительно находящихся въ немъ иностранцевъ и русскихъ людей, послѣ чего становится понятнымъ, почему, несмотря на выраженное въ манифестѣ 16 апрѣля 1702 года категорическое обѣщаніе, по дѣламъ о генералахъ изъ иностранцевъ—Розенѣ въ 1706 г. и Гольцѣ въ 1710 г. — они не были подвергнуты особому военному суду, установленному для иностранцевъ¹⁾. Краткій Артикулъ былъ ближайшимъ предшественникомъ Воинскаго Артикула 1715 — 1716 г., имѣеть съ нимъ много общаго и такъ какъ во время изданія Краткаго Артикула происходило составленіе Воинскаго Артикула 1715 г., то вѣроятно въ отличіе отъ послѣдняго, какъ болѣе пространнаго, онъ получилъ названіе Краткаго Артикула. Главнымъ составителемъ Краткаго Артикула, по крайней мѣрѣ на нѣмецкомъ языкѣ, былъ докторъ нравъ Марбургскаго Университета, баронъ Гюйссенъ, о чемъ онъ упоминаетъ въ своей автобіографіи. Относительно обстоятельствъ, при которыхъ происходило

¹⁾ Дѣянія Петра Великаго, Голикова, т. I, стр. 178; т. II, стр. 330, 450, т. IV, стр. 26.

составленіе и изданіе этого артикула, пмѣются нижеслѣдующія свѣдѣнія въ книгѣ г. Пекарскаго «Наука и литература при Петрѣ Великомъ» (Сиб. 1862 г. ¹).

Въ 1699 году пріѣзжалъ въ Москву для переговоровъ отъ саксонскаго курфюрста генераль Карловичъ, въ свитѣ котораго находился нѣкто Нейгебауеръ, сынъ данцигскаго бюргера. По просьбѣ послѣдняго, его приставили въ 1701 году къ царевичу Алексѣю Петровичу для наставленія въ «наукахъ и правоученіи».

Не прошло одного года, какъ между Нейгебауеромъ и русскими воспитателями царевича обнаружилась неудовольствія «зане, нѣкоторые отъ злости его труды» нарочно портили, почему Нейгебауеръ и ходатайствовалъ о назначеніи къ царевичу другихъ наставниковъ изъ иностранцевъ.

Однако, просьбы его оставались безъ уваженія, неудовольствіе между воспитателями росло и, наконецъ, завершилось удаленіемъ Нейгебауера отъ должности. Послѣднее обстоятельство произошло по слѣдующему поводу. Въ 1702 г. въ Архангельскѣ за обѣдомъ у царевича Вяземскій и Нарышкинъ перешептывались и смѣялись съ царевичемъ. Нейгебауеръ замѣтилъ царевичу, что это — невѣжливо, русскіе воспитатели — наоборотъ оспаривали это замѣчаніе, кромѣ того, царевичъ, по совѣту Вяземскаго, положилъ на блюдо обглоданную кость. Нейгебауеръ снова сдѣлалъ ему замѣчаніе. Поднялся между учителями споръ, при чемъ Нейгебауеръ назвалъ русскихъ воспитателей «собаками и варварами».

До 1704 г. Нейгебауеръ оставался въ Москвѣ, а затѣмъ подъ каралоуломъ былъ отправленъ въ Архангельскъ, откуда на гамбургскомъ кораблѣ возвратился на родину.

Почувствовавъ себя въ безопасности и сгорая жаждою мести, Нейгебауеръ въ томъ же году въ Германіи выпустилъ анонимную брошюру въ формѣ письма знатнаго офицера къ тайному совѣтнику. Въ этой брошюрѣ авторъ утверждалъ, что съ нѣмецкими офицерами, вступающими въ русскую службу, обращаются, какъ со «щенками», совершаютъ надъ ними и ихъ имуществомъ насилія и не исполняютъ обѣщаній, указанныхъ въ патентѣ, распубликованномъ Паткулемъ въ Германіи.

Политическое значеніе Россіи въ то время было уже на столько велико, что не прошло года, какъ прусское и саксонское правительства по-

¹) Т I, стр. 64 и сл.; т. II, № 102.

спѣшили изъять брошюру изъ обращенія, а въ слѣдующемъ году появляются двѣ новыя брошюры: одна — нѣкоего Симона Петерсена, другая барона Гюйссена, направленныя противъ брошюры Нейгебауера. Гюйссенъ въ своемъ опроверженіи старается доказать, что всѣ сообщенія Нейгебауера—ложны, что патентъ Паткуля, строго исполняется и что иностранные офицеры судятся на основаніи особаго закона „Moscowitisches Kriegs-Reglement'a“, который и былъ приложенъ къ возраженію (съ особой нумераціей страницъ), на нѣмецкомъ языкѣ, въ качествѣ неопровержимаго доказательства ¹⁾.

СИСТЕМА
Артикула.

Краткій Артикулъ состоитъ изъ 114 статей, помѣщенныхъ въ 12-ти главахъ, изъ которыхъ первыя пять касаются общихъ преступленій, четыре вопиющихъ и наконецъ послѣднія три говорятъ объ устройствѣ и дѣятельности военныхъ судовъ.

Въ русскомъ текстѣ языкъ менѣе чистъ, чѣмъ въ Уложеніи Шереметева и переводъ сдѣланъ крайне небрежно; Артикулъ вообще изобилуетъ иностранными текстами, которые онъ употребляетъ безъ особенной въ томъ надобности. Кромѣ того, постановленія нерѣдко въ немъ выражены до того неясно, что относительно пониманія ихъ легко впасть въ ошибку. Поэтому, при разсмотрѣніи постановленій Краткаго Артикула, слѣдуетъ руководствоваться не только русскимъ, но главнымъ образомъ нѣмецкимъ текстомъ его.

Относительно наказаній въ Краткомъ Артикулѣ точно обозначены тѣ изъ нихъ, которыя могутъ быть назначены по суду и въ дисциплинарномъ порядкѣ. Къ числу первыхъ принадлежатъ: лишеніе живота, чести и чина и наказанія на тѣлѣ (за исключеніемъ легкихъ). Дисциплинарныя взысканія, которыя могутъ быть назначены отъ своего офицера, который „вышнюю команду на мѣстѣ имѣетъ“, составляютъ: батоги, арестъ въ желѣзахъ, прикованіе къ полу, ношеніе фузей (т. е. ружей) и посаженіе на деревянную „кобылу“.

Наказанія положены большею частію сообразно званію лицъ, причемъ офицеры, какъ это выражено категорически, тѣлесному наказанію не подвергаются. Даже внутри общаго разрядовъ чиповъ (солдатъ и офицеровъ) наказанія назначены иногда различныя для унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, а штабъ-офицеры, что замѣчательно, не могутъ быть взяты „за караулъ“, (т. е. арестъ) кромѣ домашняго.

¹⁾ Гюйссеномъ написано между прочимъ сочиненіе „Das jetzige Staat von Russland“.

Во многихъ случаяхъ, подобному тому какъ и прежде, наказанія означены въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ (по винѣ, по „образцу“ и т. п.).

Роды наказаній, принятыхъ въ Краткомъ Артикулѣ, суть: 1) смертная казнь простая—повѣшеніе и усиленная въ слѣдующихъ видахъ: сожженіе (за поджогъ, мужеложство и скотоложство) и колесованіе, которое можетъ состоять въ ломаніи тѣла на колесѣ или въ простой смертной казни и въ положеніи тѣла на колесо впослѣдствіи. Кромѣ того, за два самыхъ важныхъ преступленія (убійство родственниковъ и своего офицера), положена еще казнь „жестокою мукою“, что означало вѣроятно колесованіе, съ рваніемъ клещами. О четвертованіи и заочной казни, принятыхъ въ уложеніи Шереметева, не упоминается. 2) Членовредительныя наказанія, подобно тому, какъ и въ уложеніи Шереметева,—отрѣзаніе носа, но сверхъ того и ушей, при томъ за третью кражу и кражу со взломленіемъ, а не за клятвopреступленіе, за которое положено отсѣченіе переднихъ пальцевъ; наконецъ, пригвожденіе руки на часъ къ висѣлицѣ—за нанесеніе раны ножомъ. 3) Тяжкія тѣлесныя наказанія—шиицрутены или гоняніе сквозь строй до 12 разъ черезъ 100 человекъ или роту. О наказаніи кнутомъ, находящемся въ уложеніи Шереметева, не упоминается. 4) Легкія тѣлесныя наказанія, составляющія взысканія дисциплинарныя, суть: батоги, о которыхъ въ отдѣльныхъ статьяхъ не говорится, ношеніе фузей—то же, что ношеніе мушкетовъ по уложенію Шереметева, и посаженіе на деревянную кобылу. 5) Лишеніе свободы, въ виду существовавшей въ то время кратковременности службы и отбыванія ея по найму, употреблялось только въ видѣ непродолжительнаго ареста: простого, съ посаженіемъ въ желѣза или съ прикованіемъ къ полу, о каторгѣ же не упоминается. 6) Лишеніе чести касается почти исключительно лишенія чести служебной, которое состоитъ, подобно тому какъ и въ уложеніи Шереметева, въ отставленіи отъ службы и лишеніи чина, т. е. должности. Но объ употребленіи офицера за рядоваго не говорится. 7) Наказанія имущественныя примѣняются почти исключительно къ офицерамъ и состоятъ во взысканіи опредѣленной суммы (указанной въ офимкахъ) и, подобно тому, какъ въ уложеніи Шереметева, въ вычетѣ изъ жалованья (до мѣсяца) и во взысканіи за причиненныя убытки суммы, превышающей ихъ въ нѣсколько разъ. Наконецъ, даже чаще, чѣмъ въ уложеніи Шереметева, многія наказанія имѣютъ характеръ тальона, т. е. отплаты равнымъ зломъ; такъ относительно наказанія за убійство сказано: „кровь паки отлить и смертью казнить“, за поджогъ положено сожженіе и т. п.

СИСТЕМА
НАКАЗАНИЙ.

Изъ числа причинъ, вліяющихъ на наказуемость, указаны относительно убійства, что совершеніе его «безъ опаматства» (т. е. необдуманно) и даже въ пьянствѣ подвергаетъ значительно меньшему наказанію.

Въ случаѣ совершенія преступленій цѣлою частью войскъ (капитуляціи гарнизона крѣпости) такъ же, какъ и въ уложеніи Шереметева, смертной казни подвергается только начальникъ, остальные же участники, офицеры и солдаты, подлежатъ decimatio, т. е. казни черезъ десятого человѣка.

Увеличивающимъ вину обстоятельствомъ относительно многихъ преступленій служитъ повтореніе ихъ.

Разсматривая постановленія краткаго артикула въ отдѣльности, мы видимъ, на что было указано выше, что преступленія воинскія занимаютъ въ немъ второстепенное мѣсто и ихъ предусмотрѣно сравнительно менѣе, чѣмъ въ уложеніи Шереметева.

судострой-
ство и судо-
производство.

Въ Краткомъ Артикулѣ постановленія по военно-судебной части заключаются въ послѣднихъ трехъ главахъ его и изложены довольно систематично. Согласно этимъ постановленіямъ военные суды бываютъ трехъ родовъ: полковые, генеральные и скорорѣшительные. Полковымъ судамъ подлежатъ дѣла объ «вышнихъ и нижнихъ офицеровъ отъ компании», т. е. оберъ-офицерахъ, и всѣ дѣла о преступленіяхъ, за которыя полагается лишеніе жизни, чести, чина и наказаніе тѣлесное. За менѣе важныя преступленія положено наказывать безъ суда, посредствомъ наложенія дисциплинарныхъ взысканій, о которыхъ было сказано выше. Полковой судъ состоитъ изъ президента — штабъ-офицера, двухъ человѣкъ отъ каждаго изъ оберъ-офицерскихъ чиновъ (капитана, поручика и прапорщика), затѣмъ еще изъ двухъ сержантовъ, двухъ капраловъ и четырехъ ефрейторовъ или рядовыхъ. Хотя аудиторы должны были играть важную роль въ процессѣ, но, вѣроятно вслѣдствіе недостатка въ нихъ, по словамъ г. Розенгейма¹⁾, какъ видно изъ подлинныхъ дѣлъ того времени, когда дѣйствовалъ краткій артикулъ, присутствіе въ судѣ аудиторовъ не было безусловно необходимо и встрѣчается преимущественно по дѣламъ, въ которыхъ были замѣшаны лица гражданскаго вѣдомства. Участіе въ полковомъ судѣ нижнихъ чиновъ представляетъ замѣчательное явленіе, тѣмъ болѣе, что оно примѣнялось на практикѣ. Это подтверждается подлинными дѣлами, найденными г. Розенгеймомъ, относящимися впрочемъ почти исключительно къ одной гвардіи, въ которой

¹⁾ Стр. 203.

нижними чинами служили тогда большею частью лица дворянских фамилий.

Порядокъ производства суда состоялъ въ томъ, что сначала судьи «заклинаются», т. е. принимаютъ присягу (по тексту, помѣщенному въ послѣдней главѣ краткаго артикула), затѣмъ аудиторъ «читаетъ какое приказывается дѣло», т. е. вѣроятно документы, относящіеся къ дѣлу, и «оказуетъ подозрныя вопросы», т. е. ставитъ по дѣлу вопросы, подлежащіе разрѣшенію суда, читаетъ относящіеся къ дѣлу артикулы или тѣ артикулы и общіе законы, которые нужно принять въ соображеніе для примѣненія закона по аналогіи. Голоса также собираются аудиторомъ и подаются «порядочно», какъ сказано въ русскомъ текстѣ, въ нѣмецкомъ же текстѣ «ad singulatum», что въ противоположность подачи голоса каждымъ членомъ суда отдѣльно (virutum), составляетъ голосованіе по классамъ чиновъ, что и было дѣйствительно на практикѣ (какъ видно изъ подлинныхъ дѣлъ). Порядокъ этотъ былъ заимствованъ вѣроятно изъ Пруссіи, гдѣ онъ появился. Президенту принадлежить два голоса, аудиторъ же, какъ видно, правомъ голоса не пользуется, что и было принято во всехъ государствахъ, кромѣ Австріи (гдѣ осталось и до настоящаго времени). Когда президентъ вмѣстѣ съ аудиторомъ признаютъ, что поданныя мнѣнія «сходны съ дѣломъ и правами», то приступаютъ къ постановкѣ сентенціи, т. е. приговора. Если же наоборотъ они найдутъ мнѣнія эти неправильными, то президентъ «употребляетъ право упрощенія», «черезъ разсудительныя представленія, которыя вольности въ глазахъ не отымутъ», «мало ли мочно ли какое согласіе сдѣлать». Когда каждый останется всетаки при своемъ мнѣніи, то президентъ отправляется («взнимаетъ бѣгъ»), къ генералу, который «неопредѣленіе въ томъ опредѣлитъ», т. е. рѣшитъ дѣло окончательно. Но это вѣроятно относится къ тому случаю, когда президентъ будетъ несогласенъ съ большинствомъ голосовъ, такъ какъ единогласія не требовалось, что видно изъ предоставленія двухъ голосовъ президенту. Разнообразіе въ мнѣніяхъ, какъ явствуетъ изъ дѣлъ, приводимыхъ г. Розенгеймомъ, на практикѣ доходило до того, что все классы чиновъ перѣдко предлагали наказаніе совершенно различныхъ наказаній, иногда отъ батога до смертной казни. Но не только въ случаѣ разногласія суда, но и вообще, генералу принадлежить право конфирмаціи всехъ приговоровъ, до воспослѣдованія которой они даже не объявляются.

Генеральному военному суду подлежатъ дѣла о штабъ-офицерахъ, преступленія совершенныя цѣлыми частями войскъ, а также дѣла о «коммисарствѣ и провіантѣ», т. е. интендантскія нарушенія, «изъ чего у войска не

порядокъ произойти можетъ». О подсудности генераловъ не упомянуто и на практикѣ въ это время для сужденія ихъ учреждались особые суды изъ высшихъ сухопутныхъ и морскихъ чиновъ, какъ это видно изъ упомянутыхъ выше дѣлъ генераловъ Розена и Гольца. Генеральный военный судъ состоитъ изъ президента въ генеральскомъ чинѣ и членовъ, взятыхъ по два изъ ^{17 сен}каждаго штабъ или оберъ-офицерскихъ чиновъ (полковниковъ, майоровъ, капитановъ, лейтенантовъ и прапорщиковъ). Въ генеральномъ военномъ судѣ принимаетъ участіе генераль-аудиторъ. При производствѣ дѣла въ генеральномъ военномъ судѣ соблюдается тотъ же порядокъ, какъ и въ полковомъ судѣ. Приговоры его точно также подлежатъ конфирмаціи генерала (т. е. главнокомандующаго или командира отдѣльнаго отряда или корпуса). Въ концѣ главы о генеральномъ военномъ судѣ помѣщены два постановленія, которыя, по своему общему характеру, одинаково относятся къ обоимъ родамъ военныхъ судовъ, генеральному и полковому. Въ нихъ говорится во первыхъ, что въ «процессѣ» (военныхъ судовъ) должно заключаться все, что служитъ къ защитѣ, лишь бы это не вело къ проволочкѣ («волокитъ») дѣла, особенно въ дѣлахъ воинскихъ, и во вторыхъ — въ дѣлахъ гражданскихъ и дѣлахъ гражданъ противъ военнотружущихъ, слѣдуетъ судить по законамъ («штилю») той страны, гдѣ дѣла случатся.

Скорорѣшительный или состоятельный судъ (по нѣмецки Standrecht), о которомъ сказано лишь, что онъ имѣетъ мѣсто только въ походахъ, неприятельскихъ осадахъ и будущихъ бояхъ», когда вслѣдствіе замедленія въ рѣшеніи дѣла могутъ произойти важныя вредныя послѣдствія, именно — если для возстановленія дисциплины и порядка нужно примѣненіе жестокаго наказанія и «примѣрная строгая экзекуція его». О составѣ скорорѣшительнаго суда, и порядкѣ производства въ немъ дѣлъ не упоминается.

СИСТЕМА ВОИНСКАГО УСТАВА.

Воинскій уставъ Петра Великаго¹⁾ состоитъ изъ трехъ частей; первую часть составляетъ Воинскій Уставъ въ собственномъ смыслѣ этого слова: «Уставъ Воинскій о должностяхъ генераловъ, фельдмаршаловъ и всего генералитета и прочихъ чиновъ, которые при войскѣ подлежатъ быть, и опыхъ воинскихъ дѣлахъ и поведеніяхъ, что каждому чинить должно». Онъ заключаетъ въ себѣ постановленія военно-административнаго характера и между прочимъ патентъ о поединкахъ, главу о военномъ совѣтѣ и скоро-

¹⁾ Воинскій уставъ напечатанъ въ V т. Пол. Собр. Зак. (№ 3006). Ссылки на отдѣльныя статьи Устава помѣщаются только въ наиболѣе важныхъ случаяхъ.

рѣшительномъ судѣ и нѣскольکو главъ о должностныхъ лицахъ, имѣющихъ военно-судебное и военно-полицейское значеніе въ арміи. Въ части второй помѣщены Воинскій Артикулъ и Краткое изображеніе процессовъ. Часть третья носить названіе: «Объ экзерциціи и приуготовленіи къ маршу и должности полковыхъ чиновъ». Всѣ эти части Воинскаго Устава (въ обширномъ смыслѣ) были изданы отдѣльно въ разное время, причемъ, прежде всего, именно 26 апрѣля 1715 г. были напечатаны, вошедшіе впоследствии во вторую часть Воинскаго Устава, Воинскій Артикулъ и Краткое Изображеніе Процессовъ, притомъ на одномъ русскомъ языкѣ, а одинъ Воинскій Артикулъ изданъ былъ въ томъ же году вторично 16 Ноября на двухъ языкахъ: русскомъ и нѣмецкомъ. Затѣмъ также въ 1715 г. напечатаны вошедшія въ третью часть Воинскаго Устава постановленія: «Объ экзерциціи и т. п.» Воинскій Уставъ въ тѣсномъ смыслѣ (часть I) былъ оконченъ составленіемъ въ Данцигѣ 30 Марта 1716 г., а напечатанъ 16 Юля того-же года. Всѣ же три части составили Уставъ Воинскій въ обширномъ смыслѣ, будучи изданы вмѣстѣ на одномъ русскомъ языкѣ впервые въ 1719 году¹⁾. —

Разсмотримъ сначала тѣ части Воинскаго Устава, которыя касаются законовъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ, именно: Воинскій Артикулъ и Патентъ о поединкахъ.

Воинскій артикулъ былъ первымъ полнымъ военно-уголовнымъ уставомъ, составленнымъ специально для русскаго войска, хотя и на основаніи иностранныхъ источниковъ. Онъ дѣйствовалъ безъ особенно значительныхъ измѣненій весьма продолжительный періодъ времени, около 100 лѣтъ, до появленія полевого уголовного уложенія 1812 г. и даже можно сказать (относительно мирнаго времени) до изданія военно-уголовнаго устава 1839 г., который, впрочемъ, заимствовалъ отъ него многія изъ своихъ постановленій. Во все это время в. артикулъ былъ обязательно примѣняемъ военными судами въ ихъ сентенціяхъ, но только съ конца прошлаго столѣтія строгость его постановленій была смягчаема властью, представленною въ этомъ отношеніи мѣстамъ и лицамъ, къ которымъ приговоры военныхъ судовъ поступали на ревизію. Кромѣ значенія основы русскаго военно-уголовнаго законодательства, воинскій артикулъ имѣетъ важное значеніе и для исторіи русскихъ уголовныхъ законовъ общихъ, потому что вскорѣ послѣ его изда-

ВОИНСКІЙ
Артикулъ.

¹⁾ См. книгу П. О. Бобровскаго «О происхожденіи Артикула Воинскаго» СПб. 1881 года.

нія, а именно указомъ 10 Апрѣля 1716 года, дѣйствіе его было распространено и на гражданское вѣдомство, въ которомъ онъ находилъ примѣненіе паравиѣ съ уложеніемъ 1649 г. до изданія свода зак. угол. 1832 года, но былъ принятъ въ соображеніе и при составленіи этого свода.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ
ВОИНСКАГО
Артикула.

Что касается виѣшней исторіи Воинскаго Артикула, то до насъ дошелъ подлинный рукописный экземпляръ его (хранящійся въ особой витринѣ въ библиотекѣ Главнаго Штаба), который написанъ на одномъ русскомъ языкѣ и испещренъ поправками, сдѣланными самимъ Петромъ Великимъ и еще какимъ-то неизвѣстнымъ лицомъ. Изъ этого обстоятельства и того, что, какъ было упомянуто выше, первое изданіе Воинскаго Артикула было сдѣлано на одномъ русскомъ языкѣ, видно, что этотъ артикуль былъ написанъ первоначально по-русски и затѣмъ уже переведенъ на нѣмецкій языкъ, вѣроятно для того, чтобы онъ могъ быть понятенъ для находившихся въ русскомъ войскѣ иностранцевъ. Въ послѣдствіи онъ былъ издаваемъ нѣсколько разъ (въ составѣ Воинскаго Устава и отдѣльно) не съ археологическою цѣлью, а въ качествѣ дѣйствующаго устава, послѣдній разъ въ 1826 году. При составленіи полнаго собранія законовъ воинскій артикуль, съ другими частями воинскаго устава, вошелъ въ составъ V тома. Кромѣ того, на нѣмецкомъ языкѣ мы находимъ воинскій артикуль помѣщеннымъ въ *Corpus juris militaris novissimum* 1724 г., въ которомъ онъ перепечатанъ съ изданія 1715 г.

Составленіе воинскаго артикула производилось въ теченіе многихъ лѣтъ, подъ руководствомъ самого Петра Великаго. По причинѣ заимствованія почти всѣхъ постановленій воинскаго артикула изъ иностранныхъ законовъ, въ составленіи этомъ главнымъ образомъ принимали участіе иностранцы, состоявшіе въ русской службѣ, а именно, насколько извѣстно, во первыхъ, генераль Адамъ Вейде, который передъ тѣмъ былъ посылаемъ для изученія порядковъ въ императорскихъ войскахъ ¹⁾ и самъ составилъ статьи, о которыхъ мы говорили выше. Во вторыхъ—генераль-фельдцейхмейстеръ Яковъ Брюсъ, человекъ вообще весьма ученый, хорошо знавшій притомъ и русскій языкъ, вслѣдствіе чего (какъ видно изъ переписки Вейде съ Петромъ Великимъ) онъ занимался переводомъ на русскій языкъ иностранныхъ законовъ и даже вѣроятно самаго воинскаго артикула, и въ третьихъ—Андрей Виниусъ, сынъ голландца, находившагося въ русской

¹⁾ См. выше, стр. 27.

службъ, родившійся въ Россіи и состоявшій дьякомъ въ одномъ изъ приказовъ; онъ былъ хорошо знакомъ съ русскимъ языкомъ и, какъ видно изъ одного указація, вѣроятно съ цѣлью доставленія матеріала для составленія воиискаго артикула, въ 1702 году занимался, по порученію Петра Великаго, переводомъ голландскихъ военныхъ артикуловъ. Но главная работа по подготовкѣ и переводу постановленій воинскихъ артикуловъ должна была лежать на какихъ либо юристахъ по профессіи, участіе которыхъ въ этомъ дѣлѣ долгое время не было извѣстно. Г. Пекарскій, по нѣкоторымъ даннымъ, полагаетъ, что собраніе матеріала и переводъ его на русскій языкъ совершалось саксонскимъ оберъ-аудиторомъ Кромпеномъ, главнымъ составителемъ Краткаго Изображенія процессовъ, а переводъ русскаго текста Воиискаго Артикула на нѣмецкій языкъ былъ сдѣланъ докторомъ правъ барономъ Гюйссеномъ, который, какъ мы говорили выше, игралъ главную роль при составленіи Краткаго Артикула 1706 года ¹⁾.

Относительно источниковъ воиискаго артикула господствующее мнѣніе состоитъ въ томъ, что для составленія его преимущественно послужили: Уголовное уложеніе Карла V (обыкновенно называемое просто Каролиной) и военно-уголовные уставы: Швеціи, Саксоніи и Даніи, что основано было на однихъ только предположеніяхъ. Въ настоящее время, послѣ открытія сборника *corpus juris militaris novissimum*, вопросъ этотъ можно рѣшить съ большою основательностью. По сравненіи воиискаго артикула со всѣми современными ему военно-уголовными и общими законами, помѣщенными въ *corpus juris militaris novissimum*, оказывается, что въ воиискомъ артикулѣ постановленія о преступленіяхъ общихъ дѣйствительно составлены преимущественно на основаніи Каролины, которая послужила образцомъ для многихъ уголовныхъ уставовъ въ Западной Европѣ и продолжала еще въ началѣ XVIII столѣтія дѣйствовать на практикѣ. Постановленія же о преступленіяхъ воинскихъ составлены почти исключительно согласно шведскаго воиискаго артикула Карла XI 1683 г. Текстъ устава найденъ въ числѣ другихъ матеріаловъ г. Мышлаевскимъ въ 1894 г. ²⁾. Такое заимствованіе объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что артикулъ Карла XI представлялъ лишь въ нѣсколько измѣненномъ видѣ уставъ Густава Адольфа 1632 года, который оказалъ громадное вліяніе на военно-уголовное

¹⁾ См. выше, стр. 58.

²⁾ Сборн. военно-ист. матеріаловъ, вып. IX.

законодательство Западной Европы и былъ введенъ въ дѣйствіе почти цѣликомъ во всѣхъ протестантскихъ государствахъ. Кромѣ того, это произошло отъ того, что Петръ Великій питалъ особенное уваженіе къ военному устройству Швеціи по причинѣ достигнутыхъ ею военныхъ успѣховъ, первоначально даже относительно войскъ самого Петра, вслѣдствіе чего, послѣ Полтавской побѣды, онъ провозглашалъ Шведовъ своими учителями въ военномъ дѣлѣ; наконецъ и вообще Петръ считалъ Шведовъ «регулярнымъ», т. е. цивилизованнымъ народомъ и въ 1708 году, какъ извѣстно, имѣлъ намѣреніе заимствовать отъ нихъ даже и общее уложеніе, послѣ признанной имъ неудачною попытки пересмотра Соборнаго Уложенія 1649 года особою комиссіей, извѣстной подъ названіемъ Палаты объ Уложеніи. Мнѣніе о вліяніи на воинскій артикуль Саксонскихъ военно-уголовныхъ законовъ основано на томъ, что въ одномъ мѣстѣ его сказано: «съ чѣмъ саксонскія права зѣло согласуются». Выраженіе это употреблено въ толкованіи на статью объ изнасилованіи (по вопросу о наказаніи за совершеніе этого преступленія относительно публичной жепщины), между тѣмъ, какъ (оказывается, Саксонскіе военные законы общихъ преступленій (въ томъ числѣ и изнасилованія) вовсе не предусматриваютъ. Изъ чего ясно, что здѣсь воинскій артикуль разумѣть Саксонскіе общіе уголовные законы (помѣщенные въ Саксонскомъ зеркалѣ), которые, вопреки Баролинѣ, дѣйствительно рѣшаютъ упомянутый вопросъ совершенно такъ, какъ объ этомъ сказано въ воинскомъ артикулѣ. Впрочемъ, нѣкоторыя незначительныя заимствованія были сдѣланы и изъ Саксонскихъ военныхъ артикуловъ. Что же касается вліянія Датскихъ военно-уголовныхъ законовъ, то оно было невелико, что видно изъ сравненія воинскаго артикула съ уложеніемъ Шереметева, заимствованнымъ, какъ мы видѣли, изъ Датскаго артикула Христиана V 1683 года, дѣйствовавшаго и во время изданія воинскаго артикула Петра Великаго. Перечисленіе же наказаній, налагаемыхъ военными судами, хотя и помѣщенное въ краткомъ изображеніи процессовъ (подъ названіемъ: «оглавленіе приговоровъ въ наказаніяхъ и казняхъ»), по относящемуся къ законамъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ, дѣйствительно взято почти цѣликомъ изъ Датскихъ военныхъ законовъ, именно—военно-судебнаго устава (Gerichtsordnung) 1683 года. Наконецъ въ артикулѣ есть статьи, которыя вѣроятно были составлены подъ вліяніемъ военно-уголовныхъ законовъ: имперскихъ, голландскихъ и французскихъ.

Примѣненіе постановленій, заимствованныхъ изъ иностранныхъ, къ

русскому войску, въ воинскомъ артикулѣ заключается во введеніи въ него принятыхъ въ то время въ одной Россіи наказаній кнутомъ и батогами и вообще въ измѣненіи размѣра наказаній за многія преступленія. Опреѣленіе же еостава преступленій оставлено безъ всякаго почти измѣненія и въ воинскомъ артикулѣ не предусмотрѣло никакихъ новыхъ нарушеній, свойственныхъ русскому войску. Хотя вторая часть ст. 95 (о побѣгѣ) начинается слѣдующей фразой: «и сіе взято съ прикладу иныхъ государствъ, гдѣ люди наемные служатъ, а не по указу берутъ, того ради оный пунктъ перемѣняется по сему», послѣ чего говорится о смягченыхъ наказаніяхъ за побѣгъ для рекрутъ, на чемъ основываютъ предположеніе, что вообще при составленіи воинскаго артикула имѣлось въ виду то важное различіе, которое существовало между войсками въ Россіи и въ Западной Европѣ. Но оказывается, однако, что этой второй части ст. 95 вовсе не содержится въ воинскомъ артикулѣ 1716 года и что постановленіе, въ ней заключающееся, было объявлено лишь въ указѣ 1717 года и затѣмъ уже вошло въ составъ ст. 95 въ послѣдующемъ изданіи воинскаго артикула 1719 г.

Воинскій артикулъ составленъ, повидному, безъ всякаго соображенія съ Соборнымъ Уложеніемъ 1649 г., съ которымъ онъ расходится даже во взглядѣ на наказуемость преступленій противъ вѣры (стоявшихъ во всѣхъ уголовныхъ уставахъ на первомъ планѣ), причемъ воинскій артикулъ наказываетъ неодинаково богохуленіе собственно и поношеніе Богородицы и Святыхъ, какъ бы придерживаясь, отчасти, лютеранскаго взгляда на догматы вѣры, чего мы совсѣмъ не находимъ въ Уложеніи 1649 г. Такое отношеніе воинскаго артикула къ Соборному Уложенію дѣлается понятнымъ, если приять во вниманіе, что оно было признаваемо въ то время неудовлетворительнымъ и была сдѣлана даже попытка замѣнить его такимъ уложеніемъ, которое было бы составлено по иностранному образцу (шведскому). Упомянутое же въ воинскомъ артикулѣ (ст. 178) и краткомъ изображеніи процессовъ слова «уложеніе», относится скорѣе къ уголовному уложенію Карла V, чѣмъ къ уложенію царя Алексѣя Михайловича. Попытка согласовать воинскій артикулъ съ Соборнымъ Уложеніемъ, какъ мы увидимъ ниже, была сдѣлана внослѣдствіи, лишь въ 1721 году.

Воинскій артикулъ Петра I не былъ согласованъ не только съ Соборнымъ Уложеніемъ, но и съ предшествующими артикулу отдѣльными узаконеніями военно-уголовнаго характера, которыя были изданы въ царствованіе самого Петра I, что произошло собственно потому, что артикулъ этотъ былъ

всѣмъ основанъ на иноземныхъ началахъ. Вслѣдствіе необыкновенной строгости военно-уголовныхъ законовъ, господствовавшей въ то время повсемѣстно въ государствахъ Западной Европы въ періодъ образованія постоянныхъ войскъ, Военскій Артикуль отличался подобною же строгостью своихъ постановленій, далеко оставляя за собою въ этомъ отношеніи Соборное Уложеніе, прославленное своею жестокостью. Стремясь скорѣе достигнуть указаннымъ путемъ цѣли устрашенія (острастки), Военскій Артикуль не примѣнялся на практикѣ въ неизмѣнномъ видѣ, а постановленія его смягчались обширною властью утверждавшихъ приговоры военныхъ начальниковъ или посредствомъ помилованія, исходившаго отъ Верховной власти ¹⁾.

Патентъ о поединкахъ и начинаніи ссоръ, происхождение котораго было неизвѣстно, по сравненіи его съ помѣщеніемъ въ Corpus juris militaris массою патентовъ и эдиктовъ, изданныхъ по этому предмету въ Западной Европѣ, начиная со второй половины XVII столѣтія, оказывается больше всего подходящимъ по объему и смыслу статей, и потому, очевидно, заимствованнымъ изъ голландскаго эдикта о поединкахъ Вильгельма Оранскаго 1702 года.

СИСТЕМА
ВОЕНСКАГО
АРИКУЛА.

— Военскій артикуль состоитъ, подобно многимъ другимъ военно-уголовнымъ уставамъ, начиная съ устава Густава Адольфа, изъ 24 главъ, но заключаетъ въ себѣ 209 артикуловъ или статей, вслѣдствіе чего онъ, по своему объему, гораздо больше всѣхъ современныхъ ему военно-уголовныхъ уставовъ. Это произошло отъ того, что военскій артикуль Петра Великаго заключаетъ въ себѣ значительное число постановленій о преступленіяхъ общихъ, относительно которыхъ другіе военскіе артикулы говорятъ обыкновенно кратко или даже и вовсе не упоминаютъ объ нихъ, отсылая къ Каролицѣ и законамъ общимъ.

— Порядокъ размѣщенія главъ въ военскомъ артикулѣ состоитъ въ томъ, что, какъ это было принято въ то время вообще, вначалѣ помѣщены двѣ главы о преступленіяхъ противъ вѣры (именно: гл. I — о страхѣ Божіи и гл. II — о службѣ Божіей и о священникахъ), потомъ, однако, военскій артикуль переходитъ прямо къ преступленіямъ военскимъ и говоритъ въ гла-

¹⁾ Фельдмаршалъ Огильви, заботившійся о водвореніи въ русской арміи дисциплины, находилъ нужнымъ умѣрять эту строгость, говоря: „Россія еще въ своемъ младенствѣ и должна постепенно привыкать къ военной дисциплинѣ“. См. Розентеймъ, стр. 72.

132-26

вахъ отъ III до XII включительно о преступленіяхъ этого рода, совершеніе которыхъ возможно какъ въ мирное, такъ и въ военное время, а именно: въ гл. III — о командахъ, предпочтеніяхъ и почитаніи высшихъ и нижнихъ офицеровъ и о послушаніи рядовыхъ, гл. IV — о самовольномъ обнаженіи шпаги, тревогахъ и караулѣ, гл. V — о всякой солдатской работѣ, гл. VI — о воинскихъ припасахъ, ружьяхъ, мундирѣ, потратѣ и небреженіи опаго, гл. VII — о смотрѣ, гл. VIII — о корму и жалованьяхъ, гл. IX — объ отпускѣ изъ службы, гл. X — о маршахъ и походномъ строехъ, гл. XI — о квартирахъ и лагеряхъ и гл. XII — о дезертирахъ и бѣглецахъ; затѣмъ уже сказано въ главахъ отъ XIII до XVI — включительно о преступленіяхъ воинскихъ, которыя могутъ быть совершены лишь въ военное время, а именно: гл. XIII — о штурмахъ или приступахъ, гл. XIV — о взятѣ городовъ, крѣпостей, добычѣ и плѣнныхъ, гл. XV — о сдачѣ крѣпостей, капитуляціи и аккордахъ отъ непріятелей, гл. XVI — объ измѣнѣ и перепискѣ съ непріятелемъ. Глава XVII — о возмущеніи, бунтѣ и дракѣ, имѣетъ смѣшанный характеръ, говоря о преступленіяхъ общихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и о нарушеніяхъ воинскаго благочинія, къ которымъ причисляетъ и важнѣйшее нарушеніе воинской дисциплины — бунтъ. Накопецъ послѣднія главы отъ XVIII до XXIV посвящены исключительно преступленіямъ общимъ (а именно: гл. XVIII — о поносительныхъ письмахъ, бранныхъ и ругательныхъ словахъ, гл. XIX — о смертномъ убійствѣ, гл. XX — о содомскомъ грѣхѣ, насиліи и блудѣ, гл. XXI — о зажиганіи, грабительствѣ и воровствѣ, гл. XXII — о лживой присягѣ и подобныхъ сему преступленіяхъ, гл. XXIII — о палачѣ и профосахъ и гл. XXIV — о утаеніи и увозѣ злодѣевъ). Указанная система размѣщенія постановленій въ воинскомъ артикулѣ не проведена вполне строго, что видно не только изъ состава гл. XVII, но и изъ некоторыхъ другихъ.

Патентъ о поединкахъ говоритъ о тѣхъ нарушеніяхъ, которыя предусматриваются въ главахъ XVII и XVIII, но постановленія этихъ главъ, какъ оказывается, съ нимъ вовсе не согласованы, въ противность шведскому артикулу, который относительно наказуемости поединковъ прямо отсылаетъ къ издавшему о томъ особому эдикту. Кромѣ того, въ патентѣ содержатся опредѣлительныя постановленія о воинской дисциплинѣ, чинопочтаніи и подчиненности, но безъ указанія карательныхъ правилъ за нарушеніе ихъ.

— Кромѣ текста статей воинскаго артикула, при многихъ изъ нихъ есть такъ называемыя «толкованія», которыя во-первыхъ иногда измѣняютъ

Винникъ въ М.

Винникъ въ В.

Тр. обличеніе

толкованія

или дополняютъ смыслъ статьи и тогда играютъ роль примѣчанія къ ней, и во-вторыхъ — иногда же служатъ дѣйствительно для истолкованія смысла закона, или излагаютъ мотивы его и существовавшіе по извѣстнымъ вопросамъ взгляды законовъ или мнѣнія юристовъ. «Толкованія» эти были заимствованы изъ составленныхъ частными лицами къ различнымъ воинскимъ артикуламъ комментаріевъ или глоссаторовъ, которыхъ существовало тогда довольно много въ Западной Европѣ.

СИСТЕМА
НАКАЗАНИЙ.

4. Перечня наказаній, которыя могутъ быть положены, не находится въ воинскомъ артикулѣ, но онъ сдѣланъ въ краткомъ изображеніи процессовъ, въ отдѣлѣ подъ заглавіемъ: «оглавленіе приговоровъ въ наказаніяхъ и казняхъ», причѣмъ наказанія раздѣлены на пять категорій и заключаются въ слѣдующемъ: 1) обыкновенныя тѣлесныя — ношеніе оружія (мушкетовъ) или сѣдель, заключеніе, закованіе рукъ и ногъ въ желѣза, содержаніе на хлѣбѣ и водѣ, сидѣніе на деревянныхъ лошадяхъ, хожденіе по деревяннымъ кольямъ и битье батогами. 2) Жестокія тѣлесныя наказанія — тяжелое заключеніе, прогнаніе сквозь строй (шпицрутены), наказаніе посредствомъ палача кнутомъ, клейменіе желѣзомъ, обрѣзаніе ушей, отсѣченіе руки или пальцевъ и ссылка на каторгу вѣчно или на нѣсколько лѣтъ. 3) Смертныя наказанія «чинятся застрѣленіемъ, мечомъ, висѣлицею, колесомъ, четвертованіемъ и огнемъ». 4) Легкія чести рушенія — когда «начальный человѣкъ чину извержень или безъ заслуженнаго жалованья и безъ пасу отъ полку отосланъ или изъ государства выгнанъ», и 5) тяжелое чести рушеніе, «котораго пмя на висѣлицѣ прибито или шпага его отъ палача преломлена и воромъ (шельмомъ) объявленъ будетъ».

Изъ этого перечисленія видно, что наказанію лишеніемъ свободы не придавалось самостоятельнаго значенія, такъ какъ легкіе виды заключенія отнесены къ легкимъ, а тяжелые виды заключенія, въ томъ числѣ и каторга, къ тяжелымъ тѣлеснымъ наказаніямъ, а высылка изъ государства причислена къ лишенію чести, которымъ она сопровождалась. О наказаніяхъ имущественныхъ вовсе не упомянуто. Наказанія, принятые въ воинскомъ артикулѣ, отличаются отъ исчисленныхъ наказаній, помѣщенныхъ въ краткомъ изображеніи процессовъ, потому что послѣднія заимствованы изъ датскаго Gerichtsordnung 1683 г. безъ всякаго соображенія ихъ съ постановленіями воинскаго артикула.

Наказанія въ воинскомъ артикулѣ означены иногда въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ за одно и то же преступле-

не положено нѣсколько весьма различныхъ по тяжести наказаній, напр. заключеніе въ желѣза, шпицрутены или сожженіе, причемъ судебному усмотрѣнію предоставленъ уже слишкомъ большой просторъ.

Наказанія назначаются большею частью сообразно служебному положенію лицъ (офицеровъ и солдатъ), но на этотъ счетъ нѣтъ столь определенныхъ постановленій, которыя мы находимъ въ краткомъ артикулѣ, напр. относительно освобожденія офицеровъ отъ тѣлеснаго наказанія, которое и примѣнялось къ нимъ, хотя и въ рѣдкихъ случаяхъ, до самаго изданія жалованной дворянской грамоты въ 1785 году.

— Роды наказаній, указанные въ отдѣльныхъ статьяхъ воинскаго артикула, суть: 1) Смертная казнь упомянута въ 122 случаяхъ, изъ которыхъ въ 30-ти исключала вовсе возможность замѣны или пониженія наказанія; иногда она означалась просто въ выраженіяхъ «лишеніе живота», безъ означенія вида ея, но когда сказано «лишить чести, пожитковъ и живота», то, по толкованію къ ст. 123, въ этихъ случаяхъ казнь совершается посредствомъ повѣшенія, которому предшествуетъ шельмованіе, и затѣмъ пожитки отбираются на Государя. Простая смертная казнь совершается: повѣшеніемъ, иногда, какъ говорится, «безъ процессу на первомъ деревѣ» (за побѣгъ съ поля сраженія), отсѣченіемъ головы («усѣченіе мечемъ»), полагаемымъ довольно часто за убійство, изнасилованіе, кражу челоуѣка и т. п., причемъ къ наказанію этому, въ случаѣ примѣненія его за богохуленіе, присоединяется еще предварительное прожженіе языка раскаленнымъ желѣзомъ; разстрѣляніемъ или аркебузироваіемъ, которое впервые вводится у насъ воинскимъ артикуломъ и назначается за воинскія преступленія, не имѣющія позорнаго характера (за нарушеніе дисциплины, караульной службы и т. п.). Усиленная смертная казнь совершается: сожженіемъ, которое употребляется чаще, чѣмъ въ краткомъ артикулѣ (въ преступленіяхъ противъ вѣры, зажигательствѣ и дѣланіи фальшивой монеты); четвертованіемъ, которое совершается надъ живымъ челоуѣкомъ или же послѣ умерщвленія его другимъ способомъ и полагается за преступленія политическія (оскорбленіе Величества и измѣну) и колесованіемъ, самую жестокою изъ всѣхъ казней, которая точно также совершается надъ живымъ челоуѣкомъ, или же только послѣ казни его инымъ способомъ, предписывается «тѣло его на колесо положить». Колесованіе полагается за важнѣйшія общія преступленія, подобно тому, какъ и въ краткомъ артикулѣ (квалифицированное убійство, уличный разбой и т. п.). Въ случаѣ причиненія измѣною важнаго вреда, къ

этой казни прибавляется еще рваніе клещами. Изъ числа видовъ смертной казни только разстрѣліаніе и отсѣченіе головы взяты изъ шведскихъ воинскихъ артикуловъ, остальные же большею частью изъ Каролины. Въ воинскомъ артикулѣ, кромѣ того, принята заочная казнь (символическая), которая, совершенно согласно съ уложеніемъ Шереметева, полагается за переходъ на сторону непріятели и состоитъ въ прибитіи пмени къ висѣлицѣ, объявленіи шельмомъ, конфискаціи имущества и повѣшеніи «безъ процессу», въ случаѣ поимки впоследствии.

2) Членовредительныя наказанія также весьма разнообразны и состоятъ въ прибитіи руки ножомъ или гвоздемъ подъ висѣлицею, на частъ (за нанесеніе раны ножомъ), согласно уложенію Шереметева и краткому артикулу; отрѣзаніе ушей и носа, согласно краткому артикулу (за большую кражу); отрубленіе двухъ пальцевъ, также совершенно согласно съ краткимъ артикуломъ (за клятвopреступленіе). Кромѣ того полагается еще: отсѣченіе руки (за нанесеніе побоевъ тростью и поднятіе оружія на товарища и нанесеніе раны хозяину квартиры) и отсѣченіе сустава (за богохуленіе меньшей важности). Наконецъ, распоротіе поздрей употребляется, какъ прѣдпочтенное наказаніе къ каторгѣ въ одномъ случаѣ (членовредительство) и потомъ (по дополненію ст. 95 по указу 1717 г.) и къ вѣчной галерной работѣ (при второмъ побѣгѣ рекрута) и прожженіе языка раскаленнымъ желѣзомъ, какъ усиленіе казни при отсѣченіи головы за богохуленіе.

3) Тяжкія тѣлесныя наказанія—шишрутены или прогнаніе сквозь строй, назначавшіеся болѣе, чѣмъ въ 40 случаяхъ, опредѣляются иногда черезъ полкъ три дня сряду и доходятъ даже до 6 и 12 разъ черезъ полкъ (за повтореніе кражи) и полагаются за весьма многія преступленія, причемъ мѣра наказанія рѣдко назначается съ точностью. Наказаніе кнутомъ, которое указано въ краткомъ изображеніи процессовъ, вовсе не упоминается въ статьяхъ воинскаго артикула и только въ указѣ 1717 г. оно назначено за второй побѣгъ рекрута.

4) Легкія тѣлесныя наказанія состоятъ въ ношеніи оружія, мушкетовъ, карабиновъ или пикъ, по нѣсколько часовъ, иногда въ присутствіи цѣлаго полка (за маловажныя преступленія противъ вѣры). О ношеніи сѣделъ, сидѣній на деревянной лошади, хожденіи по деревяннымъ кольцамъ и наказаніи батогами, указанныхъ въ краткомъ изображеніи процессовъ, въ статьяхъ воинскаго артикула не упоминается, вѣроятно потому, что онѣ составляли дисциплинарныя взысканія.

5) Наказанія, направленныя на честь, состоятъ во первыхъ — въ шельмованіи, которое употреблялось всегда какъ наказаніе придаточное и присоединялось часто къ смертной казни, именно когда положено было лишеніе чести и живота. Оно состояло или въ прибитіи имени къ висѣлицѣ, что составляло уже заочную казнь, или же только въ преломленіи палачемъ шпаги и объявленіи шельмомъ, послѣ чего осужденный не могъ болѣе оставаться въ войскѣ и, какъ описано въ краткомъ изображеніи процессовъ, преступникъ «изъ числа добрыхъ и вѣрныхъ людей извергнуть» и его надлежтъ: 1) «ни въ какое дѣло, ниже свидѣтельство не принимать; 2) кто такого ограбить, побѣть или рапнуть, или у него отыметь; у онаго челобитья не принимать и суда ему не давать, развѣ до смерти кто его убьетъ, то яко убійца судитися будетъ; 3) въ компаніи не допускать и единымъ словомъ таковой весьма лишенъ общества добрыхъ людей; а кто сіе преступитъ, самъ можетъ наказанъ быть.» Простое шельмованіе это значительно отличается отъ заочной казни, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ виновный лишается вовсе покровительства законовъ и, подобно дикому звѣрю, можетъ быть убитъ каждымъ. Шельмованіе это впервые введено Воинскимъ Артикуломъ.

Упомянутое въ воинскомъ артикулѣ наказаніе лишеніемъ чести касалось, какъ и въ уложеніи Шереметева и краткомъ артикулѣ, преимущественно чести служебной, и состояло въ исключеніи изъ службы, «безъ абшиду или пасу, (т. е. документовъ объ отставкѣ), изъ службы выгнать»; для офицеровъ — въ отставленіи отъ службы «весьма или на довольное время и по вся разы за рядового обязанъ служить», притомъ «на нѣсколько времени», «на мѣсяцъ (или на 6 мѣсяцевъ) за рядового служить», или «пока мѣсть выслужится»; что въ первомъ случаѣ составляетъ собственно наказаніе, — употребленіе офицера за рядового, принятое и въ уложеніи Шереметева, а въ послѣднемъ случаѣ — разжалованіе въ рядовые; наконецъ довольно часто примѣнялось наказаніе лишеніемъ чина понимая его въ смыслѣ не ранга, а должности.

6) Лишеніе свободы состояло во-первыхъ въ заключеніи съ тяжкими принудительными работами на каторгѣ или на галерахъ; наказанія эти назначались на весьма продолжительное время, на нѣсколько лѣтъ или даже вѣчно, причемъ въ послѣднемъ случаѣ онѣ бывали сопряжены, какъ было указано выше, съ распоротіемъ ноздрей, посредствомъ чего палагалась печать вѣчнаго отверженія, но вообще о лишеніи какихъ либо правъ для

тикулѣ появляются у насъ въ составѣ свѣтскихъ законовъ, что объясняется стремленіемъ Петра Великаго къ ограниченію церковной юрисдикціи и болѣе полному подчиненію церкви государству (посредствомъ образованія государственной церкви), подобно тому, какъ это произошло въ протестантскихъ странахъ, причемъ государство приняло на себя и назначеніе церковныхъ наказаній. Наказанія эти состоятъ въ церковномъ покаяніи, которое бываетъ иногда явнымъ или публичнымъ и назначается въ тѣхъ случаяхъ, когда виновный не подвергается смертной казни. Церковное покаяніе полагается за преступленія, имѣющія вмѣстѣ съ тѣмъ грѣховный характеръ: кощунство, блудъ, кровосмѣшеніе и неосторожное убійство.

Въ воинскомъ артикулѣ встрѣчаются еще наказанія посмертныя, состоящія въ повѣшеніи за ноги лицъ, павшихъ на поединкѣ, и въ томъ, что въ случаѣ самоубійства, тѣло должно быть «тѣло въ безчестное мѣсто отволочь» и закопать, волоча прежде по улицамъ и «обозу», т. е. лагерю.

Наконецъ, наказанія въ воинскомъ артикулѣ во многихъ случаяхъ имѣютъ характеръ тальона, какъ напримѣръ, заклеушеніе профосомъ лица, нанесшаго ударъ другому, смертная казнь за убійство, причемъ какъ и въ краткомъ артикулѣ сказано: «кровь паки отмстить» и т. п.

Взглядъ воинскаго артикула на вопросы, разсматриваемые обыкновенно въ общей части уголовного права, не приходится извлекать только изъ смысла и сопоставленія отдѣльных постановленій, потому что онъ бываетъ выражень иногда категорически, въ видѣ общихъ положеній — въ толкованіяхъ къ статьямъ.

Изъ числа причинъ, влияющихъ на наказуемость, въ воинскомъ артикулѣ указаны:

ПРИЧИНЫ, ВЛІЯЮЩІЯ НА НАКАЗУЕМОСТЬ.

1) Малолѣтство, которое, какъ это сказано относительно совершенія кражи, освобождаетъ отъ наказанія, и только родителямъ рекомендуется подвергать виновныхъ мѣрамъ домашняго исправленія, именно наказывать «лозами», «дабы зарабѣ отъ сего отучить».

2) Душевная болѣзнь, какъ это говорится относительно самоубійства, совершеніе котораго «въ безмятествѣ или меланхоліи» освобождаетъ отъ посмертнаго наказанія, состоящаго въ волоченіи трупа по улицамъ и погребеніи въ безчестномъ мѣстѣ, и относительно воровства, при совершеніи его «въ лишеніи ума» (сумасшествіи) наказаніе «весьма оставляется» или «умалается».

3) Состояніе опьяненія, подобно тому, какъ и въ уложеніи

1/3
Шереметева, не служить причиной невѣняемости и даже наоборотъ—совершившій преступленіе въ пьяномъ видѣ «не токмо чтобы въ томъ извиненіемъ прощеніе получилъ, но по винѣ вѣднѣею жестокостію наказанъ имѣеть быть», что, какъ видно изъ толкованія къ статьѣ, особенно относится къ совершенно такому преступленію, которое «покаяніемъ однимъ отпущено быть не можетъ, яко смертное убійство и сему подобное», слѣдовательно къ преступленіямъ болѣе важнымъ.

Рв-7
125
4) Необходимая оборона — («нужное обороненіе») допускается только, какъ видно, для сохраненія жизни («изъ опасенія смертнаго»). Условія примѣненія ея указаны подробно и состоятъ во-первыхъ въ «умѣреніи», т. е. въ соотвѣтствіи способа обороны со средствами нападенія (противъ вооруженнаго нападенія съ оружіемъ и т. п.), но однако, «когда смертный страхъ есть, то надлежитъ обороняться чѣмъ возможно»; во-вторыхъ въ томъ, чтобы подвергшійся нападенію оборонялся, когда еще находится въ опасности, а не въ то время, когда нападавшій обратился уже въ бѣгство, причемъ выходитъ, что «такое смертное убійство изъ отщепенія, нежели отъ обороненія учинилъ», и, наконецъ, въ-третьихъ въ томъ, чтобы прибѣгать къ оборонѣ, когда невозможно спастись отъ нападенія посредствомъ бѣгства, но однако, когда «въ страхѣ есть (т. е. въ опасности) и невозможно болѣе уступать, тогда не долженъ есть отъ соперника себѣ перваго удара ожидать, ибо чрезъ такой первый ударъ можетъ тако учиниться, что и противиться весьма забудеть». На томъ же основаніи дозволяется и убійство вора, врывающагося въ домъ ночью, «ибо надлежитъ разсудить, что воръ не для единой кражи, но чтобы и умертвить въ домъ вьрается». При соблюденіи этихъ условій, совершеніе даже убійства освобождаетъ отъ наказанія; превышеніе же права необходимой обороны подвергаетъ наказанію, по значительно меньшему, чѣмъ то, которое положено вообще.

1/1
25
5) Заблужденіе или невѣдѣніе о такомъ обстоятельстве, вслѣдствіе котораго дѣйствіе, дозволенное вообще, получаетъ преступный характеръ, — освобождаетъ отъ наказанія, какъ это указано въ воинскомъ артикулѣ, въ двухъ случаяхъ: при невѣдѣніи того, что лицо, съ которымъ вступаютъ въ бракъ, находится уже въ брачномъ союзѣ, и въ случаѣ нападенія въ военное время на лицо или мѣсто, снабженное «сальво-гвардіей» (охраннымъ листомъ), о существованіи которой нападавшему не было извѣстно, причемъ сказано: «ибо тотъ не можетъ сальво-гвардію нарушить, кто не вѣдаетъ, что таковая кому дана».

Невѣдѣніе закона влечетъ за собою уменьшеніе наказанія въ одномъ случаѣ именно: — сна на часахъ со стороны солдата, неавно припягаго на службу, когда еще онъ «артикула не слыхалъ» и не понимаетъ значенія караульной службы.

6) Крайняя необходимость, о которой говорится относительно кражи, именно при совершеніи ея «изъ крайней голодной нужды», притомъ чего-либо «съѣтнаго или питейнаго, невеликой цѣны», вслѣдствіе чего наказаніе «уменьшается» или даже и «весьма оставляется».

7) Приказъ, влияніе котораго на невмѣняемость прямо не указано. Исполненіе приказа, съ одной стороны, для подчиненнаго безусловно обязательно, о чемъ сказано: «ибо начальнику принадлежит повелѣвать, а подчиненному послушно быть. Онъ имѣетъ въ томъ, что онъ приказалъ оправдаться, а сей отвѣтъ дать, какъ онъ повелѣнное исправилъ». Съ другой же стороны военскій артикулъ не только дозволяетъ, подобно краткому артикулу, но даже обязываетъ подчиненнаго, который, въ противность полученному приказанію, вспомнитъ что либо, служащее къ пользѣ службы или къ отвращенію вреда для нея, сначала доложить о томъ своему командиру, да если время есть, то донести и фельдмаршалу, или генералу, и только «буде его припомненіе не за благо изобрѣтено будетъ, тогда долженствуетъ онъ то чинить, что ему повелѣно». Сверхъ того въ другомъ мѣстѣ говорится: «ежели кто изъ офицеровъ солдатамъ, подъ командой его сущимъ, что нибудь прикажетъ, что къ службѣ Его Величества не касается и службѣ солдатской не пристойно, тогда солдатъ не долженъ офицера въ томъ слушать и имѣть сіе въ военномъ судѣ объявить», потому что, какъ сказано въ толкованіи, «команда офицерская болѣе не распространяется палъ солдатамъ, токмо сколько Его Величества и Его Государства польза требуетъ»¹⁾. Изъ сопоставленія этихъ статей можно придти къ предположенію, что подчиненный вообще обязанъ былъ безусловно исполнять только приказанія по службѣ, вслѣдствіе чего онъ могъ подлежать ответственности за дѣйствія, совершеніе которыхъ хотя и было ему приказано, но не входило въ кругъ его служебныхъ обязанностей или относительно вреда исполненія которыхъ онъ имѣлъ возможность довести своему непосредственному или главному начальнику. Наконецъ, въ одномъ случаѣ, именно слачи крѣпости, отвѣчаютъ всѣ чины гарнизона, которые не должны слушать коменданта,

¹⁾ Арт. 53.

если онъ пожелаетъ сдать крѣпость безъ уважительныхъ причинъ, какъ о томъ будетъ сказано ниже.

МЪРА НА-
КАЗАНИЙ.

Наказанія въ воинскомъ артикулѣ полагаются иногда сообразно качеству умысла, а именно: преступленія, совершенныя случайно, оставляются вовсе безъ взысканія, какъ это выражено относительно того, кто «весьма немысленно и не нарочно убьетъ», или кто произведетъ пожаръ «невинно или отъ неосторожности внезапно», потому что, какъ сказано, «никто о внезапномъ случаѣ отвѣта дать не долженъ».

Совершеніе преступленій по неосторожности, о чемъ сказано относительно убійства, за которое, когда оно сдѣлано «ненарочно и неволею», виновные подвергаются значительно уменьшенному наказанію противъ нормальнаго. Особый видъ «ненарочнаго», неосторожнаго убійства представляетъ случай, когда «кто похотѣлъ жену или дитя казнить и оную такъ жестоко побьетъ, что подлинно отъ того умретъ, то правда, что наказаніе легче бываетъ». Такой случай убійства представляетъ лишеніе жизни вслѣдствіе неосторожнаго примѣненія главою семьи дисциплинарной власти, которая, по домостроевскимъ понятіямъ того времени, могла выражаться въ нанесеніи побоевъ не только своимъ дѣтямъ, но и своей женѣ.

Степень близости къ совершенію преступленія не оказываетъ вліянія на наказуемость важнѣйшихъ, наиболѣе опасныхъ преступленій, которыя, хотя они «къ дѣйствию не произведены», но все-таки, «воля и хотѣніе въ томъ были» (въ государственномъ преступленіи), или когда кто ихъ «учинить вознамѣрится» (въ возстаніи), подлежатъ наказанію, положенному за оконченное преступленіе, причемъ подобнаго рода постановленія нельзя принимать за общее правило, а скорѣе слѣдуетъ смотрѣть на нихъ, какъ на исключеніе, допущенное для увеличенія наказуемости важнѣйшихъ преступленій. На основаніи Патента о поединкахъ, поединокъ наказывается, смотря по степени близости къ его совершенію, какъ мы увидимъ ниже.

Наказаніе по мѣрѣ участія въ преступленіи состоитъ въ томъ, что подстрекатели, дѣйствующіе посредствомъ подговора, подкупа или приказа, наказываются наравнѣ съ физическими виновниками, что выражено слѣдующимъ образомъ: «кто единъ черезъ другого чинить, почитается такъ, якобы онъ самъ то учинилъ».

О наказаніи другого рода участниковъ и лицъ прикосновенныхъ, которые «вспомогали», «совѣтъ подали» или «вѣдали, но не возвѣстили», упоминается преимущественно относительно важнѣйшихъ преступленій

11
155 156

(государственных преступлений, возстанія, убійства, поединка и недосенія о растратѣ казенныхъ денегъ и богохуленія), причемъ участники и лица прикосновенныя, напрымѣрь, недоносители, подлежатъ обыкновенно одинаковому наказанію съ главными виновниками. Но такого рода постановленія, подобно упоминаемымъ выше постановленіямъ о наказаніи по степени близости къ совершенію, по всей вѣроятности, имѣютъ исключительный характеръ, и въ воинскомъ артикулѣ встрѣчаются случаи, когда участники (въ сходкахъ, въ распространеніи пасквиля) и прикосновенныя лица (относительно шпіонства) наказываются легче главныхъ виновниковъ. При совершеніи нѣкоторыхъ преступленій цѣлыми частями войскъ (бѣгство съ поля сраженія, капитуляція и сдача крѣпости, участіе въ сходкахъ) смертной казни повѣшеніемъ подвергается, вопреки уложенію Шереметева и краткому артикулу, не только одинъ начальникъ части, но и всѣ начальныя люди, вышніе и нижніе, т. е. оберъ и унтеръ-офицеры, а изъ рядовыхъ смертной казни подлежатъ по жребію одинъ изъ десяти (decimalia) или нѣсколькихъ человекъ, по усмотрѣнію суда; остальные же рядовые не оставляются безъ взысканія, а подвергаются всѣ наказанію шпирутетами и «сверхъ того безъ знаменъ, внѣ обоза (т. е. лагеря) стоять имѣютъ, пока они храбрыми своими дѣлами паки заслужатъ», за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которые будутъ признаны по дѣлу невиновными.

157

149

129

94

102

Какъ въ этихъ случаяхъ, такъ и вообще начальники и старшіе въ чинѣ наказываются строже при соучастіи ихъ въ преступленіяхъ вмѣстѣ съ лицами младшими или подчиненными, что выражено въ воинскомъ артикулѣ такимъ образомъ: «когда болѣе чина и состоянія преступитель есть, толь жестокае оный и накажется. Ибо оный долженствуетъ другимъ добрый прикладъ подавать». Кроме того офицеры и вообще начальники отвѣчаютъ всегда за убытки, причиненныя ихъ подчиненными во время похода.

Увеличивающими вину обстоятельствами признаются относительно многихъ преступленій повтореніе ихъ, причемъ наказаніе, назначенное за повтореніе преступленія, обыкновенно значительно превосходитъ то, которое положено за совершеніе преступленія въ первый разъ (какъ напрымѣрь за кощунство въ первый разъ — заключеніе въ желѣза, а въ третій разъ — смертная казнь) и относительно нѣкоторыхъ воинскихъ преступленій — совершеніе ихъ въ военное время и особенно въ виду непріятели, что, подобно Уставу пѣхотныхъ и пушечныхъ дѣлъ, считается тогда, когда «караулы (т. е. сторожевыя посты) разставлены».

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА,
УВЕЛИЧИВАЮЩІЯ,
УМЕНЬШАЮЩІЯ И ИСКЛЮЧАЮЩІЯ НАКАЗУЕМОСТЬ.

1) повтореніе
2) совершеніе въ военн
3) въ виду А

411

Изъ числа упомянутыхъ въ воинскомъ артикулѣ уменьшающихъ вину обстоятельствъ—относительно отдѣльныхъ преступленій нельзя указать такихъ, которыя бы имѣли общій характеръ; однако обращаютъ на себя вниманіе въ нѣкоторыхъ постановленіяхъ артикула: недавнее нахожденіе на службѣ и незнакомство съ Воинскимъ Артикуломъ (при нарушеніяхъ караульной службы), лишеніе ума, малолѣтство и крайняя пужда (для кражи), въ каковыхъ случаяхъ наказаніе «умалается или вовсе оставляется», т. е. можетъ вести и къ полной ненаказуемости.

97

209

35

Изъ числа причинъ, влекущихъ за собою отмену наказанія, смерть не освобождаетъ безусловно отъ примѣненія наказанія въ тѣхъ случаяхъ, когда его опредѣлено исполнить надъ трупомъ умершаго (повѣшеніе за поги—за поединокъ и волоченіе по улицамъ и погребеніе затѣмъ въ безчестномъ мѣстѣ—за самоубійство). Примиреніе или прощеніе обиженнаго освобождаетъ отъ наказанія, но только въ дѣлахъ о маловажныхъ обидахъ словомъ (когда «не гораздо жестоко бранилъ»). Относительно помилованія есть только указаніе при desimalia для рядовыхъ, подвергшихся помѣщенію въ лагеря и отпятію знамени ихъ части, которые прощаются, «когда они своими храбрыми дѣлами наки заслужать», и наконецъ есть своего рода реабилитанія, именно относительно подвергшихся шельмованію или кто былъ въ рукахъ палача и на пыткѣ, надъ которыми, въ знакъ возстановленія ихъ правъ, совершается особый обрядъ, состоящій въ возложеніи на нихъ публично знамени, послѣ чего «наки за честнаго причтешъ и всѣмъ всеконечно запрещено будетъ, дабы ему впредь не попрекать». О давности въ воинскомъ артикулѣ не говорится, такъ какъ она не упоминалась тогда еще и въ общихъ уголовныхъ законахъ ни у насъ, ни въ западной Европѣ.

О примѣненіи уголовного закона сказано въ манифестѣ, которымъ объявлено объ изданіи воинскаго артикула, что дѣйствіе этого артикула распространяется на военно-служащихъ всѣхъ чиновъ безъ различія, притомъ русскихъ и иностранцевъ, и для того, что бы никто не могъ отговариваться невѣдѣніемъ воинскаго артикула, предписывается читать его въ частяхъ войскъ на смотрахъ и вообще еженедѣльно.

Кромѣ преступленій, предусмотрѣнныхъ воинскимъ артикуломъ, преступленія противъ «указовъ» (приказовъ), объявленныхъ у пароя или при барабанномъ боѣ или трубномъ звукѣ, согласно воинскому артикулу, подлежатъ наказаніямъ, положеннымъ въ немъ за неповиновеніе или неисполненіе приказаній, въ тѣхъ случаяхъ, когда въ самыхъ указахъ этихъ не

было назначено наказанія за ихъ нарушение. Въ одномъ случаѣ, именно многобрація, воинскій артикулъ, упоминая о немъ, не опредѣляетъ наказанія, а говоритъ о наказаніи его по церковнымъ правиламъ; находившіеся въ войскѣ священники за нарушение своихъ обязанностей въ одномъ только случаѣ наказываются самимъ воинскимъ артикуломъ, 1) а въ остальныхъ — онъ отсылаетъ дѣла о нихъ къ духовному суду или начальству.

Постановленія о составѣ и наказуемости отдѣльныхъ преступленій, по роду ихъ, заключаются въ томъ, что изъ числа преступленій воинскихъ предусмотрены:

ПОСТАНОВЛЕНІЯ О ВОИНСКИХЪ ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ.

134

I. Преступленія противъ вѣрности и долга службы; къ нимъ принадлежатъ: 1) военная измѣна, за которую полагается смертная казнь, большую часть четвертованіемъ и даже иногда съ прибавленіемъ рванія клещами. Подъ военной измѣной разумѣются тайныя и опасныя сношенія съ непріателемъ, сообщеніе ему пароля или лозунга, подача условныхъ знаковъ и т. п. Недозволенная переписка съ лицами, находящимися на непріятельской сторонѣ, о войскахъ и военныхъ дѣлахъ подвергается лишенію чести, чина, а иногда и «живота», т. е. смертной казни. Военнопленные за веденіе тайной переписки съ непріателемъ наказываются, какъ шпионы или лазутчики, которые, какъ говоритъ воинскій артикулъ, «по воинскому резону и обыкновенію повѣшены бывають». 2) Побѣгъ къ непріателю и бѣгство съ поля сраженія, за которые опредѣляется заочная казнь, т. е. объявленіе шельмомъ и повѣшеніе при поимкѣ «на первомъ дровѣ». 3) То же самое полагается за то, кто во время боя, чтобы быть отпущеннымъ, притворяется больнымъ, по при этомъ сказано, что «слабые и боязливые, по изобрѣтенію дѣла и состоянію особъ, по усмотрѣнію суда пощажены бывають». Подобнаго рода гуманнаго постановленія не встрѣчается даже ни въ одномъ изъ современныхъ военно-уголовныхъ законодательствъ. Кромѣ того, 4) указано много преступленій, совершаемыхъ цѣлыми частями войскъ, именно: бѣгство съ поля сраженія, отказъ вступить въ бой, оставленіе своего поста въ бою, «не учиня крайнее что или скурсу (помощи) себѣ не ожидая» и вступленіе въ договоръ съ непріателемъ («трактатъ и капитуляцію») безъ дозволенія Государя или фельдмаршала, по за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда части, будучи отдѣлены отъ войска, «атаку выдержали и крайній от-

134-28

94, 99

911

102, 103

112

1) См. гл. II, арт. 15, который грозитъ штрафомъ, размѣромъ въ 1 рубль, за «неотправленіе службы Божьей безъ знатной причины».

порь учинили» и «когда болѣе держаться или отъ фельдмаршала или генерала обождать и спкурсу получить болѣе надежды не имѣли». За всѣ эти преступленія полагается смертная казнь черезъ десятого человѣка (decimalia). Наконецъ 5) въ случаѣ сдачи крѣпости, если это было сдѣлано «безъ крайней нужды», комендантъ подвергается «лишенію чести, пожитковъ и живота», а офицеры и солдаты подлежатъ казни черезъ десятого человѣка, когда они къ сдачѣ крѣпости коменданта принудятъ или даже хотя ему въ томъ не отсовѣтуютъ и не удержатъ отъ сдачи, причемъ офицерамъ предписывается, если «усмотрятъ, что комендантъ безъ нужды сдать похощеть: тогда имѣютъ оные приступя къ нему прекословить и преклонять его къ должности, а ежели его отъ намѣренія такого уговорить не можно, онаго заарестовать и другого между собою вмѣсто его выбрать». Уважительными причинами къ сдачѣ крѣпости служатъ: недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и въ аммуниціи (въ смыслѣ боевыхъ запасовъ), когда они притомъ расходовались съ должною бережливостію, и значительная убыль въ людяхъ, когда оставшіеся, безъ полученія помощи, крѣпости «по всѣмъ видамъ» удержать будутъ не въ состояніи. Впрочемъ, когда имѣется указъ обороняться до послѣдняго человѣка, то ни въ какомъ случаѣ сдавать крѣпости не дозволяется ¹⁾.

II. Уклоненіе отъ службы или оставленіе ея заключается: 1) въ побѣгъ изъ службы, который наказывается весьма строго, одинаково съ побѣгомъ съ поля сраженія, — смертною казнью. Добровольная явка изъ побѣга ведетъ къ значительному смягченію наказанія. Кромѣ того по указу 1717 г. (впослѣдствіи составившему вторую часть ст. 95), рекруты подвергаются за первый побѣгъ только шпицрутенамъ, а за второй — наказанію кнутомъ, вырѣзанію поздрей и ссылкѣ въ вѣчную работу на галерахъ. Оставленіе своего мѣста въ походѣ приравнивалось къ побѣгу («аки дезертиръ»), но наказывалось гораздо легче, именно заключеніемъ въ желѣза «и жесточае». Важность этого нарушенія объясняется въ толкованіи тѣмъ, что каждый

¹⁾ Такъ, напр., въ 1711 г. еще до изданія Устава защитнику Полтавы, полковнику Келену былъ данъ отъ гр. Шереметева указъ, которымъ предписывалось «борониться до послѣдняго человѣка и ни на какой акордъ (соглашеніе) съ непріателемъ никогда не вступать подъ смертною казнью», на тотъ случай, если бы комендантъ былъ убитъ, указъ повелѣвалъ «первому офицеру» послѣ коменданта занять его должность, «тако-жъ и прочимъ одному за другимъ послѣдовать, сколько бы побитыхъ ни было и тѣмъ дѣла не остановить. Въ объявленіи указа всѣ офицеры должны были росписаться.—(См. Государственный Архивъ, кв. 14, отд. II, Дѣла Кабинета; Русск. Инв. 1897 г., № 271, статья А. З. Мышлаевскаго: «Къ Полтавской баталіи»).

1) на войнѣ можетъ попадобиться во всякое время, что отставаніе отъ строя дѣлается съ намѣреніемъ предаваться грабежу или съ цѣлью бѣжать изъ службы и наконецъ потому, что отстающій можетъ быть захваченъ неприятелемъ, который будетъ имѣть возможность получить отъ него свѣдѣнія о войскѣ. За преступленіе это, въ собственноручно написанныхъ Петромъ Великимъ пунктахъ, данныхъ фельдмаршалу Шереметеву, при отправленіи его въ походъ въ Померанію въ 1711 г., полагалосьсылать на каторгу. 2) Несвоевременная явка изъ отпуску, за что полагается вычесть изъ жалованья по мѣсяцу за каждые семь дней просрочки. 3) Заявленіе о притворной болѣзни для того, чтобы уклониться отъ похода, подвергается «жестокому наказанію». 4) Причиненіе вреда своему здоровью (членовредительство) и, что замѣчательно, даже порча лошади, съ цѣлью уклониться такимъ путемъ отъ службы, наказывается ссылкой на каторгу, вѣроятно вѣчно, т. к. она соединяется въ этомъ случаѣ съ распоротіемъ ноздрей.

III. Нарушенія обязанностей службы состоятъ преимущественно въ нарушеніи караульной службы; изъ числа ихъ предусмотрѣны, преимущественно относительно военнаго времени и потому наказываются весьма строго: 1) со стороны начальника караула — недостатокъ бдительности и отлучка изъ караула, за что положено разстрѣляніе; 2) со стороны другихъ чиновъ караула, даже, какъ видно, собственно часовыхъ — сонъ на часахъ, нахожденіе въ пьяномъ видѣ и уходъ съ поста, не дождавшись смѣны, — наказываются точно также разстрѣляніемъ, по наказаніе это смягчается до шпицрутеновъ въ случаяхъ, когда во время совершенія нарушеній не было опасности отъ неприятеля, когда сонъ и отлучка произошли отъ слабости и болѣзни, притомъ если заболѣвшій не могъ дать знать объ этомъ въ караулъ для полученія смѣны и, наконецъ, когда виновный недавно принятъ на службу и воинскаго артикула не слышать и не понимаетъ еще всего значенія караульной службы. 3) За запамятованіе пароля или лозунга полагается смертная казнь. 4) Упускъ карауломъ арестованнаго по небрежности влечетъ за собою наложеніе того самаго наказанія, которое грозило бѣжавшему изъ-подъ ареста. 5) Кража на караулѣ, какъ имущества ввѣреннаго храненію, такъ и вообще, за что въ обоихъ случаяхъ полагается повѣшеніе, независимо отъ цѣны украденнаго («много или мало»).

IV. Нарушенія военной дисциплины можно раздѣлить на нарушенія военнаго чинопочитанія и военной подчиненности. Къ числу первыхъ принадлежатъ: 1) Оскорбленіе фельдмаршала или генерала сло-

11+171

и *непристойности въ мнѣшномъ*

вами «непристойными или смѣшными», т. е. брашными или насмѣшками, за которое предписано передъ военнымъ судомъ публично просить прощенья и назначается заключеніе въ желѣза или другое наказаніе по усмотрѣнію суда: сравнительная незначительность наказанія, положеннаго за это преступленіе, объясняется тѣмъ, что вѣроятно здѣсь разумѣется преимущественно нанесеніе оскорбленія заочно, которое, какъ видно напримѣръ изъ краткаго артикула, показывалось наравнѣ съ оскорбленіемъ личнымъ.

2) Оскорбленіе тѣхъ же лицъ словами, «ихъ чести касающимся», т. е. клеветой, причемъ наказаніе — шпицрутены, но можетъ доходить и до смертной казни. 3) Нападеніе на фельдмаршала или генерала «вооруженною или невооруженною рукою» и поднятіе на него оружія, даже если не было причинено никакого вреда, «для приклада (примѣра) другимъ всемирно», подлежить смертной казни отсѣченіемъ головы. Относительно этого нарушенія сказано, что совершившій его не можетъ оправдываться тѣмъ, что онъ сдѣлалъ его вслѣдствіе полученнаго отъ фельдмаршала или генерала

оскорбленія, «пбо почтеніе генеральству всеконечно и весьма имѣетъ непарушимо быть», обиженному же предоставляется искать удовлетворенія подлежащимъ порядкомъ. 4) Оскорбленіе штабъ-офицеровъ и, по всей вѣроятности, и оберъ-офицеровъ, хотя объ нихъ и не упомянуто, *наказывался*

наравнѣ съ нарушеніемъ чинопочитанія относительно генераловъ. 5) *оскорбленіе* унтеръ-офицеровъ собственно дѣйствіемъ, угроза побоями *и словомъ* нанесеніе ихъ подвергаетъ точно также смертной казни, но только если нарушенія эти были совершены въ виду непріятели, въ другихъ же случаяхъ полагаются шпицрутены. 6) Оскорбленіе всякаго рода лицъ, исполняющихъ караульные обязанности, за что для офицера положено разжалованіе, а для солдатъ шпицрутены, нападеніе же на караульныхъ обложено смертною казнью разстрѣляніемъ, причемъ непосредственно затѣмъ сказано и о наказуемости караульныхъ, дающихъ своими дѣйствіями поводъ къ ссорамъ, что составляетъ собственно нарушеніе караульной службы и 7) оскорбленіе должностныхъ лицъ у суда, комиссаровъ и провіантскихъ служителей, которые считаются «подъ особою протекціею», *наказывается* почти съ тою же строгостью, какъ и нарушенія воинской дисциплины, въ числѣ которыхъ помѣщены и оскорбленія этихъ лицъ.

Къ числу нарушеній воинской подчиненности принадлежать: 1) Недовѣреніе или ослушаніе приказанію «изъ злости или упрямства» и сопротивленіе его исполненію — облагается смертною казнью. 2) Неисполненіе приказанія «отъ лѣности, глупости и медленія»

3 4 5 6 7

Къ числу нарушеній воинской подчиненности принадлежать: 1) Недовѣреніе или ослушаніе приказанію «изъ злости или упрямства» и сопротивленіе его исполненію — облагается смертною казнью. 2) Неисполненіе приказанія «отъ лѣности, глупости и медленія»

Къ числу нарушеній воинской подчиненности принадлежать: 1) Недовѣреніе или ослушаніе приказанію «изъ злости или упрямства» и сопротивленіе его исполненію — облагается смертною казнью. 2) Неисполненіе приказанія «отъ лѣности, глупости и медленія»

(«когда безъ умыслу оное не управить») наказывается значительно легче — отставленіемъ отъ службы или разжалованіемъ. На томъ же основаніи наказывалось и неточное исполненіе приказанія, даже хотя «дѣло доброе окончаніе получить». 3) Осужденіе приказаній («непристойныя разсужденія» объ нихъ) подлежатъ наказанію «лишеніемъ чести», т. е. служебныхъ правъ и преимуществъ. О степени обязательности исполненія приказа было уже упомянуто. 4) Возстаніе или бунтъ не опредѣляется съ достаточною точностью, а именно минимумъ числа участниковъ не указанъ. За преступленіе это полагается повѣщеніе и притомъ предписывается виновныхъ «на мѣстѣ и въ дѣлѣ самомъ казнить и умертвить», чтобы повести страхъ и предупредить распространеніе возстанія. Къ возстанію приравняется и непредставленіе своей части на смотръ (инспекторскій), громкое требованіе жалованья и отказъ отъ исполненія служебныхъ обязанностей, по случаю неполученія его.

V. Нарушенія начальниковъ относительно подчиненныхъ состоятъ: 1) Въ дурномъ обращеніи съ ими, о чемъ, подобно тому, какъ и въ краткомъ артикулѣ, сказано, что начальникъ можетъ къ своему приказанію «угроженія прибавить», но долженъ воздержаться притомъ отъ «всякихъ поносныхъ и чести касающихся словъ»; кромѣ того, запрещается начальнику, безъ уважительныхъ причинъ, жестоко и въ особенности по часту бить подчиненныхъ ему солдатъ, причѣмъ въ обоихъ случаяхъ полагается лишеніе чина (т. е. должности). 2) Неправильное употребленіе солдатъ на работу въ свою пользу, и именно назначеніе ихъ на работы тяжельды, хотя бы и съ платою, подвергаетъ наказанію лишеніемъ чести, чина и даже имущества. Вообще же запрещается употреблять солдатъ на работу безъ соответственной платы, которая должна быть выдаваема исправно и не дозволяется, для отбитія работъ на начальниковъ, увольнять солдатъ отъ исполненія служебныхъ обязанностей, но за нарушеніе всего этого никакого наказанія не назначено. 3) Удержаніе слѣдуемаго подчиненнымъ жалованья, вешей и провіанта наказывается весьма строго ссылкой на галеры и даже смертною казнью, потому что изъ этого «всякое зло можетъ произойти, если солдаты съ какой скудости или голоду въ болѣзнь впадутъ», черезъ что «остановка въ службѣ учинится».

VI. Преступленія противъ воинскаго имущества заключаются въ: 1) покинутіи ружья и порчѣ его или другого оружія и заступаніи, за что положено «жестокое» наказаніе шпицрутенами, а за проигрышъ,

59
14
144
37
11
12/6
36
84
42

продажу или закладъ, т. е. вообще растрату ружья, наказаніе это наказывается только за совершеніе ихъ въ первый и во второй разъ, за растрату же ружья въ третій разъ опредѣляется разстрѣляніе, «ибо оружіе суть самыя главнѣйшіе члены и способы солдатскіе, черезъ которые непріятель имѣеть побѣжденъ быть» и т. д. 2) Растрата мундира подлежитъ тому же наказанію, какъ и растрата ружья. 3) Порча лошади съ цѣлью черезъ это уклониться отъ службы, какъ было уже сказано, наказывается наравнѣ съ членовредительствомъ (распоротіемъ ноздрей и ссылкою на каторгу). 4) Кража имущества изъ казенныхъ хранилищъ («магазиновъ, цейхгаузовъ и т. п.»), растрата находящихся на рукахъ казенныхъ денегъ и даже недонесеніе объ этомъ преступленіи подвергается повѣшенію.

VII. Нарушенія воинскаго благочинія и порядка, изъ которыхъ важнѣйшія по наказуемости суть слѣдующія: 1) Производство напрасной тревоги послѣ пробитія вечерней зары, что наказывается сообразно умыслу, и если сдѣлано «изъ злости или нарочно», то смертною казнью, а если «незачиномъ», то для офицера — потерей ружья, изъ котораго стрѣляль, и вычетомъ изъ жалованья, для солдата же — шинцрутенами. 2) Всякаго рода самовольныя отлучки, которыхъ нельзя приравнять къ побѣгу, а именно: кто покуеть внѣ лагеря или крѣпости, отлучка изъ лагеря для добычи или для чего иного безъ позволенія, выходъ при ночлегахъ въ походѣ за отводныя караулы и при расположеніи на квартирахъ, отлучка послѣ пробитія вечерней зары; только за послѣднее нарушеніе полагаются шинцрутены, остальные же наказываются весьма строго, наравнѣ съ побѣгомъ, смертною казнью. 3) Собираніе сходокъ, хотя бы и для составленія жалобъ, которыя должны быть подаваемы каждымъ «о себѣ, а не обще», наказывается относительно офицеровъ и зачинщиковъ изъ солдатъ — смертною казнью, остальные же подвергаются смертной казни черезъ десятого (decimaria). Накопецъ 4) самовольное обнаженіе шпаги съ цѣлью уязвить кого-либо, въ присутствіи высшаго военнаго начальника, военнаго суда или когда караулы разставлены (передъ непріателемъ). 5) Ссоры и драки съ призывомъ на помощь другихъ, черезъ что можетъ произойти нарушеніе порядка, и 6) самовольное занятіе квартиры — облагаются смертною казнью. Менѣ важныя нарушенія воинскаго благочинія заключаются въ пьянствѣ, предусмотрѣнномъ только относительно офицеровъ, которые вслѣдствіе «непрестаннаго пьянства или всегданныхъ непотребствъ» (развратной жизни)

дѣлаются негодными для службы и потому подлежатъ отставленію отъ нея, въ несоблюденіи чистоты въ лагерѣ и т. п.

VIII. Злоупотребленія по службѣ, подь которыми мы разумѣемъ преимущественно преступленія, обнаруживаемыя на инспекторскихъ смотрахъ, заключаются: 1) Въ показаніи бѣльшаго числа солдатъ въ своей части противъ дѣйствительнаго, для полученія на нихъ содержанія, слѣдовательно въ излишнемъ количествѣ, за что виновный, «яко воръ», подлежитъ ссылкѣ на галеры или даже смертной казни. 2) Въ явкѣ на смотрѣ съ ружьемъ, взятымъ у другого, которая облагается шпицрутенами, и 3) въ отказѣ представить свою часть на смотрѣ, что наказывается какъ возстаніе, — смертною казнью.

IX) Преступленія противъ мѣстныхъ жителей во время стоянокъ и военныхъ дѣйствій состоятъ: 1) въ причиненіи убытковъ со стороны постояльца своему хозяину квартиры или членамъ его семейства и нанесеніи имъ оскорбленій, побоевъ и даже ранъ, за что полагается испрашиваніе прощенія, уплата за убытокъ вдвое и самыя разпобразныя наказанія, доходящія до отсѣченія руки. 2) Ограбленіе и разрушеніе, при взятіи городовъ, церквей, школъ и иныхъ духовныхъ домовъ и больницъ и убійство и даже причиненіе обидъ женщинамъ, дѣтямъ, священникамъ и старикамъ облагается смертною казнью, потому что, какъ сказано, «черезъ сіе чести получить не можно — оныхъ убить, которые обороняться не могутъ». Впрочемъ, дѣйствія эти не влекутъ за собою никакаго наказанія, когда они будутъ дозволены главнокомандующимъ, что и дѣлалось въ тѣхъ случаяхъ, когда «гарнизонъ и граждане сдачею медлятъ и великій вредъ чинить будутъ». 3) Относительно своихъ подданныхъ — ломка дворовъ, бревень, заборовъ и потрава на полѣ хлѣба наказываются «по изобрѣтенію вины», за исключеніемъ случая, когда это потребуется и будетъ дозволено. 4) Относительно своихъ подданныхъ или пѣтъ — за ломку строеній и порчу огородовъ полагается наказаніе, доходящее даже до смертной казни, но это постановлено не изъ гуманныхъ побужденій, а для охраненія интересовъ самого войска, «ибо можетъ отъ грабительства войско безъ прокормленія быть, а отъ ломанія строенія квартиръ лишиться и отъ холоду исчезать». Причиненіе насилій или отнятіе чего либо у тѣхъ же лицъ въ землѣ союзной, нейтральной или непріятельской и взиманіе контрибуцій «безъ указа» запрещается, но никакаго наказанія не указано, и наконецъ 5) относительно мѣстъ

и лицъ, снабженныхъ сальво-гвардіями, которыя даются государемъ, фельд-маршаломъ или командующимъ генераломъ по просьбѣ мѣстныхъ жителей, владѣльцевъ и пачальствъ и состоятъ или во-первыхъ—въ охранномъ листѣ, или же во вторыхъ—въ посылкѣ съ этимъ листомъ для охраны одного или нѣсколькихъ солдатъ, называемыхъ въ этомъ случаѣ залогамн. «Сальво-гвардіи не нарушаются одними словами, а дѣйствомъ», именно причиненіемъ насилій или вреда тѣмъ лицамъ, которыя ими снабжены, за что полагается смертная казнь.

ПОСТАНОВЛЕНІЯ
О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ
ОБЩИХЪ.

Изъ числа преступленій общихъ, которыхъ въ воинскомъ артикулѣ предусмотрѣно весьма много, обращаютъ на себя вниманіе постановленія о слѣдующихъ изъ нихъ:

1) Преступленія противъ вѣры, помѣщенныя въ началѣ воинскаго артикула, состоятъ во первыхъ—въ преступленіяхъ противъ вѣры собственно, а именно: 1) Чародѣйство, чернокнижіе, идолопоклонство и заговоръ ружья, составлявшія преимущественно принадлежность воен.-уголовн. уставовъ лютеранскихъ странъ, въ которыхъ государственная власть взяла на себя преслѣдованіе религіозныхъ нарушеній, въ томъ числѣ и преступленій суевѣрнаго характера. За преступленія эти полагаются назначенія отъ заключенія въ желѣза до сожженія, но послѣднее назначается только въ томъ случаѣ, когда чародѣй кому нибудь «вредъ причинилъ или дѣйствительно съ дьяволомъ обязательство имѣеть». 2) Хуленіе Бога, службы Божіей, славы Божіей и Святыхъ Таинствъ—наказывается прожженіемъ языка раскаленнымъ желѣзомъ и затѣмъ отсѣченіемъ головы, но за 3) поношеніе Богородицы и Святыхъ можетъ быть даже назначено тѣлесное наказаніе, что, какъ было уже упомянуто, объясняется опять тѣмъ вліяніемъ, которое оказали на воинск. артикулъ уголовныя законодательства лютеранскихъ государствъ, и 4) кощунство и напрасная божба, за которыя полагаются наказанія маловажныя, но за кощунство при совершеніи его въ третій разъ полагается смертная казнь. Во-вторыхъ—преступленія, состоящія въ нарушеніи церковнаго благочинія, какъ-то: неявка къ церковному богослуженію и нахождение въ церкви въ пьяномъ видѣ и т. п. и напесненіе оскорбленій полковымъ священникамъ; за все это опредѣлены маловажныя наказанія. Кромѣ того въ воинск. артикулѣ назначено священнику денежное взысканіе за неотправленіе богослуженія, за остальные же проступки священники наказываются по усмотрѣнію старшаго священника въ войскѣ или духовнымъ судомъ.

II) Преступленія государственныя помѣщены вмѣстѣ съ нарушеніемъ воинск. дисциплины, причеиъ изъ числа ихъ предусмотрѣны только: во-первыхъ — оскорбленіе Величества посредствомъ нападенія съ войскомъ и всякое намѣреніе предпринять противъ него какія либо насильственныя дѣйствія и во-вторыхъ — оскорбленіе особы Государя, его супруги или наслѣдника престола хулительными словами, за что полагается въ первомъ случаѣ четвертованіе и конфискація, а въ последнемъ — отсѣченіе головы.

III) Лишеніе жизни (убійство), какъ преступленіе, въ воин. артикулѣ опредѣляется весьма точно, а именно: /«кто волею и нарочно, безъ пужды и смертнаго страху умертвить или убѣть его тако, что отъ того умретъ», причеиъ изъ послѣднихъ словъ видно, что къ убійству въ собственномъ смыслѣ приравнивается и нанесеніе побоевъ, отъ которыхъ послѣдовала смерть. Замѣчательно, что для узнанія того, дѣйствительно ли смерть произошла отъ побоевъ, воинск. артикулъ предписываетъ производить вскрытіе трупа посредствомъ медиковъ, указываетъ, какія именно раны слѣдуетъ считать безусловно смертельными и кромѣ того предлагаетъ судьямъ обращать вниманіе и на свойство самыхъ орудій, которыми были нанесены побои. Убійство бываетъ: 1) Простое (умышленное), за которое положено «кровь паки отмстить» и казнить отсѣченіемъ головы, 2) квалифицированное, а именно /совершенное посредствомъ отравленія, убійство по найму и лишеніе жизни дѣтяти «во младенчествѣ» и офицера, вѣроятно со стороны его слуги, причеиъ за всѣ эти виды убійства положено колесованіе, и 3) самоубійство, за которое въ случаѣ, если исполненію его помѣшали, виновный, какъ сказано, по мнѣнію учителей правъ, когда оно совершено въ безпамятствѣ мученіемъ и досадою, «чтобы болѣе не жить», долженъ быть только «отогнанъ отъ полка», а въ другихъ случаяхъ подвергается смертной казни. За самоубійство же: когда судомъ не будетъ признано, что оно произведено въ меланхолии, то, какъ было упомянуто выше, падѣ трупомъ отбывается установленное по смертному наказанію. О наказуемости убійства по качеству умысла, степени участія и въ случаѣ осуществленія права необходимой обороны, было говорено выше (стр. 57 — 60). Кромѣ послѣдняго случая, убійство допускается еще: со стороны офицера относительно солдата, который сопротивляется къ возвращенію его въ строй силою, часоваго, поставленнаго въ опасномъ мѣстѣ, относительно проходящихъ, кооторые не отвѣтятъ на двухкратный

окричь его «съ угроженіемъ», и наконецъ даже каждому солдату относительно своего товарища, который станетъ отнимать у него принадлежащую ему часть добычи.

IV) Причиненіе тѣлесныхъ поврежденій, изъ числа которыхъ, подобно тому, какъ и прежде, говорится только о нанесеніи раны ножомъ, за что полагается, подобно тому какъ въ Уложеніи Шереметева и краткомъ Артикулѣ, пробитіе руки ножомъ или гвоздемъ подь висѣлицею, но кромѣ того еще потомъ гоняніе шницрутенами; за поднятіе на кого либо «въ сердцахъ» пистолета или шпаги, съ цѣлю нанести вредъ, полагается отсѣченіе руки.

V) Личныя оскорбленія предусмотрены въ воинскомъ артикулѣ и составляютъ главное содержаніе патента о поединкахъ и начинаніи ссоръ, причемъ постановленія ихъ по этому предмету, какъ было уже замѣчено, вовсе не согласованы между собою. Воинскій артикулъ за оскорбленія, а именно за «ударъ тростью или чѣмъ инымъ», наказываетъ подобно тому, какъ и за поднятіе на кого либо оружія, отсѣченіемъ руки, а за ударъ по щекѣ назначаетъ заоплеушеніе профосомъ передь ротою. За оскорбленіе посредствомъ пасквиля, т. е. именно распространеніемъ анонимнаго письма, заключающаго въ себѣ указаніе на позорящаго кого либо обстоятельства, подвергаетъ тому наказанію, «каковою страстью (порокомъ, преступленіемъ) онъ обруганнаго хотѣлъ повинить», кромѣ того самый пасквиль сжигается рукою палача, подь висѣлицею, причемъ, если авторъ его остался неизвѣстенъ, то онъ всетаки объявляется «безчестнымъ». Наказаніе за пасквиль полагается даже и въ случаѣ справедливости взводимаго въ немъ обвиненія, «понеже онъ истиннымъ путемъ не пошелъ, дабы другого погрѣшеніе объявить». За оскорбленіе словомъ положено испрашивать прощенія у обиженнаго или признаніе того, что онъ солгалъ (при клеветѣ), въ случаѣ же отказа виновнаго отъ исполненія этого, онъ принуждается къ тому посредствомъ наложенія наказаній, если же они не подѣйствуютъ, то возлагается на профоса, въ присутствіи упорнаго, «его именемъ отзывъ учинить». Кромѣ того вообще полагается всетаки подвергать еще и наказанію (денежному или заключеніемъ), «если гораздо жестоко бранилъ». Взапность обидъ не освобождаетъ отъ наказанія и оба соперника должны быть наказаны за нанесенныя ими другъ другу оскорбленія.

Въ патентахъ о поединкахъ за брань, угрозы побоями и нанесеніе

удара рукою или палкою, полагается испрашиваніе прощенія «на кольцахъ» и сверхъ того заключеніе и лишеніе жалованья въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. На основаніи обоихъ уставовъ обиженный обязанъ приносить жалобу на полученное оскорбленіе и за неисполненіе этого предписанія самъ подлежитъ наказанію, что установлено однако вовсе не для охраненія чести и достоинства военнаго званія, какъ это можно подумать, но собственно чтобы имѣть ручательство, что обиженный не стапетъ искать удовлетворенія инымъ путемъ, вслѣдствіе чего въ патентѣ говорится, что онъ долженъ «или бить челомъ, или помириться». Вообще же, подобно тому, какъ и въ прежнихъ военно-уголовныхъ уставахъ, посредствомъ назначенія за оскорбленіе строгихъ наказаній, или имѣвшихъ характеръ тальона, и предписанія воинскому начальству доставлять обиженнымъ надлежащее и скорое удовлетвореніе, законъ стремился главнымъ образомъ къ предупрежденію поединковъ. Относительно поединковъ, воинскій артикулъ, насколько можно понять изъ него, собственно за выходъ на поединокъ и за состоявшійся поединокъ, хотя бы на немъ никто не пострадалъ, наказываетъ дуэлянтовъ вмѣстѣ съ секундантами—повѣшеніемъ, а если-бы кто палъ на поединкѣ, то предписывается вѣшать его за ноги и послѣ смерти. Патентъ о поединкахъ наказываетъ за поединокъ по степени близости къ его совершенію, а именно: 1) за вызовъ, принятіе вызова и участіе въ этомъ секундантовъ и картельщиковъ и даже за недонесеніе о послѣдовавшемъ вызовѣ полагается «лишеніе достоинствъ (служебныхъ) и чиновъ» и конфискація извѣстной части имѣнія (недвижимаго). Даже слуга, переносившій «вызывательную цыдулу» (картель), если онъ знаетъ о ея содержаніи, наказывается шпицрутенами. 2) За выходъ на мѣсто поединка и обнаженіе оружія, если поединокъ будетъ прекращенъ по собственной волѣ участниковъ, они подвергаются «жесточому штрафу» (т. е. наказанію вообще); когда же исполненію поединка помѣшали другіе и за состоявшійся поединокъ, подобно тому, какъ и въ воинскомъ артикулѣ, положена смертная казнь повѣшеніемъ за ноги даже и мертвыхъ, кромѣ того и конфискація¹⁾.

¹⁾ Необходимо отмѣтить, что, въ силу указа 14 января 1702 г., иностранцы за поединокъ подвергались: въ случаѣ нанесенія ранъ—смертной казни, въ случаѣ же обнаженія оружія—отсѣченію руки.

VI. Преступленія противъ нравственности (плотскія) предусмтрѣны почти всѣ и сущность постановленій объ ихъ заключаются въ слѣдующемъ: 1) Изнасилованіе, совершеніе котораго въ дружней землѣ или непріятельской наказывается безразлично смертною казнью или вѣчными галерами. Затѣмъ, хотя законъ и указываетъ правила, по которымъ слѣдуетъ опредѣлять степень достовѣрности жалобъ на изнасилованіе со стороны «скверныхъ женщинъ» («если она съ великимъ крикомъ другихъ на помощь призывала» и т. п.), но вопреки «многихъ правъ» (въ томъ числѣ и Каролины) говорится, что изнасилованіе даже «явной блудницы» подлежитъ однако-вому наказанію, «съ чѣмъ, прибавляетъ воинскій артикулъ, Саксонскія права зѣло согласуются». 2) Мужеложство съ насиліемъ подлежитъ тому же наказанію, которое положено за изнасилованіе, а мужеложство безъ насилія и скотоложство наказываются легче, чѣмъ по краткому артикулу, не сожже-ніемъ, а только «жестокимъ» тѣлеснымъ наказаніемъ. 3) Прелюбодѣяніе наказывается иногда даже каторгою на время. 4) Кровосмѣшеніе наказыва-ется сообразно близости родства, а именно, если оно совершается между родственниками въ восходящей или нисходящей линіи, то смертною казнью, а въ побочныхъ линіяхъ и между близкими свояками—по усмтрѣнію суда. 5) Незаконное сожитіе, послѣдствіемъ котораго было рожденіе ребенка, причѣмъ виновный обязывается обезпечить содержаніе ребенка и его ма-тери, но подвергается наказанію только въ томъ случаѣ, когда на ней не женится. 6) Обольщеніе обѣщаніемъ жениться, при которомъ законъ, въ случаѣ признанія дѣйствительности не только блудной связи, но и самаго обѣщанія жениться, не назначаетъ наказанія, а предписываетъ только одно принужденіе къ вступленію въ бракъ, согласно данному обѣщанію («то онъ сіе содержать и на чреватой жениться весьма обязанъ»). 7) Вступле-ніе въ новый бракъ при существованіи прежняго (многобрачіе) наказыва-ется по церковнымъ правиламъ.

VII. Преступленія противъ имущества вообще, постановленія о кото-рыхъ представляютъ большое сходство съ находящимися въ краткомъ арти-кулѣ. Преступленія эти по степени ихъ важности распределяются слѣдую-щимъ образомъ: 1) Зажигательство, за которое положено сожженіе; если же оно совершено по неосторожности, то наказывается по разсмтрѣнію. 2) До-рожный разбой съ нападеніемъ на домъ также съ оружіемъ и ночью, — по-ложено колесованіе. 3) Грабежъ церквей и лицъ, привозящихъ провіантъ къ войску, — смертная казнь съ положеніемъ тѣла на колесо. 4) Кража че-

ловѣка для продажи его—отсѣченіе головы. 5) Квалифицированная кража, которая состоитъ въ похищеніи предметовъ цѣною болѣе 20 руб. или хотя стоящихъ и меньше, но при совершеніи ея въ 4-й разъ, во время пожара или наводненія, относительно имущества своего господина или товарища, и кража казеннаго имущества и въ особенности вѣреннаго охраненію при нахожденіи въ караулѣ; во всѣхъ этихъ случаяхъ полагается повѣщеніе; и 6) кража простая касается только предметовъ цѣною менѣе 20 руб., наказывается за совершеніе ея въ первый и второй разъ—шпицрутенами (6 и 12 разъ черезъ полкъ), а въ 3-й разъ—отрѣзаніемъ ушей и носа, ссылкой на каторгу (вѣроятно вѣчно). Последнее членовредительное наказаніе полагается за кражу и «изъ наметовъ и палубовъ», что соотвѣтствуетъ кражѣ со взломлемъ, указанной въ Краткомъ Артикулѣ и Уложеніи Шереметева, и составляетъ вѣроятно кражу, произведенную посредствомъ наружнаго взлома. Собственно же кража подобранными ключами, именно когда «кто отпереть сундуки или хоромы воровскими ключами», наказывается наравнѣ съ простой кражей—шпицрутенами. Къ кражѣ приравнивается присвоеніе вѣреннаго имущества и утайка находки. Наказаніе за воровство «уменьшается» и даже «весьма оставляется», когда она совершена изъ крайней голодной нужды въ «лишеніи ума» или малолѣтнимъ.

VIII. Клятвопреступленіе и лживые поступки, — заключаются: 1) въ ложномъ показаніи подъ присягою, за которое полагается, какъ было принято въ то время, отсѣченіе двухъ пальцевъ, «которыми присягалъ», и кромѣ того ссылка на каторгу, а когда черезъ это былъ причиненъ кому-либо важный вредъ, то наказаніе доходитъ до смертной казни. 2) Дѣланіе фальшивой монеты, которое можетъ производиться во 1-хъ употребленіемъ чужого чекана и не надлежащаго металла, за что въ обоихъ случаяхъ полагается сожженіе, и во 2-хъ отнятіе вѣса настоящей монеты, которое наказывается лишеніемъ чести и имѣнія. 3) Дѣланіе фальшивыхъ печатей и подписей (подлогъ) подвергается различнымъ наказаніямъ, доходящимъ до смертной казни («по состоянію обманъ великъ или малъ, или вредителенъ есть»). 4) Обмѣръ и обвѣсъ при продажѣ наказываются возвращеніемъ втрое неправильно полученнаго и кромѣ этого денежнымъ штрафомъ и тѣлеснымъ наказаніемъ. 5) Приптаніе ложнаго имени или прозвища, съ цѣлью причиненія какого-либо вреда, наказывается по обстоятельствамъ преступленія.

ФОРМАЛЬНЫЕ
ВОЕННО-УГОЛОВ-
НЫЕ ЗАКОНЫ ПО
ВОИНСКОМУ
УСТАВУ ПЕТРА
ВЕЛИКАГО.

Постановленія Воинскаго устава Петра Великаго, касающіяся судоустройства и судопроизводства, заключаются главнымъ образомъ въ краткомъ изображеніи процессовъ или судебныхъ тяжбъ, кромѣ того содержатся въ первой части воинскаго устава, въ особенности въ главахъ его: о генераль-аудиторѣ, о генераль-аудиторѣ-лейтенантѣ, о писарѣ судебныхъ дѣлъ, о генераль-гевальдигерѣ или руморѣ-мейстерѣ, о чинѣ и рангѣ фискальскомъ, въ главѣ 50-й «о военномъ совѣтѣ и скорорѣшительномъ судѣ» и, отчасти, въ главахъ: о генераль-фельдмаршалѣ, о всякомъ аншефтѣ, генераль-крюгсѣ-комиссарѣ и другихъ. ³Наконецъ постановленія эти находятся во многихъ статьяхъ воинскихъ артикуловъ или толкованіяхъ къ нимъ и даже въ 3-й части воинскаго устава: «Экзерциціи, приуготовленіе къ маршу, званія и должности полковыхъ чиновъ», но собственно относительно должностей полковаго аудитора и полковаго профоса.

КРАТКОЕ ИЗО-
БРАЖЕНІЕ ПРО-
ЦЕССОВЪ.

Краткое изображеніе процессовъ или судебныхъ тяжбъ было первымъ судебнымъ уставомъ для русскаго войска, который заключалъ въ себѣ подробное изложеніе правилъ судопроизводства. По своему назначенію, отчасти и содержанію, кр. изоб. касается судопроизводства вообще, но только о военныхъ судахъ хочетъ «пространнѣе объявить». Кр. из. дѣйствовало въ военномъ вѣдомствѣ, подобно Воинскому Артикулу, до самаго изданія Военно-Уголовнаго Устава 1839 г., при чемъ лишь въ 1812 г. оно было замѣнено для военнаго времени изданнымъ въ томъ году // Уставомъ Полевого Судопроизводства, хотя однако за весь этотъ періодъ времени характеръ процесса подвергался значительнымъ измѣненіямъ, не только вслѣдствіе изданія отдѣльныхъ узаконеній, но и путемъ правилъ, вырабатываемыхъ судебною практикою. Кр. изоб. проц., по закону 10 Апрѣля 1716 года будучи распространено и на гражданское вѣдомство, продолжалось до изданія Св. Зак. Уголовныхъ 1832 г. хотя въ гражданскомъ вѣдомствѣ оно примѣнялось въ гораздо меньшей степени, чѣмъ въ военномъ. Многія постановленія Кр. из. пр. вошли въ составъ какъ Военно-Уголовнаго Устава 1839 г., такъ и Св. Зак. Уголовн. 1832 г. и такимъ образомъ сохраняли силу въ вѣдомствахъ военномъ и гражданскомъ до самой судебной реформы.

ПРОИСХО-
ЖДЕНІЕ ЕГО.

Происхожденіе Кр. из. пр. до настоящаго времени не возможно было опредѣлить съ точностью. Согласно общепринятому мнѣнію, оно было составлено подъ вліяніемъ Каролины и тѣхъ толкованій ея, которыя были

даваемы ей нѣмецкими и италіянскими практиками ¹⁾. Кр. из. пр. имѣеть мало сходства съ существовавшими въ то время въ западной Европѣ военно-судебными уставами (Kriegs-Gerichtsordnung) и Инструкціями аудиторамъ (Auditor-Instruction) официальной характера, хотя ближе всего подходит къ Шведскимъ регуламъ Карла XI 1683 г.; оно также имѣеть мало общаго съ многочисленными частными руководствами по военно-судебной части, несмотря на то, что нѣкоторыя изъ нихъ даже носятъ весьма сходныя съ нимъ названія (Шульце и т. п. ²⁾). Но главное стлічіе западно-европейскихъ правилъ военнаго процесса отъ нашего Кр. из. пр. состоитъ въ томъ, что въ немъ смѣшано производство дѣлъ уголовныхъ и гражданскихъ, хотя относительно послѣднихъ и есть нѣкоторыя особенности, а также слиты вмѣстѣ оба рода процесса, обвинительный и слѣдственный, между тѣмъ какъ въ Зап. Европѣ дѣлалось строгое различіе въ этихъ отношеніяхъ, причемъ въ руководствахъ къ военному судопроизводству сначала говорилось всегда о процессѣ обвинительномъ въ дѣлахъ гражданскихъ, потомъ о примѣненіи его въ дѣлахъ уголовныхъ и наконецъ о слѣдственномъ (инквизиціонномъ) процессѣ въ дѣлахъ уголовныхъ (большой важности). Изъ этого можно заключить, что Кр. из. пр., будучи сочинено по иностраннымъ образцамъ, было все-таки составлено специально для Россіи. Предположеніе это подтверждается еще и тѣмъ, что оно по характеру излагаемаго въ немъ процесса, совпадаетъ съ направленіемъ въ то время русскаго законодательства относительно порядка судопроизводства ³⁾ Въ русскомъ судопроизводствѣ въ XVII столѣтіи господствовалъ обвинительный процессъ, что видно изъ Соборнаго Уложенія 1649 г. и указа 3-го Мая 1683 г., который стремился, изъ фискальныхъ цѣлей, воспрепятствовать распространенію розыска (порядка слѣдственного). Затѣмъ при Петрѣ Великомъ послѣдовалъ указъ 21-го Февраля 1697 г. объ отмѣнѣ «суда» и «очныхъ ставокъ» (формъ обвинительнаго процесса) и замѣнѣ ихъ розыскомъ, по съ нѣкоторою примѣсью обвинительныхъ началъ. Порядокъ судопроизводства, установленный

¹⁾ Линовскій, Опытъ историческаго розысканія о слѣдственномъ уголовномъ судопроизводствѣ въ Россіи, Одесса, 1849.

²⁾ По нѣкоторымъ даннымъ составителемъ Кр. изобр. былъ находившійся въ Россіи саксонскій оберъ-аудиторъ Кромпень. См. Бобровскій Военные законы Петра В. въ рукописяхъ и первопечатныхъ изданіяхъ. Ж. Г. и У. II. 1887, к. 2.

³⁾ Кавелинъ, Исторія гражд. судопроизводства въ Россіи отъ Соборнаго Уложенія до учрежденія о губерніяхъ, Спб. 1862.

этимъ указомъ, въ главныхъ чертахъ является подходящимъ къ тому порядку, который принятъ въ Кр. из. пр. Вообще же постановленія Кр. из. пр. не имѣютъ ничего общаго съ Соборнымъ Уложеніемъ, но сходны съ постановленіями по военно-судебной части Кр. Арт. 1706 г., нѣсколько отличающіяся отъ него относительно состава военного суда и порядка подачи голосовъ судьями.

Но въ отношеніи состава военныхъ судовъ Кр. из. пр. противорѣчатъ даже находящейся въ первой части Воинскаго Устава главѣ 50 «О военномъ совѣтѣ и скорорѣшительномъ судѣ», которая вообще, какъ видно, была заимствована не изъ тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ было составлено Кр. из. процессовъ.

СИСТЕМА ЕГО.

Краткое изображеніе процессовъ отличается систематичностью въ расположеніи его частей и изложено довольно хорошимъ слогомъ, причѣмъ однако употребляемые въ немъ термины представляются иногда настолько неясными, что ведутъ къ недоразумѣніямъ или къ невѣрному пониманію его постановленій (гражданскія дѣла, дѣла пыточные и т. п.). Кр. из. пр. заключаетъ въ себѣ 81 статью, въ 16 главахъ, и состоитъ изъ четыреухъ отдѣловъ. Первый отдѣлъ составляетъ вступленіе (2 главы: «О судѣ и судіяхъ» и «О процессѣ или тяжобѣ»). Затѣмъ въ виду раздѣленія процесса на три части, послѣдующіе отдѣлы излагаютъ каждую изъ этихъ частей процесса, а именно: первую часть процесса—отъ повѣщанія до отвѣтчика отвѣта (шесть главъ); вторую часть процесса—до сентенца или приговора (тоже шесть главъ) и третью часть процесса—отъ приговора до совершеннаго окончанія процесса (двѣ главы). Кроме того, въ концѣ приложено «Оглавленіе приговоровъ въ наказаніяхъ и казняхъ», заимствованное изъ Датской судебной инструкціи (1683 года), заключающее въ себѣ перечисленіе наказаній, налагаемыхъ военными судами, о чемъ было сказано выше, при разсмотрѣніи матеріальныхъ военно-уголовныхъ законовъ Воинскаго Устава.

По Крат. из. пр. военная юрисдикція распространяется на офицеровъ, солдатъ и состоящихъ при войскѣ лицъ, «между которыми офицерскіе служители, харчевники (т. е. маркитанты) и прочіе, кромѣ женъ и младенцевъ, разумѣются», при чемъ не сказано, чтобы лица, состоящія при войскѣ, подлежали военному суду лишь въ военное время, какъ это принято было впоследствии. Всѣ эти лица являются подсудными военному суду не только по уголовнымъ, но и по гражданскимъ дѣламъ, но, очевидно, не касающимся недвижимыхъ имуществъ.

Изъ Кр. из. пр. и главы 50 первой части Воинскаго Устава («О военномъ совѣтѣ и скорорѣшительномъ судѣ») видно, что военные суды были такіе, которые можно назвать обыкновенными и скорорѣшительными.

уставъ
СУДОПРОИЗВОДСТВО ПО ВОИНСКОМУ УСТАВУ.

Обыкновенные же военные суды бываютъ, по Кр. из. проц. генеральный и полковой криксрехтъ, а въ упомянутой выше главѣ Воинскаго Устава они названы верхнимъ и нижнимъ военными судами. Оба рода этихъ названій существовали въ шведскихъ военныхъ законахъ и были присвоены: первыя (генеральныхъ и полковыхъ) воен. судамъ, учреждаемымъ для разсмотрѣнія дѣлъ уголовныхъ, а послѣднія (верхнихъ и нижнихъ) для дѣлъ гражданскихъ, по у насъ генеральные и верхніе суды съ одной и полковые и нижніе воен. суды съ другой стороны имѣли одно и то же значеніе. Генеральные (верхніе) воен. суды учреждались при главной квартирѣ арміи, слѣдовательно въ военное время; о мѣстѣ же ихъ учрежденія въ мирное время не сказано. Они состояли подъ предѣлательствомъ генерала, если же самъ Государь находился при арміи, то фельдмаршала и затѣмъ шести ассесоровъ, по Кр. из. пр. двухъ генераль-поручиковъ, двухъ генераль-маіоровъ, двухъ бригадировъ или полковниковъ; за недостаткомъ же генераловъ, вмѣсто нихъ могутъ быть назначены штабъ-офицеры всякого ранга. По главѣ 50-й первой части Воинскаго Устава число ассесоровъ не указано, но ихъ полагается назначать также изъ генераловъ, бригадировъ и полковниковъ. Генеральному (верхнему) военному суду подсудны въ качествѣ первой инстанціи: дѣла объ оскорбленіи Величества, оскорбленіи фельдмаршала или другихъ «высшихъ офицеровъ»; преступленія, совершаемыя цѣлыми частями войскъ, и наконецъ преступленія со стороны генераловъ и даже штабъ-офицеровъ. Полковой (нижній) военный судъ, которому подсудны всѣ остальные дѣла объ уголовныхъ преступленіяхъ, совершаемыхъ нижними чинами и оберъ-офицерами, и всѣ гражданскія дѣла въ первой инстанціи, учреждается въ мирное время у губернатора или коменданта и слѣдовательно имѣетъ мѣстный характеръ, какъ это было принято тогда въ западной Европѣ, по примѣру Франціи, гдѣ суды эти назывались гарнизонными военными судами; въ военное время воен. судъ учреждался въ полкахъ и вѣроятно собственно въ этомъ случаѣ послѣ названіе полкового. Полковой (нижній) военный судъ состоитъ подъ предѣлательствомъ полковника, подполковника или даже маіора (по главѣ 50 первой части Воинскаго Устава). Предѣлательствующіе въ военныхъ судахъ именуются президентами, но въ описаніи должности полковаго аудитора

(въ 3 части Воинскаго Устава) председательствующій названъ презусомъ и этотъ терминъ былъ принятъ на практикѣ. Составъ ассесоровъ въ полковыхъ (нижнихъ) военныхъ судахъ не одинаковъ по Кр. из. пр. и главѣ 50 первой части Воинскаго Устава, какъ было упомянуто выше; въ первомъ изъ нихъ хотя и сказано, что «обыкновеніе бываетъ въ кригсрехтахъ тринадцати особамъ сидѣть, но понеже разныя воинскія нужды не допускаютъ всегда полное число офицеровъ имѣть или оныхъ при судебныхъ дѣлахъ удерживать», «того ради нынѣ во многихъ мѣстахъ позволено въ кригсрехтахъ токмо семи особамъ сидѣть», что было принято первоначально во Франціи и заимствовано оттуда и другими государствами. Семь особъ составляетъ изъ презуса (президента) и шести ассесоровъ, именно: двухъ капитановъ, двухъ поручиковъ и двухъ прапорщиковъ, т. е. по два чело- вѣка изъ каждаго оберъ-офицерскаго чина. По главѣ 50 первой части Воинскаго Устава соблюдается прежнее правило о назначеніи военного суда изъ тринадцати особъ, и кромѣ указанныхъ выше ассесоровъ изъ числа офицеровъ, полагается еще имѣть въ составѣ суда двухъ сержантовъ, двухъ капраловъ и двухъ или четырехъ рядовыхъ вмѣстѣ съ ефрейторами, т. е. шесть или восемь чело- вѣкъ изъ нижнихъ чиновъ. Въ этомъ отношеніи постановленія упомянутой главы Воинскаго Устава сходятся съ постановле- ніями Крат. Арт., которыя, какъ было указано выше, находили примѣненіе на практикѣ, но именно: въ гвардейскихъ полкахъ и артиллеріи. Назначеніе нижнихъ чиновъ въ составъ военныхъ судовъ составляетъ замѣчательное явленіе, которое объясняется тѣмъ, что оно образовалось въ западной Европѣ во время господства наемныхъ войскъ (изъ ландскнехтовъ, швейцарцевъ и т. п.), вербуемыхъ изъ людей вольныхъ, въ средѣ которыхъ не было рѣзкаго различія между офицерами и нижними чинами, по ихъ личнымъ правамъ, образованію и умственному развитію. Различіе же это явилось потомъ, когда нижнихъ чиновъ начали набирать изъ лицъ однихъ низшихъ сословій, даже крѣпостныхъ людей, по обязательной повинности, а въ офицеры принимали только лицъ привилегированныхъ и болѣе образованныхъ сословій, поступавшихъ на службу по собственному желанію и пользовавшихся этимъ, какъ почетнымъ правомъ. Какъ видно изъ словъ Брандербургскаго генераль-аудитора Шульце, въ концѣ XVII столѣтія, участіе нижнихъ чиновъ въ военныхъ судахъ почти вездѣ и въ западной Европѣ стало выхо- дить изъ употребленія, прежде всего кажется во Франціи при Людовикѣ XIV, гдѣ могли быть призываемы одни сержанты и то за недостаткомъ офице-

ровъ. Устраненіе низшихъ чиновъ изъ состава военныхъ судовъ послужило главною причиною къ его уменьшенію, что было сдѣлано, какъ мы увидимъ далѣе, съ сохраненіемъ въ военныхъ судахъ того же числа голосовъ, которое было прежде, посредствомъ замѣны порядка, принятаго и въ Краткомъ Артикулѣ, голосованія по классамъ чиновъ (*cursatim*), которыхъ было шесть, кромѣ предсѣдателя, — подачею голосовъ каждымъ изъ шести оставшихся въ военномъ судѣ ассесоровъ отдѣльно (*viritim*).

Въ виду того, что въ военныхъ судахъ (кригсрехтахъ) „обращаются АУДИТОРЫ. только офицеры, отъ которыхъ особливаго искусства въ правахъ требовать не можно; ибо они время свое обученіемъ воинскаго искусства, а не юридическаго проводятъ; и того ради держатся при войскахъ генералъ, оберъ и полковые аудиторы, отъ которыхъ весьма требуется доброе искусство въ правахъ, и надлежитъ имъ добрымъ быть юристамъ», «дабы при кригсрехтахъ накрѣпко смотрѣли и хранили, чтобъ процессы порядочно и надлежащимъ образомъ отправлялись, и хотя аудиторы при судѣ голосу въ приговорахъ не имѣютъ (чего ради опылъ при судейскомъ столѣ и не сажаютъ, но обыкновенно при особливомъ столѣ, купно съ секретаремъ или протоколистомъ, ежели при томъ кто изъ сихъ опредѣлится, сидятъ), однако что надлежитъ опытымъ и должны они всегда добрымъ порядкомъ, что за непристойно обрѣцать упоминать, или когда кого въ кригсрехтѣ въ разсужденіи погрѣшающаго усмотрять, тогда онаго къ правдѣ основательно приводить». Кромѣ того аудиторы должны были смотрѣть, чтобы «безъ разсмотрѣнія ^{безъ осмотра} ~~персонъ судили~~ и при разсмотрѣніи дѣла должны были быть посредниками между челобитчикомъ и отвѣтчикомъ. Следовательно вообще аудиторы были юрисконсультами и блюстителями закона и вели самое дѣло на судѣ. Права и обязанности аудиторовъ разныхъ степеней въ частности были различны. Генераль-аудиторъ былъ правителемъ военной канцеляріи и на него возлагалось веденіе переговоровъ съ неприятелемъ относительно разбѣга плѣнныхъ (что было принято въ Швеціи и Даниі), по главнымъ образомъ обязанности его касаются военно-судной части и состоятъ въ веденіи дѣла на судѣ, очевидно генеральномъ, и составленіи приговора, и «конечное и послѣднее заключеніе отъ него зависить и оный долженъ генералитетству и прочимъ офицерамъ въ сумнительныхъ случаяхъ изяснить, что всѣ народныя права и военные артикулы о томъ гласятъ»: онъ представляетъ генералу на утвержденіе постановленные военными судами приговоры и посылаетъ ихъ потомъ для исполненія. Кромѣ

того, о генераль-аудиторѣ сказано еще мимоходомъ, что онъ «судитъ все преступленія какого бы званія ни было», что представляется непонятнымъ потому, что въ Западной Европѣ лишь въ нѣкоторыхъ государствахъ Германіи генераль-аудитору единолично предоставлялось сужденіе гражданскихъ маловажныхъ дѣлъ, но не дѣлъ о преступленіяхъ. Нравственныя качества, требуемая отъ генераль-аудитора, совпадаютъ съ тѣми, которыя указаны въ дошедшемъ до насъ отрывкѣ воипскаго устава генерала Вейде 1698 г. Генераль-аудитору даны были въ помощь генераль-аудиторь-лейтенантъ, извѣстное число оберъ-аудиторовъ, и въ его распоряженіи находился и писарь судебныхъ дѣлъ; о подчиненіи же ему аудиторовъ, состоявшихъ при частяхъ войскъ, не упомянуто, хотя зависимость ихъ отъ генераль-аудитора должна была существовать, такъ какъ они опредѣлялись на должности центральнымъ военнымъ управленіемъ (военной канцеляріей), а не самими командирами частей войскъ, какъ это было въ Западной Европѣ. Положеніе генераль-аудитора въ Западной Европѣ было различно, при чемъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ оно было весьма высокимъ, такъ какъ генераль-аудитору были иногда подчинены все полицейскіе органы арміи, ему принадлежало предсѣдательство по нѣкоторымъ дѣламъ въ генеральномъ судѣ вмѣсто главнокомандующаго (въ Швеціи и императорскихъ войскахъ) и, наконецъ, онъ былъ даже почти независимъ отъ самого главнокомандующаго (въ Испаніи). Но постановленія Воипскаго Устава о должности генераль-аудитора составились вѣроятно преимущественно подъ вліяніемъ законовъ Пруссіи, гдѣ должность эта не имѣла особенно большого значенія. По свѣдѣніямъ, найденнымъ г. Розенгеймомъ, ¹⁾ перваго генераль-аудитора въ Россіи мы находимъ при Военной Канцеляріи въ 1712 году, именно П. В. Кикина, который управлялъ всеми ея дѣлами въ Москвѣ, а потомъ и въ Петербургѣ до 1716 г. и былъ помощникомъ генераль-пленипотенціарь-кригсъ-комиссара (князя Долгорукова), заведывая не только судною, но и строевою и хозяйственною частями («мундирнымъ строеніемъ»). Кромѣ генераль-аудитора, при центральномъ военномъ управленіи, генераль-аудиторы состояли еще иногда при арміяхъ, какъ это извѣстно напримѣръ относительно арміи фельдмаршала Шереметева въ 1715 г. (Глѣбовъ), и въ отрядѣ войскъ, въ томъ же году находившихся въ Помераніи подъ начальствомъ генерала Вейде (Крейць).

¹⁾ Указ. соч., стр. 368—369.

Генераль-аудиторъ-лейтенанты были помощниками генераль-аудиторовъ и исправляли ихъ должность за ихъ отсутствіемъ. Тѣ же обязанности лежали и на оберъ-аудиторахъ, находившихся при генераль-аудиторѣ; когда же они состояли при частяхъ войскъ (отрядахъ), то къ нимъ обращались полковые аудиторы въ случаѣ затрудненій, встрѣченыхъ ими относительно примѣненія законовъ. Письмоводство въ управленіи генераль-аудитора возлагалось на писаря судебныхъ дѣлъ, а въ военныхъ судахъ, преимущественно въ генеральныхъ, оно лежало на обязанности секретаря или протоколнста, «если таковые опредѣлятся». Наполець, что касается полкового аудитора, то, согласно описанію его должности въ части 3-й воинскаго устава, онъ долженъ былъ не только вести дѣло, но и записывать все, происходящее на судѣ, слѣдовательно былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣлопроизводителемъ суда. Ему предписывалось, «буде же случатся какія дѣла, которыя бы ему вершить было трудно, то требовать совѣту у оберъ-аудитора и отъ него наставленія ожидать». О полковыхъ аудиторахъ упоминается уже въ краткомъ артикулѣ 1706 г., но соответствовавшіе имъ полковые шультгейсы, какъ мы видѣли, существовали въ Россіи еще въ первыхъ полкахъ, составленныхъ изъ иностранцевъ въ XVII столѣтіи, затѣмъ полковые аудиторы были положены въ полкахъ по табели 1711 г., но на практикѣ ихъ почти не встрѣчается, даже въ гвардіи, до самаго изданія Воинскаго устава Петра I.

Кромѣ аудиторовъ разнаго рода, въ Воинскомъ уставѣ мы находимъ слѣдующія должности, имѣвшія ближайшее отношеніе къ военно-судебной части:

Фискалы, которые учреждены въ гражданскомъ вѣдомствѣ еще въ 1708 г., положены были и въ войскахъ по табели 1711 г.

ФИСКАЛЫ.

Одновременно съ установленіемъ этой должности, въ томъ же 1711 году были изданы «Артикулы фискальскіе», состоящіе изъ 9 статей. Это законоположеніе, не помѣщенное въ полномъ собраніи законовъ, было найдено г. Мышлаевскимъ¹⁾ въ сборникѣ распоряженій по комиссаріатской части, которымъ былъ снабженъ назначенный въ 1712 году въ Финляндскій корпусъ оберъ-кригсъ-коммиссаромъ Кваниншъ-Самаринъ.

Согласно «Артикуловъ» фискалы должны были «обсервовать... (наблюдать), что прилежить къ высокому авантажу Его Царскаго Величества»,

¹⁾ См. Сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ, вып. IX, стр. XI.

а поэтому на их обязанности лежало наблюденіе за исправными «заплатами» жалованья всѣмъ чинамъ, за огражденіемъ жителей отъ поборовъ, нижнихъ чиновъ — отъ частныхъ службъ, заимуществомъ умершихъ военнопослужащихъ. Фискалы должны были «добрую совѣсть имѣть и юстицію обсервовать... чтобы невиннаго въ услугѣ пребывающаго въ дисгоноръ (безчестіе) не привести»; въ случаѣ неисполненія умышленно обязанностей по «пстигованію» (возбужденію дѣла), Артикулы угрожаютъ вышнему лишеніемъ чести и жизни.

Что касается организаціи фискаловъ, то «Предложеніе Квашнину-Самарину» указываетъ, что въ каждомъ полку долженъ быть особый фискаль, выбранный изъ унтеръ-офицеровъ или прапорщиковъ.

По Воинскому уставу фискалы должны были состоять въ полкахъ и въ крѣпостяхъ, оберъ-фискалы — при дивизіяхъ, а при арміи — генераль-фискаль. Институтъ фискаловъ существовалъ въ Швеціи, Даніи и Голландіи, откуда онъ былъ заимствованъ Петромъ Великимъ. По словамъ Воинскаго устава — «фискаль есть смотритель за каждымъ чиномъ, такъ ли всякой должностію истинною служить и въ прочихъ дѣлахъ, врученныхъ ему, поступаетъ», вслѣдствіе чего они обязаны были провѣдывать и доносить о преступленіяхъ, полковой фискаль — полковому, а оберъ и генераль-фискаль — генеральному суду и на судѣ обличать, т. е. поддерживать обвиненіе; они обязаны были наблюдать за соблюденіемъ судами срока, положеннаго для разсмотрѣнія дѣлъ о личныхъ обидахъ, о нарушеніяхъ же казеннаго интереса фискалы должны были только сообщать коммиссаріату, на его усмотрѣніе. Кроме того фискаламъ предписывалось «самимъ ни до кого, и въ дѣла гласъ о себѣ имѣющія (т. е. по которымъ есть челобитки), ни тайно, ни явно, не касаться» и тѣмъ болѣе, даже въ позовахъ къ суду, не позволять себѣ наносить кому либо оскорбленія. Фискалы не подвергаются наказанію, положенному въ законѣ доносителямъ въ тѣхъ случаяхъ, когда возводимое ими обвиненіе окажется неосновательнымъ, но фискалы могутъ подлежать въ этихъ случаяхъ только легкому взысканію за неосмотрительность и наказываются паравиѣ съ доносителями изъ частныхъ лицъ за допесенія, которыя будутъ признаны завѣдомо ложными.

КОМИССАРЫ.

Генераль-кригсъ-комиссаръ завѣдывалъ хозяйственною и инспекторскою частью въ арміи, вслѣдствіе чего на него возлагалось пре-

¹⁾ Мышлаевскій, стр. 82—83.

слѣдованіе нарушеній казеннаго интереса, обнаруживаемых на инспекторских смотрахъ, производимых имъ самимъ или подчиненными ему комиссарами, при чемъ въ пѣкоторыхъ случаяхъ взысканіе можетъ быть наложено самимъ Генераль-Кригсъ-Комиссаромъ, иногда же онъ приказываетъ пропозвести только розыскъ; когда же дѣло подлежало разсмотрѣнію военнаго суда, то отъ Комиссаріата для поддержанія обвиненія могъ быть посланъ уполномоченный, въ качествѣ адвоката, назначаемый сообразно чину подсудимаго. Значеніе Генераль-Кригсъ-Комиссара этимъ только и ограничивалось, хотя онъ соотвѣтствовалъ существовавшему въ Россіи при арміяхъ въ XVII столѣтіи начальнику раздачи жалованья, при которомъ собственно и состоялъ судъ для находившихся на службѣ въ арміи иноземцевъ. Относительно же Генераль-Пленipotенціара (полномочнаго) Кригсъ-Комиссара, соотвѣтствовавшаго военному министру, слѣдуетъ замѣтить, что ему былъ непосредственно подчиненъ и Генераль-Аудиторъ, состоявшій при Военной Канцеляріи.

Должность комиссаровъ, учрежденная также въ 1711 году, была опредѣлена издавшими тогда же „Регуламентами кригсъ-комиссарскими“, напечатанными въ полномъ собраніи законовъ¹⁾, по увѣренію г. Мышлаевскаго²⁾, съ значительными неправомерностями противъ найденныхъ имъ «Регуламентовъ кригсъ-комиссаріату». Въ регламентѣ комиссаріату 1710 г. (помѣщенномъ въ полномъ собраніи законовъ) говорится о преступленіяхъ начальниковъ по отношеніямъ ихъ къ подчиненнымъ и злоупотребленіяхъ, касающихся нарушеній казеннаго интереса, какъ со стороны военныхъ начальниковъ, такъ и комиссаровъ. Вообще въ регламентѣ сказано о тѣхъ преступленіяхъ, обнаруженіе которыхъ на инспекторскихъ смотрахъ и даже положеніе за нихъ въ пѣкоторыхъ случаяхъ наказаній, преимущественно денежныхъ штрафовъ, было возложено на комиссаріатъ.

Интереснымъ представляется вопросъ о соотношеніи власти комиссаровъ и фискаловъ и о порядкѣ движенія слѣдственныхъ дѣлъ въ случаяхъ злоупотребленій — «братыи и крадѣ денегъ». Состоявшіе при полкахъ палъ-комиссары по «инстиговацио» фискаловъ вчинали дѣло. Комиссаръ «по протестанціи» доносилъ оберъ-кригсъ-комиссару, откуда уже дѣло направлялось «къ главному командирующему» для «розыску» и для отсылки впов-

¹⁾ Т. IV, № 2456.

²⁾ Ibid., стр. XI.

ныхъ къ «кригсрату», т. е. военному суду. Если убытокъ былъ великъ («знатный»), то надо было «отписываться съ главнымъ комиссаріатомъ».

Кромѣ того, оберъ-кригсъ-комиссары должны были «защищать и оборонять фискаловъ отъ нападенія офицеровъ и рядовыхъ, дабы фискалы... въ протестаціяхъ смѣлость имѣли и ни на комъ не отпускали».

Не менѣе важнымъ законодательнымъ памятникомъ о должности комиссаровъ является т. н. «Предложеніе къ прежнимъ статьямъ¹⁾», гдѣ подробно указанъ способъ отправленія военнаго правосудія комиссарами.

По полученіи протестованія, выписывалась изъ него краткая меморія, которая и присоединялась къ доношенію; затѣмъ меморія направлялась къ начальству чрезъ оберъ-аудитора. Послѣ разслѣдованія («инквизиціи») дѣло представлялось или въ главный комиссаріатъ, или въ кригсрехтъ. На судѣ оберъ-кригсъ-комиссаръ не могъ «мѣшаться» въ дѣло, а долженъ былъ слѣдить за правильностью веденія дѣла и «пѣть ли въ томъ какого (пристрастія) флатиру».

Если судъ присуждалъ виновнаго къ штрафу или вычету изъ жалованья, то «оную сентенцію оберъ-кригсъ-комиссаръ афирмовать (утвердить) долженъ», въ другихъ случаяхъ дѣло направлялось «до высокаго генералитета».

ПРОФОСЫ.

Полковые профосы, существовавшіе въ первыхъ полкахъ, сформированныхъ въ XVII столѣтіи изъ шпоземцевъ, упоминаются и въ уложеніи Шереметова (подъ названіемъ гевантигеровъ) и въ Краткомъ артикулѣ. Въ прежнее время на профосовъ или гевальдигеровъ возлагалось вообще преслѣдованіе нарушеній и поддержаніе обвиненія на судѣ, но по Вошскому Уставу они представляются только въ видѣ военно-полицейскихъ органовъ. Обязанности полкового профоса состоятъ главнымъ образомъ въ наблюденіи за чистотою въ лагерѣ, но онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи палочный караулъ для охраненія и желѣза для скованія лицъ, подвергаемыхъ задержанію, и къ нему же присылаютъ офицеровъ для содержанія подъ арестомъ, но собственно подъ «печестный караулъ». Кромѣ того на профоса возлагается и исполненіе нѣкоторыхъ другихъ наказаній, напримѣръ: передача преступника палачу на мѣстѣ казни, нанесеніе удара по лицу тому, кто причинилъ такую же обиду другому, заявленіе отъ имени клеветника о томъ, что онъ солгалъ, при несогласіи послѣдняго сдѣлать

¹⁾ Мышлаевскій, *ibid*, стр. 96—97.

это добровольно, раздѣваніе блудницъ при изгнаніи ихъ изъ лагеря и т. п. Сопротивленіе, оказанное профосу, по Воинскому артикулу, считается наравнѣ съ нарушеніемъ дисциплины. Сами профосы подлежатъ, по Воинскому артикулу, наказанію за упускъ арестованныхъ. Полковые профосы находятся подъ начальствомъ Штабъ-Генераль-Профоса, который однако не имѣетъ права показывать ихъ самъ за неисполненіе ихъ обязанностей, но долженъ сообщить объ этомъ въ полки, т. е. ихъ командирамъ.

Генераль-Гевальдигеръ или Румормейстеръ въ Швеціи, по уставу Густава Адольфа, были двумя различными должностными лицами, изъ которыхъ послѣдній былъ подчиненъ первому, и они были такими же военно-полицейскими органами во время похода, какъ Штабъ-Генераль-Профосъ во время расположенія войска на мѣстѣ. Въ концѣ XVII столѣтія должность Генераль-Гевальдигера или Румормейстера получила другой характеръ, что произошло подъ вліяніемъ французскаго военнаго права и существовавшей тамъ должности великаго прево (*grand prévôt*) слабжезнаго обширною карательною властью относительно преступленій, нарушающихъ порядокъ или безопасность арміи. Въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтій Румормейстеру (Генераль-Гевальдигеру) стали предоставлять право (въ Бранденбургѣ, потомъ въ Пруссіи и даже въ самой Швеціи при Карлѣ XI), въ случаѣ совершенія извѣстнаго рода преступленій, о строгомъ наказаніи которыхъ будетъ передъ тѣмъ объявлено въ войскѣ у пароля, не только задерживать, но и судить преступниковъ и приводить свои приговоры въ исполненіе, не исключая даже и смертной казни. Должность Генераль-Гевальдигера или Румормейстера въ воинскомъ уставѣ описана недостаточно ясно, но изъ указаній на то, что Румормейстеръ ежедневно получалъ приказанія у пароля, имѣлъ право пойманныхъ преступниковъ, «если что подъ смертною казнью наказано», подвергать самъ смертной казни и наконецъ, что, въ случаѣ полученія Румормейстеромъ «жестокаго указа», при немъ должны были состоять священникъ и палачъ, присутствіе которыхъ было необходимо для исполненія смертныхъ приговоровъ, видно, что право постановлять эти приговоры предоставлялось Генераль-Румормейстеру также по особому полномочію, указу, объявляемому у пароля, слѣдовательно Румормейстеръ по воинскому уставу долженъ былъ имѣть такое же значеніе, какъ въ Пруссіи и Швеціи.

ГЕНЕРАЛЬ-ГЕ-
ВАЛЬДИГЕРЪ.

«Инструкція Генераль-Гевальдигеру ¹⁾» 12 іюня 1714 года устанавливает болѣе постоянныя правила его дѣятельности. По ст. 1 инструкции ему принадлежала «власть и сила» преступниковъ брать за карауль, по ни наказывать, ни освобождать ихъ безъ разрѣшенія высшаго начальства онъ не могъ (ст. 2). По своему званію онъ соотвѣтствовалъ полковнику (ст. 40). Ему подчинялись: Румормейстеръ—съ двумя сержантами и дежурные полковые профосы (ст. 9 и 10), на которыхъ распространялась его дисциплинарная власть (стр. 12); на походѣ въ распоряженіе его командировалось по два челоуѣка отъ каждаго батальона (ст. 37); кромѣ того, «всякій командиръ» обязанъ былъ при надобности «воспомоществовать» ему и не «чинить въ чину ихъ помѣнательства» (ст. 38).

Инструкція предписывала «брать за карауль» виновныхъ въ слѣдующихъ случаяхъ: за отлучку солдатъ отъ судовъ ²⁾ далѣе ружейнаго («фузейнаго») выстрѣла (ст. 3), или послѣ пробитія вечерней зари (ст. 28) и за кражу (ст. 26). Полковой профосъ не могъ задерживать арестованнаго долѣе 30 часовъ, послѣ чего обязанъ былъ препроводить его къ генераль-гевальдигеру или, въ случаѣ его отсутствія, одному изъ его подчиненныхъ (ст. 31). Гевальдигеръ обязанъ былъ имѣть объ арестованныхъ особую вѣдомость и слѣдить за «благосохраненіемъ» ихъ (ст. 33). Послѣ полученія арестованнаго генераль-гевальдигеръ обязанъ былъ представить вѣдомость «дежуръ-генералу-маіору отъ дивизіи», который уже доносилъ вопиющему начальнику (ст. 34), а затѣмъ о результатахъ этого сообщалъ для исполненія гевальдигеру (ст. 35).

Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ гевальдигеру принадлежала власть не только предварительнаго арестованія, но и исполненія наказанія по его усмотрѣнію и назначенію, при чемъ предѣлы этой власти были очень широки, доходя иногда до смертной казни. Такъ, напримѣръ, инструкція ставитъ въ зависимость отъ усмотрѣнія генераль-гевальдигера роль и мѣру наказанія въ слѣдующемъ случаѣ: въ ст. 4—если въ сторопѣ отъ арміи будетъ пойманъ виновный въ разореніи, насиліи или грабежѣ, то гевальдигеръ «въ тѣхъ же мѣстахъ чинитъ наказанія безъ разсмотрѣнія персоны, не требуя иного свидѣтельства сверхъ того, что самъ то преступленіе

¹⁾ Арх. Мор. Мин., дѣла гр. Апраксина, № 252.—Мышлаевскій, указ. сочиненіе.

²⁾ Инструкція касалась преимущественно генераль-гевальдигера во флотѣ.

усмотрить». Такія широкія полномочія гевальдигера имѣли мѣсто только въ случаяхъ чрезвычайныхъ.

Затѣмъ инструкція въ ст. 5 угрожаетъ наказаніемъ за игры въ карты и кости, въ ст. 19—за торговлю виномъ, въ ст. 25—за «продажу и шинкованье» во время молитвы и за лихоимство и нечистоту лагеря (относительно профосовъ; ст. 12 и 23).

Генераль-гевальдигеръ обязанъ былъ смотрѣть за исполненіемъ указовъ высшаго начальства (ст. 29) и наблюдать за маркитапами, ихъ документами (ст. 13), цѣною (ст. 15 и 22) и качествомъ продаваемыхъ ими продуктовъ (ст. 16), за установленіемъ таксы на припасы (ст. 17), за ихъ передвиженіемъ въ арміи и за состоящими при нихъ людьми (ст. 18); разъ въ недѣлю онъ осматривалъ квартиры полковъ, слѣдилъ—нѣтъ ли отсталыхъ и т. п.

Кромѣ довольствія, получаемаго отъ казны, генераль-гевальдигеръ имѣлъ право пользоваться «за свои труды» отъ маркитаповъ—гарнцемъ пива отъ каждой бочки и однимъ фунтомъ мяса отъ каждой рогатой скотины (ст. 21).

Кромѣ судовъ обыкновенныхъ (генеральнаго и полковаго), по воинскому уставу былъ еще судъ скорорѣшительный (или состоятельный—Standrecht), о которомъ упоминается и въ кр. арт., при чемъ въ Западной Европѣ онъ былъ настоящимъ судомъ коллегіальнаго состава и отличался отъ обыкновенныхъ военныхъ судовъ только большою быстротою судопроизводства. Постановленія о скорорѣшительномъ судѣ въ воинскомъ уставѣ отличаются крайнею неясностью, такъ какъ, говоря о подсудности скорорѣшительному суду тѣхъ, «кто противъ данныхъ указовъ подѣ смертнымъ наказаніемъ, что нагло, изъ злости учинить, и нинѣ указы нарушить», Воинскій уставъ смѣшиваетъ скорорѣшительный судъ съ правомъ суда, предоставленнымъ Румормейстеру, такъ что обѣ формы процесса оказываются какъ будто тождественными между собою. Относительно производства дѣлъ воинскій уставъ говоритъ, что въ скорорѣшительномъ судѣ «преступникъ при остановкѣ онаго полка или роты безъ всякихъ обстоятельствъ и допросовъ, черезъ священника токмо исповѣдывая, и потомъ того часу предъ всѣми повѣшенъ или разстрѣленъ имѣеть быть». Скорорѣшительный судъ въ Западной Европѣ вовсе не произошелъ отъ суда длиннаго копія (der langen Spiesse), который былъ судомъ корпоративнымъ, вродѣ круговъ у казаковъ, по требовавшимъ многихъ формальностей, исполненіе которыхъ было

сопряжено съ большими неудобствами. Предположеніе это кромѣ того опровергается еще тѣмъ, что скорорѣшительный судъ съ судомъ длиннаго копья при Карлѣ V и позже въ XVII столѣтіи существовали одновременно. Въ воишскомъ уставѣ ничего не упоминается о духовныхъ военныхъ судахъ, существовавшихъ во многихъ протестантскихъ государствахъ, изъ которыхъ Петромъ Великимъ была заимствована большая часть его военно-уголовныхъ постановленій.

ЗНАЧЕНІЕ ВОЕННАГО НАЧАЛЬСТВА ВЪ ОТПРАВЛЕНІИ ПРАВОСУДІЯ.

Въ заключеніе изложенія постановленій о судоустройствѣ по воиш. уставу остается сказать о значеніи относительно отправленія правосудія военнаго начальства. Военные начальники пользуются правомъ наложенія дисциплинарныхъ взысканій, хотя на этотъ счетъ и не было категорическаго постановленія, подобнаго тому, которое мы находимъ въ Краткомъ Артикулѣ. Затѣмъ военные начальники обязаны были объявлять о преступленіяхъ своихъ подчиненныхъ, для привлеченія ихъ къ отвѣтственности по суду. Самая же передача дѣла въ военный судъ должна была принадлежать вѣроятно власти высшаго („высокаго“) начальства (т. е. главнокомандующаго), которое только одно имѣло право учреждать военный судъ для разсмотрѣнія даннаго дѣла, такъ какъ постоянныхъ военныхъ судовъ не существовало. О главнокомандующемъ (аншефтѣ) сказано, что онъ долженъ избѣгать „похлѣбства“ (т. е. снисходительности), состоящаго въ томъ, что „ставя въ милосердіе, еже виннымъ легко судить, или по случаю иныхъ и весьма свободныхъ отъ суда имѣть, дабы тѣмъ отъ людей любовь получить“ (т. е. исканіе популярности). Но таковой хитрости своей на песокъ создаетъ, безъ твердаго основанія и всегда готова къ паденію» и потому ему рекомендуется за прегрѣшенія „накрѣпко и со усердіемъ наказывать“; онъ долженъ также „смотря, чтобы военные суды право отправлялися, не маня никому, ни посягая на кого“. Кромѣ того, одному главнокомандующему принадлежитъ право утвержденія приговоровъ военныхъ судовъ, какъ о томъ будетъ сказано ниже. Исполненіе приговоровъ совершается, какъ видно, по распоряженію военнаго начальства. Наконецъ начальнымъ людямъ (по вѣроятію собственно офицерамъ) дается право наложенія наказанія безъ суда, по предоставленной имъ въ этихъ случаяхъ чрезвычайной власти, а именно: въ случаѣ бунта, сопротивленія къ возвращенію въ строй и т. п.

ПОРЯДОКЪ СУДОПРОИЗВОДСТВА.

Воинскій уставъ высказываетъ, какъ общее правило, что не дозволяется „никого не точно наказывать, ниже штрафовать безъ фергерунга и воишскаго суда“ (криссрехта), причемъ подъ фергерунгомъ или фергеромъ (Verhör),

онъ разумѣть собственно слушаніе дѣла, а подѣ военнымъ судомъ (кригс-
рехтомъ) одно лишь постановленіе рѣшенія. Но существованіе такого пра-
вила не исключаетъ вестакп права наложенія взысканій безъ суда въ дис-
циплинарномъ порядкѣ, въ дѣлахъ маловажныхъ, и даже примѣненія тяж-
кихъ наказаній, по усмотрѣнію начальства, въ случаяхъ чрезвычайныхъ.

Въ виду отсутствія военныхъ судовъ постоянного состава и назначенія ихъ
для разсмотрѣнія каждаго дѣла особо, созывъ военныхъ судовъ совершается
посылкою „указа“ отъ „высокаго“ (высшаго) начальства къ лицу, избран-
ному имъ президентомъ (презусомъ) суда по данному дѣлу. вмѣстѣ съ
этими президенту сообщаются и имена ассессоровъ или же выборъ ихъ пре-
доставляется его собственному усмотрѣнію, что дѣлается отчасти понятнымъ,
принявъ во вниманіе, что для предѣлительствованія въ военномъ судѣ на-
значаются иногда старшіе начальники: въ полковомъ — полковникъ, а въ
генеральномъ — самъ фельдмаршалъ. Время и мѣсто собранія суда объяв-
ляется наканунѣ у пароля, или же ассесоры увѣдомляются о томъ полко-
вымъ адъютантомъ; законъ предостерегаетъ ихъ, чтобы они были трезвы, и
требуетъ, чтобы судъ собирався рано по утру. За несвоевременное прибы-
тіе въ военный судъ ассесоры подвергаются денежному штрафу. Собранный
военный судъ размѣщается слѣдующимъ образомъ: президентъ (презусъ)
въ вышнемъ мѣстѣ садится, ассесоры офицеры — по своимъ рангамъ (чи-
намъ), аудиторъ садится въ нижнемъ мѣстѣ при судѣ или же по лѣвую
сторону президента, во всякомъ случаѣ не при судейскомъ столѣ, а около
секретаря или протоколнста, если они были, „дабы онъ оттоль лучше за-
писку смотрѣть могъ“. Унтеръ-офицеры и рядовые, по воинскому уставу,
принимающіе участіе въ судѣ, должны находиться въ военномъ судѣ стоя.

При разсмотрѣніи дѣлъ о преступленіяхъ, за которыя можетъ быть назна-
чена смертная казнь, по главѣ 50 первой части Воинскаго устава, на столѣ
у президента должны лежать обнаженная шпага или мечъ и бѣлый посохъ,
послѣднее „въ знакъ чистой правости, а мечъ злomu въ отомщеніе“. Откры-
вая засѣданіе суда, президентъ объявляетъ о дѣлѣ, для разсмотрѣнія кото-
раго судъ созванъ, уговариваетъ присутствующихъ въ судѣ, „чтобы при
отправленіи дѣла памятовали свою совѣсть“ и кромѣ того „что при судѣ
случится, хранили бы тайно“, изъ чего видно, что засѣданія военныхъ
судовъ не были публичны. Послѣ этого чрезъ адъютанта, который „къ суду
для услуженія опредѣленъ“, вводятся челобитчикъ и отвѣтчикъ (стороны),
которыя должны заявить суду о тѣхъ судьяхъ, которые имъ кажутся „по-

дозрительны“, т. е. объ отводѣ судей. Отводъ допускается не только по указаннымъ въ законѣ, но и по другимъ причинамъ, „о которыхъ разумный судья самъ разсудить можетъ, ибо всѣхъ причинъ подробно въ правахъ описать не можно“. Степень уважительности отвода разсматривается судомъ въ отсутствіи отводимаго судьи и лица, предъявившаго отводъ, и рѣшеніе суда по этому вопросу объявляется затѣмъ имъ обоимъ, причемъ за неосновательный отводъ, собственно по вымышленной причинѣ, положено подвергать наказанію, такъ какъ заявленіе объ отводѣ „зѣло осторожно и доказательно имѣеть быть“. Затѣмъ идетъ приводъ судей къ присягѣ по тексту, помѣщенному въ законѣ, читаемому аудиторомъ; о присутствіи же для этого священника не говорится. Лица, которыя „всегда или по часту“ принимаютъ участіе въ военныхъ судахъ, и всѣ судьи, въ случаѣ маловажности дѣла, не приводятся къ присягѣ, а лишь текстъ ея прочитывается аудиторомъ для напомнанія объ ней. Послѣ присяги судей президентъ уговариваетъ стороны, чтобы онѣ свое дѣло „съ воздержаніемъ и вкратцѣ“ доносили и тогда, говоритъ законъ, начнется процессъ или тяжба. Въ Кр. из. процессовъ сказано, что процессъ можетъ быть двоякій: 1) „Когда челобитчикъ, который на отвѣтчика, учиненаго ради преступленія, предъ судомъ жалобу приносить, и со онымъ только процессъ имѣеть“ и 2) „когда судья, ради своего чина, по должности судебной вопросъ и розыскъ чинить, гдѣ, какимъ образомъ, какъ и отъ кого такое учинено преступленіе“, слѣдовательно законъ различалъ уже процессы обвинительный и слѣдственный, хотя, какъ говорится далѣе „только при обонхъ процессахъ порядокъ одинъ есть, какъ въ рѣчахъ, въ отвѣтѣ, доказахъ и прочемъ“. Изъ совокупности постановленій Кр. из. пр. оказывается, что указанная въ немъ форма процесса была смѣшанною, хотя и имѣла преимущественно характеръ обвинительный, подобно своему образцу Каролингѣ, допуская широкое участіе сторонъ въ производствѣ дѣла—примѣненіе состязательнаго начала (согласно тексту присяги, судъ долженъ быть рѣшать дѣло по челобитью и отвѣту, обязанность же аудитора, какъ уже сказано, состояла въ томъ, чтобы быть посредникомъ между челобитчикомъ и отвѣтчикомъ и т. п.). Въ военныхъ судахъ были приняты одинаковый порядокъ для производства дѣлъ какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ, которыхъ было въ нихъ вѣроятно больше, поэтому въ процессъ военныхъ судовъ неминуемо долженъ былъ войти и элементъ слѣдственный и допущена была пытка, подобно тому, какъ это случилось въ судахъ общихъ, въ которыхъ со вве-

деніемъ по закону 21-го Февраля 1697 г. для всѣхъ дѣлъ розыска, вмѣсто „судовъ“ и „очныхъ ставок“, допущено было примѣненіе очистительной присяги, составлявшей принадлежность процесса обвинительнаго. Вопреки тому, что мы видимъ въ Кр. из. пр., глава 50-я первой части Военнаго Устава, суди по тѣмъ краткимъ указаніямъ, которыя въ ней находятся относительно производства дѣлъ, придерживается процесса слѣдственнаго, потому что она говоритъ только о допросѣ подеудимаго, производимомъ аудиторомъ, и объ участіи въ дѣлѣ сторонъ не упоминается. Такой порядокъ (слѣдственный) вѣроятно примѣнялся къ дѣламъ о преступленіяхъ по службѣ и важнѣйшихъ уголовныхъ преступленіяхъ (прежнихъ дѣлахъ губныхъ).

При производствѣ дѣлъ въ военныхъ судахъ (кригерехтахъ), по Кр. из. пр. „болѣе смотреть на самое дѣло (существо его), нежели на красноречіе и дѣлоту процессовъ“, т. е. излишнія обрядности, служащія для приданія большей торжественности, такъ какъ въ военныхъ судахъ дѣла должны были производиться сокращеннымъ порядкомъ, „отложивъ всякую пространность“. Для разсмотрѣнія дѣлъ объ обидахъ положенъ срокъ, отъ 4—6 недѣль, о чемъ было сказано въ патентѣ о поединкахъ, и положено дѣлать вычетъ изъ жалованья съ виновныхъ „на столько времени, сколько они за шесть недѣль протянутъ“, фискаламъ же предписывается „донесеніемъ (по этому предмету) не умедлять“.

Процессъ въ военныхъ судахъ раздѣляется на три части.

Первая часть процесса «начинается отъ повѣщанія и простирается до отвѣтчикова отвѣта».

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ
ПРОЦЕССА.

Повѣщаніе состоитъ въ сообщеніи отвѣтчику о сущности поданной на него жалобы и увѣдомленіи обѣихъ сторонъ о времени явки въ судъ, потому что необходимо, чтобы, «по правамъ натуральнымъ» (т. е. естественному праву) каждый былъ допущенъ «къ оборонѣ своей и оправданію». Челобитчикъ долженъ обращаться съ своимъ заявленіемъ въ тотъ судъ, въ которомъ «вѣдомъ» отвѣтчикъ, въ противномъ случаѣ позывъ остается безъ всякаго дѣйствія. Прежде, какъ видно изъ указовъ 1699 г. и 1700 г., для соблюденія этого правила подсудности, въ случаѣ подачи жалобы на отвѣтчиковъ, находящихся въ походѣ, вѣдѣно было самимъ челобитчиковъ высылать въ армію подъ военный судъ. Хотя въ Кр. из. пр. и говорится объ обращеніи челобитчиковъ и фискаловъ прямо въ суды, но такъ какъ военные суды не были постоянными, то на практикѣ приходилось вѣроятно подавать свое заявленіе тѣмъ начальникамъ, которые имѣли право

созывать военный судъ. Подсудимые, находившіеся подъ арестомъ, очевидно, подлежали приводу въ судъ, арестованіе же обвиняемыхъ допускается только при достаточности подозрѣнія («зело осторожно поступать и не вскорѣ за арестъ взять»); относительно же нижнихъ чиновъ сказано, что они подвергаются аресту при совершеніи ими всякаго рода преступленій.

САЛВЪ-
КОНДУКТЪ.

Когда же обвиняемые находятся въ такихъ мѣстахъ, откуда ихъ взять невозможно, то, для обезпеченія ихъ явки въ судъ, имъ можетъ быть выданъ такъ называемый салвъ-кондуктъ, свободный отпускъ или безопасная грамота, что было принято въ Германіи съ цѣлью вызова такихъ обвиняемыхъ, которые могутъ служить для обличенія другихъ болѣе важныхъ соучастниковъ и для предупрежденія перехода на сторону непріятеля. Безопасная грамота эта дается обыкновенно высшимъ правительствомъ государства, но выдача ея предоставляется и главнокомандующему, во избѣжаніе того, «чтобы бѣглый отъ долгаго замедленія къ непріятелю не ушелъ, отъ чего злыя слѣдованія почасту происходятъ». Въ грамотѣ назначается обвиняемому опредѣленный срокъ, до истеченія котораго обвиняемый, явившись въ судъ, оставляется на свободѣ и можетъ свободно отъ суда отлучиться. Личность получившаго безопасную грамоту находится подъ особою охраною закона, вслѣдствіе чего, за причиненіе ему обиды, можетъ быть назначена даже смертная казнь. Само правительство, но закону, обязано соблюдать безопасную грамоту, даже въ случаѣ совершенія обвиняемымъ другихъ преступленій, по которымъ ему этой грамоты дано не было (вопреки порядку, принятому въ западной Европѣ). Законъ требуетъ однако, чтобы получившій салвъ-кондуктъ велъ себя хорошо и воспрещаетъ ему ѣздить окольными путями и имѣть при себѣ оружіе. О выдачѣ безопасной грамоты говорится въ воин. артикулѣ специально относительно случая побѣга цѣлыхъ частей войскъ съ поля сраженія, причемъ о вызовѣ ихъ въ генеральный военный судъ объявляется посредствомъ публичнаго барабаннаго боя и трубнаго звука три раза въ теченіе девяти недѣль, послѣ чего судъ разсматриваетъ дѣло о всѣхъ обвиняемыхъ. Касательно тѣхъ изъ нихъ, которые явятся и не оправдаются, если они получили салвъ-кондуктъ, то они «ненарушимо содержатъ быти имѣеть», хотя «приговоръ противъ оныхъ будетъ учиненъ и въ ономъ наказаніе, которое они заслужили, означено», тѣ же изъ обвиняемыхъ, которые не явятся на судъ, осуждаются заочно къ шельмованію и конфискаціи и по поимкѣ подвергаются смертной казни,

вѣроятно безъ новаго разсмотрѣнія дѣла, «безъ процессу», какъ это уста-
повлено относительно заочнаго осужденія лицъ, перебѣжавшихъ къ не-
приятелю, что въ этомъ случаѣ и предполагается.

Сторонами въ процессѣ были челобитчикъ и отвѣтчикъ, которые
пользовались правомъ посылать вмѣсто себя полномочныхъ или адво-
катовъ. Однако это допускалось только въ случаѣ болѣзни или другихъ
важныхъ причинъ, когда челобитчикъ или отвѣтчикъ не могли явиться въ
судъ сами, слѣдовательно участіе въ процессѣ черезъ полномочныхъ лицъ
или адвокатовъ дозволялось только въ видѣ исключенія. Свое перасположе-
ніе къ адвокатамъ Кр. из. пр. объясняетъ тѣмъ, что они въ военныхъ судахъ
«своими непотребными пространными приводами судью болѣе утруждаютъ
— и оно дѣло толь паче къ вѣщему пространству, нежели къ скорому
приводятъ окончанію». Въ «розыскныхъ» же дѣлахъ (вѣроятно уголовныхъ)
употреблять вмѣсто себя адвокатовъ запрещается, но это относится однако
къ одному только отвѣтчику, такъ какъ при этомъ прибавлено: «принужденъ
отвѣтчикъ отвѣтствовать своей особою», т. е. лично, что и понятно при
томъ значеніи, которое придавалось сознанію обвиняемаго и допущенію
употреблять относительно его пытку.

СТОРОНЫ ВЪ
ПРОЦЕССѢ.

Слушаніе дѣла (фергеръ), по Кр. из. процессовъ, начинается съ
обмѣна возраженій между сторонами, который производится преимуще-
ственно устно. Прежде всего челобитчикъ долженъ быть, въ присутствіи
отвѣтника, «жалобу свою кратко и ясно приносить», послѣ чего отвѣтчикъ
обязанъ быть „тогожь часу явственно отвѣтствовать“. Въ „пространныхъ
дѣлахъ“ дозволяется представлять въ судъ письменную жалобу, и для
подачи письменнаго отвѣта на нее, судъ даетъ краткій срокъ и затѣмъ въ
теченіе его челобитчикъ можетъ «уиинить противный отвѣтъ» (т. е. подать
возраженіе), а отвѣтчикъ послѣ этого, въ свою очередь, равнымъ же обра-
зомъ „отвѣтствовать“ (т. е. подать опроверженіе), а болѣе сего обоимъ имъ
не позволяется. Такой порядокъ предварительной подготовки дѣла, посред-
ствомъ подачи состязательныхъ бумагъ въ числѣ четырехъ, сходенъ съ при-
нятымъ въ настоящее время въ уставѣ гражд. судопроизводства. Слѣдствія
предварительнаго, какъ акта, отдѣльнаго отъ разсмотрѣнія дѣла на судѣ, по
Кр. из. пр. не было и хотя въ Западной Европѣ, болѣею частію (особенно
въ Пруссіи), было принято назначать двѣ различныя коммисіи для слуша-
нія военно-суднаго дѣла (Verhör) и для постановленія по немъ приговора
(Kriegsrecht), но въ Россіи, при Петрѣ Великомъ производство фергеровъ

СЛУШАНИЕ
ДѢЛА.

Бумаги (жалоба)

и кригсрехтевь возлагалось всегда на одну и ту же комиссію суда, какъ видно изъ закона и дошедшихъ до насъ подлинныхъ дѣлъ. Послѣ обмѣна возраженій, предметъ дѣла (иска) считается установленнымъ и никто не можетъ предлагать новыхъ пунктовъ (т. е. обвиненій) или новыхъ „приводовъ“ (доводовъ), подъ опасеніемъ, если они будутъ приняты, недействительности приговора. Дальнѣйшій ходъ дѣла зависитъ отъ того, признаетъ ли отвѣтчикъ справедливость принесенной на него жалобы. Если онъ „весьма повинится, то судъ приступаетъ прямо къ составленію приговора, что вполне согласно съ обвинительнымъ характеромъ процесса. Впрочемъ, какъ будетъ указано ниже, собственное признаніе считается дѣйствительнымъ и ведетъ непосредственно къ постановленію приговора лишь при извѣстныхъ условіяхъ, изъ чего можно вывести, что подъ признаніемъ отвѣтчика, указаннымъ въ первой части процесса, разумѣется вѣроятно то признаніе, которое дѣлается въ дѣлахъ гражданскихъ, въ которыхъ оно имѣетъ безусловное значеніе и въ настоящее время, постановленія же о собственномъ признаніи (во второй части процесса), какъ о родѣ доказательства, вѣроятно относятся къ дѣламъ собственно уголовнымъ. Если же отвѣтчикъ „весьма запрется“ или хотя и признаетъ дѣйствительность фактовъ, указанныхъ въ жалобѣ, но укажетъ на обстоятельства, по которымъ дѣло представляется въ другомъ видѣ, то судъ „розыскиваетъ“ (т. е. изслѣдуетъ дѣло) посредствомъ „доказанія“, т. е. приступаетъ къ разсмотрѣнію доказательствъ, что составляетъ предметъ второй части процесса.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ
ПРОЦЕССА.

Въ началѣ изложенія хода процесса во второй части его говорится, что обѣ стороны приводятъ доказательства, «изъ которыхъ правда познается», т. е. ведутъ между собою состязаніе. На челобитчикѣ лежитъ обязанность доказать взводимое имъ обвиненіе, причемъ, если онъ этого не исполнитъ, а между тѣмъ самое обвиненіе принадлежитъ къ числу тяжкихъ, то онъ подлежитъ наказанію согласно «Уложенію», подъ которымъ разумѣется вѣроятно не Соборное Уложеніе, а уложеніе Карла V (Carolina). Впрочемъ челобитчикъ, по воинскому артикулу, подвергается наказанію и въ томъ случаѣ, когда предъявитъ бездоказательное обвиненіе относительно нанесенія ему лично обиды. Если дѣло было начато по поводу ходившихъ злыхъ слуховъ, то огласившій ихъ долженъ доказать ихъ справедливость, въ противномъ случаѣ онъ подлежитъ наказанію. Когда же, съ цѣлью повредить чести другого лица, обвиненіе его будетъ сдѣлано въ распростраваемомъ въ публикѣ анонимномъ письмѣ, называемомъ паскви-

лемъ, то пачевилять отвѣчать, смотря по тому, въ какомъ преступленіи онъ хотѣлъ обвинить, и наказывается даже и въ томъ случаѣ, когда обвиненіе окажется справедливымъ «за то, что истиннымъ путемъ не пошелъ, чтобы погрѣшеніе другого объявить». Самый же пачевиля сжигается подъ висѣлицею рукою палача. Въ отличіе отъ другихъ доносителей, фискалы, какъ должностныя лица, не подлежатъ наказанію, когда взведенное ими обвиненіе останется недоказаннымъ, и могутъ быть подвергнуты только легкому взысканію за одну лишь неосмотрительность, о чемъ было сказано выше. Точно также извѣстители, т. е. тѣ лица, которыя, не обличая кого либо явно въ совершеніи преступленія, т. е. не являясь по дѣлу частными обвинителями, лишь сообщаютъ начальству въ тайнѣ объ извѣстныхъ имъ признакахъ преступленія, не подвергаются наказанію за бездоказательность своего извѣщенія. Челобитчикъ не можетъ для доказательства справедливости взводимого имъ обвиненія быть допущенъ къ присягѣ, хотя бы онъ о томъ и просилъ, такъ какъ «буде они оба будутъ присягать, то правда на сторонѣ отвѣтника быть имѣеть». На отвѣтникѣ лежитъ обязанность опровергать выставленныя противъ него обвиненія, посредствомъ приведенія своихъ доводовъ и доказательствъ, причемъ, если челобитчикъ представитъ нѣкоторыя доказательства, которыхъ отвѣтникъ опровергнуть будетъ не въ состояніи, то тогда обращаются къ крайнимъ средствамъ — очистительной присягѣ или пыткѣ, какъ мы увидимъ ниже.

Роды судебныхъ доказательствъ, по Кр. уз. пр., были: 1) «Своевольное признаніе», названное такъ вѣроятно въ отличіе отъ признанія, получаемого посредствомъ пытки. 2) Свидѣтели. 3) Письменныя доказательства. 4) Улики. Затѣмъ къ числу доказательствъ принадлежатъ и составляютъ послѣднія средства для открытія истины: очистительная присяга и пристрастный допросъ или пытка. «Собственное признаніе есть лучшее свидѣтельство всего свѣта» и ведетъ къ постановленію приговора, не требуя дальнѣйшаго представленія доказательствъ, причемъ для дѣйствительности его необходимо, чтобы самое событіе преступленія не подлежало никакому сомнѣнію, чтобы признаніе было сдѣлано добровольно и непремѣнно въ судѣ и наконецъ, чтобы не было основанія сомнѣваться въ его достоверности; по постановленію эти относительно собственнаго признанія, какъ было уже упомянуто, должны относиться именно къ дѣламъ уголовнымъ, а не къ гражданскимъ искамъ. Свидѣтели были самымъ важнымъ и наиболѣе употребительнымъ родомъ доказательствъ, при отсутствіи

СУДЕБНЫЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА.

сознаія отвѣтника, вслѣдствіе чего Кр. из. пр. говоритъ объ нихъ особешно подробно. Въ постановленіяхъ о свидѣтеляхъ перечислены сначала причины, по которымъ вообще къ свидѣтельству не допускаются (о свидѣтеляхъ «негодныхъ и презираемыхъ»). Причины эти, указанные въ 17 пунктахъ, могутъ быть сведены въ три группы. Къ первой принадлежатъ: 1) Оporоченные судомъ разнаго рода преступники, въ томъ числѣ прелюбодѣи, которые «самому Богу данную клятву нарушили», отлученные отъ церкви, «которые за басурмановъ почитаются», и не бывшіе у святаго причастія, такъ какъ они не могутъ давать показаній подъ присягою, изъ чего и упоминанія о басурманахъ можно заключить, что въ судахъ принималось свидѣтельство однихъ только христіанъ, что объясняется простымъ заимствованіемъ постановленій на этотъ счетъ изъ Западной Европы, гдѣ почти не существовало не христіанскихъ подданныхъ или же это было принято для того, что бы устранить отъ свидѣтельства раскольниковъ. 2) Лица зашпестерованныя, имено: свидѣтели въ собственномъ дѣлѣ, лица подкупленныя къ свидѣтельству, состоящія съ участвующими въ дѣлѣ въ родствѣ, дружбѣ или враждѣ въ данное время или, по мнѣнію юристовъ, говоритъ законъ, когда они бывали даже во враждѣ прежде, и 3) малолѣтніе, недостижніе 15 лѣтъ, и лица, свидѣтельствующія по слуху отъ другихъ. Отводъ свидѣтелей дѣлается по всѣмъ этимъ причинамъ, по заявленію сторонъ, для чего свидѣтели, до ихъ допроса, предъвляются сторонѣ, противъ которой они представлены, что пазывается очною между ними ставкою. Въ случаѣ сомнѣнія относительно того, подлежитъ ли свидѣтель отводу, до рѣшенія этого вопроса, отводимый свидѣтель допрашивается безъ присяги, какъ это принято и въ настоящее время. Кромѣ означеннаго случая, свидѣтели должны быть непременно приведены къ присягѣ до ихъ допроса, хотя показанія ихъ считаются паравиѣ съ данными подъ присягою, если только послѣ дачи показанія присяга будетъ принята въ тотъ же самый день. Показаніе, данное безъ присяги, не имѣетъ никакой силы; отъ самаго принятія присяги никто изъ свидѣтелей не освобождается, «хотя бы и архіепископъ былъ», что было въ явномъ противорѣчій съ русскимъ общимъ уголовнымъ законодательствомъ, такъ какъ по Соборному Уложенію духовныя лица допрашивались безъ присяги («по священству и по шоческому обѣщанію»). Впрочемъ, какъ и теперь, дозволялось освобождать отъ присяги съ согласія обѣихъ сторонъ. Допросъ свидѣтелей начнается не иначе, какъ по полученіи отвѣта со стороны от-

вѣтчика, т. е. именно послѣдняго его отвѣта (опроверженія), по окончаніи первой части процесса, за исключеніемъ того случая, когда свидѣтель сильно заболѣетъ или собрался въ дальній путь, тогда онъ могъ быть допрошенъ и ранѣе, и данное имъ въ этомъ случаѣ показаніе называется свидѣтельствомъ всегдашней памяти. Допросъ производится въ самомъ судѣ, въ присутствіи сторонъ и только во-первыхъ — свидѣтели, находящіеся въ такомъ отдаленіи отъ суда, что имъ «безъ великой трудности явиться невозможно», допрашиваются (къмъ не сказано) по посланнымъ нунціамъ, въ присутствіи сторонъ или уполномоченныхъ отъ нихъ, и во-вторыхъ — допросъ на дому производится большимъ, знатымъ лицамъ и дворянамъ, для чего къ нимъ отправляется одинъ изъ ассесоровъ вмѣстѣ съ секретаремъ. Письменные же показанія свидѣтелей не имѣютъ силы до тѣхъ поръ, пока не будутъ признаны лично въ судѣ и подтверждены присягою. Свидѣтели допрашиваются вообще порознь, но могутъ быть поставлены судьей и на очную ставку между собою. Сначала всегда допрашиваются свидѣтели и представляются другія доказательства со стороны челобитчика, а потомъ уже тѣ, которые указаны или представлены отвѣтчикомъ. Обѣимъ сторонамъ дозволяется указывать новыхъ свидѣтелей во время производства дѣла для опроверженія доводовъ противной стороны, но на представленіе ихъ, по усмотрѣнію суда, назначается извѣстный срокъ. Свидѣтель, призванный къ допросу, долженъ былъ явиться и давать показанія, въ случаѣ же отказа отъ исполненія своей обязанности, свидѣтель могъ быть принужденъ къ этому судьей, что на практикѣ вѣроятно вело къ пыткамъ свидѣтелей, по распоряженію судьи, который всегда могъ предположить, что свидѣтель не говоритъ всего того, что онъ знаетъ по дѣлу. Но обязанность свидѣтельства вѣроятно относилась только къ дѣламъ, начинаемымъ по усмотрѣнію суда или донесеніямъ фискаловъ. Каждый свидѣтель долженъ показывать только то, что ему лично извѣстно по дѣлу, а не по слуху отъ другихъ, такъ какъ послѣдняго рода свидѣтели не должны быть допускаемы. За дачу свидѣтелемъ ложнаго показанія подъ присягою, законъ грозилъ весьма строгими наказаніями, какъ за клятвенное преступленіе, о чемъ было сказано при разсмотрѣніи постановленій Воинскаго Артикула. Значеніе свидѣтельскихъ показаній для исхода дѣла зависитъ отъ ихъ числа и качества, о чемъ сказано: «кто лучшихъ и болѣе свидѣтелей на своей сторонѣ имѣетъ, которые правду сущую обстоятельствами доказать могутъ, тому и повѣрится». Какое именно число свидѣ-

телей необходимо для постановленія рѣшенія согласно ихъ показаніямъ, въ Кр. уз. пр. не указано, но изъ того, что показаніе одного свидѣтеля считается недостаточнымъ, можно видѣть, что для этого требуется показаніе не менѣе двухъ свидѣтелей. Такого рода правило было принято въ Западной Европѣ, на основаніи каноническаго права, именно словъ евангелиста Матоея и Апостола Павла, что «при устѣхъ двою и трою стапеть всякъ глаголь», было выражено въ Каролинѣ и строго примѣнялось на практикѣ (Каршцовымъ и другими юристами). При опредѣленіи стносительнаго достоинства свидѣтелей «лучшими», изъ нихъ признаются: «свидѣтель мужска пола паче женска, знатный паче худаго, ученый—неученаго и духовный—свѣтскаго». Кр. уз. пр. не придаетъ особеннаго значенія показаніямъ свидѣтелей, на которыхъ была сдѣлана ссылка изъ виноватаго, т. е. показаніямъ которыхъ сторона, согласно заявленію ея, придаетъ полную вѣру, и показаніямъ свидѣтелей, допрошенныхъ по общей ссылкѣ обѣихъ сторонъ, какъ это было принято въ Соборномъ уложеніи. Особымъ видомъ является, указанное въ Вонискомъ Артикулѣ, свидѣтельство медиковъ экспертовъ, на которыхъ возлагается, въ случаѣ смерти кого либо послѣ полученія побоевъ, опредѣлить «смерть всеконечно ли отъ битья приключилась», причемъ медики должны «взрѣзать» тѣло и свое заключеніе («свидѣтельство») о причинѣ смерти изложить письменно, подать его въ судъ и подтвердить присягою.

Свидѣтельство посредствомъ повальнаго обыска, бывшаго однимъ изъ самыхъ употребительныхъ доказательствъ въ русскомъ правѣ, не было указано въ Кр. уз. пр., что отъ части могло происходить и отъ того, что примѣненіе повальнаго обыска въ то время и въ гражданскомъ вѣдомствѣ вызывало пареканія, какъ это видно изъ отзыва объ этомъ современника крестьянина Посошкова («въ повальныхъ обыскахъ самъ сатана сидитъ, а Божья правды ни слова пѣть») и наконецъ вѣроятно потому, что свѣдѣнія о паведеіи обвиняемаго, служащаго въ регулярной арміи, могли быть получены отъ его военнаго начальства.

Третьимъ родомъ доказательствъ были письменные документы, которые тогда имѣли значеніе почти исключительно въ дѣлахъ гражданскихъ, такъ какъ Кр. уз. пр. говоритъ лишь о тѣхъ изъ нихъ, по силѣ которыхъ «одинъ изъ нихъ имѣетъ право отъ другаго что нибудь претендовать». Оно различаетъ между письменными доказательствами такіе документы, которые составлены съ вѣдома или чрезъ посредство судьи или

властей и записаны въ официальные книги или же напротивъ—составлены непосредственно самими сторонами. Документы первого рода имѣютъ безусловную силу, а послѣдніе только въ случаѣ признанія ихъ дѣйствительности тою стороною, противъ которой они предъявлены. Среднее между ними мѣсто занимаютъ купеческія книги, которыя могутъ получить характеръ полного доказательства только при извѣстныхъ условіяхъ. Купеческій же счетъ, подписанный должникомъ, считается «совершеннымъ доказомъ».

Въ Кр. из. пр. въ числѣ доказательствъ мы находимъ п улики, т. е. *улики*. признаки, по которымъ можно предположить возможность совершенія преступленія со стороны извѣстнаго лица, названными «причинами подозрѣнія», которыя составляютъ всегда доказательства несовершенныя. Къ уликамъ относятся въ нѣкоторыхъ случаяхъ и тѣ роды доказательствъ, которые поименованы выше (признаніе, сдѣланное внѣ суда, показаніе одного свидѣтеля и т. п.); но кромѣ того къ нимъ принадлежатъ случаи, когда отвѣтчикъ бѣжать вознамѣрится, если онъ съ другими злодѣями въ компаніи былъ, если онъ прежде совершалъ уже преступленія подобнаго рода, когда на потерпѣвшаго отъ преступленія грозился и если отвѣтчикъ дастъ передъ судомъ сблвчивыя и разпорѣчивыя показанія.

Къ числу уликъ можетъ быть отнесена, хотя и не указана между ними, народная молва, злой слухъ, относительно котораго законъ предписываетъ удостовѣриться, не вымышленъ ли онъ отъ злыхъ людей и, какъ мы видѣли, требуется отъ огласившихъ его представленія доказательствъ его справедливости; «по буде во всемъ народѣ подтвержденіе свое имѣть и достовѣрности подобно есть». Между уликами мы не находимъ полчищаго, которому у насъ придавалось всегда особенное значеніе.

При отсутствіи совершенныхъ доказательствъ, по въ томъ случаѣ, когда имѣются «подвѣчныя основанія», приобѣгаютъ къ очистительной присягѣ, даваемой всегда отвѣтнику, а не челобитчику, именно съ цѣлью очистить его отъ подозрѣнія, такъ какъ принявшій присягу отвѣтчикъ освобождается затѣмъ отъ всякаго обвиненія. Хотя въ концѣ Кр. из. пр. говорится о возможности допущенія къ присягѣ обѣихъ сторонъ, но это можетъ быть объяснено только неточностью редакціи. Судь не можетъ торониться принужденіемъ отвѣтника къ очистительной присягѣ, такъ какъ прежде слѣдуетъ «всемѣрно трудиться чрезъ иные способы правды извѣдать» и предлагать присягу отвѣтнику, когда имѣющееся противъ него подозрѣніе уже отчасти очищено (напр.

ОЧИСТИТЕЛЬНАЯ
ПРИСЯГА

показаніемъ одного свидѣтеля) и онъ имѣется только въ полуполо-
зрѣніи. Если же отвѣтчикъ откажется отъ принятія присяги, то признается
виновнымъ и приговаривается къ наказанію, хотя при этомъ, какъ ска-
зано въ Кр. уз. пр., «въ смертныхъ дѣлахъ пристойнымъ наказаніемъ его
показать опасайтесь, ибо лучше 10 виновныхъ освободить, чѣмъ одного
невиннаго къ смерти приговорить». Правило это, заимствованное Пе-
тромъ Великимъ изъ шведскаго военнаго устава (1683 г.), имѣло самое
ограниченное значеніе, касаясь собственно примѣненія смертной казни,
какъ наказанія тяжкаго и непоправимаго въ случаѣ судебной ошибки. За-
мѣчаніе же г. Розенгейма¹⁾ о томъ, что знаменитая фраза («лучше освобо-
дить десять виновныхъ, чѣмъ наказывать одного невиннаго»), приписываемая
Екатеринѣ II, была произнесена впервые Петромъ Великимъ, оказывается со-
вершенно невѣрнымъ, тѣмъ болѣе, что, какъ замѣчаетъ профессоръ Кистяков-
скій²⁾, фраза эта была произнесена еще однимъ изъ римскихъ императоровъ.
3) Усмотрѣвъ, при доставленіи отвѣтчику очистительной присяги, что онъ хо-
четъ совершить клятвопреступленіе, судья не долженъ допускать къ ней, а
между тѣмъ, если представляющіяся противъ отвѣтчика доказательства не-
достаточны для его обвиненія, то «пристойнѣе есть оное дѣло предать
волю Божіей и положиться въ ономъ весьма на Бога, пока само не обя-
вится». Но однако «въ многихъ мѣстахъ», какъ говоритъ Кр. уз. пр., когда
важныя злодѣянія происходятъ, и «отвѣтчикъ подозрѣнимъ или полу-до-
казаніемъ отягченъ», то «отставя присягу» прибѣгаютъ къ пыткѣ. Особныя
4) правила объ очистительной присягѣ существовали въ Военномъ Артикулѣ
относительно преступленій обольщенія, при чемъ очистительная присяга
могла быть предложена обвиняемому лишь въ томъ случаѣ, когда были
доказательства не только вступленія его въ связь, но и доказательства дан-
наго имъ обѣщанія на женитьбу; въ противномъ случаѣ отвѣтчикъ вѣроятно
освобождался отъ обвиненія даже безъ привода его къ присягѣ. Если же
обвиняемый въ обольщеніи не захочетъ присягать, «то долженъ онъ на
чреватой жениться», такъ какъ виновность его считается тогда вполне до-
казанной. Когда же обвиняемый и пожелаетъ принять очистительную при-
сягу, но «доказательства и признаки, что онъ обѣщаль жениться велики и

¹⁾ Указ. сочиненіе, стр. 155.

²⁾ Жур. гр. и уг. права, 1879 г.

силыны суть», то, «опасаяся нарушенія присяги, болѣе надлежитъ онаго къ супружеству приуждать, нежели присягою поступать» вмѣсто того, чтобы, какъ это было принято вообще въ такихъ случаяхъ, обращаться къ пыткѣ или предавать дѣло волю Божіей.

Пытка состояла въ томъ, что судья посредствомъ мученій стремился принудить къ сознанию въ преступленіи того, который не хочетъ повиниться добровольно, несмотря на имѣющееся противъ него подозрѣніе. Пытка, по Кр. уз. пр., отличалась отъ пристрастнаго разспроса, на что указываетъ самое заглавіе главы VI части второй: «О разспросѣ съ пристрастіемъ и о пыткѣ» и первая статья этой главы, говорящая собственно о пристрастномъ разспросѣ, происходившемъ «предъ пыткою», согласно порядку, принятому въ западной Европѣ, гдѣ подъ пристрастнымъ допросомъ (territio) разумѣли только стращаніе пыткою, приносъ орудій ея, даже причиненіе легкихъ мученій. Поводомъ къ пыткѣ должны служить важныя поводы и совершенное подозрѣніе (какъ на примѣръ показаніе свидѣтеля-очевидца самаго преступленія и т. п.), по вопреки господствовавшему взгляду въ нѣмецкой судебной практикѣ, по Кр. уз. пр. пытка допускалась и на основаніи оговора, когда при томъ объ обвиняемомъ «злой слухъ происходитъ» (мошва), при чемъ, какъ говоритъ законъ, «и права повелѣваютъ никакого по оговору отъ другихъ къ пыткѣ не приводить». Впрочемъ по Кр. уз. пр. дозволяется также подвергать пыткѣ и по одной только народной молвѣ, если она имѣетъ «подобіе истины»: наконецъ, какъ видно изъ примѣчанія къ табели о рангахъ, пытка употреблялась и при одномъ оговорѣ, называвшемся въ русскомъ законодательствѣ общимъ «язычною молвою», которая прежде могла вести только къ повальному обыску, отъ результата котораго зависѣло рѣшеніе вопроса о приводѣ къ пыткѣ. Вообще же пытка допускается только въ дѣлахъ видимыхъ, когда есть преступленіе», т. е. при несомнѣнности событія преступленія. Затѣмъ говорится, что въ гражданскихъ дѣлахъ «прежде пытать неможно, пока злое дѣйство паружѣ не объявится», за исключеніемъ большихъ и важныхъ гражданскихъ дѣлъ, въ которыхъ даже когда свидѣтель «въ сказкѣ своей обробѣтъ, или смутится или въ лицѣ измѣнится, то пытанъ бываесть». При этомъ подъ словомъ гражданскія дѣла, Кр. уз. пр. вовсе не разумѣетъ, какъ это обыкновенно думаютъ, дѣла исковыхъ, имущественныхъ (неуголовныхъ), а понимаетъ подъ этимъ названіемъ дѣла гражданскія общія (bürgerliche Sachen), въ отличіе отъ дѣлъ вошскихъ. Это видно изъ приведенныхъ выше словъ той

же статьи, въ которыхъ сказано о зломъ дѣйствіи «въ гражданскихъ дѣлахъ», т. е. о преступленіяхъ общихъ, а не гражданскихъ искахъ. Для дѣлъ о важнѣйшихъ общихъ преступленіяхъ понятно, что могло быть сдѣлано исключеніе и допущена даже пытка свидѣтелей, но установленіе такого правила для однихъ лишь дѣлъ гражданскихъ-исковыхъ не имѣло бы никакого основанія. Впрочемъ, какъ было указано выше, къ пыткѣ свидѣтелей вело вѣроятно и право суда принуждать ихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ дачѣ показаній. Отъ пытки освобождаются: «шляхта (дворяне), служители высокихъ чиновъ, беременныя жены, старики и недоросли», за исключеніемъ однако дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ и убійства, относительно которыхъ они могутъ быть пытаны, «однакожь съ подлиннымъ о томъ доводами». Солдаты и офицеры, обвиняемые въ важныхъ преступленіяхъ, согласно Военному Артикулу, могутъ быть пытаны «какъ и прочіе злодѣи, въ чемъ нѣсть сумнѣнія»; о допущеніи же пытки для людей чиновныхъ говорится въ примѣчаніи къ таблицѣ о рангахъ. Вообще, если кто изъ лицъ, находящихся на службѣ, будучи подвергнутъ пыткѣ, окажется въ послѣдствіи невиновнымъ, то для полного возстановленія его чести надъ военнымъ исполняется тотъ же обрядъ, который былъ установленъ для лицъ, подвергавшихся прежде шельмованію, состоявшій въ публичномъ возложеніи знамени, согласно Военному Артикулу, а чиновникамъ положено было выдавать въ этомъ случаѣ особую грамоту, согласно примѣчанію къ таблицѣ о рангахъ. Порядокъ производства пытки, если ей подлежатъ нѣсколько человекъ, состоитъ въ томъ, что сначала пытаютъ тѣхъ, на которыхъ имѣется больше подозрѣнія, и тѣхъ, отъ которыхъ легче можно узнать истину, въ слѣдствіе чего, при одинаковости представляющихся противъ нихъ доказательствъ, предписывается пытать сына прежде отца, а жену прежде мужа. Степень жестокости пытки зависѣла отъ степени важности преступленія и физическихъ и нравственныхъ качествъ лицъ, подлежащихъ пыткѣ, такъ что тѣхъ, которые «деликатнаго тѣла и честные», предписывается пытать легче, а «безстыдныхъ, твердыхъ и упрямыхъ — жестокае». За нарушеніе этихъ правилъ судья подлежитъ наказанію и уплатѣ за причиненныя напрасно мученія, и если отъ жестокой пытки послѣдуетъ смерть, то наказаніе ему можетъ доходить до смертной казни. При производствѣ пытки, «судья усмотря подобіе правды», обязанъ прекратить ее. Въ Кр. из. пр. не говорится, чтобы качество пытки усиливалось при повтореніи ея, хотя это было принято въ Россіи въ XVII

столѣтій, какъ видно изъ словъ Котошихина и указа 1673 г. 23 октября. Повтореніе пытки допускалось по Кр. из. пр. только при возникновеніи новаго подозрѣнія и когда пытаемый повинится, а потомъ опять отречется, утверждая, что сознание его было вынуждено лишь пыткой, при чемъ онъ можетъ быть пытанъ до трехъ разъ; послѣ этого, если обвиняемый всетаки не сознается, то взявъ отъ него полное число порукъ и подписку въ томъ, что онъ ни на комъ не будетъ отмщать причиненныя ему несправедливости, предписывается освободить обвиняемаго, но «отъ подозрѣнія его весьма не уволить». Для постановленія же обвинительнаго приговора, признанія, сдѣланнаго на пыткѣ или пристрастномъ допросѣ («устрашась оной») недостаточно, но требуется еще, чтобы преступникъ подтвердилъ свое сознание на допросѣ чрезъ нѣсколько дней, «когда болѣзнь мшется».

Очищительная присяга и пытка по Кр. из. пр. были обѣ крайними средствами для узнанія истины въ дѣлѣ, но при невыработанности теорій формальныхъ доказательствъ и такъ какъ въ каждомъ дѣлѣ, даже при собственномъ признаніи обвиняемаго, всегда могло являться сомнѣніе, то къ присягѣ и пыткѣ должны были прибѣгать весьма часто. Но употребленіе того или другаго изъ этихъ средствъ зависѣло какъ отъ рода дѣла, такъ и отъ степени подозрѣнія, представляющагося противъ подсудимаго, такъ что присяга была, по всей вѣроятности, принята для дѣлъ уголовныхъ, преимущественно менѣе важныхъ, имѣвшихъ частный характеръ, и дѣлъ гражданскихъ, хотя она допускалась иногда и въ дѣлахъ, по которымъ могъ быть постановленъ смертный приговоръ, — а пытка большею частью въ дѣлахъ уголовныхъ, наиболѣе важныхъ, имѣвшихъ публичный характеръ. Кроме того присяга употреблялась, повидному, въ случаяхъ, когда доказательства противъ обвиняемаго были слабы, когда онъ уже нѣсколько очистился отъ подозрѣнія и имѣется только «въ полуподозрѣніи», а пытка употреблялась при существованіи доказательствъ болѣе сильныхъ, именно «подозрѣнія» или «полуподозрѣнія» и даже когда судья, при допущеніи къ очищительной присягѣ въ дѣлахъ о важныхъ преступленіяхъ, найдеть, что обвиняемый готовъ принять ее должно.

Изъ обозрѣнія доказательствъ, приводимыхъ въ Кр. из. пр., видно, что, несмотря на преимущественно обвинительный характеръ процесса, усилія судьи въ значительной степени были направлены къ полученію признанія подсудимаго, посредствомъ допроса его. По главѣ 50 первой части Воин. устава, допросъ подсудимаго, повидному, игралъ въ процессѣ

еще большую роль. Онъ производился «по изображеннымъ отъ аудитора артикуламъ» (вопроснымъ пунктамъ), что было принято еще прежде въ Краткомъ Артикулѣ («оказуетъ подзорные вопросы»), будучи заимствованъ изъ западной Европы, гдѣ въ Германіи назывался: «die artikulierte Vernehmung» — вопросомъ по пунктамъ, съ котораго начиналось всегда производство дѣла въ порядкѣ слѣдственномъ (инквизиціонномъ). Согласно многихъ частей Военскаго устава, все происходившее на судѣ должно было быть, подъ наблюденіемъ аудитора, записываемо протоколистомъ или секретаремъ, что примѣнялось вѣроятно только въ генеральныхъ или верхнихъ военныхъ судахъ, гдѣ обязанности эти могъ исполнить состоявшій при генераль-аудиторѣ писарь судебныхъ дѣлъ; въ полковыхъ же или нижнихъ военныхъ судахъ обязанности эти лежали на полковомъ аудиторѣ, который долженъ былъ все, «что донесено будетъ, истинно записать».

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ
ПРОЦЕССА.

Третью часть процесса составляетъ постановленіе сентенца или приговора, которое называлось собственно «кригсрехтомъ» и совершалось по окончаніи слушанія дѣла, т. е. «фергера». Приговоръ постановляется по «вящимъ голосамъ», т. е. по большинству голосовъ, при чемъ самое голосованіе происходить подачею голосовъ членами военного суда, начиная съ младшаго («снизу»), и не по классамъ чиновъ, какъ это было принято въ Краткомъ Артикулѣ, а всякимъ судьей отдѣльно. Каждый изъ членовъ можетъ измѣнить поданное имъ мнѣніе, но только до объявленія приговора и указавъ на причину этой перемѣны. Если большинства голосовъ не составится, то приговоръ постановляется согласно мнѣнію, на сторонѣ котораго будетъ президентъ (презусъ). Аудиторы, хотя и присутствуютъ при голосованіи, но сами при этомъ голоса не имѣютъ, а должны, «когда кого въ кригсрехтѣ въ разсужденіи порѣшающаго досмотрать, тогда онаго къ правдѣ основательно приводить» и кромѣ того вообще давать разъясненія относительно законовъ; если же они сами, собственно полковые аудиторы, встрѣтятъ сомнѣнія въ этомъ отношеніи, то обязаны «требовать совѣта и ожидать наставленія» отъ оберъ-аудитора или вѣроятно и генераль-аудитора. При постановленіи приговора, судъ долженъ былъ руководствоваться теоріей формальныхъ доказательствъ, т. е., определяя силу и значеніе разнаго рода доказательствъ не по внутреннему убѣжденію, а по указанію самаго закона, хотя теорія формальныхъ доказательствъ не была еще въ то время выработана окончательно, такъ какъ при общепримѣненіи пытки и очистительной присяги

въ этомъ и не предстояло особенной наобности. Самые приговоры могли быть: 1) Обвинительными, когда противъ обвиняемаго представлялись по дѣлу доказательства совершенныя, какъ-то: собственное сознание, показанія не менѣе двухъ свидѣтелей, письменные документы извѣстнаго рода или когда обвиняемый признавалъ себя виновнымъ на пыткѣ или отказывался отъ принятія очистительной присяги, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ онъ всетаки не могъ быть подвергнутъ смертной казни, и 2) оправдательные приговоры, которые постановлялись, очевидно, при отсутствіи подозрѣнія, а также когда обвиняемый очистился отъ подозрѣнія посредствомъ принятія присяги. Но если судъ не допускалъ обвиняемаго къ предложенной ему сначала очистительной присягѣ, изъ опасенія, что онъ приметъ ее ложно, то дѣло «предавалось волю Божіей, пока само не объявится». Это было какъ бы равносильно прекращенію преслѣдованія, которое не отличалось на практикѣ отъ оправдательнаго приговора, не имѣвшаго тогда такого значенія, какъ въ настоящее время, и допускавшаго всегда возобновленіе судебного преслѣдованія. Среднее мѣсто между оправданіемъ и обвиненіемъ занимает такое положеніе обвиняемаго, когда онъ, будучи подвергаемъ пыткѣ, всетаки не призналъ себя виновнымъ, причемъ предписывается, взявъ отъ него полное число порукъ, «чтобъ ему всегда, когда потребенъ въ судъ явится», «освободить, токмо отъ злодѣйства весьма не уволить, понеже временемъ новыя могутъ явиться подозрѣнія». Изъ этого впослѣдствіи образовался третій родъ приговоровъ съ оставленіемъ въ подозрѣніи болѣе или менѣе сильнымъ. Приговоры эти стали особенно часты съ отмѣною пытки, такъ какъ они были постановляемы съ того времени въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ прежде примѣнялось это крайнее средство узнанія истины въ дѣлѣ. Приговоръ составляется аудиторомъ или секретаремъ и долженъ заключать въ себѣ «обстоятельства и фундаментъ, по чему приговоръ опредѣленъ», т. е. мотивы его и кромѣ того, согласно главѣ 50 первой части Воннескаго Устава, въ немъ должны быть выписаны и относящіеся къ дѣлу законы. Приговоръ подписывается всѣми судьями, послѣ чего, какъ сказано о полковомъ аудиторѣ, онъ долженъ «кругомъ приговора узлами очертить, чтобы невозможно было ничего приписать». Это вѣроятно составляло скрѣпу приговора, о чемъ говорится въ датской военно-судебной инструкціи, изъ которой заимствованы постановленія о полковомъ аудиторѣ. Послѣ подписи приговора, хотя бы одними презумомъ и аудиторомъ, онъ объявляется секретаремъ публично

КОНФИРМАЦИЯ
ПРИГОВОРОВЪ.

«въ сѣдѣщемъ судѣ», въ присутствіи обѣихъ сторонъ. По главѣ 50 первой части Воинскаго Устава, предписывается немедленно по подписаніи смертнаго приговора (сентенціи), слѣдовательно еще до его объявленія, «осужденнаго сковать, какого бы онъ рангу ни былъ, дабы вѣдая о сентенціи не ушелъ». Постановленные военными судами приговоры не могутъ быть обращены къ исполненію безъ конфирмаціи ихъ со стороны высшаго начальства (именно фельдмаршала или командующаго генерала), которая по видимому требуется только относительно приговоровъ по дѣламъ уголовнымъ. О конфирмаціи приговоровъ генеральнаго военного суда сказано, что она требуется лишь «въ пристойныхъ дѣлахъ», слѣдовательно не всегда, и очевидно не относится къ гражданскимъ дѣламъ, разсматриваемымъ генеральнымъ судомъ въ качествѣ второй инстанціи. Приговоры полковаго (нижняго) военного суда по Кр. из. пр. подлежатъ конфирмаціи въ «пыточныхъ дѣлахъ», подъ которыми разумѣлись или такія дѣла, при производствѣ которыхъ приходилось прибѣгать къ пыткѣ при недостаточности доказательствъ, т. е. дѣла сомнительныя, или же скорѣе дѣла, по которымъ допускалось вообще производство пытки, т. е. собственно дѣла уголовныя, въ виду того, что приговоры по этимъ дѣламъ не подлежали болѣе никакой повѣркѣ, такъ какъ переноса ихъ на аппеляцію не допускалось. Подсудимому предоставлено было право обращаться къ конфирмующему начальнику съ жалобой («просительнымъ письмомъ») на приговоръ нижняго (полковаго) суда, «когда онъ видимо себяотягченно помнитъ», но въ случаѣ признанія ея неосновательности, проситель подлежалъ наказанію. Приговоры, поступавшіе на конфирмацію къ фельдмаршалу или командующему генералу, по всей вѣроятности, докладывались ему состоявшимъ при немъ генералъ или оберъ-аудиторомъ, которые отсылали приговоръ по его утвержденію для исполненія. Власть конфирмующаго начальника состоитъ въ томъ, что онъ «какое мнѣніе свое на оное (т. е. рѣшеніе военного суда) объявить, прибавить или убавить, по тому и экзекуція отправляется быть имѣеть». Велѣдствіе такого постановленія, на практикѣ, какъ говоритъ г. Розенгеймъ¹⁾, «власть конфирмующаго начальства была безгранична и рѣдко стѣснялась даже ссылкой на законъ», такъ что приговоръ военного суда почти не имѣлъ никакого значенія. Всѣ военно-судныя дѣла объ офице-

¹⁾ Указ. сочиненіе, стр. 86—89.

рахъ отсылаются, согласно 50 главѣ первой части Воинскаго Устава, погодно въ военную коллегію, «гдѣ о томъ надлежитъ держать порядочный протоколъ». Это представленіе военно-судныхъ дѣлъ въ военную коллегію было установлено не для повѣрки правильности приговоровъ, производства высшей ревизіи приговоровъ, а для одного лишь храненія и отчетности.

Въ гражданскихъ дѣлахъ, разсматриваемыхъ въ пшжихъ (полковыхъ) *АПЕЛЛЯЦІЯ.* военныхъ судахъ, допускается апелляция, состоящая въ переносѣ дѣлъ по жалобамъ сторонъ на разсмотрѣніе вышняго (генеральнаго) военного суда. Никакого срока на подачу жалобы не указано. По выслушаніи апелляціонной жалобы, которая должна отличаться краткостью, вышній военный судъ требуетъ отвѣта отъ противной стороны, допуская такимъ образомъ продолженіе состязанія сторонъ, и затѣмъ, на основаніи правилъ, указанныхъ въ законѣ, самъ постановляетъ приговоръ, который считается уже окончательнымъ, «твердо содержащій имѣть быть», слѣдовательно конфірмаціи не подлежитъ. Поводы къ отмѣнѣ приговора, «причины, по которымъ онъ можетъ быть опровергнутъ», исчислены въ шести пунктахъ. Первые три повода состоятъ въ нарушеніи важнѣйшихъ формъ обвинительнаго процесса, именно, когда судья постановилъ рѣшеніе по такимъ «пунктамъ», по которымъ не было потребовано объясненія отъ противной стороны (отвѣтчика) или которые вовсе не были предметомъ иска. Слѣдующій поводъ — недопущеніе обѣихъ сторонъ къ присягѣ, если онѣ того пожелаютъ, непонятенъ, такъ какъ очистительная присяга предлагается судомъ и притомъ лишь одному отвѣтчику, а не челобитчику. Затѣмъ, «когда приговоръ противугласящійся» и послѣдній поводъ, «когда оный пагло противъ правъ есть». Явное нарушеніе закона («противъ правъ есть») составляетъ кассационный поводъ по закону и въ настоящее время, а противорѣчивость приговора («когда онъ противугласящійся») является таковымъ на практикѣ. Вообще же всѣ причины, къ отмѣнѣ приговора здѣсь указанныя, посятъ на себѣ характеръ формальныхъ нарушеній, кассационныхъ поводовъ. Наконецъ, что касается исполненія приговоровъ, то въ Кр. уз. пр. объ этомъ не говорится, но въ другихъ частяхъ воинскаго устава упоминается о томъ, что смертная казнь, шельмованіе и наказанія тѣлесныя (опредѣленныя судомъ) исполняются публично (по главѣ «О экзекуціи и вершеніи»), причемъ то мѣсто, гдѣ это происходитъ, объявляется войсками. Затѣмъ въ главѣ 50 первой части Воинскаго Устава сказано, что

*ИСПОЛНЕНИЕ
ПРИГОВОРОВЪ.*

смертная казнь исполняется передъ фронтомъ полка, причемъ преступникъ, «по приказу майорскому или адъютантскому, ружья своего, также и мушкетру черезъ капитана лишь и потомъ палачу для экзекуціи профосомъ отдатьъ бываетъ».

Но все это касается собственно смертной казни, посредствомъ повѣшенія или отсѣченія головы. О томъ же самомъ говорится еще и въ воинскомъ артикулѣ, именно, что если палачъ однимъ разомъ головы не отсѣчетъ, или при повѣшеніи веревка оборвется, то палачъ долженъ продолжать исполненіе казни до ея окончанія, что вѣроятно было постановлено въ виду существованія прежде противоположнаго правила не столько въ законѣ, сколько въ обычаѣ. Передъ казнью, даже въ случаѣ, когда она назначается по приговору скорорѣшительнаго суда (по главѣ 50-й, первой части Воинскаго устава) или Генераль-Румормейстера (въ описаніи его должности), преступникъ допускается всегда къ причащенію, для чего при Румормейстерѣ, снабженномъ правиломъ примѣненія смертной казни, полагается не только палачъ, но и священникъ.

Когда полагалось заочное шельмованіе и прибитіе имени къ висѣлицѣ, какъ символическая казнь для отсутствующихъ, то по понятію они передавались въ полкъ для повѣшенія «на первомъ деревѣ», т. е. безъ исполненія всякихъ формальностей. Кромѣ смертной казни, шельмованіе, кнутъ, наказанія посмертныя и даже сожженіе пашквиль исполнялись палачемъ. Объ исполненіи же содержанія подъ арестомъ и нѣкоторыхъ другихъ наказаній со стороны профосовъ было сказано выше. Относительно разстрѣлянія (аркебузирования) и наказанія шшицрутенами, которыя исполнялись самими товарищами осужденнаго, не было въ Воинскомъ уставѣ никакихъ определенныхъ правилъ.

ПЕРЕСМОТРЪ
ВОИНСК. УСТАВА
ПЕТРА В.

Вскорѣ послѣ изданія Морскаго устава 1720 г., первоначально, главнымъ образомъ, для согласованія съ нимъ, «чтобы судъ и экзекуція въ подобныхъ винахъ были сходны», Петръ Великій возымѣлъ мысль пересмотрѣть Воинскіе Артикулы и Краткое изображеніе процессовъ, что и было возложено указомъ 8-го февраля 1721 г. на нѣсколькихъ лицъ: генераловъ Бона и Матюшкина, четырехъ полковниковъ русскихъ Есипова, Сукша, Болтина и Пестрикова, четырехъ изъ иностранцевъ и Генераль-Аудиторъ-Лейтенанта Центарови. Въ томъ же указѣ относительно постановленій Воинск. Артикула и Краткаго изображенія процессовъ повелѣно было

«и чего будетъ недовольно, то усматривая лучшаго, пополнять и исправлять тѣ статьи изъ иностранныхъ правъ европейскихъ, изъ которыхъ приличіе, тако же и по разсужденіямъ примѣнять ко всѣмъ случаямъ»¹⁾, вслѣдствіе чего тогда же поручено было купить за границею и прислать уставы пессарскіе, французскіе и шведскіе, кромѣ того приказано было приобрести для комисіи и одинъ экземпляръ Соборнаго уложенія, вѣроятно также для согласованія съ нимъ Военскаго Артикула и краткаго изображенія процессовъ. Самый пересмотръ долженъ былъ производиться такимъ образомъ, чтобы назначеннымъ лицамъ, «которые артикулы не будутъ требовать исправленія, тѣ только слушать, а которые надлежитъ чѣмъ пополнить или исправить, и тое справку поставя на мѣрѣ, написать особо и слушать того въ Военной Коллегіи и ежели что отъ Коллегіи рѣшать будетъ невозможно и по тѣмъ статьямъ о конфирмаціи докладывать Царскому Величеству и пачать оное дѣло кончая съ девятаго числа настоящаго февраля», т. е. на другой день по восслѣдованіи указа. Но, какъ видно изъ указа 1730 года, которымъ учреждена комисія (объ улучшеніи войска) подъ предсѣдательствомъ фельдмаршала Мншиха, артикулы были исправлены, но «въ дѣйство не произведены». Труды комисіи 1721 г. до насъ не дошли.

Кромѣ цѣлыхъ военно-уголовныхъ уставовъ, въ XVIII столѣтіи, въ теченіе царствованія Петра Великаго, подобно тому, какъ и въ XVII вѣкѣ, было издано не мало отдѣльныхъ узаконеній и распоряженій, заключавшихъ въ себѣ постановленія военно-уголовнаго характера относительно преступленій и наказаній. Узаконенія и распоряженія эти, дошедшія до насъ, носили разныя названія: статей или артикуловъ, пунктовъ, инструкцій и наконецъ регламентовъ и указовъ, причѣмъ статьи, пункты и инструкціи находятся только въ сборникахъ историческихъ матеріаловъ или въ архивныхъ дѣлахъ (въ особенности въ ручныхъ или записныхъ книгахъ для офицера, котораго велѣсь прежде) и приведены, или даже приложены, большею частию къ книгѣ г. Розенгейма²⁾; регламенты же и указы помещены въ Полномъ Собраніи законовъ. *Статьями или артикулами*, повидимому, назывался вообще въ самомъ началѣ XVIII столѣтія рядъ постановленій, касавшихся однихъ нижнихъ чиновъ, къ числу которыхъ относятся упомянутыя выше (стр. 26-28) «Статьи воинскія», составленныя, вѣроятно, генераломъ Вейде, и «Солдатскія права», выданныя генералу Автомену

ОТДѢЛЬНЫЯ
УЗАКОНЕНІЯ.

СТАТЬИ.

¹⁾ Московское отдѣленіе Общаго Архива Главнаго Штаба, оп. 3, св. 15, № 38.

²⁾ Розенгеймъ, указ. соч. стр. 198—200.

Головину. По всей вѣроятности объ артикулахъ такого рода упоминается въ указахъ, изданныхъ до появленія Воинскаго и Краткаго артикуловъ, въ которыхъ, напримѣръ, въ 1705 г. говорится о наказаніяхъ бѣглыхъ солдатъ «по артикулу» ¹⁾.

НАКАЗЫ.

Другого рода узаконенія и распоряженія состоятъ въ *наказахъ* или инструкціяхъ, даваемыхъ для руководства военнымъ начальствующимъ лицамъ, съ указаніемъ и отвѣтственности за нарушение предписаннаго ими. Къ числу наказовъ принадлежатъ, напримѣръ, *Пункты командующимъ надъ каждымъ батальономъ*, ²⁾ данные 4-го марта 1706 г., состоящіе всего изъ 5-ти пунктовъ, въ которыхъ за самовольную отлучку и отпускъ людей безъ разрѣшенія положена смертная казнь; затѣмъ предписывается собираться по сигналу (тревогѣ) въ теченіе получаса и всегда имѣть въ готовности провіантскій и фуражный запасъ, при чемъ, за неисполненіе этихъ постановленій въ первый разъ опредѣлены галеры, а во второй разъ—смертная казнь; наконецъ сказано еще и о нѣкоторыхъ правилахъ относительно сбереженія оружія и пороха, но никакого наказанія за ихъ нарушение не назначено. Къ тому же роду постановленій относятся и носящія названіе инструкцій, которыя были даваемы въ военное время главнокомандующимъ или начальникамъ отрядовъ, какъ напр. инструкція фельдмаршалу Шереметеву, данная предъ выступленіемъ его съ арміею въ Померанію ³⁾, въ 1711 г. и Царевичу Алексѣю Петровичу, 18 октября 1711 г., данная при отправленіи его съ отрядомъ въ Польшу для устройства магазюновъ ⁴⁾. Въ обѣихъ инструкціяхъ говорится о главнѣйшихъ преступленіяхъ противъ мѣстныхъ жителей, за которыя большею частью положена смертная казнь.

Къ наказамъ же слѣдуетъ причислить: *Указъ о запрещеніи собираться въ «Соединительные совѣты или круги» и подачи коллективныхъ жалобъ*, который, признавая поступки эти равносильными бунту, грозитъ за нихъ смертною казнью, такъ какъ указъ этотъ, по мнѣнію Востокова, ⁵⁾ составляетъ часть наказа, даннаго Петромъ Великимъ для руководства полковнику Боуру.

¹⁾ Указ. соч. стр. 351-368.

²⁾ Записныя тетради Петра В. 1704, 1705 и 1706 г., изд. 1794 стр. 107 и 108

³⁾ Главный Государственный Архивъ, Каб. Дѣла, Отд. II, кн. 53, № 593

⁴⁾ Дѣянія Петра В., Голикова, т. IV, стр. 26.

⁵⁾ Описаніе русскихъ и славянскихъ рукописей Московскаго Румянцевскаго Музея 1842 г.

Наконецъ послѣдняго рода узаконенія и распоряженія заключаютъ въ себѣ постановленія, объявленныя для общаго руководства. ОБЩАЯ УЗАКОНЕНІЯ.

Къ нимъ принадлежали Статьи, состоявшіяся на Преображенскомъ Генеральномъ дворѣ 22 декабря 1700 г.¹⁾, въ которыхъ говорится о наказаніи кнутомъ за пьянство и зѣрнь, когда кто попадется въ нихъ во второй разъ, и положено за побѣгъ со сносомъ или хотя и безъ сноса оружія подвергать смертной казни, «чтобы другимъ было неповадно»; въ случаѣ же «вольной явки изъ бѣговъ» наказывать по разсмотрѣнію, а за явку въ пѣтяхъ по притворной болѣзни «чинить что достоинъ». Слѣдовательно, УКЛОНЕНИЕ ОТЪ СЛУЖБЫ. начиная съ перваго года XVIII столѣтія и потомъ, какъ увидимъ, во все остальное время царствованія Петра Великаго, тянется длинный рядъ указовъ, направленныхъ, подобно тому, какъ это было и прежде, къ преслѣдованію самовольнаго оставленія службы (дезертирства) или неявки на службу (нѣтъчества).²⁾ «Зло это должно было усилиться, какъ справедливо замѣчаетъ г. Розенгеймъ³⁾, вслѣдствіе того, что въ войскахъ нашихъ была введена регулярная организація, со всѣми строгостями воинской дисциплины, субординаціи и порядка, съ тяжелымъ фронтовымъ обученіемъ, съ безсрочностью военной службы». Побѣги и неявки на службу такъ были распространены, что бывали случаи побѣга цѣлыхъ ротъ (1719 г.) и число бѣжавшихъ изъ арміи доходило до 20 т. человекъ (1710 г.), число же пѣтчиковъ было весьма значительно, иногда въ какомъ либо мѣстѣ никто не являлся въ назначенный срокъ. Уклоненіе отъ службы, сильно распространенное, ослабляло силу арміи, столь необходимую для борьбы съ двумя могущественными противниками (шведами и турками). Кроме того, оно представляло еще большій вредъ въ томъ отношеніи, что бѣглецы и пѣтчики, какъ говорится о томъ въ указѣ 1719 года, приставали весьма часто къ разбойничьимъ шайкамъ, которыя нападали иногда на цѣлые города и вступали съ посылаемыми противъ нихъ военными командами въ формальный бой, и наконецъ лица, уклоняющіяся отъ службы, уходили перѣдко на окраины, на Дюнь и Янкъ, пополняя въ казачьихъ войскахъ ряды гольтыбы,

¹⁾ П. С. З., т. IV, №№ 1819 и 1820.

²⁾ П. С. З., т. III, №№ 1555, 1616; т. IV, №№ 1820, 2019, 2031, 2042, 2048, 2095, 2159, 2199, 2329, 2337, 2385, 2467; т. V, №№ 2700, 2764, 2875, 2885, 2900, 2928, 3010, 3134, 3445, 3477; т. VI, №№ 3496, 3599, 3631, 3654, 3696, 3803, 3810, 3816, 3820, 3825, 3859, 3874, 3897, 3924, 3926, 3996, 4063; т. VII, №№ 4226, 4299, 4243, 4295, 4533, 4641.

³⁾ Указ. соч., стр. 213.

которая была всегда причиною опасных для Россіи казачьихъ возстаній (Булавинскаго бунта и т. п.). Правительство принимало самыя энергичныя мѣры для предупрежденія побѣговъ; такъ напр., въ 1700 г. въ упомянутыхъ статьяхъ, состоявшихся на Преображенскомъ Генеральномъ дворѣ, установлена съ этою цѣлью круговая порука между каждымъ 50-ю рекрутами. Затѣмъ, какъ видно изъ указа 1705 г., что въ случаѣ побѣга рекрута «со станціи или изъ службы» полагалось взыскивать 20 руб., какъ и прежде, въ XVII столѣтіи, или брать другою рекрута съ помѣщика, которымъ онъ былъ сдать на службу, что было отмѣнено лишь въ 1717 г., когда Сенатъ призналъ, что ихъ побѣгу помѣщики ихъ не виноваты ¹⁾. Кромѣ того до 1710 г. существовала отвѣтственность поручителей за принятыхъ на службу рекрутъ, именю ихъ родственниковъ и свойственниковъ ²⁾, хотя, какъ сказано въ указѣ 1710 г., они за рекрутъ «неволею поручились» и «про побѣгъ не вѣдаютъ и гдѣ они живутъ не знаютъ». Отвѣтственность поручителей этихъ состояла въ томъ, что ихъ брали въ службу вмѣсто бѣжавшихъ или переселяли цѣлыми семействами въ новопостроенные города (1709 г.). Наконецъ въ 1712 г. въ пунктахъ, написанныхъ Петромъ Великимъ собственноручно, повелѣно было взыскивать за каждаго бѣлаго въ частн войскъ пеню со всѣхъ начальниковъ его и товарищей, сообразно ихъ чину и званію, напр. съ полковника 1 р. 50 к. за каждаго подчиненнаго ему солдата, а съ простаго солдата по 1 коп. за каждаго солдата того же капральства. Какъ видно изъ указа 1712 года ²⁾, введено даже клейменіе рекрутъ на лѣвой рукѣ посредствомъ накалыванія формы креста и натиранія потомъ пороховомъ. Полагаемая за уклоненія отъ службы наказанія измѣнялись при Петрѣ Великомъ нѣсколько разъ, при чемъ и строгость ихъ то увеличивалась, то уменьшалась. Относительно побѣга, какъ мы видѣли, въ указѣ 22 декабря 1700 года полагалась смертная казнь, которая не примѣнялась только въ случаяхъ добровольной явки; по 19 января 1705 года предписано подвергать смертной казни повѣшеніемъ только одного изъ трехъ бѣжавшихъ, которые будутъ пойманы; остальныхъ же ссылатъ въ вѣчную каторжную работу. 24 августа того же года положено казнить смертью только зачинщиковъ побѣга и десятого по жребію (т. е. decimalia). Какъ было приведено выше, смертная казнь за побѣгъ полагалась по краткому

¹⁾ Филипповъ, О наказаніи по законодательству Петра Великаго, Москва, 1891 г. 214. См. II. С. З. т. IV, № 2467.

²⁾ Тамъ же, стр. 209—210.

артикулу 1706 г. и по Воинскому артикулу 1716 г., а по дополнительному указу 1717 г. (16 декабря) она не применялась только къ рекрутамъ. Въ Инструкціи полевымъ командамъ, посланнымъ для искорененія разбойничества ¹⁾ въ 1719 году, предписывается бѣглыхъ солдатъ, пойманныхъ въ разбояхъ, немедленно колесовать, вшивныхъ только въ побѣгахъ — наказывать по Воинскому Артикулу, тѣхъ же изъ нихъ, которые явятся добровольно, «безъ наказанія отправлять за провожатыми въ военную коллегію, велѣть имъ публично въ томъ вину признать и, чтобъ впредь не бѣгать — присягать».

Что же касается пѣтчиковъ, то они за все это время, подобно тому, какъ и прежде, наказывались слабѣе бѣжавшихъ, но иногда и паравиѣ съ ними. Такъ какъ пѣтчики были владѣльцами помѣстій или вотчинъ, то наказанія, для нихъ назначенныя, имѣють, большею частію, имущественный характеръ. Наказаніе за пѣтчество въ 1707 году усилено назначеніемъ большого денежнаго штрафа, батоговъ, ссылки въ Азовъ и конфискаціи имѣній (сообразно знатности лица и времени явки на службу ²⁾), въ слѣдующемъ же 1708 году, напротивъ, наказаніе смягчено и ограничено простымъ денежнымъ штрафомъ и батогами ³⁾. Преступленія пѣтчества ни въ краткомъ, ни въ Воинскомъ артикулахъ не было предусмотрено. Съ 1720 г. строгость наказаній за пѣтчество начинаетъ значительно увеличиваться и онѣ состоятъ въ вѣчной каторжной работѣ съ вырываніемъ поздрей, а въ 1721 году даже въ смертной казни ⁴⁾; въ 1722 году определено, что имена отсутствующихъ должны быть прибиты къ висѣльницѣ, и затѣмъ лица эти могутъ быть убиты каждымъ. Но на ряду съ этимъ, начиная съ 1720 года, стали появляться и указы объ оставленіи безъ наказанія тѣхъ, не только пѣтчиковъ, но и бѣглыхъ, которые явятся сами къ извѣстному сроку: по случаю же Ништадтскаго мира и наконецъ во время предсмертной болѣзни Петра Великаго въ ноябрѣ 1724 г. была объявлена общая амнистія, касавшаяся преимущественно лицъ, уклонявшихся отъ службы ⁵⁾. Укрыватели и недоносители подвергались обыкновенно денежному штрафу или же конфискаціи, но также перѣдко и личнымъ наказаніямъ, доходившимъ до

¹⁾ П. С. З., т. V, № 3477.

²⁾ П. С. З., т. IV, № 2157.

³⁾ П. С. З., т. IV, № 2199.

⁴⁾ П. С. З., т. IV, № 3803.

⁵⁾ П. С. З., т. VII, № 4641.

смертной казни, даже колесованіемъ. Денежной отвѣтственности подлежали за допущеніе пѣтчества губернаторы и другія мѣстные власти. О взысканіи же штрафовъ, какъ бы за попустительство побѣговъ, съ военныхъ начальниковъ и товарищей бѣжавшаго было сказано выше. Допосители относительно пѣтчиковъ поощрялись попрежнему отдачею части или даже иногда всего описаннаго у послѣднихъ имѣнія, а за донесеніе и представленіе бѣглыхъ положено выдавать денежное вознагражденіе, въ размѣрѣ нѣсколькихъ рублей, взыскиваемыхъ съ укрывателей бѣжавшаго.

*ПОСТАНОВЛЕНІЯ
О НАКАЗАНІЯХЪ.*

Относительно постановленій о наказаніяхъ еще въ царствованіе Петра Великаго произошли довольно важныя измѣненія. По указу 16-го августа 1720 г. присужденный къ вѣчной каторжной или галерной работѣ считался для своего семейства «яко бы умре», и съ 1723 года въ указахъ появилась и стала примѣняться въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣна смертной казни «натуральной» — смертною казнию политическою, которая не была опредѣлена съ точностью, но состояла обыкновенно въ положеніи на плаху, наказаніи кнутомъ и вѣчной каторжной работѣ съ лишеніемъ всего имуществва¹⁾. Вѣчная работа эта сопровождалась вырѣзываніемъ поздрей, въ качествѣ клейменія, о чемъ въ указѣ 15-го января 1723 г. сказано, что Его Величество, усмотрѣвъ, что у каторжныхъ невольниковъ, которые прислапы въ вѣчную работу, поздри вынуты малознато, „вслѣдствіе чего повелѣвается вынимать (имъ) поздри до конца», чтобы, когда «случится имъ сбѣжать, утапться имъ было неможно»²⁾. Наказаніе это, въ соединеніи съ каторжной работою срочной было положено, по указу 23 февраля 1720 г., за лживую присягу взамѣнъ отрубленія двухъ пальцевъ, опредѣляемаго Военскимъ Артикуломъ. Тѣ лица, у которыхъ поздри вынуты или клейма положены, какъ видно изъ указа 4-го мая 1721 г., дарующаго всеобщее прощеніе, по случаю заключенія Ништадтскаго мира, всетаки не могли быть приняты вновь на службу. Въ издашномъ векорѣ послѣ этого указѣ 15-го марта 1721 г.³⁾ сказано, что наказаніе кнутомъ для офицеровъ и солдатъ должно быть назначаемо лишь вмѣстѣ съ присужденіемъ ихъ къ вѣчной работѣ, «приговоренныхъ же (къ каторгѣ) на урочные годы гонять шпичрутенъ, а кнутомъ не бить», потому что, какъ объясняется въ Указѣ, «если по проществіи урочныхъ лѣтъ оные освободятся, то за такимъ порокомъ, что были

¹⁾ Филипповъ, указ. соч. стр. 178.

²⁾ Филипповъ, стр. 334.

³⁾ Филипповъ, стр. 272.

въ катскихъ рукахъ (въ рукахъ палача), невозможно ихъ въ прежнюю употреблять службу». Въ Генеральномъ Регламентѣ коллегій 20-го февраля 1720 г. (глава 53 и толкованіе къ ней) говорится въ видѣ общаго правила о недозволеніи принимать въ службу шельмованныхъ или которые въ публичномъ мѣстѣ наказаны или хотя бы обнажены были, вслѣдствіе чего, какъ видно изъ указа 20-го февраля 1722 года, когда освобожденные отъ каторжныхъ работъ офицеры, подвергнутые наказанію кнутомъ, отбывшіе наказаніе во временной работѣ и даже осужденные къ вѣчной работѣ, но безъ наложенія клеймъ, явились на смотры, то они не были допущены въ службу безъ полученія «публичнаго прощенія», относительно котораго должно было послѣдовать особое распоряженіе со стороны Сената. Но черезъ два года послѣ этого, въ 1724 году, по представленію Адмиралтействъ-коллегіи, въ вѣдѣніи которой находился галерный флотъ, относительно опредѣленія вновь на службу тѣхъ, которые отбыли опредѣленный имъ срокъ, изъ которыхъ нѣкоторые были при осужденіи ихъ наказаны кнутомъ, послѣдовалъ указъ: «битыхъ кнутомъ — прикрывать флагомъ», какъ это было принято въ морскомъ уставѣ и соответствовало покрыванію знаменемъ по Военному уставу, и затѣмъ опредѣлять въ службу, а небитыхъ кнутомъ — опредѣлять въ службу «попрежнему», при чемъ постановлено, какъ и въ военномъ вѣдомствѣ, по упомянутому выше, указу 15-го марта 1721 г., во избѣжаніе загрожденій на этотъ счетъ, впредь военнослужащихъ, ссылаемыхъ во временную каторжную работу, наказывать кошками, а не кнутомъ ¹⁾).

Относительно состоянія военнаго судостроительства и судопроизводства въ царствованіе Петра Великаго извѣстно, что о военныхъ судахъ или криссехтахъ западно-европейскаго характера, отличающихся коллегіальнымъ составомъ и нѣкоторою отдѣльностью отъ администраціи, встрѣчаются указанія въ первые годы XVIII ст. (напримѣръ 1705 г.). Суды эти были узаконены краткимъ артикуломъ 1706 г. и существованіе ихъ было окончательно упрочено съ появленіемъ Военнаго Устава и Краткаго изображенія процессовъ. Наряду съ этимъ новымъ порядкомъ, долго еще примѣнялся и прежній приказный порядокъ суда, даже и послѣ 1716 г. Въ самомъ началѣ XVIII ст. военно-служащіе были подсудны слѣдующимъ приказамъ и канцеляріямъ: Приказу Военныхъ дѣлъ (потомъ Военной кан-

*ИЗМѢНЕНІЯ ВЪ
СУДОУСТРОЙ-
СТВѢ И СУДО-
ПРОИЗВОДСТВѢ.*

¹⁾ Филипповъ, стр. 273 — 274.

целярій), образованному изъ нѣсколькихъ приказовъ, завѣдывавшихъ различными разрядами войскъ, Артиллерійскому приказу (или канцелярій), замѣнившему прежій Пушкарскій приказъ, Преображенскому приказу, канцелярїямъ: Подрядной и Полицеймейстерской и т. п. ¹⁾.

Нѣкоторые изъ этихъ приказовъ или канцелярій не имѣли исключительно военного характера, но завѣдывали вмѣстѣ съ тѣмъ различными отраслями государственнаго управленія. Въ приказѣ же Военныхъ дѣлъ, по словамъ г. Розенгейма ²⁾, состоялъ военный судья, называемый иногда и главнымъ военнымъ судьей, которымъ былъ, напримѣръ, бояринъ Тихонъ Стрѣшневъ. Изъ числа приказовъ и канцелярій сохранили свою юрисдикцію до самаго конца царствованія Петра Великаго только Артиллерійская канцелярїя — касательно лицъ, имѣвшихъ отношеніе къ артиллерійскому дѣлу, Преображенскій приказъ — относительно войскъ гвардіи, Полицеймейстерская канцелярїя (въ которую сама Военная коллегія «за учиненіе ей афронта» послала однажды для наказанія солдатъ, пришедшихъ въ коллегію для взятія оттуда силою комиссара Никифорова) и Подрядная канцелярїя по дѣламъ о казнокрадствѣ, возбужденнымъ донесеніями фискаловъ, но только до передачи этихъ дѣлъ въ вѣдѣніе Сената въ 1723 г. Съ изданіемъ Воиискаго устава, какъ видно изъ архивныхъ дѣлъ, разсмотрѣнныхъ г. Розенгеймомъ, въ столицахъ нижніе чины бывали подсудны, вмѣсто военныхъ судовъ, разнымъ административнымъ учрежденіямъ, по повидимому только въ то время, когда лица эти не находились въ своихъ частяхъ войскъ. Они судились тогда въ этихъ учрежденіяхъ за различныя преступления (воровство, дѣланіе фальшивой монеты, прищипленіе обидъ и т. п.) и по нѣкоторымъ гражданскимъ дѣламъ, по главнымъ образомъ судились за побѣги и неявку на службу. Производство подобнаго рода дѣлъ возлагалось сначала на разные коммисіи, состоявшія подъ предсѣдательствомъ гвардейскихъ офицеровъ, но затѣмъ около 1717 г. оно было сосредоточено въ упомянутой выше Подрядной канцелярїи, находившейся подъ начальствомъ гвардіи капитана, полковника Кошелева, имѣвшей, судя по ея названію, собственно хозяйственное значеніе. По самому характеру дѣлъ обвѣженіи отъ службы, производство ихъ должно было имѣть розыскной характеръ и на практикѣ состояло изъ вопроса подсудимаго, съ употребле-

¹⁾ Розенгеймъ стр. 79 и сл.

²⁾ Тамъ же.

ніемъ пытки по усмотрѣнію начальника приказа, который, «слушавъ распрос-
ныхъ рѣчей», единолично постановлялъ потомъ и приговоръ, назначая въ немъ
наказанія до каторжной работы включительно. Приговоры эти, по крайней
мѣрѣ, тѣ, которые были постановлены относительно нижнихъ чиновъ гвардіи,
подвергались иногда какъ бы предварительному исполненію, до возвра-
щенія изъ похода начальника гвардейскихъ войскъ, князя Василя Вла-
диміровича Долгорукова, которому они и представлялись тогда на окон-
чательное утвержденіе. На подрядную же канцелярію, согласно указу
11 апрѣля 1719 года, было возложено и приготовленіе аудиторовъ изъ
русскихъ недорослей, что не было приведено въ исполненіе вслѣдствіе
совершенной неподготовленности для обученія молодыхъ людей, прислан-
ныхъ для этого военной коллегіей. Судъ надъ военно-служащими, пребывав-
шими въ губерніяхъ въ отсутствіи отъ своихъ частей войскъ, возлагался
иногда на офицеровъ, командированныхъ по распоряженію командующихъ
генераловъ, для искорененія разбоевъ и поимки бѣглыхъ людей вообще.
Офицеры эти, замѣнявшіе прежнихъ сыщиковъ, согласно указу 1719 года,
имѣли право подвергать пойманныхъ ими бѣглыхъ солдатъ за побѣгъ и
совершенныя во время нахождения въ бѣгахъ другія преступленія—смерт-
ной казни, даже колесованію.

Главное измѣненіе въ судоустройствѣ, установленномъ Военскимъ *ЗНАЧЕНІЕ ВОЕН-*
уставомъ (въ обширномъ смыслѣ), состояло въ томъ, что Военная Коллегія, *НОЙ КОЛЛЕГІИ.*
замѣнившая въ 1717 году Военную канцелярію, получила значеніе выс-
шаго военно-судебнаго мѣста. Вскорѣ послѣ учрежденія Военной Коллегіи,
указомъ 5-го марта 1719 г. ¹⁾ повелѣно было присылать ей приговоры воен-
ныхъ судовъ въ смертныхъ вѣнахъ, которые не могли быть подтверждены
командующими генералами, причемъ приговоры эти относительно нижнихъ
чиновъ Военная Коллегія утверждала сама, а относительно офицеровъ пред-
ставляла на Высочайшую конфирмацію. Но затѣмъ 11 ноября 1724 г. ²⁾ для
ускоренія производства дѣлъ, права Военной Коллегіи и командующихъ
генераловъ въ отношеніи конфирмаціи приговоровъ были расширены тѣмъ,
что опредѣлено было на будущее время представлять въ Военную Коллегію
только приговоры объ офицерахъ, причемъ приговоры эти касательно оберъ-
офицеровъ Военная Коллегія утверждала собственною властью, а лишь о

¹⁾ П. С. З., т. V, № 3316.

²⁾ П. С. З., т. VII, № 4589.

лицахъ высшихъ чиновъ она должна была представлять на Высочайшее усмотрѣніе; смертные же приговоры о нижнихъ чинахъ подлежали съ тѣхъ поръ утвержденію самихъ командующихъ генераловъ ¹⁾. Въ Военной Коллегіи сосредоточивалась отчетность по военно-судебнымъ дѣламъ объ офицерахъ, о чемъ было сказано въ главѣ 50-й первой части Воинскаго устава, на основаніи которой положено было эти приговоры, по ихъ исполненіи, погодно присылать въ Военную Коллегію, гдѣ и составлять о нихъ «порядочный протоколъ». О томъ же говорится и въ дажной въ 1719 г. Инструкціи генералу князю Трубецкому, посланному въ 1719 г. для осмотра кавалерійскихъ полковъ и принятія начальства надъ ними ²⁾. Но Трубецкой обязывался приговоры объ офицерахъ не «въ смертныхъ винахъ», подтвержденные имъ самимъ, присылать въ Военную Коллегію «ради свидѣтельства» т. е. уже какъ бы и для повѣрки правильности этихъ приговоровъ. Военной Коллегіи, какъ мы видѣли выше, было поручено въ 1721 г. обсужденіе тѣхъ статей Воинскихъ Артикуловъ и краткаго изображенія процессовъ, которыя, по мнѣнію лицъ, занимавшихся ихъ пересмотромъ, требовали дополненія или измѣненія. Наконецъ Военная Коллегія имѣла наблюдене вообще за правильнымъ производствомъ военно-судныхъ дѣлъ. Усматривая изъ рассмотрѣнія присылаемыхъ ей дѣлъ неправомерности въ ихъ производствѣ, Военная Коллегія, указомъ отъ 24 іюня 1721 г. ³⁾, разъясняетъ и подтверждаетъ:

1) Что всѣ допросы слѣдуетъ читать и заручать тѣми, съ кого они сняты; 2) прежде составленія сентенціи спрашивать подсудимыхъ, не имѣютъ ли они чего либо прибавить, и если имѣютъ, то принять и выслушать. Затѣмъ 3) составить изъ дѣла экстрактъ, въ которомъ выписать лишь вины, и, до голосованія, прочесть его по пунктамъ подсудимому, спрашивая по каждому пункту, признаетъ ли онъ себя виновнымъ. Если при этомъ подсудимый вспомнитъ что либо служащее къ его оправданію, и это показаніе будетъ заслуживать вѣры, то судъ долженъ принять и рассмотреть его. Когда экстрактъ будетъ прочтенъ и выслушанъ подсудимымъ, тогда велѣть ему подписать его и потомъ уже вершить по артикуламъ и процессамъ. Послѣ этого экстрактъ съ сентенціею, за рукою презуса и аудитора, представляется

¹⁾ П. С. З, т. V, № 3404, т. VI, № 3806.

²⁾ Моск. Отд. Об. Арх. Гл. Штаба, Дѣла Приказн. Повѣтъ, кв. 2, л. 659—665

³⁾ П. С. З, т. VI, № 3806.

аншефу (т. е. командующему генералу), который съ своей конфирмаціей посылаетъ ихъ, въ подлежащихъ случаяхъ, на окончательную конфирмацію Военной Коллегіи, безъ подлиннаго дѣла. Затѣмъ всѣ подлинныя дѣла объ офицерахъ, по окончаніи года, должны быть присылаемы въ Военную Коллегію одновременно.

Дѣлопроизводство по военно-судной части въ Военной Коллегіи сосредоточивалось въ особой *аудиторской экспедиціи*, которою завѣдывалъ состоявшій при Военной Коллегіи Генераль-аудиторъ или Генераль-аудиторъ-Лейтенантъ, и въ которой находилось нѣсколько оберъ-аудиторовъ и аудиторовъ ¹⁾.

Въ положеніи аудиторовъ и фискаловъ въ 20-хъ годахъ XVIII столѣтія послѣдовали большія измѣненія. По штату 1711 г. генераль-аудиторы, судя по размѣру опредѣленнаго имъ содержанія (такъ какъ ранговъ имъ тогда еще не было указано), стояли паравиѣ съ высшими чинами штаба арміи, полковые аудиторы даже нѣсколько выше чиновъ полкового штаба, паравиѣ съ капитанами, что было вѣроятно заимствовано изъ положенія, существовавшаго въ императорскихъ (цесарскихъ) войскахъ. Но согласно штату 1720 г. по окладу содержанія и назначенному имъ рангу (генераль-аудитору — подполковника, генераль-аудиторъ-лейтенанту — майора и оберъ-аудитору — капитана), аудиторы высшихъ званій значительно понижены противъ соответствовавшихъ имъ прежде должностей въ войскахъ и ихъ штабахъ, полковымъ же аудиторамъ ранга даже вовсе не назначено и, по размѣру содержанія, они поставлены ниже прапорщика и лишь немного выше полкового писаря. Только въ артилеріи, въ которой положенья всего одинъ аудиторъ, ему назначенъ рангъ поручика. Указанные выше ранги для аудиторовъ высшихъ званій помѣщены были и въ Табеліи о рангахъ, а о полковыхъ аудиторахъ въ Табеліи вовсе не упомянуто. Оставленіе полковыхъ аудиторовъ безъ всякаго ранга произошло, кажется, не столько по указанной Розенгеймомъ причинѣ — недостатку способныхъ людей для замѣщенія этой должности, при чемъ пришлось, по необходимости, обратиться къ замѣщенію ея писарями и унтеръ-офицерами, но скорѣе влѣдствіе заимствованія такого постановленія изъ Пруссіи, гдѣ незадолго передъ тѣмъ, именно въ 1712 г., полковые аудиторы были также выключены изъ офицерской семьи и отнесены къ чинамъ унтеръ-штаба. Это явленіе Фрицциусъ (прусс-

АУДИТОРЫ И
ФИСКАЛЫ.

1) П. С. З., V, № 3338.

скій генераль-аудиторъ 1848 г. ¹⁾ объясняетъ тѣмъ, что въ началѣ XVIII столѣтія на офицерскія должности въ Пруссіи стали назначаться одни только дворяне, какъ лица, признаваемые наиболѣе способными для командованія надъ солдатами, избираемыми изъ крѣпостныхъ крестьянъ дворянскихъ имѣній. Полковые аудиторы принадлежали обыкновенно къ лицамъ средняго сословія и потому должны были, вмѣстѣ съ пасторами и врачами, занять среднее положеніе между офицерами и нижними чинами, въ такъ называемомъ унтеръ-штабѣ полка. Пониженіе же должности полковыхъ аудиторомъ должно было неминуемо оказать соотвѣтственное вліяніе и на положеніе пополняемыхъ изъ ихъ высшихъ аудиторскихъ должностей. По штату 1711 года третья часть аудиторомъ назначалась изъ ппоземцевъ, которымъ положенъ даже болѣе, чѣмъ двойной, окладъ содержания противъ аудиторомъ изъ русскихъ. Ппоземцами этими были по преимуществу пѣмцы и плѣнные шведы, но Петръ Великій особенно старался привлечь на эти должности, даже именно высшихъ званій, чеховъ, которые, какъ говорится въ указѣ 3 мая 1719 года ²⁾, «юрисеть-пруденци, а такожь и словецкому языку искусны»; къ числу чеховъ принадлежалъ и упомянутый нами генераль-аудиторъ-лейтенантъ, впоследствии генераль-аудиторъ Цептарови. Тѣмъ же указомъ предписывалось посылать къ нимъ, чехамъ, за границу «для обученія пять человекъ изъ русскихъ шляхетскихъ дѣтей». Мѣра эта была принята вскорѣ послѣ указанной выше неудавшейся попытки приготовленія аудиторомъ изъ русскихъ дворянскихъ недорослей въ Подрядной канцеляріи. Вопреки тому, что мы видѣли относительно аудиторомъ, съ положеніемъ фискаловъ высшихъ званій въ то же самое время произошло совершенно обратное явленіе. Ранги этимъ фискаламъ, назначенные еще въ Воинскомъ уставѣ: генераль-фискалу — подполковника и оберъ-фискалу — младшаго маіора, были даже повышены и даны ранги генераль-фискалу или оберъ-фискалу Военной Коллегіи — полковника, а оберъ-фискаламъ, состоящимъ при дивизіяхъ — подполковника. Послѣдовавшій объ этомъ указъ 22 февраля 1723 г. ³⁾ мотивируетъ это измѣненіе тѣмъ, что въ началѣ фискалы выбирались «изъ самыхъ нижнихъ людей безъ свидѣтельства» и изъ числа оберъ-фискаловъ пѣкоторые оказались виновными «въ великихъ преступ-

Фискалы

¹⁾ Friccius, Geschichte des deutschen insbesondere des preussischen Kriegswesens, Berlin, 1868.

²⁾ Моск. Отд. Об. Арх. Гл. Шт., дѣла прик. Повытѣя, кн. 1, л. 49—58; Оп. 3, св. 15, № 39, л. 33.

³⁾ П. С. З., т. VII, ст. 4170.

леніяхъ и злодѣйствахъ» (что сказано по поводу дѣла о ярославскомъ оберъ-фискалѣ Нестеровѣ, который за злоупотребленія свои былъ подвергнутъ смертной казни), вслѣдствіе чего на эти высшія фискальскія должности были потомъ «опредѣлены (лица) изъ знатныхъ офицеровъ». Должностей же полковыхъ фискаловъ въ штатѣ 1720 г., въ Табелѣ о рангахъ и приведенномъ выше указѣ 22 Февраля 1723 года не указано ¹⁾, такъ что съ ними случилось то же самое, что и съ полковыми аудиторами, но по окладу содержанія они все-таки были поставлены теперь нѣсколько выше этихъ послѣднихъ.

Кромѣ военныхъ судовъ, собираемыхъ для рассмотрѣнія каждаго дѣла, въ полкахъ, при Петрѣ Великомъ былъ учрежденъ въ Москвѣ постоянный пикетный военный Судъ, вѣроятно согласно постановленіямъ 50-й главы первой части Военскаго устава. Судъ этотъ, какъ видно изъ указа 1723 г. ²⁾, занимался преимущественно рассмотрѣніемъ дѣлъ объ уклонявшихся отъ службы военпослужащихъ, пойманныхъ въ Москвѣ или вблизи ея, и состоялъ въ 1725 г. изъ члена отъ Военной Коллегіи, въ чинѣ бригадира, въ качествѣ презуса, двухъ ассесоровъ изъ числа полковниковъ и оберъ-аудитора. По своему составу онъ близко подходилъ къ генеральному военному суду, и только число ассесоровъ въ немъ было меньше, чѣмъ ихъ полагалось въ военныхъ судахъ вообще.

При Петрѣ Великомъ появилось въ войскахъ нѣчто въ родѣ суда общества офицеровъ. Начиная съ 1714 г. былъ введенъ въ полкахъ порядокъ производства въ чины по баллотировкѣ самихъ офицеровъ, изъ числа старшихъ кандидатовъ. Какъ бы въ соотвѣтствіе съ этимъ, указомъ 25 іюля 1721 г. ³⁾ повелѣно было: «если гдѣ въ полевыхъ и гарнизонныхъ полкахъ явится офицеръ, которому за шумствомъ и другими непорядочными поступками въ службѣ быть невозможно, и такихъ свидѣтельствовать всѣмъ того полка штабъ и оберъ-офицерамъ по совѣсти и подъ присягою, и такія свидѣтельства заручить имъ, обстоятельно описывая ихъ шумство и другіе непотребныя поступки, и потомъ каждому аншефу (командующему генералу) такое подлинное свидѣтельство при своемъ донесеніи представлять для рѣшенія въ Военную Коллегію». Но отобраніе такого рода свидѣтельствъ отъ всѣхъ офицеровъ подъ присягою, безъ постановленія или какого-либо рѣшенія по большинству голосовъ, показываетъ, что учрежде-

СУДЪ ОБЩЕСТВА
ОФИЦЕРОВЪ.

¹⁾ П. С. З., т. VI, № 3890.

²⁾ П. С. З., т. VII, № 4166.

³⁾ П. С. З., т. VII, № 3807.

СМЪШАННЫЕ
СУДЫ.ВОЕННАЯ ПОД-
СУДНОСТЬ.

ние это имѣло скорѣе характеръ повальнаго обыска, чѣмъ суда офицерской корпораціи полка (существующаго въ настоящее время), тѣмъ болѣе, что, какъ видно изъ подлинныхъ дѣлъ, найденныхъ г. Розенгеймомъ, самыя преслѣдованія въ этихъ случаяхъ возбуждались всегда непосредственнымъ начальствомъ или Военной Коллегіей. Въ концѣ своего царствованія Петръ Великій Плакатомъ о сборѣ подушныхъ денегъ, отъ 24 іюня ¹⁾ и *инструкціей о должности полковника 26 іюня 1724 г.* ²⁾ возложилъ на полковыхъ командировъ наблюденіе за мѣстной администраціею вообще, главнымъ же образомъ по сбору подушныхъ денегъ, предназначенныхъ на содержаніе войска, а также и надъ жителями того района, въ которомъ былъ расположенъ полкъ. Этими узаконеніями полковникамъ предоставлено было вмѣстѣ съ тѣмъ и право судить и наказывать мѣстныхъ обывателей, по жалобамъ на нихъ военно-служащихъ, за причиненныя имъ обиды, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы въ судѣ надъ крестьяншиномъ участвовалъ земскій комиссаръ, а въ судѣ надъ дворяншиномъ — двое мѣстныхъ дворянъ. Но право полковничьяго суда не распространялось на криминальныя (т. е. высшія уголовныя, губныя) дѣла о мѣстныхъ жителяхъ, которыя передавались въ палатные суды, и на посадскихъ людей въ городахъ, имѣвшихъ магистраты, въ которыхъ дѣла объ этихъ лицахъ по жалобамъ на нихъ военно-служащихъ должны были разсматриваться при участіи въ судѣ двухъ офицеровъ въ качествѣ депутатовъ. Въ случаѣ же сужденія военно-служащихъ за причиненіе обидъ мѣстнымъ жителямъ, для присутствованія въ судѣ назначается два депутата отъ земства, вслѣдствіе чего военный судъ послѣдняго рода, по своему составу, имѣетъ характеръ суда смѣшаннаго. Что касается *военной подсудности*, то въ *Генеральномъ Регламентѣ 28 Февраля 1720 г.* было сказано, что «подчиненные воинскіе служители Сухопутной и Адмиралтейской Коллегіи, каждый въ своей коллегіи въ присутствіи своихъ должностей судимы да будутъ; въ партикулярныхъ же дѣлахъ между собою всякаго чина люди въ юстицъ-коллегіи и въ подчиненныхъ мѣстахъ судимы и штрафованы да будутъ.» На практикѣ же при Петрѣ В. военнотружачіе судились въ военныхъ судахъ не по однимъ преступленіямъ по службѣ, но по всѣмъ уголовнымъ и даже многимъ гражданскимъ дѣламъ ихъ между собою, какъ это было при-

1) П. С. З., т. VII, № 4533.

2) П. С. З., т. VII, 4535.

нято въ Россіи прежде и существовало тогда въ Германскихъ государствахъ. Дѣла о казнокрадствѣ, хотя бы и со стороны военно-служащихъ, согласно указу 1721 г. (7-го Марта¹⁾), стали подлежать разсмотрѣнію сената, а по указу 1723 г. (28 Іюня²⁾), вмѣстѣ съ подчиненіемъ комиссаріата Военной Коллегіи, предписано было судить комиссаровъ за преступленія по ихъ службѣ въ сенатѣ по прежнему, но съ участіемъ при этомъ двухъ депутатовъ отъ Военной Коллегіи. Въ томъ же 1723 г. (30 Ноября³⁾) было разъяснено, что отставные военнослужащіе должны судиться въ судахъ гражданскаго вѣдомства на общемъ основаніи, хотя незадолго передъ тѣмъ въ одномъ указѣ было упомянуто о подсудности этихъ лицъ нижнему военному суду въ Москвѣ. Наконецъ относительно порядка производства дѣлъ, кромѣ приведеннаго выше указа Военной Коллегіи отъ 24 Іюня 1721 г., заслуживаетъ вниманія послѣдовавшій 5-го Ноября 1723 г. Указъ о формѣ суда⁴⁾, дѣйствіе котораго распространилось и на военные суды, такъ какъ онъ былъ разосланъ Военной Коллегіей во все подчиненныя ей мѣста 26 Ноября того же года. Указу этому, какъ извѣстно, приписываютъ весьма важное значеніе въ исторіи нашего судопроизводства общаго, потому что онъ означаетъ возвратъ нашего законодательства къ обвинительнымъ началамъ въ процессѣ, которыхъ въ законѣ 5 Ноября 1723 г. находится больше, чѣмъ въ краткомъ изображеніи процессовъ. Но съ другой стороны, въ законѣ этомъ обращаетъ на себя вниманіе большее сравнительно съ прежнимъ развитіе письменности, увеличеніе сложности формъ въ процессѣ и недозволеніе отвѣтчику присылать вмѣсто себя повѣреннаго. По указу о формѣ суда: 1) челобитную слѣдуетъ писать по пунктамъ и давать съ челобитной прежде суда списокъ отвѣтчику; 2) при выдачѣ списка отъ отвѣтчика отбирается подписка (реверсъ) о явкѣ въ судъ въ положенный срокъ и затѣмъ, если онъ въ теченіе педѣли со времени истеченія этого срока не явится, то призывается съ барабаннымъ боемъ, а въ случаѣ вторичной неявки предписывается обвинять заочно. Отвѣтчикъ долженъ былъ являться въ судъ лично, потому что только о челобитчикахъ сказано, что могутъ присылать вмѣсто себя въ судъ, кого хотятъ, и 3) объясненія обѣихъ сторонъ, даваемыя ими на судѣ, записываются въ двухъ

Укр. Равн. суда

Укр. о горн. судахъ

¹⁾ П. С. З., т. VI, № 3756.

²⁾ П. С. З., т. VII, № 4257.

³⁾ П. С. З., т. VII, № 4375.

⁴⁾ Кавеливъ, цит. сочиненіе.

различныхъ тетрадяхъ и разсмотрѣніе дѣла производится по обстоятельствамъ, относящимся къ каждому пункту отдѣльно, 4) когда стороны по какому шибудь пункту не имѣютъ ничего больше добавить, то удостовѣряютъ это своимъ рукоприкладствомъ. Наконецъ, 5) когда все дѣло будетъ разсмотрѣно, то слѣдуетъ сдѣлать изъ него выписку по пунктамъ и по прочтеніи ея челобитчику и отвѣтчику предложить подписать ее. Такой порядокъ судопроизводства долженъ былъ примѣняться ко всѣмъ дѣламъ, «не толкуя, что-та форма суда къ тому служить, а къ другому не служить»: лишь только по дѣламъ о преступленіяхъ государственныхъ и злодѣйствѣ, подъ которыми разумѣлись важнѣйшія преступления противъ вѣры, убійства, разбой и татьба, приказано было «списковъ съ поданныхъ челобитенъ (отвѣтчикамъ) не давать, а разспрашивать ихъ, какъ злодѣевъ». По поводу возникшаго вопроса о степени обязательности примѣненія въ военныхъ судахъ указа о формѣ суда, вслѣдствіе допесенія объ этомъ Петербургскаго коменданта Бахміотова, предсѣдательствовавшаго въ состоявшейся при немъ военно-судной комиссіи, указомъ 30 Ноября 1724 г. было разъяснено, что «форма суда» обязательна и для военныхъ судовъ, поэтому предписывалось для содержанія фергеровъ и кригсрехтовъ имѣть прошивныя тетради, по «сроки по той формѣ давать отвѣтчикамъ только въ петцовыхъ между ими партикулярныхъ дѣлахъ, окромѣ фискальскихъ и доносителей доношеній, касающихся интересу Е. И. Величества, понеже въ той формѣ упоминается больше о челобитчикахъ и отвѣтчикахъ», изъ чего видно, что указъ о формѣ суда долженъ былъ примѣняться въ военныхъ судахъ только къ дѣламъ гражданскимъ. Остальныя же дѣла производились по краткому изображенію процессовъ и по главѣ 50-й первой части Воинскаго устава.

ПОСОШКОВЪ О
ВОЕН. СУДО-
УСТРОЙСТВѢ.

Знаменитый крестьянинъ Иванъ Посошковъ, жившій въ царствованіе Петра Великаго, между прочимъ написалъ замѣчательное по своей глубинѣ сочиненіе «О скудости и о богатствѣ, отъ чего приключается скудость и отъ чего гобзовитое богатство умножается»¹⁾. Въ немъ среди другихъ важныхъ бытовыхъ и государственныхъ вопросовъ много мѣста удѣлено также и военному суду, при чемъ авторъ передаетъ, съ одной стороны, фактическія данныя того времени, съ другой — указываетъ на необходимость реформы военного процесса и судостройства.

¹⁾ Издано Погодинымъ, Москва, 1842 г. См. стр. 4, 33, 35, 42,—43.

По мнѣнію Посошкова развитіе преступности солдатъ является результатомъ нижеслѣдующаго:

«Военный людъ—стѣна и твердое забрало царству, а командиры ихъ и судьи военнаго правленія не пмуть попеченія о нихъ, чтобы они ни голодны, ни холодны были, но всемъ бы довольны; зѣло бо о нихъ слышно, что отъ недостатку великую нужду подъемяютъ; ибо шнымъ солдатамъ на мѣсяць и по десяти алтынъ не приходитъ, то чѣмъ ему прожить, гдѣ ему взять шубу или рукавицы и шныя потребности, такожде и харчи на что ему купить? и въ такой скудости живучи, какъ ему и не своровать, и какъ ему изъ службы не сбѣжать? пужда не токмо къ бѣжанію принудить, но измѣнить готовъ будетъ; а измѣня и ратникомъ на своихъ будетъ».

Вмѣстѣ съ этимъ Посошковъ указываетъ на то, что военный судъ недоступенъ для очень многихъ:

«...И при квартирахъ солдаты и драгуны такъ не смирно стоятъ, и обиды страшныя чинятъ, что и исчислить ихъ не можно; а гдѣ офицеры ихъ стоятъ, то и того горше чинятъ... ...а во обидахъ ихъ суда никакъ сыскать негдѣ: военный судъ еще и жестоко учиненъ, да и жестоко достигать его; понеже далеке онъ отъ простыхъ людей: не токмо простолюдинъ достигнуть по нему, но и военный человекъ не на равнаго себѣ нескоро судъ сыщеть».

Посошковъ также указываетъ и способы реформы: рассказавъ о двухъ случаяхъ, происшедшихъ съ нимъ, и объ обидахъ, нанесенныхъ ему двумя офицерами, онъ заявляетъ:

«И я, еще не весьма послѣдній человекъ, а суда не сыскаль. Какъ же сыщеть судъ кто мизериѣ меня? Только что о обидахъ своихъ жалуйся на служивой чинъ Богу». Чтобы выйти изъ этого состоянія, Посошковъ совѣтуетъ: «А еще учиненъ будетъ судъ равный, каковъ простолюдину, таковъ и безъ понаровки и офицеру; то и пехотя всю прыткость свою отложить, и будутъ ко всякому чину склонны, и не токмо на квартирахъ, но и на пути по прежнему никого обидить не будутъ».

«А буде кой солдатъ или драгунъ и отъ довольной сытости да станетъ плутать, изъ службы сбѣжить, то поймавъ его разспросить, отъ чего онъ бѣжалъ? И буде пехотя служить, то учинить ему смертная казнь, или вмѣсто смертнаго казни наложить ему на лбу херъ или иной какой знакъ, чтобы онъ всякому знатенъ былъ, что онъ бѣглець; то уже тотъ впредь не побѣжить, потому что за такимъ знакомъ никто его на дворъ не пустить и ни къ какой его работѣ нигдѣ не примутъ, и гдѣ кто его не увидитъ, еще не при полкѣ, то поймавъ его можетъ, и связавъ, отослать къ суду; а судъ ему уже смертенъ.

А буде же пойманный солдатъ скажетъ, что бѣжалъ онъ отъ обиды офицера своего, то надлежитъ разыскать; и буде обида будетъ явна, то надлежитъ дать кара офицеру, а солдата отъ хера свободить; многіе бо

солдаты и драгуны на офицеровъ своихъ жалуются, что великія имъ обиды чинятъ, а управы на нихъ не сыщутъ.

И ради общежительства любовнаго еще Великій нашъ Монархъ повелитъ судъ устроить единъ, каковъ земледѣльцу, таковъ и купецкому человѣку, убогому и богатому, таковъ и солдату, такожь и офицеру, ничимъ же отмѣнешь, и полковнику, и генералу, — и чтобъ и судъ учинить близостной, чтобъ всякому и низкочинному человѣку легко бы его достигать, како на простолюдина, такъ и на служиваго, — то по таковому уставу не то что офицеровъ, солдатъ избивать, но и земледѣльцевъ не будутъ обидить. Аще увидятъ прямой правый судъ, то всю прежнюю свою гордость и озорничество и обиды все отложить, и будутъ со всеми чинами любовно обходиться, и на квартирахъ будутъ стоять смирно, и чего имъ не указано, не станутъ того дѣлать, и указы Его Императорскаго Величества не станутъ ничтожить; ибо тѣжъ люди, да вси измѣнятся. И за то всякому чину будутъ милы, и въ квартирномъ стояніи вси будутъ имъ рады, яко свойственникамъ. Сей же судъ, мнѣ мнится, не весьма правъ, еже простолудину о обидѣ своей на солдата у солдатажъ милости просить, а на офицера у офицеражъ. Старая пословица есть: еже воронъ ворону глаза не выключитъ! Сіе бо есть явное дѣло, что солдатъ на солдата никогда не почитетъ, а офицеры и давно не промѣняютъ своего брата и на солдата, а не то что на простолудина; всегда бо свой своему по неволѣ другъ, и нельзя имъ другъ другу и не нарывать: потому нынѣ тотъ виненъ, а на иной день будетъ и онъ виненъ. И потому не можно имъ праваго суда на своего брата изнести. А аще судъ будетъ по нынѣшнему и разный, служивымъ особливый, а прочимъ чинамъ особливые жъ, да будутъ единой главной конторѣ подсудны и во всемъ послушными, то можетъ правда установится.

СТРАЛЬЗУНДСКАЯ
КОНВЕНЦІЯ.

Наконецъ, къ царствованію Петра Великаго относится одинъ документъ, рисующій военную юстицію того времени при международныхъ отношеніяхъ съ иностранными государствами. Такъ, 7/18 сентября 1771 г.¹⁾ въ лагерь подъ Стральзундомъ была заключена конвенція между русскимъ, датскимъ и польскимъ дворами, которая между прочимъ устанавливала:

1) Смертную казнь за фуражировку въ неотведенныхъ для того мѣстахъ, власть «отданія подъ судъ» виновнаго принадлежала сторонѣ, права которой были нарушены этими дѣйствіями.

2) На случай «паче чаянія» ссоръ между военнопослужащими двухъ разныхъ націй, третья нація наряжала судъ, рѣшенія котораго не подлежали обжалованію.

3) Въ цѣляхъ устраненія подозрѣній относительно того, что одна нація желаетъ имѣть какія-либо преимущества противъ другихъ, конвенція

¹⁾ П. С. З., т. IV, № 2423.

поставила, что Главный инспектор датской армии будет ходить дозором около армий прусской и наказывать прусских солдат, виновных в «распутствах и беспорядках», то же самое будет дѣлать и прусскій инспектор относительно датскихъ войскъ. Если бы въ производствѣ безпорядковъ было найдено не одно, а нѣсколько лицъ, то инспекторъ приказываетъ имъ бросить жребій и наказываетъ того, на кого жребій палъ; если виновныхъ нѣсколько и они разныхъ націй, то жребій бросается отдѣльно для солдатъ тѣхъ и другихъ націй.

Такимъ образомъ на основаніи всего вышесказаннаго можно сдѣлать слѣдующіе выводы:

1) Царствованіе императора Петра I, въ отношеніи военно-уголовнаго законодательства, отличается многочисленностью и разнообразіемъ какъ нѣлыхъ систематическихъ сборниковъ военно-уголовныхъ законовъ, такъ и отдѣльныхъ законодательныхъ постановленій, касающихся матеріальныхъ или формальныхъ уголовныхъ законовъ.

ВЫВОДЫ.

много законовъ

2) Въ эту эпоху русская армія получаетъ первый Военскій Уставъ, предназначенный только для армій и содержащій въ себѣ постановленія о преступленіяхъ и наказаніяхъ не только военскихъ, но и общихъ, равно и о порядкѣ отвѣтственности военнослужащихъ и о производствѣ военныхъ судовъ.

1-й военскій Уставъ

3) Наказанія въ эту эпоху увеличиваются не только въ качественномъ, но и въ количественномъ отношеніи: увеличивается число случаевъ примѣненія смертной казни, самое исполненіе казни отягчается присоединеніемъ членовредительныхъ придатковъ и появляются тяжкія тѣлесныя наказанія.

увеличили штрафы и наказания

4) Преступныя дѣянія, въ отношеніи ихъ состава, получаютъ болѣе точное законодательное опредѣленіе.

болѣе точно опредѣлены преступ.

5) Подсудность военнослужащихъ военнымъ судамъ положительно устанавливается.

подсудность военнымъ судамъ

6) Военные суды раздѣляются на инстанціи по предметной и личной подсудности.

инстанцій

7) Къ отиравленію военно-судебной дѣятельности въ той или другой формѣ привлекается много должностныхъ лицъ, обязанности которыхъ положительно разграничиваются закономъ, таковы: аудиторы, фискалы, комиссары и т. п.

должности

8) Въ отиравленіи военно-судебной власти военное начальство получаетъ значительныя полномочія.

власти и суда

9) Изъ постановленія Краткаго Изображенія Процессовъ вытекаетъ, что указанная въ немъ форма процесса была смѣшанною, хотя и имѣла преимущественно характеръ обвинительный, допуская широкое участие сторонъ въ производствѣ дѣла.

10) Въ военныхъ судахъ былъ принятъ одинаковый порядокъ для производства дѣлъ какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ, при чемъ процессъ раздѣлялся на три части.

11) Особенное значеніе получаютъ конфирмаціи приговоровъ начальствомъ, благодаря чему постановленія Воинскаго Устава фактически зачастую бездѣйствовали.

12) Законодательство Петра Великаго, хотя и было въ большинствѣ случаевъ составлено на основаніи иностранныхъ источниковъ, тѣмъ не менѣе дѣйствовало безъ особенно значительныхъ измѣненій до второй половины XIX столѣтія.

объясненіе
с законовъ > 100
летъ.

— Н. Самокишъ...

ГЛАВА Ш.

Эпоха преемниковъ Петра Великаго.

ИЗЪ ЧИСЛА ближайшихъ преемниковъ Петра Великаго при Императрицѣ Аннѣ въ 1730 г. была сдѣлана новая попытка пересмотра военноуголовныхъ законовъ. Комиссiи, подъ предсѣдательствомъ фельдмаршала Миниха, учрежденной тогда для улучшенiя состоянiя армiи, поручено было рассмотреть также и артикулы, составленныя въ концѣ царствованiя Петра Великаго, и представить ихъ затѣмъ на Высочайшее утвержденiе. Но труды комиссiи Миниха собственно въ этомъ отношенiи остались безъ всякаго результата. Какъ видно изъ паказа комиссiи для составленiя новаго уложенiя, Екатерина II предполагала заняться впоследствии приведешемъ въ порядокъ военныхъ постановленiй, что не осуществилось вслѣдствiе неудачи постигшей тогда даже составленiе новаго уложенiя общаго.

ПЕРЕСМОТРЪ
В.-У. ЗАКОНОВЪ.

24

Въ Высочайшемъ указѣ 1730 года въ пунктѣ 15 говорилось: «позже еще при жизни блаженнѣйшаго памяти Государя Дяди Нашего Императора Петра Великаго сочинены новые военные артикулы, которые до сего времени въ дѣйство не произведены, того ради имѣть комиссія оныя артикулы такожде разсмотрѣть, чтобы могли потомъ, по полученіи Нашей Всемилостивѣйшей конфирмаціи, публикованы и въ дѣйство произведены быть».

По опредѣленію воинской комиссіи 11 октября 1730 года ¹⁾, предварительное разсмотрѣніе вновь сочиненныхъ артикуловъ было поручено барону Гюйсену и генераль-аудитору Цептарову, «который у сочиненія тѣхъ артикуловъ быть».

Это было вызвано тѣмъ, что «по слушанію воинской комиссіи оныхъ артикуловъ первыхъ двухъ главъ нѣкоторые артикулы явились изъ указовъ приличныхъ не выполнены». 13-го апрѣля 1731 г. комиссія посылала въ Сенатъ доношеніе и просила, «дабы повелѣно было оныя изъ военной коллегіи артикулы послать въ Санкт-Петербургъ», во исполненіе чего артикулы были отправлены съ генераль-аудиторомъ Цептарову, который «повишенъ былъ» объявить комиссіи при разсмотрѣніи артикуловъ, «съ чего что въ тѣ артикулы написано».

Однако, и по направленіи артикуловъ, цѣль комиссіи достигнута не была и 31-го мая 1732 г. графъ Минихъ, предѣдатель этой комиссіи, доносилъ Государынь ²⁾, что «о воинскомъ артикулѣ въ той комиссіи разсужденія не учинено», почему и просилъ, въ виду отсутствія по дѣламъ службы «комисскихъ членовъ», передать дѣло разсмотрѣнія артикуловъ въ военную коллегію, «гдѣ я нынѣ присутствіе имѣю», добавлялъ Минихъ.

Какъ видно изъ дѣлъ Московскаго Отдѣленія Общаго Архива Главнаго Штаба ³⁾, при Минихѣ «были сочинены»: одинъ русскій и два нѣмецкихъ артикула, къ сожалѣнію, до насъ не дошедшіе.

Новая комиссія для пересмотра артикуловъ учреждается уже въ царствованіе Елисаветы Петровны въ 1754 году ⁴⁾.

Первое ея засѣданіе для разсмотрѣнія плана артикуловъ состоялось въ среду 3 мая 1755 года, когда былъ заслушанъ «планъ о воинскомъ про-

¹⁾ Москов. Архивъ Мин. Юстиціи, № 18380, стр. 1087.

²⁾ Моск. Архивъ Мин. Юстиціи, № 392/18.

³⁾ Оп. 121, св. 14, № 12.

⁴⁾ Моск. От. Общ. Арх. Гл. Шт. Оп. 121, св. 51.

цессѣ», 4 мая комиссія слушала «по плану о воинскомъ артикулѣ и имѣла разсужденіе, на какомъ основаніи оному быть». Этому вопросу, кромѣ того, было посвящено еще два засѣданія—5 и 10 мая, а къ 15 мая въ числѣ сотрудниковъ комиссіи встрѣчается оберъ-аудиторъ Рубцовъ, «находящійся при сочиненіи воинскаго артикула и процесса».

Затѣмъ засѣданія прекращаются до 7-го іюля, когда комиссія постановила: по плану подлежащіе пункты сочинять, согласно съ какою-то «запискою коллежскаго разсужденія», вѣроятно относящагося къ 1730 году.

Работы комиссіи выразились въ слѣдующемъ: она приняла за основаніе своихъ работъ планъ военной коллегіи и въ нѣкоторые изъ артикуловъ по плану внесла измѣненія—далеко несущественныя и чисто-формальнаго свойства (см. въ приложеніи).

Дальнѣйшая судьба комиссіи намъ неизвѣстна, кромѣ лишь того, что закрытіе ея послѣдовало въ 1759 году, а также и того, что въ составленіи новыхъ артикуловъ принималъ видное участіе подполковникъ (впослѣдствіи генераль-майоръ) Степанъ Языковъ; этимъ послѣднимъ было составлено: «о порядкѣ воинскаго суда и происхожденіи всего процесса»—въ 14 главахъ и 7 главъ воинскихъ артикуловъ: I—о страхѣ и службѣ Божіей, II—о богохульствѣ и преступленіяхъ въ законѣ, III—объ оскорбленіи Величества, IV—о бунтѣ и пзмѣнѣ, V—о сказывающихъ слово и дѣло, VI—о нечиненіи присяги, VII—о подачѣ челобитныхъ или доношеній—мимо команды; остальные главы были «вчерпѣ», а всего было до 500 артикуловъ ¹.

Столь же мало плодотворною явилась и Екатерининская комиссія 1762 года. Въ инструкціи, данной ей 5 іюля того же года, значилось (пунктъ 20-ый), что «по прошествіи столь великаго времени и знатной перемѣны въ правахъ и воспитаніи народа, ностѣ изданія въ войско наше содержащагося въ немъ устава, артикуловъ и процесса, весьма виднымъ образомъ требуется въ тѣхъ быть поправленію и пополненію» ²).

Во исполненіе этого пункта всѣ дѣла прежде бывшихъ комиссій были переданы генераль-майору Грану для составленія воинскаго артикула.

Гранъ приступилъ было къ работѣ и «изъ того нѣсколько и сочинилъ, но, за отбытіемъ комиссіи изъ Москвы и за отлучкой его къ командѣ, всего окончить не могъ».

¹) Моск. Отд. Общ. Арх. Гл. Шт., Оп. 121, св. 13, № 12.

²) Моск. Отд. Общ. Арх. Гл. Шт., Оп. 121, св. 14, № 12.

Вслѣдствіе этого 20 марта 1764 года предсѣдатель комиссіи, баронъ Томасъ фонъ-Децъ, съ соизволенія Государыни, доставилъ генераль-маіору Яковлеву опредѣленіе комиссіи, въ силу котораго ему предписывалось «сочинить весь воинскій процессъ (вѣроятію и артикулы), по главамъ, и для настоящаго каждой изъ нихъ утвержденія для общаго съ комиссіей разсужденія и положенія, входить въ оную безъ всякаго упущенія времени... учинять... непремѣнное и скорое исполненіе.»

Несмотря, однако, на все это, трудъ остался не оконченнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ матеріалы, посланные составителю, куда-то исчезли. Матеріалы эти таковы:

1. Планъ военныхъ артикуловъ въ сводѣ.
2. Черныя дѣла оберъ-аудитора Мигѣшина.
3. Новосочиненный при военной коллегіи процессъ, у котораго три главы переправлены и переписаны набѣло.
4. Планъ военныхъ артикуловъ подполковника Языкова.
5. Записка военной коллегіи.
6. Планъ военныхъ артикуловъ, военной коллегіей апробованный.
7. Выписка сепаратныхъ указовъ, присланныхъ изъ военной коллегіи.
8. Прежде военной коллегіей сочиненные артикулы и набѣло переписанные 28-мъ главъ, а 29-ая вчернѣ. При томъ же и ремарки г.-м. Грапа.
9. Записки и дѣла военной коллегіи 730 года.
10. Россійскіе
11. { Нѣмецкіе
12. }

} при Минихѣ сочиненные артикулы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ составителю были доставлены: указная книга съ 725 по 730 годъ, Морской уставъ, Уложение и Воинскій уставъ съ Артикуломъ Военнымъ.

*ИЗМѢНЕНІЯ
В. УСТАВА.*

Измѣненія въ примѣненіи уголовныхъ постановленій Воинскаго Устава въ обширномъ смыслѣ за все это время происходили, съ одной стороны—вслѣдствіе изданія законовъ, специально предназначенныхъ для военнаго вѣдомства, или же законовъ, имѣвшихъ общій обязательный характеръ, или наконецъ такихъ, которые, будучи изданы первоначально для одного вѣдомства гражданскаго, впоследствии были распространены и на вѣдомство военное. Съ другой стороны измѣненія въ примѣненіи военно-уголовныхъ законовъ происходили не только путемъ законодательнымъ, но въ значительной мѣрѣ и посредствомъ практики.

*МАТЕРИАЛЬНЫЕ
В.-У. ЗАКОНЫ.*

Изданные въ послѣднія три четверти XVIII столѣтія матеріальные уголовные законы вообще и военно-уголовные законы были направлены

къ смягченію дѣйствія постановленій Воинскихъ Артикуловъ и Соборнаго Уложенія. Узаконенія, имѣющія такой характеръ, стали появляться особенно часто со второй половины XVIII вѣка. Въ 1753 г. 18 іюня и 1754 г. 30 Сентября указами императрицы Елизаветы ¹⁾ приостановлено было примѣненіе смертной казни, съ замѣною ея смертью политической, наказаніемъ кнутомъ, ссылкой въ вѣчную каторжную работу, съ вырѣзаніемъ поздрей. При этомъ смертная казнь не была отмѣнена окончательно, какъ это полагаютъ и составители Уложенія о наказаніяхъ 1845 г., которые указываютъ во-первыхъ на извѣстные случаи примѣненія этого наказанія при Екатеринѣ II (по дѣламъ поручика Мировича, Пугачева и Перфильева и объ умерщвленіи въ Москвѣ во время чумы преосвященнаго Амвросія ²⁾) и во-вторыхъ находятъ, что приведенными указами Елизаветы Петровны запрещено было приговаривать къ смертной казни лишь низшимъ судамъ и что по этому указы эти не могли относиться къ неподлежащимъ разсмотрѣнію низшихъ судовъ преступленіямъ государственнымъ (противъ первыхъ двухъ пунктовъ). Смертная казнь «натуральная», а не «политическая» назначалась военными судами и несомнѣнно примѣнялась иногда на практикѣ въ военное время. Это видно изъ одного указа, сдѣланнаго профессоромъ Костомаровымъ, именно, что во время послѣдней войны съ Польшею, предшествовавшей ея послѣднему раздѣлу, находившіеся прежде на службѣ въ Литовскихъ войскахъ, 202 нижнихъ чина, бѣжавшихъ изъ русскихъ войскъ, куда они были зачислены, для присоединенія къ арміи Косцюшки, будучи пойманы, подвергнуты въ Кіевѣ смертной казни, всѣ поголовно, даже колесованы (см. Конецъ Рѣчи Посполитой, Спб. 1865 г.). Членовредительныя тѣлесныя наказанія, имѣвшія самостоятельное значеніе, вѣроятно, рѣдко примѣнялись въ военно-сухопутномъ вѣдомствѣ. Наказанія эти окончательно вышли изъ употребленія лишь подъ вліяніемъ Наказа Екатерины II, признававшей въ немъ «всякое уродованіе тѣла противнымъ челоуѣчеству».

По указу же 1 Января 1782 г. и военнымъ судамъ предписано было, при сужденіи о преступленіяхъ и назначеніи наказаній, руководствоваться общими началами этого наказа, назначая наказанія по мѣрѣ вины и

¹⁾ П. С. З., т. XIV, № 10306; т. XIII, № 10113; т. XIV, № 10113.

²⁾ Впрочемъ, тогда, въ 1771 году, въ Москвѣ за ограбленіе вымершихъ домовъ положено было казнить на мѣстѣ, ибо, какъ сказано, въ крайнихъ обстоятельствахъ и крайнія мѣры принимаются Св. узак. по в. с. ч., 2 ч., указы 12 окт. и 23 ноября 1771.

3
 замѣняя жестокіе виды наказаній другими, «по роду преступленій свойственных»¹⁾. Жалованной грамотой дворянству²⁾ и Городовымъ положеніемъ 1785 года, дворяне и купцы первыхъ двухъ гильдій были освобождены отъ тѣлеснаго наказанія. Въ жалованной грамотѣ были указаны слѣдующія преступленія, влекущія за собою лишеніе дворянства: нарушение клятвы, измѣна, разбой, воровство всякаго рода, лживые поступки и преступленія, за кои по законамъ имѣеть слѣдовать лишеніе чести и тѣлесное наказаніе, очевидно, для лицъ, отъ него неизъятыхъ, при чемъ приговоры судовъ о лишеніи дворянства его званія или жизни должны быть представляемы на Высочайшее утверженіе.

МАНИФЕСТЪ О
 ПОЕДИНКАХЪ.

«Манифестъ о поединкахъ» 21 апрѣля 1787³⁾ года представляетъ собою замѣчательный памятникъ русскаго законодательства, составленный совершенно самостоятельно, хотя и не безъ вліянія философіи гуманистовъ XVIII столѣтія.

Во введеніи манифеста перечисляются всѣ мѣры и распоряженія правительства, принятыя въ цѣляхъ поднятія понятій о чести въ дворянскомъ сословіи, именно жалованную грамоту 1785 г., которая дала дворянскому сословію рядъ исключительныхъ правъ: право судиться лицами себѣ равными, исключать порочныхъ лицъ изъ своей среды и т. п. Хотя по словамъ Манифеста, отъ такихъ мѣръ и слѣдовало ожидать «желаемыхъ плодовъ», однако въ средѣ дворянъ и военныхъ людей существовалъ зловредный обычай—кровавое и самовольное мщеніе въ дѣлахъ личной чести. Такое явленіе въ Россіи, въ которой употребляли оружіе только для защиты общаго дѣла, Манифестъ объясняетъ простымъ заимствованіемъ отъ «временъ варварскихъ», т. е. среднихъ вѣковъ, къ которымъ въ концѣ XVIII ст. отнеслись съ особеннымъ пренебреженіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указываетъ, что и «донынѣ вопль народовъ, отягощенныхъ гномъ зловреднаго обычая... ссылался съ пѣвкомъ восхищеніемъ на Россійскіе нравы и обычаи», отличающіеся храбростью и прощеніемъ. Въ виду этого Манифестъ восклицаетъ: «да умолкнутъ своевольныя толкованія въ дѣлѣ, въ коемъ гласъ закона Божія соединяется со гласомъ установленій военныхъ и гражданскихъ», а вмѣстѣ съ тѣмъ предлагается

1) П. С. З., Т. XXI, № 15313.

2) П. С. З., Т. XXII, № 16187.

3) П. С. З., т. XXII, № 16535.

послѣдовать примѣру законодателей, вычеркнувшихъ строгіе законы объ оскорбленіи Величества.

По своему содержанию Манифестъ, стремясь къ запрещенію въ собственномъ дѣлѣ дѣлаться судьей, воспрещаетъ вызывать и выходить на драку или т. наз. поединокъ, а также и упрекать лицо, повинующееся закону и отказывающееся отъ этого.

Манифестъ даетъ въ руководство «правила правоученія» и опредѣляетъ понятіе обиды: словами, письмомъ и дѣйствіемъ—собственно насильственнымъ или угрозой; что же касается брани заочной, то «да обратится она въ поношеніе тому, кто ее произнесъ». За обиды допускается требовать наказанія или взысканія денегъ за безчестье. Искъ погашается за примиреніемъ противниковъ, за взаимностью обидъ и вслѣдствіе протеченія давности (1 и 2 года).

Интереснымъ представляется порядокъ примиренія ссорящихся съ цѣлью предупрежденія поединка.

Всякій, услышавшій о ссорѣ, долженъ примирять противниковъ «дружелюбно» и стать посредникомъ, а при неуспѣхѣ предлагать избрать имъ по одному надежному человѣку, которые въ теченіе одного и не даѣе 3-хъ дней прекращаютъ ссору и именемъ закона запрещаютъ драку; если же есть «опасеніе о поведеніи ссорящихся», то избранныя лица обязаны уведомить о томъ начальство; за неисполненіе этого они отвѣчаютъ за соучастіе въ поединкѣ. Въ свою очередь начальство военное или гражданское обязано развести ссорящихся и дать имъ присмотръ, чтобы поединокъ не могъ состояться.

Вызовъ на поединокъ является нарушеніемъ судебской власти, вслѣдствіе чего съ виновнаго взыскивается судебское безчестье—жалованье по чину судьи, которому подсудно дѣло, а впрямь до уплаты онъ заключается подъ стражу.

Отвѣтственность противниковъ за совершеніе поединка опредѣляется не самостоятельно, а собственно послѣдствіями поединка, т. е. какъ за убійство, нанесеніе ранъ и увѣчій. Подвергаются наказанію и примирители, посредники, секунданты и находившіяся хотя бы и случайно при ссорѣ, какъ соучастники.

За отказъ отъ избранія посредниковъ опредѣляется исключеніе изъ службы, изъ дворянскаго общества, «изъ бесѣдъ и собраний». Лишеніе дворянства, чиновъ и ссылка на вѣчное житіе въ Сибирь грозитъ начав-

шему драку, вопреки уговору посредниковъ, или за повтореніе ссоръ. Лишеніе имущества и прибитіе имени къ висѣльницѣ назначается неявившемуся по повѣсткѣ въ судъ.

Въ заключеніе Манифестъ снова увѣщаетъ граждавъ жить мирно, а находящихся на службѣ—военной или гражданской—оказывать послушаніе начальству, а послѣднихъ поддерживать во вѣрныхъ имъ частяхъ порядокъ и дисциплину.

Точно также воспрещается лицу, находящемуся или находившемуся на службѣ вызывать настоящего или бывшего начальника и сему послѣднему выходить на поединокъ по дѣлу касательно взысканія по службѣ и вообще начальника, хотя бы и по частнымъ дѣламъ подь угрозою преданія суду, такъ какъ «подчиненность или дисциплина есть душа всякой службы, инапаче же военной».

УКАЗЫ ОБЪ
УКЛОНЕНІИ
ОТЪ СЛУЖБЫ.

Затѣмъ, издашныя за все разсматриваемое время указы касаются преимущественно уклоненія отъ службы, въ особенности со стороны рекрутъ, и обращенія съ ними. Указомъ 23 января 1739 г.¹⁾ положено пойманныхъ изъ бѣговъ нижнихъ чиновъ, прослужившихъ менѣе года, за первый побѣгъ наказывать шпицрутенами, а за послѣдующіе побѣги по Воинскому Артикулу. По генеральному учрежденію о наборѣ рекрутъ 1766 г.²⁾ за драку, пьянство, картежную игру и прочія «продерзости» рекрутъ могъ быть наказанъ батогами «по вѣгъ смотря», по усмотрѣнію начальника партиі, за совершеніе же побѣговъ онъ предавался суду, а въ случаѣ добровольной явки «въ разсужденіе того, что къ дальнимъ и дѣйствительнымъ побѣгамъ намѣренія не имѣлъ», наказывается начальниками батогами или тростью «въ обыкновенной пропорціи», но начальникамъ за несправедливое и жестокое обращеніе съ ними полагается лишеніе жалованья за треть, отнятіе старшинства и лишеніе чиновъ на время или навсегда, въ особенности когда послѣдствіемъ такового обращенія будетъ побѣгъ оныхъ.

Относительно членовредительства, по закону 24 марта 1727 г.,³⁾ за отсѣченіе пальцевъ съ цѣлью уклониться отъ службы полагалась смертная казнь черезъ десятого человѣка и вѣчная каторга съ вырѣзаніемъ поздрей, назначенная въ Воинскомъ Артикулѣ. Но по упомянутому выше генераль-

¹⁾ П. С. З., т. X, № 7740.

²⁾ П. С. З., т. XVII, № 12748.

³⁾ П. С. С., т. VII, № 5050.

ному учрежденію о наборѣ рекрутъ 1766 г., членовредителямъ опредѣляется: если они остались годными къ строевой службѣ — наказаніе шниц-рутенами три раза черезъ 500 человекъ, въ противномъ случаѣ — плети нещадно и вѣчная каторга.

Въ Провіантскихъ регулахъ 1758 года ¹⁾ содержались также постановленія о наказуемости совершаемыхъ смотрителями магазиновъ подлоговъ по службѣ, записи въ книгѣ продуктовъ еще не поступившихъ и принятія денегъ вмѣсто продуктовъ, за что смотрители подлежатъ ответственности по Воинскому Артикулу и взысканію казеннаго убытка вдвое, а подрядчики въ этихъ случаяхъ подвергаются унлатѣ означеннаго убытка впятеро и отдаются въ солдаты или профосы. Наконецъ, служащіе въ провіантскихъ магазинахъ вахтеры, которые подпишутъ неправильные акты, не донесутъ о томъ по начальству и «сами къ тому сообщники и интересованы явятся», наказываются батогами, а вахтеры унтеръ-офицерскаго званія лишаются оного до выслуги. Указомъ 3 апрѣля 1781 года ²⁾ преступленіе воровства раздѣлено на кражу, мошенничество и грабежъ, при чемъ положенныя за воровство наказанія значительно смягчены и отмѣлено примѣненіе строгаго тѣлеснаго наказанія, установленнаго Военнымъ Артикуломъ за маловажныя кражи денегъ или вещей цѣною менѣе 20-ти рублей.

О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ ПО СЛУЖБѢ

Что касается воен.-угол. законовъ формальныхъ, то относительно судоустройства въ нихъ произошли слѣдующія измѣненія: въ 1771 г. при Екатерины II былъ учрежденъ постоянный кригсрехтъ въ Петербургѣ подобно нижнему военному суду, существовавшему со временъ Петра Великаго въ Москвѣ. Постоянный кригсрехтъ долженъ былъ состоять подъ вѣдѣніемъ начальника Петербургской дивизіи (поимая ее въ смыслѣ войскъ, находившихся въ Петербургѣ), ассессоры въ него назначались изъ полковъ и аудиторы также, по по извѣстной очереди. Кромѣ судовъ обыкновеннаго состава, были установлены спеціальныя военные суды, во-первыхъ, еще въ послѣдній годъ царствованія Елизаветы, для дѣлъ о чинахъ горнаго вѣдомства, которые получили въ томъ году (1761 г.) военные чины и во всемъ приравнены къ военно-служащимъ. Военные суды по дѣламъ объ этихъ лицахъ должны были составляться изъ однихъ горныхъ офицеровъ въ томъ числѣ ихъ, которое случится на мѣстѣ. Во-вторыхъ въ 1767 г. — для

ФОРМАЛЬНЫЕ В.-У. ЗАКОНЫ.

¹⁾ П. С. З., т. XIV, № 10788.

²⁾ П. С. З., т. XXI, № 15147

дѣль о преступленіяхъ землемѣровъ, за преступленія, совершенныя ими во время производства генеральнаго межеванія, при чемъ военный судъ въ этихъ случаяхъ составлялся подъ предсѣдательствомъ одного изъ чиновъ военного вѣдомства и съ назначеніемъ ассессорами стрелецкихъ офицеровъ, командированныхъ изъ полковъ. Наконецъ, въ-третьихъ — смѣшанные военные суды, установленные, какъ мы видѣли, въ 1724 г., хотя и были отмѣнены уже при Екатеринѣ I въ 1726 г., но при Екатеринѣ II они появились снова, по инструкціи полковнику пѣхотнаго полка 1764 г.¹⁾ По этой инструкціи во время производства суда надъ военно-служащими, за причиненіе ими общаго мѣстнымъ жителямъ, присутствуютъ въ военно-судной комиссіи, на правахъ ея членовъ, два депутата изъ земскихъ людей, точно такъ же, какъ при напесеніи общды военному служащему къ мѣсту либо изъ мѣстныхъ жителей, въ судѣ надъ ними, происходящемъ въ надворномъ судѣ или магистратѣ, принимаютъ участіе два офицера, командированные для этого военнымъ начальствомъ. Высшимъ военно-судебнымъ мѣстомъ во все время оставалась Военная Коллегія, которой принадлежала конфирмація приговоровъ не только военныхъ судовъ, но и общихъ, когда они разсматривали дѣла о преступленіяхъ военно-служащихъ, какъ это мы увидимъ ниже. Затѣмъ Военная Коллегія имѣла наблюденіе за правильнымъ производствомъ военно-судныхъ дѣлъ и въ ней сосредоточивалась отчетность по военно-судной части. Власть Военной Коллегіи распространилась постепенно на хозяйственныя учрежденія: комиссаріатскую и провіантскую часть, затѣмъ на артиллерию, инженеровъ и казачьи войска. Должность прокурора Военной Коллегіи, подобно тому, какъ и въ другихъ коллегіяхъ, была упчожена неизвѣстно когда, вскорѣ послѣ смерти Петра Великаго, но восстановлена въ началѣ царствованія Императрицы Анны. Какъ видно изъ указовъ 1792 г. и 1794 г. прокуроръ военной коллегіи, по порученію генераль-прокурора, требовалъ отъ нея распоряженія о доставленіи ему отъ войскъ свѣдѣній о подсудимыхъ.

ПОЛОЖЕНІЕ
АУДИТОРОВЪ.

Положеніе аудиторовъ подверглось за это время слѣдующимъ измѣненіямъ. Первоначально въ виду того, что по табели о рангахъ и штату 1720 г. имъ не было положено никакаго ранга, въ полковые аудиторы стали назначаться командиры полковъ грамотные фельдфебеля, унтеръ-офицеры и писаря, произведенные большею частію изъ солдатскихъ дѣтей,

¹⁾ П. С. З., т. XVI, № 12289.

получивших образованіе въ учрежденныхъ для нихъ гарнизонныхъ школахъ. Въ 1728 г. было разъяснено, что полковые аудиторы, наравнѣ съ завѣдующими обозами и квартирмейстерами (входившими въ составъ унтер-штаба), должны считаться все-таки въ офицерскомъ званіи. Въ половинѣ XVIII вѣка (1752 или 1754 г.) Военной Коллегіей постановлено назначать въ полковые аудиторы изъ старшихъ прапорщиковъ и только при недостаткѣ ихъ изъ младшихъ, и затѣмъ уже по прежнему, изъ писарей и унтер-офицеровъ; при этомъ было разъяснено, что полковые аудиторы считаются въ рангѣ подпоручиковъ и что допускается даже ихъ дальнѣйшее производство въ чины, наравнѣ со всѣми другими офицерами.

Въ 1762 г. относительно специальныхъ родовъ оружія (артиллеріи и инженеровъ), по представленію генераль-фельдцейхмейстера графа Шувалова, было положено также считать аудиторовъ въ рангѣ подпоручика, хотя прежде имъ предоставленъ былъ рангъ поручика, и дать имъ право дальнѣйшаго производства, подѣ тѣмъ только условіемъ, что они не могутъ быть произведены въ чины капитана артиллеріи и капитанъ-поручика инженеровъ, безъ предварительнаго перевода въ строй, для освѣженія своего знакомства съ строевой службой. Но въ томъ же году, со вступленіемъ на престолъ Императора Петра III, изъ подражанія прусскимъ порядкамъ, полковыхъ аудиторовъ приказано было назначать не изъ дворянъ, запрещено имъ носить офицерскій знакъ, шарфъ и темлякъ и предписано полковыхъ аудиторовъ не производить въ военной службѣ выше чина подпоручика, но дана возможность дальнѣйшаго ихъ повышенія лишь посредствомъ перехода въ гражданскую службу.

Интересно отмѣтить, что въ 1745 г. генераль-аудиторъ Цептарови предлагалъ Военной Коллегіи нижеслѣдующій проектъ объ аудиторахъ: «Хотя въ Аудиторскіе чины такихъ надлежало опредѣлять, которые не токмо Россійской Имперіи въ правахъ и въ в. артикулахъ, но и въ чужестранныхъ искусны были, понеже многія такія дѣла и причины приходятъ, которыя Росс. царства въ правахъ и в. артикулахъ не обрѣтаются, т. е. надлежитъ чужестранныхъ царствъ права и в. артикулы пересмотрѣть и тамъ некая, какъ бы приключившееся дѣло могло рѣшено быть, ибо аудиторская должность есть то смотрѣть, что процессъ не токмо по силѣ воен. процесса и обыкновенія произведенъ былъ, но и в. артикулы, ежели дѣло какое сумнительное приходитъ кригерехтъ извѣстия и на то смотрѣть, чтобы дѣло по важности и обстоятельству рѣшено и сентенція написана была. Однако, понеже здѣсь такихъ людей довольно не имѣется, чтобы оныя при всѣхъ полкахъ отъ Е. И. В. арміи какъ Аудиторы могли опредѣлены быть.

Того рода мое покорное мнѣніе есть, которое я царственной Военной Коллегіи высокому разсужденію предлагать—въ Аудиторскіе чины надлежитъ опредѣлять:

1) Изъ прапорщиковъ, которые во отправленіи сего дѣла бывали и въ томъ искусны,

2) изъ полковыхъ писарей, понеже ихъ отправленіе у судящихъ дѣлахъ происходитъ и они много разъ въ полкахъ при крпгсрехтахъ за аудиторовъ правятъ;

3) изъ канцеляристовъ, которые при госуд. В. Кол., и особливо изъ тѣхъ, кои при отправленіи Г.-Аудиторскихъ дѣлъ обрѣтаются и порядочно и съ должнымъ прилежаніемъ себя производя, понеже они при тѣхъ дѣлахъ долгое время были и ихъ отправляли; сверхъ того, что они и многихъ государственной Военной Коллегіи приходящихъ криминальныхъ или смертныхъ и прочихъ важныхъ дѣлъ экстракты сочиняютъ и тѣмъ себѣ практику и искусство получили;

4) и изъ генеральныхъ писарей, которые у ген.-апшефтахъ обрѣтаются, понеже изъ нихъ и такимъ судебскимъ дѣламъ отъ генералитета опредѣляются такожде,

5) генеральные писаря, которые при ген.-лейтенантахъ и ген.-маіорахъ, кои команды имѣютъ и обрѣтаются въ судебныхъ дѣлахъ опредѣлены и въ тѣхъ искусны суть и въ сержанты или и другіе унт.-офицеры опредѣлены. А понеже въ тотъ чинъ рангъ надлежитъ опредѣленъ быть, что они, которые въ томъ чину опредѣлены и свою должность съ прилежностію отправляли и какъ могутъ они по высокому государственной В. Коллегіи разсужденію, а именно которые изъ прапорщиковъ, то могутъ они въ настоящей аудиторскій рангъ опредѣлены быть, а которые изъ полковыхъ писарей годъ въ прапорщичьемъ рангѣ, а по прошествіи года въ настоящемъ чину, которые изъ сержантовъ и коллежскихъ канцеляристовъ или изъ генеральныхъ писарей, при генералахъ-апшефтахъ полтора года въ прапорщичьей рангѣ, а по прошествіи время въ настоящемъ рангѣ.

А что касается до даннаго произвожденія, то я Государственной Военной Коллегіи высокому разсужденію предлагаю, что они могутъ въ томъ характерѣ или чинѣ три года быть, а не болѣе, понеже той чинъ не токмо всякаго труда и прилежанія требуетъ и другіе отъ того чину стануть себя воздерживать поступать, хотя и не станеть, а по прошествіи 3-хъ годовъ могутъ они по старшинству съ прочими произвождены быть.

А ежели между Аудиторовъ также будутъ, которые чрезъ свой прилежный трудъ и практику себя достойно учинять, то они оберъ-аудиторскую должность править могутъ, то они могутъ противъ поручиковъ и прочихъ об.-офицеровъ выбраны быть, понеже они къ тому дѣлу больше искусны и себя трудили, нежели другіе.

Тако такимъ же образомъ можетъ по высокому гос. В. Коллегіи разсужденію произвожденіе чиновъ отъ об.-аудит. до генер.-ауд.-лейт., а ген.-ауд.-лейт. до генер.-Аудитора учинится, однако никто выше показанныхъ

трехъ чиновъ произведены быть, ежели они отъ генер.-аудитора не свидѣтельствованы, что они въ томъ чинѣ были довольны и могутъ онѣ ея править, ибо сіе принадлежитъ г.-Аудитору» (М. О. О. А. Г. Ш., Оп. 121, св. 32, № 15).

Что же касается высшихъ аудиторскихъ должностей, то положеніе ихъ почти не измѣнилось противъ прежняго. Генераль-аудиторами назначались съ 1752 г., послѣ ингоземца Центарови, строевые офицеры, при чемъ они не всегда оставались въ чинѣ подполковника, а получали иногда чины полковника и даже бригадира, и затѣмъ для полученія слѣдующихъ чиновъ переходили на службу въ гражданское вѣдомство. Замѣщеніе высшихъ аудиторскихъ должностей предположено было производить вѣроятно преимущественно изъ числа офицеровъ, окончившихъ курсъ въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ (впослѣдствіи съ 1766 г. получившаго названіе Императорскаго Шляхетнаго корпуса). Въ корпусѣ этомъ, при самомъ его учрежденіи по предложенію комисіи Миниха, въ 1732 г.¹⁾ было обращено особенное вниманіе на преподаваніе юридическихъ наукъ, преимущественно, впрочемъ, тѣмъ изъ кадетъ, которые оказываются неспособными къ строевой службѣ, но и для остальныхъ кадетъ признавалось нужнымъ знаніе не только военныхъ, но и общихъ законовъ и римскаго права, потому что, какъ сказано въ уставѣ этого корпуса 1766 г., свѣдѣнія офицера не должны ограничиваться тѣмъ, чтобы солдатъ дѣлать приемы ружьемъ обучать, но ему можетъ случиться «судить въ животѣ и смерти», и нужно, чтобы окончившій курсъ въ корпусѣ былъ «въ состояніи поправлять и исполнять должность генераль-аудитора». Для обученія юридическимъ наукамъ въ корпусѣ съ самаго его основанія полагался профессоръ «юрисъ» и адъюнкты къ нему, которые пользовались такимъ авторитетомъ, что по инструкціи, данной въ наказѣ Екатериной II генераль-прокурору, предписывается встрѣченныя сомнѣнія, при составленіи новаго уложенія, разрѣшать на консультаціи или обращаться за ихъ разъясненіемъ въ Академію Наукъ, Университетъ или въ «Юридическое отдѣленіе» Шляхетнаго корпуса. Для практическаго же ознакомленія съ производствомъ военно-судныхъ дѣлъ, кадетамъ дозволялось присутствовать на засѣданіяхъ судовъ и даже принимать участіе, въ качествѣ дѣлопроизводителей, въ судѣ, на подобіе военнаго, собираемомъ при корпусѣ подъ предсѣдательствомъ полицеймейстера его. Наконецъ относительно фискаловъ, состоявшихъ при

¹⁾ П. С. З., т. VIII, № 5927; т. XVII, № 12770, 12741.

Х бар /ак

войскахъ, въ 1732 г. была издапа особая инструкція, которая не внесла ничего новаго противъ постановленій Военнаго устава, за исключеніемъ того, что, согласно новой организаціи, должность фискаловъ была установлена при дивизіяхъ, а не при полкахъ (какъ было по Военному уставу); отвѣтственность за умышленно недобросовѣстное доношеніе инструкція пови- шаетъ до смертной казни, въ управленіи войскъ, при которыхъ находились одинъ генераль-инспекторъ и 3 инспектора, фискалы должны были доносить инспекторамъ о замѣченныхъ ими нарушеніяхъ¹⁾.

ВОЕННАЯ ПОДСУДНОСТЬ.

Военная подсудность при ближайшихъ преемникахъ Петра В. была сначала ограничена по отношенію къ преступленіямъ общимъ, при чемъ указы Екатерины I и Петра II ссылались на указанное выше постановленіе главы 50-й генеральнаго регламента 1720 г. о томъ, что въ военной и адмиралтействъ-коллегіяхъ производится судъ надъ военно-служащими лишь въ преступленіяхъ ихъ по должности. Указомъ 3 марта 1726 г. военно-служащіе на всемъ пространствѣ имперіи по всемъ остальнымъ преступленіямъ подчинены юрисдикціи общихъ судебныхъ учреждений, въ Петербургѣ юстицъ-коллегіи, а въ губерніяхъ—губернаторовъ и воеводъ. Тѣмъ же указомъ отмѣнены и смѣшанные военные суды, которые были установлены полковничьей инструкціей 1724 г. Особая подсудность оставлена была только для войскъ гвардіи, по въ 1727 г., вслѣдствіе перенесенія этого приказа въ Москву, гвардейскіе чины по дѣламъ о преступленіяхъ общихъ и по дѣламъ гражданскимъ были также подчинены суду учреждений гражданскаго вѣдомства. Впрочемъ въ 1729 г. вмѣсто преображенскаго приказа для разсмотрѣнія дѣлъ, касающихся чиновъ гвардейскихъ войскъ, была учреждена особая канцелярія. Еще раньше указа 3 марта 1726 г., именно въ 1725 г. при Екатеринѣ I, подсудность существовавшей на правахъ приказа, согласно принятому прежде порядку, артиллерійской канцеляріи была сначала ограничена однимъ гражданскимъ дѣломъ, а затѣмъ въ 1729 г., основываясь на указѣ 1727 г. (относительно подсудности войскъ гвардіи), судебная власть была отнята отъ артиллерійской канцеляріи и по этимъ дѣламъ. Исключительная подсудность военно-служащихъ военному суду начинается со времени царствованія Императрицы Анны, при которой появился въ 1733 г. указъ о запрещеніи судить военно-служащихъ въ полицеймейстерской канцеляріи въ Москвѣ и предписано отсылать ихъ для суда въ свои

¹⁾ П. С. З. т. VIII, № 6187.

полки. Въ царствованіе Императрицы Елизаветы, какъ видно изъ указа Сената 1751 г., Военная коллегія, стремясь изъять военно-служащихъ изъ подсудности общихъ судебныхъ учреждений по дѣламъ уголовнымъ, распорядилась о томъ, чтобы «впредь во всѣхъ гражданскихъ мѣстахъ воинскихъ служителей, какъ полковыхъ, такъ и артиллерійскихъ, дѣйствительно въ службѣ обрѣтающихся, безъ представленія и требованія Военной Коллегіи или Канцеляріи Главной Артиллеріи и фортификаціи, подъ свой судъ не брать и безъ опредѣленныхъ къ тому депутатовъ, судовъ и розысковъ собою отнюдь не чинить». Сенатъ, находя такое распоряженіе противозаконнымъ, опредѣляетъ его «отставить и впродолженіе по тѣмъ указамъ въ губерніяхъ и провинціяхъ никакого исполненія не чинить». При этомъ Сенатъ замѣчаетъ, что «Военной Коллегіи, яко состоящей подъ указами Правительствующаго Сената, собою никакой отмѣны чинить и поиманныхъ злодѣевъ отъ повелѣнныхъ Уложеніемъ и указами розысковъ удерживать и тѣмъ напрасно время продолжать весьма не слѣдовало, и никакого резону не было, ибо такіе злодѣи, коихъ та Военная Коллегія опредѣленіемъ своимъ отъ розысковъ удерживать, якобы въ соблюденіе Ея Императорскаго Величества интереса опредѣлила, изъ числа вѣрныхъ подданныхъ извергнуть и честнаго солдатскаго имени нарицаться не могутъ и для того обще съ ворами и разбойниками именованы и гдѣ ни будутъ поиманы, въ томъ мѣстѣ казнить ихъ равными казнями безъ всякаго милосердія. И тако впродолженіе той Военной Коллегіи поступать въ такихъ дѣлахъ осмотрительно съ крайнею предосторожностью, подъ опасеніемъ немалого по указамъ штрафа»¹⁾. Но уже въ 1756 г., какъ видно изъ инструкціи главному сыщику, посланному для поимки воровъ и разбойниковъ, предписывается, захваченныхъ ими солдатъ, не подвергая сужденію и даже пыткѣ, отсылать для этого въ полки. Въ концѣ царствованія Елизаветы (1761 г.), военная подсудность была распространена на чиновъ горнаго вѣдомства, получившаго военное устройство, по суду горный, отправляемый вѣроятно по кратк. изобр. проц., составляется, какъ мы видѣли, изъ однихъ горныхъ офицеровъ. При Екатеринѣ II въ 1767 г. подсудность военному суду была распространена и на преступленія землемѣровъ во время производства ими генеральнаго межеванія. Стремленіе къ развитію исключительной подсуд-

¹⁾ П. С. З., XIII, № 9840.

постии военно-служащихъ военному суду въ это царствованіе выразилось въ томъ, что уже въ 1764 г. военнымъ судамъ опять стали подсудны дѣла о причиненіи военно-служащими всякаго рода обидъ мѣстнымъ жителямъ, хотя судъ этотъ, подобно тому, какъ и прежде, имѣлъ смѣшанный характеръ. Въ 1778 г. Ревизіонъ-коллегія, состоявшей при Сенатѣ, запрещено было вмѣшиваться въ дѣла, подлежащія разсмотрѣнію военныхъ судовъ, хотя бы эти дѣла и были сопряжены съ казеннымъ интересомъ. Указомъ 1782 г. военно-служащихъ дозволялось судить по дѣламъ уголовнымъ въ судахъ общихъ лишь по необходимымъ случаямъ, именно: 1) отдаленности мѣсто-нахожденія обвиняемаго отъ своей части войскъ и 2) неизмѣнно въ близкомъ разстояніи и другихъ частей войскъ; по при разсмотрѣніи дѣлъ о военно-служащихъ въ этихъ случаяхъ судъ гражданскаго вѣдомства долженъ былъ назначать военно-служащимъ наказанія по военнымъ законамъ, и, подобно суду военному, не давая ходу дѣла по инстанціямъ, представлять приговоры на конфирмацію губернатору или генераль-губернатору, которые, пользуясь властью военныхъ начальниковъ по отношенію къ гарнизоннымъ (мѣстнымъ) полкамъ, конфирмировали эти приговоры сами, въ качествѣ командующихъ генераловъ, или представляли ихъ на утвержденіе въ военную коллегію. Въ дополненіе къ этому указу въ 1792 г. было разъяснено, что судамъ общимъ въ этихъ случаяхъ могутъ быть подсудны только нижніе чины и при томъ не изъ дворянъ. Вообще же на обособленіе военной подсудности при Екатеринѣ II имѣло вліяніе высказанное въ наказѣ начало, состоящее въ томъ, что каждый долженъ судиться лицами ему равными, при чемъ именно указано на суды военные и затѣмъ начало это получило осуществленіе въ судахъ общихъ приданіемъ имъ выборнаго и сословнаго характера. Впрочемъ при императрицѣ Екатеринѣ II исключительная подсудность военно-служащихъ военному суду по дѣламъ уголовнымъ была установлена еще не вполне. Относительно же дѣлъ гражданскихъ, со времени изданія Учрежденія о губерніяхъ 1775 г., когда впервые была точно разграпичена подсудность гражданская и уголовная, военпослужащіе стали подсудны по этимъ дѣламъ исключительно судамъ гражданскимъ, общимъ, что подтверждается и находящимся въ Учрежденіи о губерніяхъ постановленіемъ о Надворномъ судѣ въ столицахъ, которому, какъ тамъ сказано, военно-служащіе вообще неподсудны, кромѣ дѣлъ о долгахъ, несахъ и т. п., т. е. вообще по дѣламъ объ обязательствахъ. Вещные же искъ, споры о недвижимомъ имуществомъ не могли быть подсудны военному суду и прежде.

Наконецъ, что касается самого производства дѣлъ въ судахъ военныхъ, то въ половинѣ XVIII столѣтія, въ военномъ вѣдомствѣ слѣдствіе не успѣло еще отделиться отъ суда, что мы видимъ въ то время и въ вѣдомствѣ гражданскомъ. Тамъ это начало совершаться только при Екатеринѣ II, преимущественно со времени издания Устава Благочинія 1782 г., по которому производство слѣдствія впервые возлагалось на полицію и не составляло уже обязанности суда. Прежде же по Наказу Екатерины II это признавалось невозможнымъ сдѣлать, въ виду многочисленности обязанностей полицейскихъ чиновъ, и по Учрежденію о губерніяхъ полиція должна была производить «ислѣдованіе безъ многого письменнаго производства», т. е. производить не слѣдствіе, а собственно дознаніе.

Какъ можно вывести изъ Полковничьей инструкціи 1764 г., производство военно-судныхъ дѣлъ отличалось тогда большою сокращенностью, что и требовалось отъ военныхъ судовъ по Краткому изображенію процессовъ, и производилось преимущественно словесно. Въ этой инструкціи говорится, что въ судѣ, который будетъ происходить надъ мѣстными жителями, за причиненіе ими обидъ военнослужащимъ, судъ, въ которомъ принимаютъ участіе два офицера, долженъ производиться сокращеннымъ порядкомъ и преимущественно словесно, подобно суду военному въ полкахъ, потому что судъ по формѣ слишкомъ «мѣшкотенъ и не всякому военному свѣдомъ». Не мало указовъ мы находимъ объ ускореніи производства дѣлъ, въ особенности о подсудимыхъ, находящихся подъ арестомъ (колоннакахъ); для наблюденія за этимъ была устроена отчетность со стороны войскъ, представляемая въ Военную Коллегію и даже Генераль-Прокурору. Въ указѣ 1779 г. говорится, что кривсехты «нарочно безпорочно производятся», за что указъ грозитъ отвѣтственностью судьямъ и въ особенности аудиторю, который въ дѣйствительности игралъ въ военномъ судѣ главную роль. Кроме того, по указу этому ограничено примѣненіе пытки¹⁾. Хотя о несправедливости, жестокости и бесполезности пытки и говорилось въ наказѣ Екатерины II, тѣмъ не менѣе употребленіе ее всетаки допускается, но лишь съ разрѣшенія высшихъ начальниковъ: начальника дивизіи или губернатора (относительно полковъ гарнизонныхъ). Другое крайнее средство для узнанія истины—очистительная присяга—

СУДОПРОИЗВОДСТВО.

25

¹⁾ Кроме того, съ тою же цѣлью въ 1763 г. было повелѣно примѣнять въ отношеніи несознающихся «священническое увѣщаніе».

рѣдко примѣнялось въ военныхъ судахъ вообще и вѣроятно въ особен-ности со времени изданія Наказа Екатерины II, которая выразила въ немъ свое нерасположеніе къ этому роду доказательствъ.

Теорія формальныхъ доказательствъ выработалась окончательно подъ вліяніемъ Наказа Екатерины II, въ которомъ объ этомъ предметѣ говорилось подробно, тогда какъ постановленія на этотъ счетъ Краткаго изображенія процессовъ были недостаточны. Объ обязательномъ примѣненіи военными судами правилъ о доказательствахъ, заключающихся въ Наказѣ, (въ гл. X) говорится въ приведенномъ выше указѣ 1-го января 1782 г. Относительно утвержденія приговоровъ военныхъ судовъ было издано нѣсколько узаконеній. Въ 1722 г. (7 іюня) категорически разъяснено, что Военной и Адмиралтействъ-коллегіямъ принадлежитъ право окончательнаго утвержденія приговоровъ подвѣдомственныхъ имъ судовъ и что приговоры эти представлять въ Сенатъ не слѣдуетъ. Затѣмъ другія узаконенія дополняли или измѣняли тотъ порядокъ, который былъ установленъ въ концѣ царствованія Петра Великаго, касательно разграниченія правъ по конфирмаціи приговоровъ между командующими генералами и Военною коллегіею и указанія тѣхъ приговоровъ, которые должны быть представляемы на Высочайшее усмотрѣніе.

Въ 1732 г. (7 сентября), командиру персидскаго корпуса, ландграфу Гессенъ Гомбургскому, предоставлено право утвержденія приговоровъ о пижнихъ чинахъ, не исключая и смертныхъ приговоровъ, объ офицерахъ же лишь тѣхъ приговоровъ, которыми они присуждаются не выше разжалованія на время (т. е. съ выслугою); но, какъ видно изъ этого указа, право утвержденія смертныхъ приговоровъ, принадлежавшее по указу 11 ноября 1724 г. всѣмъ вообще командующимъ генераламъ, предоставлено было ландграфу Гессенъ Гомбургскому, какъ бы въ видѣ исключенія, собственно «за дальностію, чтобы въ конфирмаціи той продолженіе и колодниковъ умноженіе не чинить».

Въ 1743 г. (7 ноября) приговоры по дѣламъ о преступленіяхъ, совершаемыхъ чинами гвардіи, предписано было представлять всегда на Высочайшее усмотрѣніе, что произошло отъ того значенія, которое приобрѣла гвардія при частой перемѣнѣ государей послѣ Петра В. и тѣхъ государственныхъ переворотовъ, въ которыхъ ей приходилось играть главную роль. Изъ указовъ 13 февраля и 28 сентября 1747 г. оказывается, что всѣ приговоры къ смерти натуральной или политической отно-

сительно нижних чиновъ, восходили тогда отъ командующихъ генераловъ въ Военную Коллегію, по только въ тѣхъ случаяхъ, когда преступники «по силѣ регулъ» должны были по мнѣнію командующихъ генераловъ быть подвергнуты тому или другому виду этого наказанія. Когда же назначенная военнымъ судомъ смертная казнь могла быть замѣнена, по мнѣнію командующаго генерала, наказаніемъ шпиритенами, то ему предоставлялось право окончательно приговаривать къ этому послѣднему наказанію и затѣмъ въ Военную Коллегію тѣхъ приговоровъ не присылать: о лицахъ же, которымъ наказаніе было такимъ образомъ смягчено («полегчено»), предписано «ежегодно доносить Военной Коллегіи со всѣми обстоятельствами». Указомъ 25 іюня 1779 г., «во избѣжаніе напраснаго промедленія и отъ содержанія колѣнниковъ отягощенія», строго предписывается командующимъ генераламъ не обременять Военную Коллегію присылкою ей приговоровъ (въ особенности относительно побѣговъ), подлежащихъ ихъ собственной конфирмаціи. Порядокъ производства ревізій приговоровъ былъ опредѣленъ впервые въ учрежденіи о губерніяхъ и вѣроятно былъ примѣняемъ и относительно повѣрки представляемыхъ на утвержденіе, приговоровъ военныхъ судовъ.

Что касается судоустройства въ войскѣ Донскомъ, то необходимо отмѣтить, что въ разсматриваемый періодъ дѣла о важныхъ преступленіяхъ казаковъ разсматривались Военною Коллегіею съ 1720 года ¹⁾).

Въ 1765 г. войсковой атаманъ Ефремовъ подалъ въ Коллегію прошеніе, въ которомъ выяснялъ необходимость расширить предѣлы вѣдомства Войсковой Канцеляріи путемъ передачи ей на разсмотрѣніе всѣхъ дѣлъ какъ военныхъ, такъ гражданскихъ и судебныхъ. Для этого онъ предлагалъ ввести въ составъ непремѣннаго присутствія при Войсковой Канцеляріи 8 человекъ «искусныхъ и свѣдущихъ въ законахъ» войсковыхъ старшинъ, которые вмѣстѣ съ атаманомъ могли бы рѣшать дѣла. Однако, на такое ограниченіе своей власти Военная Коллегія не согласилась, и проектъ Ефремова былъ оставленъ безъ послѣдствій.

Одновременно съ этимъ было установлено, что казаки «во управленіи ихъ судомъ и расправою остаются подъ ихъ тамошними законами, и елико принадлежать будетъ по гражданству и промысламъ, то гражданскому, а касательно по воинскимъ дѣламъ,—воинскому суду, отвѣт-

Кавказъ

*СУДОУСТРОЙСТВО
ВЪ КАЗАЧЬИХЪ
ВОЙСКАХЪ.*

¹⁾ Ригельманъ, стр. 128, 129.

ствовать должны» ¹⁾). Что касается других казачьих полковъ, которыхъ въ то время было довольно много, то судъ и расправа у нихъ по маловажнымъ дѣламъ производилась въ войсковыхъ канцеляріяхъ, а о важныхъ сооб- щалось въ «воинскія правительства»—именно въ военную коллегію ²⁾).

Въ это же время, «для лучшаго содержанія подкомандныхъ въ воинскомъ порядкѣ», войсковые старшины были освобождены отъ тѣлеснаго наказанія ³⁾).

Отмѣтимъ между прочимъ, что въ качествѣ предупредительной мѣры было установлено обычаемъ: въ день православія въ Великій Постъ приводить находящихся въ Москвѣ донскихъ казаковъ къ Успенскому собору «для слышанія проклинанія» Качалова, Битяговскаго, Скуратова, Гришки Растриги, Хапжина, Заруцкаго, Разина и Булавина.

ДИСЦИПЛИНАР-
НЫЯ ПОСТАНОВ-
ЛЕНІЯ.

Предѣлы дисциплинарной власти военного начальства въ отношеніи офицеровъ были опредѣлены въ Инструкціи полковничьей 8 декабря 1764 г. ⁴⁾, согласно которой на офицеровъ могли быть наложены нижеслѣдующія взысканія: 1) выговоръ при собраніи офицеровъ, 2) командированіе на караулъ или въ другую службу не въ очередь, 3) арестъ съ исправленіемъ должности, 4) арестъ въ квартирѣ или палаткѣ безъ исправленія должности, 5) арестъ у профоса и содержаніе на палочномъ караулѣ и 6) хожденіе пѣшкомъ за фронтомъ во время похода.

Эти мѣры, какъ необходимая принадлежность «полковничьяго ауторитета», примѣнялись къ тѣмъ изъ офицеровъ, которые «безпокойства въ полку заводятъ», дурно служатъ и не исполняютъ приказаній начальства.

Кромѣ того, инструкция предписываетъ исполнять безпрекословно приказанія и требованія службы, жить мирно съ обывателями, а начальникамъ обходиться съ подчиненными кротко и ласково. Имѣется въ ней также и предписаніе относительно порядка разсмотрѣнія дѣлъ о ссорахъ военно-служащихъ съ «посадскими» и правила о чтеніи воинскихъ артикуловъ въ частяхъ войскъ.

¹⁾ Ibid., стр. 131.

²⁾ Ibid., стр. 132—133.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ П. С. З., т. XVI, № 12.289.

Интересно отмѣтить, что инструкция предусматриваетъ обязанность веденія штрафныхъ журналовъ съ прописаніемъ винъ и наказаній воен-
послужащихъ.

Въ отношеніи распоряженій административнаго характера, касаю-
щихся поддержанія въ войскахъ порядка и установленія дисциплинарной
ответственности за проступки, весьма интересными представляются пра-
вила, установленныя извѣстнымъ кн. Потемкинымъ и С. Р. Воронцовымъ.

Такъ первый изъ нихъ, въ предписаніи 31 декабря 1782 г. (№ 313)
писалъ между прочимъ генераль-майору Талызину: «Вы... имѣете долгъ
наблюдать за офицерами, чтобы съ рекрутами обращеніе они имѣли бла-
госклонное, удалялись бы отъ употребленія съ ними чрезмѣрной стро-
гости»... ¹⁾

Въ письмѣ къ Суворову ²⁾ Потемкинъ требуетъ, чтобы солдаты были
«въ удовольствіи, истребляя побой», въ письмѣ къ ген.-поручику Наще-
кину ³⁾, — чтобы солдаты не были принуждаемы къ исполненію частныхъ
работъ на офицеровъ, грозя за это взыскать по 10 рекрутъ съ каждаго,
«а можетъ еще и хуже будетъ»; въ предписаніи полковнику Селевину ⁴⁾
говорится объ «умѣренности» въ обращеніи съ людьми, чтобы «въ нака-
заніяхъ не переступали бы положенныхъ», чтобы самыя наказанія слу-
жили «къ исправленію, а не къ увѣщью», «чтобы наказанія были легкія»,
грозя въ противномъ случаѣ наказаніемъ «равнымъ смертнымъ».

При обученіи солдатъ Потемкинъ рекомендуетъ употреблять «увѣ-
щаніе и совѣтъ», а не побой: примѣненіе побоевъ отнюдь не разрѣшается
уптеръ-офицерамъ и капраламъ, офицеры же могли поучждать лишвыхъ
палкою не болѣе шести ударовъ. Кроме того, предписывалось читать
въ свободное время объ обязанностяхъ службы по военному артикулу ⁵⁾.

Изъ «Инструкціи ротнымъ командирамъ» 1774 г. января 17-го пол-
ковника гр. С. Р. Воронцова, отца извѣстнаго впоследствии кн. М. С. Во-
ронцова, точно также можно подчеркнуть нѣкоторыя данныя о дисципли-
нарной ответственности военпослужащихъ.

Инструкция предписываетъ обратить вниманіе начальниковъ на

¹⁾ См. Дубровинъ. — Суворовъ среди преобразователей Екатерининской
арміи. С.П.Б., 1886 г., стр. 111.

²⁾ Дубровинъ, стр. 112.

³⁾ Дубровинъ, стр. 113.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ Дубровинъ, стр. 117—118.

27 арт. 3-ей гл. Военскаго Артикула, касающійся «субординаціи», и читать его солдатамъ два раза въ недѣлю. Рядъ поддержанія дисциплины воспрещается приводить въ исполненіе наказаніе старшихъ чрезъ младшихъ, а въ случаѣ провинности нижняго чина поступать слѣдующимъ образомъ: рядовыхъ «выбивать» палками чрезъ унтеръ-офицера, а послѣдпяго—чрезъ сержанта, котораго можетъ наказывать только ротный командиръ. Кромѣ того, требовалось, чтобы наказаніе за тяжкое преступленіе было публичное, въ виду всего полка, дабы примѣромъ одного всѣ прочіе воздержались (п. 1).

Инструкція говоритъ, что наказанія должны соразмѣряться съ виною: за ученье ружьемъ и за маршировку драться не слѣдуетъ, ибо «неприлично и вредно, если солдатъ ружье свое ненавидитъ, а это легко сдѣлать, если его бить за ученье и когда онъ на ружье шпаче не смотритъ, какъ на инструментъ своего мученія; необходимо наказывать, по словамъ Инструкціи, лгуна, лѣнивца, перяху и пьяницу, но наказанія не должны доходить до жестокости: «довольно 30 и 40 палокъ, а если же давать больше, то этимъ человѣка не поправишь, а только въ лазаретъ отошлешь».

«Большія преступленія»—какъ-то: воровство (хотя бы на денежку), пьянство въ караулѣ, непослушаніе, споръ и грубость начальству—изъяты изъ дисциплинарной власти начальниковъ: за совершеніе ихъ предписывается отсылать въ «полковой штабъ» для сужденія по законамъ.

Инструкція предписывала читать изъ Военнаго Артикула нѣсколько главъ, которыя должны быть переписаны въ особую тетрадь. На обязанность офицеровъ возлагалось: знаніе уставовъ, артикуловъ, попеченіе о нижнихъ чинахъ и спусходительное и терпѣливое съ ними обращеніе¹⁾.

Въ уставѣ о строевой службѣ 1755 г.¹⁾ (составленномъ полк. Чернышевымъ) о дисциплинарной отвѣтственности нижнихъ чиновъ говорится очень немного, а именно: «И ежели солдатъ въ чемъ-нибудь изъ онаго усмотрится въ несправности, то за каждое погрѣшеніе имѣетъ нѣсколько ударовъ палкою получить; а ежели усмотрится, что онъ худо обученъ, то и съ ротнымъ командиромъ весьма строго поступлено будетъ. А ежели солдатъ, паче чаянія, во время стрѣльбы броситъ патронъ на землю, то съчъ онаго передъ полкомъ батогами» (Ч. II, гл. IV).

¹⁾ См. Военный Сборникъ, 1871 г., № 11.

Кромѣ того, въ уставѣ указано, что полковой командиръ «за неис- правность и за незнаніе каждаго отвѣтствовать имѣеть».

Итакъ въ эпоху преемниковъ Петра Великаго (1725 — 1796 гг.) *ВЫВОДЫ.* произошли очень важныя измѣненія въ военно-уголовномъ законодательствѣ:

1) Изданные Петромъ Великимъ военно-уголовные законы неоднократно пересматривались всѣми воинскими комиссіями, собиравшимися въ теченіе XVIII ст. съ цѣлью улучшенія военнаго законодательства, но попытки эти остались безъ всякаго вліянія на Воинскій Уставъ.

2) Подъ вліяніемъ философіи гуманистовъ издаются замѣчательные законы, какъ, напр., Манифестъ о поединкахъ, Наказъ Екатерины II и др.

3) Въ Петербургѣ учреждается постоянный военный судъ (кригсрехтъ).

4) Военная подсудность распространяется на чиновъ горнаго вѣдомства и землемѣровъ по нѣкоторымъ дѣламъ.

5) Дисциплинарная власть военнаго начальства опредѣляется Инструкціей нѣхотнаго полка полковника 1764 г. и отдѣльными распоряженіями высшихъ начальниковъ (Потемкина, Воронцова и др.).

Н. Гамочкинъ.

ГЛАВА IV.

Царствованіе Императора Павла I.

В теченіе кратковременнаго царствованія императора Павла I-го было издано очень немного военно-уголовныхъ матеріальныхъ законовъ.

УСТАВЪ О ПОЛЕВОЙ СЛУЖБѢ.

Изъ нихъ наибольшаго вниманія заслуживаетъ «Воинскій Уставъ о полевой пѣхотной службѣ» 1796 года¹⁾, который, помимо административныхъ правилъ и касающихся строевого обученія войскъ, содержитъ въ себѣ рядъ постановленій военно-уголовнаго характера. При стремленіи Императора организовать нашу армію по прусскому образцу, вниманіе составителей этого устава естественно обратилось на Пруссію и ея уставъ 1760-года, — созданіе Фридриха Великаго.

Однако, пользоваться этимъ уставомъ не приходилось цѣликомъ: онъ являлся только образцомъ, которому наши составители слѣдовали, допу-

¹⁾ П. С. З., т. XXIV, № 17.588 утвержденъ 29 ноября 1796 г., напечатанъ въ 1797 г.

ская въ тѣхъ или другихъ случаяхъ извѣстныхъ измѣненія, вызываемыя необходимою ¹⁾). Такимъ образомъ, нашъ уставъ былъ передѣлкою прусскаго ²⁾.

Обращаясь къ разсмотрѣнiю постановленiй устава о преступленiяхъ и наказанiяхъ, прежде всего должно отмѣтить своеобразную терминологию устава, который раздѣляетъ понятiя «субординацiи» и «дисциплины», разумѣя подъ первую отношенiя между начальниками и подчиненными изъ офицеровъ, а подъ вторую — такiя же отношенiя среди нижнихъ чиновъ ³⁾. Содержание устава исчерпывается перечисленiемъ обязанностей военно-служащихъ и указанiемъ отвѣтственности въ случаѣ нарушенiй и отдѣломъ объ экзекуцияхъ. Между прочимъ уставъ даетъ общее руководящее правило карательной дѣятельности, говоря: «не прощать ни малѣйшей ошибки», «а если съ намѣренiемъ солдатъ ошибется, то такового за то послѣ ученiя наказывать» ⁴⁾.

Изъ нарушенiй, которыя могли быть совершаемы нижними чинами, уставъ предусматриваетъ между нарушенiями воинскаго благочинiя и службы: неблагопристойное стоянiе въ церкви, неисполненiе обязанностей часового, опозданiе къ сбору, небрежность въ одеждѣ и т. п. Нарушенiя со стороны офицеровъ состоятъ главнымъ образомъ въ неисполненiи обязанностей службы и превышенiи или бездѣйствии власти.

Что касается условiй примѣненiя наказанiй, то уставъ разрѣшалъ воспомощному начальству примѣнять въ дисциплинарномъ порядкѣ ⁵⁾ такъ называемыя «легкiя наказанiя, относящiяся до ошибокъ или поведенiя» исключительно лишь къ нижнимъ чинамъ; однако вмѣстѣ съ наложенiемъ взысканiя полковой командиръ обязанъ былъ доносить губернаторамъ и комендантамъ, причемъ посланный съ такимъ донесенiемъ обязанъ былъ знать вину наказываемаго. При арестованiи офицера или при наказанiи прохожденiемъ съвозъ строй шестяго чина, начальство должно было, до приведенiя наказанiй въ исполненiе, доносить объ этомъ вышеназваннымъ лицамъ черезъ майора. Впрочемъ, только въ одномъ случаѣ разрѣшалось полковымъ командирамъ арестовывать офицеровъ и солдатъ, «не чина имъ дальнѣйшаго

¹⁾ См. Рус. Стар. 1877 г., т. XVIII, стр. 227, 577, статья Лебедева.

²⁾ Этотъ послѣднiй былъ переведенъ на французскiй языкъ и данъ въ руководство составителямъ.

³⁾ См. гл. 2, п. IX, ч. VIII, гл. 1, п. I, ч. IX.

⁴⁾ Ч. IV, гл. 2, п. XV; ч. II, гл. 4, п. VII.

⁵⁾ «По своему произволенiю».

наказанія», — именно «въ случаѣ проступка противу поведенія или службы въ гарнизонѣ»¹⁾.

Говоря вообще, постановленія устава о служебныхъ нарушеніяхъ не отличаются достаточною опредѣленностью, такъ какъ затрогиваются уставомъ между прочимъ и случайно. Что касается дисциплинарныхъ взысканій, то таковыя раздѣляются на слѣдующіе виды:

1) Арестъ, который примѣняется къ офицерамъ и унтеръ-офицерамъ. На первыхъ арестъ налагается: за неприлежаніе²⁾, за несправности въ дозорной службѣ³⁾, за неприбытіе однимъ изъ первыхъ на сборное мѣсто⁴⁾, оплошность въ караулѣ⁵⁾, за долги⁶⁾ и т. п. Унтеръ-офицеры подлежатъ аресту въ подобныхъ же случаяхъ, а также и за нанесеніе ударовъ или побоевъ крестьянамъ⁷⁾.

2) Разжалованіе есть лишеніе унтеръ-офицерскаго званія: въ дисциплинарномъ порядкѣ оно назначается унтеръ-офицерамъ, при чемъ въ трехъ, указываемыхъ уставомъ случаяхъ оно имѣетъ значеніе временнаго лишенія званія: или на опредѣленный срокъ (два мѣсяца), или вообще «на время»⁸⁾. Оно примѣняется за «невзятіе подъ караулъ», за «непорядочный осмотръ помѣщеній» и за долги.

3) Вычету изъ жалованья подлежатъ исключительно одни офицеры, какъ самостоятельному денежному взысканію и какъ вознагражденію за вредъ убытки, допущенные или причиненные подсудимыми: а) за неприбытіе на сборное мѣсто (какъ дополнительному наказанію при арестѣ⁹⁾; б) за побѣгъ подкомандныхъ нижнихъ чиновъ вычитается за каждаго бѣглаго съ командира и офицеровъ роты и полкового командира «содержаніе солдата и во что мундиръ, аммуниція и все его вооруженіе срочное и безсрочное разомъ казнѣ по штату стать могло»¹⁰⁾; в) за надежъ лошади отъ гоуббы—ея стоимость съ виноватаго; г) за долговую несостоятельность—

1) Ч. VIII, гл. 3, п. II—III.

2) Ч. V, гл., п. IV.

3) Ч. VIII, гл. 10, п. VI.

4) Ч. VIII, гл., п. X.

5) Ч. XII, гл. 7, п. VI.

6) Ч. XII, гл. 27, п. I.

7) Ч. XI, гл. 7, п. III.

8) Ч. VIII, гл. 10, п. X (примѣч.) и XIII.

9) Ч. VIII, гл. 12, п. X.

10) Ч. IX, гл. 6.

все жалованье¹⁾ и д) за устройство вечерних столовъ (ужиновъ на казенный счетъ²⁾).

4) Прогнание сквозь строй примѣняется исключительно къ нижнимъ чинамъ — рядовымъ и ефрейторамъ и является единственнымъ для нихъ дисциплинарнымъ наказаніемъ за различныя служебныя и неслужебныя нарушения. По своей тяжести оно соответствовало аресту для офицеровъ и разжалованію — для унтеръ-офицеровъ. Порядокъ осуществленія прогнанія сквозь строй, просуществовавшій вплоть до его отмены въ 1863 году, состоялъ въ слѣдующемъ. Оно производилось «разводомъ»³⁾; если онъ былъ не великъ, то прикомандировывалось нужное число солдатъ. Эзекуція начиналась поворотомъ караульныхъ — направо, а прикомандированныхъ — налево, послѣ чего, по командѣ «маршъ» прикомандированные шли на лѣвый флангъ, а затѣмъ поворачивались во фронтъ. Ряды равняются, оставляя нужное мѣсто для третьей шеренги, которая затѣмъ вступаетъ въ ряды. Послѣ поворота первой шеренги лицомъ ко второй, офицеры становятся на флангахъ вмѣстѣ съ барабанщиками. Затѣмъ профось проходитъ по рядамъ, а рядовые берутъ прутья. Барабанщикъ лѣваго фланга бьетъ дробь, и арестантъ «обѣжитъ сквозь строй», при чемъ майоръ ѣздитъ взадъ и впередъ, наблюдая за порядкомъ. Наказываемаго ведетъ унтеръ-офицеръ, держа передъ нимъ острымъ концомъ алебарду.

Впрочемъ, въ качествѣ особой исключительной мѣры во время сраженія начальникъ могъ даже употребить безъ суда по своему усмотрѣнію смертную казнь: за стрѣльбу до подачи о томъ команды и за трусость въ бою⁴⁾).

Наконецъ уставъ говоритъ и о болѣе тяжелыхъ наказаніяхъ, вѣроятно также примѣнявшихся безъ суда, какъ напр. относительно лишенія чиновъ, въ случаѣ сдачи въ плѣнъ⁵⁾; исключенія изъ службы для офицеровъ за просрочку изъ отпуску, отлучку изъ полка, за незаконную посылку людей за фуражомъ и за держаніе денщиковъ не по штату, и

¹⁾ Ч. XII гл. 27.

²⁾ Тамъ же, гл. 26; генералы имѣли право довольствоваться отъ казны, но только одними обѣдами, устройство же ужиновъ — было наказуемымъ дѣяніемъ.

³⁾ Т. е. всѣми нижними чинами, назначенными въ карауль.

⁴⁾ Исключительно лишь въ военное время. Ч. XII, гл. 23, п. VII.

⁵⁾ Ч. XII, гл. 20.

относительно заключенія въ крѣпость для офицеровъ — также за просрочку изъ отпуску ¹⁾.

Таково содержаніе Устава 1796 г. относительно проступковъ и наказаній. Сходныя съ этимъ постановленія издавы были и въ Уставѣ о полевой кавалерійской службѣ ²⁾.

ТѢЛЕСНЫЯ
НАКАЗАНИЯ.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ разъясненіе, данное къ жалованной дворянской грамотѣ и городовому положенію въ сенатскомъ указѣ 13 апрѣля 1797 года ³⁾. Этотъ указъ состоялся по слѣдующему поводу.

Прапорщикъ Рожновъ былъ признанъ виновнымъ въ произнесеніи дерзкихъ словъ о святыхъ иконахъ и Государѣ Императорѣ и присужденъ къ отдачѣ въ каторжныя работы, съ лишеніемъ чиновъ и дворянства, взамѣнъ наказанія кнутомъ, съ вырѣзаніемъ ноздрей и клейменіемъ. Сенатъ поднесъ объ этомъ дѣлѣ Государю докладъ, на который 3 января 1797 года и послѣдовала Высочайшая резолюція: «Какъ скоро снято дворянство, то уже и привиллегія до него не касается. По чему и впредь поступать.»

Руководясь этой конфирмаціей, Сенатъ въ послѣдующихъ своихъ докладахъ: о подпоручикѣ Федосѣевѣ, секретарѣ Васильевѣ, поручикѣ Перскомъ и прапорщикѣ Трубниковой полагалъ мнѣніемъ и казывать кнутомъ и ссылатъ въ работу преступниковъ, «дѣянiami своими достоинство разрушившихъ.» Государь утверждалъ сенатскіе доклады, вслѣдствіе чего къ устраненію «разномыслія на будущее время» и былъ изданъ вышеупомянутый указъ 13 апрѣля: «о наказаніи Дворянъ, гильдейскихъ гражданъ, Священниковъ и Дьяконовъ тѣлесно за уголовныя преступленія» ⁴⁾.

Однако, легкія тѣлесныя наказанія — палками и шпирутенами — иногда примѣнялись и въ дисциплинарномъ порядкѣ по Высочайшему императора Павла повелѣнію за маловажныя нарушенія службы къ лицамъ дворянскаго происхожденія, въ томъ числѣ и къ офицерамъ (или чиновникамъ).

Такъ, извѣстенъ случай, сообщаемый въ запискахъ Нессельроде и Шишкова, съ поручикомъ конногвардейскаго полка Милоковымъ, ⁵⁾ которому было назначено Государемъ наказаніе палками въ размѣрѣ 100

¹⁾ Ч. IX, гл. 8.

²⁾ П. С. З., т. XXIV, № 17.590.

³⁾ П. С. З., т. XXIV, № 17916.

⁴⁾ П. С. З., т. XXI, № 17916. См. также Шильдеръ, — Имп. Павелъ Первый, стр. 346 — 347.

⁵⁾ См. Шильдеръ, стр. 435 — 436.

ударовъ ¹⁾ за неисполненіе команды при построеніи, которой Миллюковъ однако не слышалъ. Велик. кн. Константинъ Павловичъ не привелъ въ исполненіе этого наказанія, принявъ это на свою отвѣтственность, а затѣмъ Миллюковъ, благодаря этому обстоятельству, былъ принятъ снова на службу уже съ повышеніемъ двумя чинами.

Интересно отмѣтить, что имп. Павелъ I считалъ невозможнымъ находиться въ рядахъ арміи офицерамъ, понесшимъ при какихъ бы то ни было условіяхъ тѣлесное наказаніе. Такъ, на примѣръ, встрѣтивъ однажды на улицѣ одно голштинца — офицера гвардейскаго полка — и замѣтивъ неисправность въ его одеждѣ, Императоръ ударилъ его въ раздраженіи тростью, а на другой день приказалъ подать ему въ отставку, такъ какъ «въ русской арміи не можетъ оставаться офицеръ, потерпѣвшій оскорбленіе» ²⁾; вмѣстѣ съ тѣмъ офицеръ былъ награжденъ подарками отъ государя.

Въ 1799 г. 18-го февраля указомъ, даннымъ генераль-аудиторіату, было разъяснено, что въ приговорахъ военно-судныхъ комиссій не должно быть назначаемо разжалованія офицеровъ въ рядовые, за исключеніемъ тѣхъ только случаевъ, когда лишеніе офицерскаго званія является послѣдствіемъ лишенія дворянства, т. е. оно не могло быть назначено въ качествѣ самостоятельнаго наказанія по суду ³⁾.

Въ Высочайшемъ приказѣ, отданномъ при паролѣ 28 іюля 1799 г. ⁴⁾, было повелѣно: назначать при арестованныхъ офицерахъ часового и безъ кошвоя не выпускать ихъ изъ караульнаго помѣщенія. Этотъ приказъ состоялся въ виду необходимости пресѣченія очень часто происходившихъ въ то время отлучекъ изъ-подъ ареста со стороны офицеровъ.

Въ 1798 г. 10 апрѣля генераль-лейтенанту бар. Беервицу былъ данъ указъ ⁵⁾, въ силу котораго всѣ военпослужащіе, виновные въ совершеніи преступленія, «наказанные» (т. е. тѣлесно) и посланные въ Сибирь (въ тамошнія части войскъ), были лишены «права, даннаго російскому воинству, слѣдственно и отставлять ихъ отъ службы»; поэтому было повелѣно давать имъ отставку только по инвалидности и неспособности къ службѣ.

ОТДѢЛЬНЫЯ
УЗАКОНЕНІЯ.

¹⁾ Шишковъ (Записки стр. 76) утверждаетъ, что было назначено 500 палокъ.

²⁾ Шильдеръ, стр. 582.

³⁾ П. С. З., т. XXV, № 18.863.

⁴⁾ П. С. З., т. XXV, № 19.056

⁵⁾ П. С. З., т. XXV, № 18.479.

Въ 1800 г. 1-го ноябра состоялся указъ, въ силу котораго было дозволено всѣмъ лицамъ, уволеннымъ въ отставку или исключеннымъ изъ службы военной и гражданской, по Высочайшимъ повелѣніямъ, а не по сененціямъ военныхъ судовъ, снова вступить на службу. Инициатива изданія этого указа принадлежала гр. Палену, который, какъ говоритъ самъ въ своихъ запискахъ, желая вернуть въ столицу братьевъ Зубовыхъ и ген. Беннгсена, воспользовался для этого хорошимъ настроеніемъ Государя и вымолилъ у него этотъ указъ ¹⁾.

Именнымъ указомъ Сенату отъ 31 іюля 1799 г. ²⁾ была измѣнена наказуемость кражи. Въ виду того, что каторжная работа, какъ наказаніе за кражу свыше 20-ти рублей, не только не уничтожаетъ преступленія этого рода, но еще служить «предлогомъ къ отбывательству отъ рекрутства», Высочайше было повелѣно наказывать виновныхъ въ кражѣ свыше 20 руб. плетью и годныхъ—отдавать въ рекруты съ зачетомъ, а негодныхъ—сылать въ Сибирь на поселеніе.

ЗАКОНЫ О СУДОУСТРОЙСТВѢ И СУДОПРОИЗВОДСТВѢ.

Что касается формальныхъ военно-уголовныхъ законовъ, то въ теченіе царствованія имп. Павла было издано много весьма важныхъ узаконеній, относящихся до судоустройства.

Однимъ изъ первыхъ по времени появленія былъ объявленный военной коллегіи, указъ 15-го декабря 1796 года ³⁾, въ силу котораго она должна была представлять вмѣстѣ съ приговорами, выходившими чрезъ нее на Высочайшую конфирмацію, экстракты изъ военно-судныхъ дѣлъ (или выписки, въ которыхъ заключалось краткое изложеніе обстоятельствъ дѣла и улики и доказательства виновности подсудимаго) и свои мнѣнія о виновности и мѣрѣ наказанія ⁴⁾.

¹⁾ П. С. З., т. XXIV, №№ 16.625 и 16.626. См. Шильдеръ, стр. 469—471.

²⁾ П. С. З. т. XXV, № 19.059.

³⁾ П. С. З. т. XXIV, № 17649.

⁴⁾ По военной колл. вслѣдствіе этого было объявлено ея президентомъ распоряженіе, въ которомъ сквозить какъ бы обидный тонъ: „Хотя, вслѣдствіе даннаго сей коллегіи повелѣнія, во всѣхъ ея по дѣламъ о впадшихъ въ преступленія рѣшеніяхъ, на Высочайшую апробацію подносимыхъ, заключенія свои она выводила всегда изъ самихъ законовъ, но какъ нынѣ Его Императорскому Величеству угодно, чтобы изъ дѣлъ такого рода, которые зависятъ единственно отъ Высочайшихъ Его Величества конфирмацій, подносимы уже были чрезъ меня краткія выписки или экстракты съ положеніемъ при оныхъ отъ коллегіи мнѣній, выводимыхъ изъ обстоятельствъ происшествія“, то и предписывались на будущее время дѣлать сообразно съ Высочайшимъ повелѣніемъ.

Затѣмъ, 9-го января 1797 г. ¹⁾ послѣдоваль весьма важный указъ, объявленный генераль-адъютантомъ Кушелевымъ. Въ указѣ говорилось, что «такъ какъ при Его Императорскомъ Величествѣ учреждено Генераль-Аудиторство, надъ коимъ начальствуетъ генераль-лейтенантъ князь Шаховской, членъ военной коллегіи, почему всѣ слѣдственныя дѣла, кои должны вноситься на конфирмацію къ Государю, отсылать къ нему, дабы онъ, разсмотря съ законами и сдѣлавъ экстрактъ, возосилъ уже чрезъ меня (т. е. Кушелева) къ докладу.»

Одновременно съ издашемъ этого указа Кушелевъ писалъ кн. Шаховскому: «Его Императорское Величество... соизволило повелѣть быть Вамъ управляющимъ (Генераль-Аудиторствомъ) такъ, какъ Вамъ таковая часть и поручена уже по военной коллегіи.» Вместе съ этимъ Кушелевъ предписывалъ слѣдующее:... «а какъ въ то аудиторство имѣютъ поступать слѣдственныя дѣла и изъ адмиралтейской коллегіи, то Вы, разсмотря таковыя и сообразя съ законами рѣшеніе коллегское и сочпши экстрактъ, долженствуете возосилъ къ Государю Императору черезъ меня ²⁾».

Черезъ 15 дней, именно 24 января ~~того же~~ 1797 года появляется новый указъ ³⁾ объ учрежденіи Генераль-Аудиторіата, въ которомъ говорилось: «быть Генераль-Аудиторіату, который есть судъ вышній военный по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ для всей арміи.»

Одновременно съ этимъ управляющій Генераль-Аудиторствомъ кн. Шаховской получилъ званіе Генераль-Аудитора.

Однако, перемена названія учрежденія мало отразилась на существѣ и дѣятельности послѣдняго. Какъ Генераль-Аудиторство, такъ и Генераль-Аудиторіатъ вовсе не были судами въ томъ смыслѣ, какъ это понимается въ настоящее время.

Въ самомъ дѣлѣ, Аудиторство, учрежденное при самомъ Государѣ, для разсмотрѣнія слѣдственныхъ дѣлъ, скорѣе представляло собою собственную канцелярію при Императорѣ, которое должно было, съ одной стороны, готовить судебныя дѣла для конфирмаціи, а съ другой — разсматривать письменное производство по военно-слѣдственнымъ дѣламъ для выясненія степени вѣроятности виновности лица и разрѣшенія вопроса о томъ, —

¹⁾ П. С. З. т. XXIV, № 17719.

²⁾ Главное В.-Судное Управленіе, Часть журнальная, Именные указы 1797 г, шкафъ 5, № 1.

³⁾ П. С. З. т. XXIV, № 17577.

передать ли его военному суду или ограничиться применением наказания по усмотрению Высочайшей власти.

Это последнее соображение вытекает как из подлинных подтверждений Государя, так и из указа 29 января 1798 г., подтвержденного 6 июня 1800 г., относительно того, что судныя комиссії об офицерах назначаются только съ Высочайшаго разрѣшенія¹⁾.

Тотъ же характеръ личной канцеляріи Государя по военно-суднымъ дѣламъ носитъ и Генераль-Аудиторіатъ. Хотя въ указѣ 29 января 1797 г. и говорилось, что онъ есть «судъ вышній», тѣмъ не менѣе его значеніе, какъ чисто-подготовительнаго, зависимаго учрежденія, не измѣнилось.

Интересно отмѣтить, что Генераль-Аудиторіатъ, по мысли Государя, долженъ былъ представлять собою учрежденіе, независимое отъ военной коллегіи и подчиненное непосредственно Верховной власти. Во главѣ его былъ поставленъ Генераль-Аудиторъ, который являлся не только предсѣдателемъ, но и начальникомъ учрежденія, такъ какъ оно состояло исключительно изъ подчиненныхъ ему лицъ разныхъ аудиторскихъ званій и чиновъ канцеляріи.

Бюрократическій строй Генераль-Аудиторіата сказывается также и въ томъ, что назначеніе первыхъ оберъ-аудиторовъ Лѣсницкаго и Усачова послѣдовало «по удостоенію Генераль-Аудитора», которому было вмѣстѣ съ тѣмъ предоставлено опредѣлять «въ прочіе Генераль-Аудиторіата чины... кого онъ способными признаетъ»²⁾.

Прочими чинами Генераль-Аудиторіата были: одинъ секретарь (съ жалованьемъ въ 450 руб. въ годъ), одинъ регистраторъ (300 руб. въ годъ) и одинъ актуаріусъ, или канцеляристъ (250 р. въ годъ). На канцелярскіе расходы Аудиторіату отпускалось въ годъ 500 руб.³⁾

Одновременно съ учрежденіемъ Генераль-Аудиторіата была уничтожена состоявшая при военной коллегіи аудиторская экспедиція, „за ненадобностью“, и всѣ дѣла, превышающія ея компетенцію, были переданы въ Аудиторіатъ⁴⁾. Генераль-Аудиторіатъ обязанъ былъ давать свои мнѣнія «о судныхъ и слѣдственныхъ дѣлахъ арміи и флотовъ»⁵⁾.

¹⁾ П. С. З., т. XXV, № 18.354.

²⁾ П. С. З., т. XXIV, № 17.775.

³⁾ См. Архивъ Главн. В.-Судн. Упр., Дѣло о чиновникахъ, 1797 г., № 1, св. 1, л. 31.

⁴⁾ П. С. З., т. XXIV, № 17775.

⁵⁾ П. С. З., т. XXVIII, № 21.904.

Штатъ Генераль-Аудиторіата былъ окончательно установленъ уже позднѣе, а именно только указомъ 5 января 1798 года, по которому въ помощь Генераль-Аудитору было назначено два оберъ-аудитора, съ жалованьемъ каждому по 562 рубля въ годъ. Въ составѣ этихъ помощниковъ явились: оберъ-аудиторъ майоръ Лѣсницкій и Усачовъ; послѣдній до этого времени занималъ должность генераль-аудиторъ-лейтенанта въ военной коллегіи.

Такимъ образомъ, Генераль-Аудиторіатъ¹⁾ сталъ существовать на ряду съ военной и адмиралтействъ-коллегіей, которыя также могли рѣшать военно-судебныя дѣла. Для этого въ составѣ коллегій находились: генераль-аудиторъ-лейтенантъ, одинъ оберъ-аудиторъ и аудиторъ и два писца.

Вопросъ о раздѣленіи военно-судебной дѣятельности между военной коллегіей и Генераль-Аудиторіатомъ представляется весьма важнымъ.

До 1797 года ревизія всѣхъ рѣшеній военныхъ судовъ сосредоточивалась въ военной коллегіи, независимо отъ служебнаго положенія преданныхъ суду лицъ, за исключеніемъ принадлежащихъ къ полкамъ лейбъ-гвардіи, для которыхъ имѣлся особый оберъ-аудиторъ. Со времени изданія указа 1797 года компетенція военной коллегіи была значительно ограничена: въ нее стали поступать для пересмотра только дѣла о „нижнихъ военныхъ служителяхъ, кои не изъ дворянъ“, обвиняемыхъ въ важныхъ преступныхъ дѣяніяхъ, за которыя въ законѣ угрожалъ наказаніе смертной казнью²⁾.

Такимъ образомъ, въ Генераль-Аудиторіатѣ должно было сосредоточиваться разсмотрѣніе производства всѣхъ другихъ судныхъ и слѣдственныхъ дѣлъ, т. е. объ всѣхъ офицерахъ и нижнихъ чинахъ изъ дворянъ. По всѣмъ этимъ дѣламъ Генераль-Аудиторъ обязанъ былъ давать свое мнѣніе и подносить на Высочайшую конфирмацію.

Всѣ эти обязанности лежали исключительно на самомъ Генераль-Аудиторѣ и, какъ говорилось въ докладѣ комитета 1805 г.³⁾, «сколь отяготительна таковая обязанность для одного человѣка».

Но дѣятельность Генераль-Аудитора далеко не исчерпывалась этимъ.

¹⁾ Арх. Гл. В.-С. Упр. *ibid.*, св. 1, 11, № 9. необходимо отмѣтить, что иногда въ официальныхъ бумагахъ Генераль-Аудиторіатъ назывался также «Генеральный Аудиторіатъ».

²⁾ См. Отчетъ Генераль-Аудиторіата 1816 г.; П. С. З., т. XXVIII, № 21904.

³⁾ П. С. З., т. XXVIII, № 21904.

По восполнѣдованіи Высочайшихъ конфирмацій на доклады его, онъ обязывался къ ихъ исполненію, для чего сообщалъ копии съ ихъ въ военную и адмиралтействъ-коллегію, а вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомлялъ генераль-адыютапта, правившаго Собственною Канцелярією Государя, относительно: 1) времени производства военного суда, 2) имени и фамиліи подсудимаго и 3) послѣдовавшей Высочайшей конфирмацій.

Такимъ образомъ, въ области разсмотрѣнія военно-судныхъ дѣлъ Генераль-Аудитору были предоставлены исключительныя полномочія: постановлять рѣшеніе, всецѣло вытекавшее изъ его усмотрѣнія, что „присваивало ему качество утверждать или опровергать приговоры судебныхъ мѣстъ, хотя оное, кромѣ Высочайшей власти, единственно высшему судебному мѣсту принадлежать можетъ»¹⁾.

Что касается дѣятельности по предварительному производству, то и въ этомъ отношеніи Генераль-Аудиторъ имѣлъ право, по полученіи слѣдственныхъ дѣлъ, въ случаѣ надобности, пополнять таковыя собраніемъ новыхъ данныхъ и обязанъ былъ отъ себя сообщать инспекторамъ Высочайшія повелѣнія объ отдачѣ подѣ судѣ и слѣдствіе генераловъ и офицеровъ и представлять о томъ же военной и адмиралтействъ-коллегіямъ.

Наконецъ, на Генераль-Аудитора лежала обязанность наблюденія за скорымъ производствомъ дѣлъ во всѣхъ военно-судныхъ комиссіяхъ, а также и „понужденія къ немедленному оныхъ окончанію“. Для этого онъ разсматривалъ доставляемыя отъ частей войскъ статейные списки и вель отчетность о числѣ подсудимыхъ.

Кромѣ всего этого, Генераль-Аудиторъ, какъ высшій юридическій органъ въ арміи, долженъ былъ давать „наставленія въ случаѣ затрудненій, встрѣчающихся при рѣшеніи дѣлъ въ комиссіяхъ и кригсрехтахъ”²⁾.

Несмотря на это, право надзора Генераль-Аудитора не исключало такого же надзора и со стороны военной коллегіи надъ подвѣдомственными ей производствами.

Непосильная работа для одного лица—Генераль-Аудитора заставила правительство озаботиться приисканіемъ такихъ мѣръ, которыя способны были бы устранить недостатки организаціи Генераль-Аудиторіата. Самою важною изъ этихъ мѣръ было назначеніе въ 1800-мъ году 19 февраля на

¹⁾ П. С. З., т. XXVIII, № 21904.

²⁾ Ibid.

должность второго Генераль-Аудитора отставного генераль-маіора князя Салагова, которому было повелѣно «присутствовать въ Генераль-Аудиторіатѣ непосредственно съ Генераль-Аудиторомъ княземъ Шаховскимъ. ¹⁾ Однако почти черезъ мѣсяцъ, 19 марта того же года кн. Шаховской «за старостью» былъ уволенъ въ отставку.

Что касается аудиторовъ, то по уставу о полевой службѣ 1796 г. *АУДИТОРЫ.* (см. выше) на нихъ возлагались, съ одной стороны, чисто судебныя обязанности—производство слѣдствій надъ офицерами и унтеръ-офицерами, а съ другой—обязанности хозяйственныя: въ походѣ—завѣдываніе полковымъ обозомъ, въ военное время—пріемъ провіанта и фуража, ²⁾ при отсутствіи въ полкахъ квартирмистровъ. Кроме того, въ нѣкоторыхъ гарнизонныхъ полкахъ и егерскихъ батальонахъ аудиторы должны были исполнять всѣ обязанности квартирмистровъ. Вообще же въ полкахъ, въ случаѣ болѣзни аудитора, исправленіе его должности (очевидно по военно-судной части) возлагалось на фельдфебелей ³⁾.

Въ царствованіе императора Павла произошло въ сущности объединеніе Аудиторіатскаго вѣдомства путемъ подчиненія всѣхъ аудиторовъ Генераль-Аудитору. Какъ видно изъ указа изъ военной коллегіи 18 іюня 1799 года, «всѣмъ аудиторамъ быть непосредственно въ вѣдомствѣ Генераль-Аудитора, ибо и производство ихъ впредь зависѣть будетъ отъ его рекомендаціи». ⁴⁾ вмѣстѣ съ этимъ тотъ же указъ предписывалъ производить въ чины полковыхъ аудиторовъ, только по всеподданнѣйшему докладу Генераль-Аудитора.

Иерархія аудиторовъ представлялась въ слѣдующемъ видѣ: во главѣ ея стоялъ генераль-аудиторъ, ⁵⁾ помощниками его были оберъ-аудиторы, въ числѣ военныхъ совѣтниковъ ⁶⁾; аудиторы распредѣлялись по полкамъ, «городовымъ аудиторіатамъ ⁷⁾ и наконецъ были причислены къ Генераль-Аудиторіату сверхъ штата.

¹⁾ Архивъ Главн. В.-Судн. Упр., Дѣло о чиновникахъ 1797 г., Св. 1, л.49.

²⁾ П. С. З., т. XXIV, № 17588, ч. IX, гл. IV; П. С. З., т. XXIV, № 17590, гл. XXXVI.

³⁾ П. С. З., т. XXV, № 18994.

⁴⁾ П. С. З., т. XXV, № 19023.

⁵⁾ Ibid.

⁶⁾ Архивъ Главн. В.-Судн. Управл., Дѣло о чиновникахъ 1797 г., св. 1, № 49.

⁷⁾ П. С. З., т. XXV, № 18465.

Аудиторы поступали на службу, не получая чиновъ, которыми однако могли быть награждаемы за отличную службу ¹⁾; съ полученіемъ чина имъ присваивалось соотвѣтствующее этому званію и право носить общій аудиторскій мундиръ. ²⁾ По достиженіи чина титулярнаго совѣтника они могли быть, по представленію шефа полка и въ случаѣ надобности, назначаемы на должность квартирмистра. ³⁾

Что касается должностей оберъ-аудиторскихъ, то таковыя замѣщались гражданскими чиновниками или офицерами, переименовывающимися въ гражданскіе чины ⁴⁾,—по выбору и представленію Генераль-Аудитора.

Въ томъ же 1799 году 10 октября состоялся новый указъ, ⁵⁾ которымъ было повелѣно: «аудиторовъ не слѣдуетъ представлять никакъ инако, какъ въ титулярные совѣтники, и что имъ нѣтъ другого слѣдующаго чина».

ВОЕННАЯ ПОДСУДНОСТЬ.

Исключительная подсудность военно-служащихъ военному суду при Императорѣ Павлѣ упрочилась окончательно. По указу военной коллегіи 24 іюня 1797 г. ⁶⁾, вслѣдствіе того, что гарнизонныя баталіоны переформированы въ полки и въ нихъ полагаются аудиторы, и на основаніи Высочайшихъ резолюцій о томъ, что «впредь гражданскимъ чинамъ не присутствовать въ кригсрехтахъ, развѣ будетъ дѣло до обѣихъ частей гражданского и военнаго» и что «губернаторамъ гражданскимъ до судовъ военныхъ дѣла нѣтъ», предписано было не судить военнотружущихъ въ судахъ общихъ даже «по необходимымъ случаямъ», и обвиняемыхъ, задержанныхъ вдали отъ своихъ частей войскъ, отсылать для производства слѣдствія и суда въ ближайшіе полевые или гарнизонныя полки. Изъ этого указа видно, что допускались по-прежнему смѣшанные военные суды, вѣроятно по дѣламъ объ обидахъ, наносимыхъ военнотружущими лицамъ гражданского вѣдомства. Подсудность военному суду ограничивалась одними уголовными дѣлами, потому что, хотя въ указѣ объ учрежденіи Генераль-Аудиторіата и было сказано, что его разсмотрѣнію подлежатъ и дѣла гражданскія, по это постановлено изъ слѣдующаго подражанія порядку, существовавшему въ Пруссіи (въ которой военные суды разсматривали гражданскія

¹⁾ П. С. З., т. XXV, № 18853.

²⁾ Ibidem.

³⁾ П. С. З., т. XXV, № 19175.

⁴⁾ Арх. Главн. В.-Судн. Управленія, Дѣло о чиновн., св. 1, л. 40—44.

⁵⁾ П. С. З., т. XXV, № 19175.

⁶⁾ П. С. З., т. XXIV, № 18017.

(дѣла военнослужащихъ до 1808 г.) и едва ли могло примѣняться на практикѣ.

Наконецъ, при Императорѣ Павлѣ въ послѣдній уже разъ встрѣчается случай предоставленія принятымъ въ русскую военную службу иностранцамъ судиться по законамъ своей націи, что было сдѣлано относительно составленнаго изъ французскихъ эмигрантовъ отряда принца Конде. Однако, вскорѣ, по прибытіи его въ Россію въ 1798 г., право это было отнято «по разнымъ безпорядкамъ, отъ которыхъ и убійства происходили» и самый отрядъ, по окончаніи войны съ Франціей, былъ распущенъ ¹⁾.

Наконецъ, при императорѣ Павлѣ I слѣдствіе успѣло уже отдѣлаться отъ суда. Это видно изъ того, что производство слѣдствія возлагалось на аудитора лично, производство же собственно военного суда поручалось, по-прежнему, военно-суднымъ комиссіямъ. Впрочемъ, и военные суды въ это время по своему значенію были сходны съ слѣдственными комиссіями, такъ какъ по указу 23 ноября 1800 г. ²⁾, имъ запрещено было писать въ приговорахъ свои мнѣнія, потому что «военный судъ не есть разрѣшеніе вѣщъ, а по точномъ изысканіи оныхъ, осужденіе преступника по всей строгости законовъ». Вслѣдствіе этого военные суды должны были примѣнять строгія, хотя и совершенно устарѣвшія, постановленія Вонискаго Артикула: измѣненіе же приговоровъ согласно новымъ узаконеніямъ и смягченіе положенныхъ наказаній принадлежало власти, къ которой приговоръ поступалъ на конфирмацію. Для ускоренія производства военно-судныхъ дѣлъ, собственно «о маловажныхъ преступленіяхъ и другихъ, не требующихъ дальнихъ справокъ» (преимущественно дѣлъ о побѣгахъ), указомъ 15-го декабря 1796 г. установленъ сокращенный порядокъ, по приложенной формѣ ³⁾ согласно съ этой формой, военно-судное дѣло должно состоять изъ 1) выписки, въ которой означается, по распоряженію кого дѣло производится, и излагается только оказавшееся при допросѣ подсудимаго, производимомъ и подписываемомъ аудиторомъ, и 2) сентенца, подписываемая всѣми

СУДОПРОИЗВОДСТВО.

¹⁾ Иностранцы рассказываютъ, что наказанія военнослужащихъ въ эту эпоху были особенно жестоки; такъ, напр., солдатъ, убившій своего товарища, былъ приговоренъ къ разстрѣлянью, но ранѣ исполненія такового виновному былъ отрѣзанъ носъ, уши и самъ онъ наказанъ 100 ударами кнута. Такія же наказанія стали примѣняться и къ иностранцамъ, состоявшимъ на русской службѣ. См. *Revue des deux Mondes*, 1883 г., 1 декабря, «*Les commentaires des soldats*», стр. 558. П. С. З., т. XXV № 18392.

²⁾ П. С. З., т. XXVI, № 19663.

³⁾ П. С. З., т. XXIV, № 17649.

судьями, по составляемаго на основаніи слушанія выписки. Произведенное такимъ образомъ дѣло представляется на конфірмацію установленнымъ порядкомъ.

ВЫВОДЫ.

Итакъ, короткое царствованіе императора Павла въ исторіи военно-судной части ознаменовалось:

1) издавіемъ уставовъ полевой службы, постановленія которыхъ о дисциплинарныхъ проступкахъ и наказаніяхъ военнослужащихъ упорядочили и дополнили правила Инструкціи пѣхотнаго полку полковника 1764 г., на основаніи которыхъ отправлялась дисциплинарная власть въ войскахъ;

2) разъясненіемъ Жалованной грамоты и Городового положенія, въ силу чего лица привилегированныхъ строевыхъ могли подвергаться тѣлеснымъ наказаніямъ при извѣстныхъ условіяхъ, и измѣненіемъ отвѣтственности за кражу свыше 20-ти рублей;

и 3) наконецъ, образованіемъ Генераль-Аудиторіата, который, по мысли Государя долженъ былъ являться высшимъ военнымъ судомъ.

— Н. С. Макашица —

Царствованіе императора Александра I.

Общій обзоръ.

ЦАРСТВОВАНИЕ Императора Александра I-го обнимаетъ первую четверть XIX-го столѣтія (1801—1825 годы) и представляетъ время, когда Россія, несмотря на миролюбіе этого монарха, черезъ нѣсколько лѣтъ по вступленіи его на престолъ въ 1801 году, именно съ 1805 года, въ теченіе десяти лѣтъ, т. е. до 1815 года, вынуждена была вести постоянныя войны не только съ своими азіатскими сосѣдями и Швеціей, но главнымъ образомъ съ Франціей Наполеона I-го, подвергшись въ 1812 году страшному нашествію «двунадесяти языка», подъ предводительствомъ знаменитаго императора французовъ, причемъ испроверженіе ею этого всемирнаго завоевателя, законченное въ

*ПОЛИТИЧЕСКІЯ
ОБСТОЯТЕЛЬ-
СТВА ЦАРСТВО-
ВАНІЯ АЛЕКСАН-
ДРА I-го.*

1815 году, доставило Россіи огромное вліяніе въ Европѣ и значительное расширеніе границъ. Послѣ сверженія Наполеона I-го наступило время конгрессовъ и священнаго союза, вслѣдствіе чего и сильнаго истощенія личныхъ и матеріальныхъ средствъ, въ Европѣ установился «прочный миръ», который не былъ нарушенъ до самаго конца царствованія Александра I-го.

Вслѣдствіе такихъ политическыхъ обстоятельствъ, въ то время, когда у насъ готовились къ войнамъ съ Франціей, происходившимъ съ 1805 по 1815 годъ, количество войскъ постепенно возрастало, а въ самые критическіе для Россіи моменты, когда угрожала опасность нашествія со стороны Наполеона, были призываемы два раза многочисленныя временныя земскія (1806 г.) или народныя (1812 г.) ополченія. По водвореніи же прочаго мира, въ Россіи, вслѣдствіе выраженнаго намѣренія правительства ограничиться на будущее время веденіемъ однихъ оборонительныхъ войнъ, затѣмъ съ цѣлью облегченія чувствительной тяжести военныхъ расходовъ и рекрутскихъ наборовъ и при существованіи тогда продолжительныхъ сроковъ службы и крѣпостного права, — стало распространяться потерпѣвшее впоследствии неудачу учрежденіе военныхъ поселеній принудительнаго характера. Къ концу царствованія Александра I-го въ военныя поселенія было обращено около третьей части нашего регулярнаго войска и они составили совсѣмъ отдѣльный корпусъ.

*ДѢЛЕНІЕ ЦАР-
СТВОВАНІЯ АЛЕ-
КСАНДРА I НА
ЭПОХИ.*

Что касается законодательной дѣятельности Александра I-го, то въ теченіе царствованія этого Государя, вступившаго на престоль въ молодыхъ годахъ, получившаго прекрасное воспитаніе и одушевленнаго самыми лучшими намѣреніями, проявляется стремленіе къ установленію строгой законности и гуманности въ управленіи государствомъ. Поэтому въ царствованіе Александра I-го, въ особенности въ первую половину его, были совершены многія преобразованія, касавшіяся различныхъ отраслей законодательства. Однимъ изъ самыхъ важныхъ преобразованій этихъ представляется учрежденіе министерствъ 8-го сентября 1802 г., столѣтіе существованія которыхъ празднуется въ настоящемъ году. Законъ объ учрежденіи министерствъ былъ примѣненъ и къ военному вѣдомству, въ которомъ тогда же, въ 1802 году, было образовано министерство военныхъ сухопутныхъ силъ, устроенное на общихъ основаніяхъ, съ оставленіемъ, впрочемъ, военной коллегіи въ качествѣ подчиненнаго учрежденія. Но военное министерство получило новое устройство, на особыхъ началахъ по учрежденію 27-го января 1812 года, вслѣдствіе изданнаго одновременно съ нимъ Учрежденія

о Большой Дѣйствующей Арміи, предназначенной для организаціи войскъ во время предстоящей войны съ Франціей, при чемъ военная коллегія подверглась упраздненію. Въ то же время и соотвѣтственно съ этими преобразованіями проходили и значительныя измѣненія, касавшіяся устройства высшаго военно-судебнаго учрежденія Генераль-Аудиторіата, который, не будучи подчиненъ ни военной коллегіи, ни Военному Министру, въ 1805 году сосредоточилъ въ себѣ завѣдываніе всей военно-судной частью военного и морскаго вѣдомства. Затѣмъ съ изданіемъ Учрежденія о Большой Дѣйствующей Арміи и Учрежденія Военнаго Министерства 27-го января 1812 года, Генераль-Аудиторіатъ былъ упраздненъ и тогда же замѣненъ Аудиторіатскимъ Департаментомъ Военнаго Министерства, впоследствии (1815 г.) Главнаго Штаба Его Величества. Поэтому, обзоръ исторіи военно-судной части въ царствованіе Александра I-го можно раздѣлить, считая со дня вступленія его на престолъ 12-го марта 1801 года, во первыхъ на время, предшествовавшее изданію учрежденія Министерствъ 8-го сентября 1802 г. на послѣдующее время, которое въ свою очередь, памятнымъ 1812 годомъ дѣлится на двѣ почти равныя эпохи: первая—отъ 8-го сентября 1802 г. до 27-го января 1812 г., т. е. до изданія Учрежденія о Большой Дѣйствующей Арміи и поваго Учрежденія Военнаго Министерства и вторая—отъ 27-го января 1812 г. до кончины Императора Александра I-го, т. е. до 19-го ноября 1825 года.

ГЛАВА I.

Эпоха до учрежденія министерствъ.

Обращаясь къ исторіи военно-судной части въ царствованіе Императора Александра I-го, надо имѣть въ виду, что въ манифестѣ 12-го марта 1801 года ¹⁾ о вступленіи Его на престолъ было сказано, что Онъ будетъ «управлять по законамъ и по сердцу» покойной бабки Своей Императрицы Екатерины Великой, «коя память Намъ и всему отечеству вѣчно пребудетъ любезна». Поэтому Александръ I особыми манифестами, изданными 2-го апрѣля 1801 г. ²⁾, успѣшилъ возстановить дѣйствіе Жалованной грамоты дворянству и Городового Положенія 1785 г., отмѣненныхъ толкова-

ВОЗСТАНОВЛЕНІЕ ЖАЛОВАННОЙ ГРАМОТЫ.

¹⁾ П. С. З., Т. XXVI № 19779.

²⁾ П. С. З., Т. XXVI, №№ 19.810 и 19.811.

УНИЧТОЖЕНІЕ
ТАЙНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ.

нѣмъ, даннымъ имъ Императоромъ Павломъ, относительно того, что установленное ими освобожденіе отъ тѣлеснаго наказанія дворянъ и купцовъ 1-й и 2-й гильдіи не имѣетъ силы въ томъ случаѣ, когда лица эти подлежатъ наказанію, соединенному съ лишеніемъ ихъ званія. Затѣмъ, въ своихъ стремленіяхъ къ челоуѣколюбію и законности Александръ I пошелъ еще далѣе Екатерины II-й. Находя, что «всѣ преступленія должны быть объемлемы единою силою закона», онъ особымъ манифестомъ того же 2-го апрѣля ¹⁾ упразднилъ существовавшую со времени царствования этой Государыни Тайную Экспедицію, въ дѣлѣ которой подлежали дѣла о всѣхъ обвиняемыхъ въ преступленіяхъ государственныхъ, не исключая въ этомъ отношеніи и лицъ военнопослужащихъ. При этомъ замѣчательно, что еще ранѣе, именно черезъ три дня по вступленіи на престолъ Александра I-го, указомъ, даннымъ Сенату 15-го марта 1801 г. ²⁾, повелѣно было немедленно освободить всѣхъ лицъ, содержащихся въ заключеніи, обвиняемыхъ по распоряженію означенной экспедиціи. Впрочемъ экспедиція эта была отчасти возстановлена впоследствии въ видѣ комитета 13-го января 1807 г. ³⁾, который, однако, какъ видно изъ Высочайшаго повелѣнія 31-го января того же года, не пользовался правомъ назначенія наказаній, а долженъ былъ отсылать обвиняемыхъ въ надлежащія судебныя мѣста ⁴⁾.

ОБЛЕГЧЕНІЕ УЧАСТИ
ОСУЖДЕННЫХЪ И
НАКАЗАННЫХЪ.

Ненормальная строгость и даже произволь, проявлявшіеся нерѣдко въ отправленіи правосудія въ царствованіе Императора Павла, по причинѣ крайне раздражительнаго характера этого Государя, и значительное число случаевъ назначенія тяжкихъ наказаній, преимущественно даже офицерамъ и чиновникамъ, безъ суда, по Высочайшему усмотрѣнію, безъ подробнаго разсмотрѣнія дѣла, — заставили Александра I-го принять особыя мѣры для облегченія участи какъ осужденныхъ, такъ и подвергшихся преслѣдованію. Первоначально, на другой же день по вступленіи на престолъ Александра I-го, указомъ 13-го марта 1801 г. ⁵⁾, повелѣно было «всѣхъ выключенныхъ по сентенціи военнаго суда и безъ суда по приказамъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ считать отставленными отъ службы, и военной коллегіи по разсмотрѣнію ихъ дѣлъ и по докладу намъ снабдить ихъ надлежащими

¹⁾ П. С. З., Т. XXVI, № 19.813.

²⁾ П. С. З., Т. XXVI, № 19.784.

³⁾ П. С. З., Т. XXIX, № 22.425.

⁴⁾ Шпильдеръ. Императоръ Александръ I. Томъ II, стр. 162, 288 и 364.

⁵⁾ П. С. З., т. XXVI, № 19.782.

объ отставивъ указы . Затѣмъ того же 2-го апрѣля 1801 г. ¹⁾ появился п общій всемилоствивѣйшій манифестъ, въ которомъ о помилованіи говорилось слѣдующее: «Между преимуществами, присвоенными Намъ отъ Вышняго вмѣстѣ съ Самодержавною властью, промысломъ его святымъ на Насъ возложеннаго, пріятнѣйшее сердцу Нашему есть власть разрѣшать и облегчать судьбу нашихъ подданныхъ, заблужденіемъ, случаемъ или порочными примѣрами вовлеченныхъ въ преступленіе. Не ослабляя общей силы закона, восхотѣли Мы на сей разъ облегчить дѣйствіе его, въ твердомъ упованіи, что сей опытъ благости послужитъ къ исправленію преступившихъ и обратитъ на путь истинный съ него совратившихся. Сего ради повелѣваемъ: 1) всѣхъ находящихся теперь и до сего самаго дня подъ слѣдствіемъ и судомъ по разнымъ мѣстамъ чиновниковъ и всякаго званія людей, по дѣламъ, не заключающимъ въ себѣ важныхъ преступленій, какъ-то: смертоубійства, разбоя, лихоимства, учинить отъ суда и слѣдствія свободными. 2) Преступниковъ, содержащихся теперь и сего числа подъ стражею и осужденныхъ уже къ смертной казни, освободивъ отъ оной, сослать въ работу; кои же осуждены къ тѣлесному наказанію съ отсылкою на поселеніе или въ работу, оныхъ послать на поселеніе безъ наказанія».

По поводу всѣхъ этихъ мѣръ въ коронаціонномъ манифестѣ, 15-го сентября 1801 г. ²⁾ говорится, что «отвергнувъ ужасы Тайной Экспедиціи, Мы исторгнули изъ заклоповъ ея всѣ ея жертвы, уничтоживъ безконечныя слѣдствія и суды надъ чиновниками и всякаго званія людьми» и затѣмъ сказано далѣе объ облегченіи судьбы ихъ (наказанныхъ) «безъ ослабленія силы закона», какъ это выражено въ манифестѣ 2-го апрѣля, слова котораго приведены выше. Въ общемъ получили прощеніе всѣ лица, находившіяся въ вѣдѣніи Тайной Экспедиціи, которыхъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, было не менѣе 700 человекъ, причемъ изъ нихъ—64 военнопослужащихъ, — и возвращено изъ ссылки, принято обратно на службу и восстановлено въ правахъ состоянія, по свидѣтельству современниковъ, всего отъ 12 до 15 тысячъ человекъ ³⁾. Въ частности можно указать отдѣльные случаи помилованія военнопослужащихъ, именно: бывшего атамана Донскаго казачьяго войска генералъ-маіора Иловайскаго, находившагося въ тяжкомъ заключеніи въ Петропавловской крѣпости, затѣмъ извѣстнаго впоследствии генерала,

¹⁾ П. С. З., т. XXVI, № 19.814.

²⁾ П. С. З., т. XXVI, № 20.011.

³⁾ Шидлеръ. Императоръ Александръ I, Томъ II, стр. 15 и 36.

ПЕРЕСМОТРЪ РЪ-
ШЕННЫХЪ СУ-
ДЕБНЫХЪ ДѢЛЪ
ПРЕЖНЯГО ВРЕ-
МЕНИ.

бывшаго тогда подполковникомъ артиллеріи, Алексѣя Петровича Ермолова, сосланнаго при Павлѣ I въ г. Кострому, и бывшаго штабсъ-капитана гвардіи Кириичникова, подвергшагося наказанію шпицрутенами черезъ 1000 человѣкъ, которому Александромъ I возвращены чины и дворянское достоинство. Не довольствуясь всѣмъ этимъ, Александръ I, въ день коронаціи, учредилъ новую комиссію для общаго пересмотра уголовныхъ дѣлъ прежняго времени. Именной указъ, данный о томъ Сенату 15-го сентября 1801 г., настолько замѣчательнъ по существу и формѣ, что мы приведемъ большую часть его здѣсь, дословно ¹⁾.

«Среди всеобщаго торжества вѣрныхъ сыновъ отечества, прострая взоръ состраданія и на отпадшихъ его чадъ, винами своими отторгнувшихъ отъ нѣдръ его, но не потерявшихъ правъ чловѣчества, повелѣваемъ Правительствующему Сенату, состава изъ Сенаторовъ, самую Сенатомъ избранныхъ и на утверженіе Намъ представленныхъ, особую комиссію, поручить ей собрать свѣдѣнія, какъ въ самомъ Сенатѣ, такъ и въ мѣстахъ заточенія и ссылки, войти въ разсмотрѣніе, не найдутся ли въ числѣ потерпѣвшихъ сіе наказаніе, всякаго рода и званія людей такіе, коихъ вины неумышленны и болѣе относятся ко мнѣнію и образу мыслей того времени, нежели къ дѣламъ безчестнымъ и дѣйствительный государству вредъ наносащимъ; и ежели таковыя откроются, сочинивъ списки имъ съ означеніемъ самыхъ винъ, качества, времени и мѣста наказанія, представить Намъ на усмотрѣніе, дабы, судя по существу преступленій и понесеннаго уже ими наказанія, облегчить участь ихъ, не ослабляя силы закона и не прерывая строгаго его дѣйствія на тѣхъ, кои поступками злонамѣренными, чести и порядку противными, обратили на себя его прещеніе».

Одновременно съ изданіемъ этого указа былъ данъ именной указъ упомянутой комиссіи, въ которомъ говорится о трехъ категоріяхъ (классахъ) лицъ, подлежащихъ «составить предметъ розысканій комиссіи». Къ первой категоріи должны быть отнесены «люди, коихъ вины важны были только по обстоятельствамъ политическимъ и не предполагали впрочемъ ни умысла, ни разврата, ни безчестныхъ правилъ, ни нарушенія общаго государственнаго порядка», которые «осуждены и сосланы были, какъ преступники на вѣчное заключеніе». Сюда же отнесены лица, подвергшіяся этому наказанію собственно съ цѣлью сохраненія государственныхъ тайнъ, о чемъ въ

¹⁾ П. С. З., т. XXVI, № 20.012.

указъ сказано слѣдующее: «Часто одно безвиное и совершенно случайное прикосновеніе къ дѣлу, одинъ слухъ, одно слово, безъ намѣренія произнесенное, заставляло Правительство, при разныхъ его преобращеніяхъ, псторгать изъ общества людей невиныхъ, для того только, чтобы сокрыть свидѣтелей какого либо происшествія и предупредить самую тѣнь его послѣдствій, и Государственная тайна погрѣбалась вмѣстѣ не только со всѣми лицами, кои въ пей участвовали, но кои могли или предполагали въ пей участвовать». Вторую категорію составляли такъ называемые оскорбители Величества (прежнее «слово п дѣло»), о значеніи вины которыхъ въ указѣ говорится, что «оскорбительныя Величеству слова признаны были въ числѣ первыхъ злодѣяній, но опытъ и лучшее познаніе о началѣ преступленій показали, что мнимое сіе злодѣяніе ни что другое есть въ естествѣ своемъ, какъ сущій припадокъ заблужденія или слабоумія и что власть и величество государей, бывъ основаны на общемъ законѣ, не можетъ поколебаться отъ злорѣчія частнаго лица». Наконецъ, третью категорію должны были составить лица, совершившія «преступленія ненамѣренныя, безъ умысла, не предполагающія ни вреда государству, ни разврата въ правилахъ п правахъ, происшедшія отъ неосторожности, отъ случая, отъ сопряженія обстоятельствъ», при чемъ монархъ заявлялъ комиссіи, что «она должна принять за правило, что нѣтъ Моего намѣренія ослабить силу закона на дѣянія, ему противныя, и что считаю себя непозвоительнымъ и самый челоѣколюбивый поступокъ, когда несогласенъ онъ съ правосудіемъ, первою обязанностью Государей». Комиссія состояла изъ четырехъ сенаторовъ, подъ предсѣдательствомъ князя Куракина, ¹⁾ и дѣятельность ея, повидимому, должна была касаться не только уголовныхъ дѣлъ царствованія Павла, но и время предшествовавшихъ, столь богатыхъ «преобращеніями» (переворотами). Вскорѣ по открытіи ея дѣйствій, комиссія въ ноябрѣ 1801 г. предложила Военной Коллегіи доставить необходимыя ей свѣдѣнія объ осужденныхъ по военному вѣдомству, вслѣдствіе чего военная коллегія 22-го ноябрю постановила потребовать немедленнаго представленія этихъ свѣдѣній отъ подчиненныхъ ей мѣстъ и лицъ ²⁾. По полученіи означенныхъ свѣдѣній и собраніи ихъ въ самой военной коллегіи, она передала въ упомянутую комиссію «вѣдомости всѣмъ тѣмъ людямъ, кои 1795 года генваря съ 1 по 12 марта

¹⁾ Козодавлева, Новосильцева и Макарова.

²⁾ П. С. З., т. XXVI, № 0.056.

1801 года по преступленіямъ своимъ были подѣ судомъ...», т. е. относящаяся почти исключительно ко времени царствованія императора Павла ¹⁾. Въ виду того, что важнѣйшія военно-уголовныя дѣла объ офицерахъ и пикетныхъ чинахъ изъ дворянъ, приговоры по которымъ представлялись на Высочайшее усмотрѣніе, въ то время были изъяты изъ вѣдѣнія военной коллегіи и съ 24 января 1797 года подлежали предварительному разсмотрѣнію Генераль-Аудиторіата, то учрежденіе это въ началѣ 1802 года возбудило вопросъ относительно того, распространяется ли пересмотръ прежнихъ уголовныхъ дѣлъ комиссіей на дѣла о лицахъ военнослужащихъ ²⁾, вслѣдствіе чего, по представленію о томъ комиссіи, 31-го марта 1802 г., ³⁾ Императоръ положилъ резолюцію, что сила указа 15-го сентября 1801 г. и обязанность ея, комиссіи, «простирается на людей всякаго рода и званія, а потому и дѣла сужденныхъ по военной части должны войти въ ея разсмотрѣніе»; для лучшаго же выполненія обязанностей комиссіи въ этомъ отношеніи въ составъ ея были назначены генераль-аудиторъ, генераль-майоръ князь Салаговъ. Впрочемъ, пересмотръ прежнихъ военно-судныхъ дѣлъ былъ начатъ раньше учрежденія комиссіи 15-го сентября 1801 года и производился самостоятельно, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 20-го іюня 1801 г. ⁴⁾. Пересмотръ этотъ былъ возложенъ на генераль-аудитора, который обязанъ былъ «о тѣхъ, кои окажутся безвинными и кои судьба отягощена болѣе мѣры преступленія, подать Его Императорскому Величеству съ мнѣніемъ его доклады, сколько когда уснѣть можно, стараясь поспѣшить избавленіемъ виновныхъ и облегчить судьбы прочихъ», причемъ нѣкоторые дѣла были уже разсмотрѣны и рѣшены до коронаванія 15-го сентября 1801 г. Къ тому же дню коронаванія предположено было обнародовать «всемилюбовѣйшую грамоту, жалующую русскому народу» ⁵⁾, заключающую въ себѣ торжественное обѣщаніе Государя, между прочимъ. относящееся къ судебной части, какъ напримѣръ: что обвиняемый, пока онъ не осужденъ по законному приговору, долженъ сохранять всѣ свои права, что подвергшійся задержанію, не будучи представленъ въ теченіе 3-хъ дней въ судъ для допроса, можетъ требовать немедленнаго освобожденія, что каждому подсудимому дозволяется имѣть

ПРОЕКТЪ ВСЕМИ-
ЛЮБИВѢЙШЕЙ
ГРАМОТЫ.

¹⁾ Арх. Гл. В.-С. Упр., Дѣло о чиновникахъ 1801 г.

²⁾ Ibidem.

³⁾ П. С. З. т. XXVII, № 20.206.

⁴⁾ А. Г. В.-С. У., Дѣло о чиновникахъ, тамъ же.

⁵⁾ Шпльде ръ. Императоръ Александръ I. Томъ II, стр. 76.

защитника, что никто не может быть вторично потребованъ къ суду за такое преступленіе, за которое онъ былъ уже однажды судомъ оправданъ и т. п. Проектъ означенной грамоты былъ составленъ, по порученію Государя, извѣстнымъ поклонникомъ англійскихъ порядковъ графомъ Александромъ Романовичемъ Воронцовымъ, по образцу англійскаго Habeas Corpus, съ примѣсью французскихъ началъ революціоннаго времени. Изъ числа указанныхъ въ грамотѣ правъ: допущеніе защитника и непоколебимость оправданія были осуществлены отчасти, какъ мы увидимъ ниже, въ Уставѣ Полевого Судопроизводства 1812 г. для военныхъ судовъ въ военное время, а остальные—большею частью лишь въ судебныхъ уставахъ 20-го ноября 1864 года и въ Военно-Судебномъ Уставѣ 15-го мая 1867 года.

Наконецъ, уже вскорѣ послѣ коронованія, именно 27-го сентября *отмѣна пытки* 1801 года, появился знаменитый указъ объ отмѣнѣ пытки¹⁾. Онъ имѣлъ, несомнѣнно, обязательное значеніе для военнаго вѣдомства, хотя и былъ изданъ вслѣдствіе возмутительнаго злоупотребленія пыткой въ гражданскомъ вѣдомствѣ. Какой-то мѣщанинъ, подозрѣваемый въ совершеніи поджоговъ, часто происходившихъ въ то время въ г. Казани, и вслѣдствіе вынужденнаго пыткой признанія,—которое онъ впоследствии не подтверждалъ, а всячески отрицалъ,—былъ присужденъ и подвергнутъ тяжкому тѣлесному наказанію окончившемуся его неминуемою смертью, что и оказалось по разслѣдованіи, произведеннымъ довереннымъ отъ Государя лицомъ (флигель-адъютантомъ Альбедилемъ). По этому поводу былъ изданъ упомянутый Указъ, которымъ предписано «сдѣлать повсемѣстно по всей Имперіи пастрожайшія подтвержденія, чтобъ нигдѣ, ни подъ какимъ видомъ, ни въ нижнихъ, ни въ высшихъ Правительствахъ и судахъ, никто не дерзалъ ни дѣлать, ни допускать, ни исполнять никакихъ истязаній, подъ страхомъ неминуемаго и строгаго наказанія»; затѣмъ устанавливается обязательное отобраніе отъ обвиняемыхъ подписокъ въ томъ, что во время слѣдствія они не были подвергнуты пристрастнымъ допросамъ и выражено желаніе, «чтобы, наконецъ, самое названіе пытки, стыдъ и укоризну челоуѣчеству наносящее, изглажено было навсегда изъ памяти народной».

Что касается узаконеній и распоряженій, специально касающихся отправления военнаго правосудія въ началѣ царствованія Александра I-го, то надо имѣть въ виду, что будучи еще наследникомъ престола,

*УЗАКОНЕНІЯ ПО
ВОЕННО-СУДНОЙ
ЧАСТИ.*

¹⁾ П. С. З., т. XXVI, № 20.022.

Онъ, въ качествѣ начальника Петербургской дивизіи, при утвержденіи, по предоставленной ему власти, приговоровъ о нижнихъ чинахъ, старался всегда, на сколько возможно, уменьшать наказанія, избѣгая, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, назначать наказанія шшицрутенамъ въ большемъ количествѣ ударовъ, что видно изъ сохранившихся въ военныхъ архивахъ дѣлъ того времени.¹⁾ Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по вступленіи на престолъ, 8 декабря 1801 г.²⁾, Государь повелѣлъ сообщить всѣмъ инспекторамъ войскъ, чтобы «при случающихся экзекуціяхъ находился полковой лѣкарь, который, какъ скоро замѣтитъ во время наказанія, что преступникъ положеннаго числа ударовъ перенести не можетъ, тотчасъ бы экзекуцію остановивъ, взялъ бы его въ полковую госпиталь для пользованія; когда же оный выздоровѣетъ, то для точнаго выполненія сентенціи военного суда, сдѣлано бы было означенному преступнику вторичное наказаніе, при коемъ также наблюдать, что и при первомъ разѣ». Въ связи съ этимъ, повидимому, находится указъ, послѣдовавшій 18 января 1802 года³⁾ относительно воспрещенія военнымъ судамъ въ приговорахъ о тѣлесномъ наказаніи кнутомъ прибавлять выраженіе «нещадно», по примѣру чего, 10-го сентября 1808 г.,⁴⁾ было постановлено и для гражданскаго вѣдомства, но съ воспрещеніемъ прибавлять также и выраженіе «жестоко», что было принято впоследствии на практикѣ и въ военномъ вѣдомствѣ. Подобное постановленіе имѣло важное значеніе, такъ какъ, при опредѣленіи наказанія кнутомъ съ упомянутыми прибавками, наказаніе это, по своей тяжести, рѣдко бывало равносильно засѣченію. Наконецъ, нѣкоторое отношеніе къ вопросу о тѣлесныхъ наказаніяхъ имѣетъ, изданный для военнаго вѣдомства, Высочайше утвержденный докладъ Генераль-Аудитора князя Салагова, 18-го іюля 1802 года⁵⁾ касательно отбѣны закованія въ желѣза офицеровъ и нижнихъ чиновъ изъ дворянъ, что производилось относительно всѣхъ осужденныхъ къ смертной казни, согласно I-й части Военскаго устава Петра Великаго, въ которомъ объ нихъ сказано: «таковыхъ тотчасъ же сковать, какого бы рангу ни были, дабы не ушелъ». Отбѣна закованія въ желѣза для означенныхъ лицъ, объясняется въ докладѣ тѣмъ, что оно, по Кратк. изобр. проц., принадле-

¹⁾ Гл. В.-С. У., Часть журнальная, Высочайшія конфирмаціи 1797—1801 г.

²⁾ П. С. З., т. XXVI № 20.070.

³⁾ П. С. З., т. XXVII, № 20115.

⁴⁾ П. С. С., т. XXX, № 23.279.

⁵⁾ П. С. З., т. XXVII, № 20.335.

жить къ числу наказаній тѣлесныхъ, отъ которыхъ, по жалованной грамотѣ 1785 г., всѣ дворяне должны быть избавлены; между тѣмъ, потому, что «военный судъ не есть разрѣшеніе вины, а осужденіе по всей строгости закона», онъ обязательно долженъ былъ примѣнять строгія постановленія Воинскаго Артикула, угрожающія смертною казною за многія преступленія, въ такихъ случаяхъ, когда они не заслуживаютъ столь строгаго наказанія, какъ напримѣръ, ввали въ преступленіе отъ непредвидѣннаго стеченія обстоятельствъ, отъ неосмотрительности (въ караулѣ), «отъ недоразумѣній воинской дисциплины или шалости по молодымъ лѣтамъ» и т., п. «по не отъ злаго умысла». Поэтому, Генераль-Аудиторъ полагаетъ: «не отягчая судьбы несчастнымъ», и вмѣстѣ съ тѣмъ «чтобы никто не надѣялся избѣгнуть правосуднаго воздаянія», постановить, что осужденныхъ къ смертной казни офицеровъ и нижнихъ чиновъ изъ дворянъ содержать «подъ строгимъ карауломъ», но безъ закованія въ желѣза, исключая, однако, военного времени, когда «военная осторожность столь нужна», что принятіе на этотъ счетъ мѣръ предоставляется усмотрѣнію Главнокомандующаго. Наконецъ, ко времени до учрежденія Министерствъ 8 сентября 1802 года, относится также указъ военной коллегіи 28-го апрѣля 1802 года¹, въ которомъ говорится, что многія военно-судныя дѣла производятся «съ крайнимъ небреженіемъ», при чемъ рѣшенія основываются перѣдко на одномъ лишь показаніи подсудимыхъ, безъ его провѣрки, вслѣдствіе чего военная коллегія предписываетъ инспекторамъ войскъ имѣть наблюденіе за военно-судными комиссіями и за неисполненіе указа грозитъ строгою отвѣтственностью не только аудиторамъ, но и членамъ этихъ комиссій.

ГЛАВА II.

Эпоха отъ учрежденія министерства военныхъ сухопутныхъ силъ 8 сентября 1802 г. до новаго образованія военнаго министерства 27 января 1812 года.

Въ это время, относительно законовъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ военнотружущихъ были изданы отдѣльныя узаконенія касательно строгой наказуемости «ослушанія начальству» и «нарушенія вѣрности и присяги»,

ИЗМѢНЕНІЕ НАКАЗУЕМОСТИ НѢКОТОРЫХЪ ПРЕСТУПЛЕНІЙ.

¹) П. С. З., т. XXVII, № 20.250.

за которых могла быть назначена смертная казнь безъ замѣны ея другими наказаніями. Это было установлено сначала для земскаго войска (милиціи), созваннаго въ 1806 году, о чемъ сказано въ Манифестѣ о созывѣ этого войска (милиціи) отъ 30-го ноября (3 декабря) того года и въ Высочайшей Инструкціи Главнокомандующимъ земскимъ войскомъ области, отъ 20 декабря того же года.¹⁾ Тоже самое повторено, со ссылкой на упомянутый Манифестъ 1806 года, въ Высочайшемъ Указѣ, данномъ 20-го января 1808 года²⁾, генералу графу Буксгевдену, командовавшему войсками во время войны въ Финляндіи.

Наконецъ, смертная казнь была опредѣлена закономъ за военную измѣну, совершаемую нижними чинами войскъ, находившихся въ Новороссійскомъ краѣ, подъ начальствомъ генерала герцога («дюка») Ришелье. Въ Высочайшемъ повелѣніи, данномъ ему 11-го мая 1811 года³⁾, было сказано: «По дальнѣйшимъ свѣдѣніямъ, что вѣранныхъ Вамъ войскъ, расположенныхъ на Кубанской границѣ, нижніе чины нерѣдко дезертируютъ за границу къ Черкесамъ и служатъ имъ проводниками при переправахъ для хищничества, повелѣваю вамъ, къ отвращенію сего зла, впредь всѣхъ такихъ дезертировъ, кои будутъ отъ черкесовъ выкупаемы или доставятся по условію, судить военнымъ судомъ, и по конфирмаціи вашей, не представляя въ Генераль-Аудиторіатъ, разстрѣливать при собраніи нарочитаго числа войскъ, въ примѣръ прочимъ, и по исполненіи такового наказанія доносить мнѣ».

Затѣмъ, въ Высочайше утвержденномъ докладѣ Министра Военныхъ Сухопутныхъ силъ 18-го октября 1806 года⁴⁾ о рѣшеніи дѣлъ о преступленіяхъ нижнихъ чиновъ не изъ дворянъ, между прочимъ, установлена менѣе строгая отвѣтственность, чѣмъ прежде за наиболѣе распространенныя преступления: побѣги и кражи, а именно: за первый побѣгъ или маловажную кражу въ первый разъ на сумму не болѣе 20 рублей (на ассигнаціи)—наказаніе шпицрутенами отъ 500—1500 ударовъ; за второй побѣгъ, вторую кражу или же на сумму болѣе 20 рублей—тоже наказаніе до 3000 ударовъ и за совершеніе побѣговъ не болѣе какъ въ пятый разъ,—то же наказаніе не болѣе 5000 ударовъ, между тѣмъ, какъ по Военскому арти-

¹⁾ П. С. З., Томъ, XXX № 22374 гл. III, п. 20 и № 22405 п. 4.

²⁾ П. С. З., Томъ, XXX. № 22794.

³⁾ П. С. З., т. XXXI, № 24.628.

⁴⁾ П. С. З., т. XXIX, № 22322.

кулу за первый побѣгъ положена была смертная казнь всѣмъ, кромѣ рекрутъ, а за кражи въ первый и во второй разъ—шпицрутены въ огромномъ количествѣ 6 и 12 тысячъ ударовъ, а за большую кражу, на сумму болѣе 20 рублей—даже смертная казнь.

Съ другой стороны продолжая борьбу съ побѣгами нижнихъ чиновъ, отъ которыхъ страдали всегда наши войска, мѣрами строгости, въ указѣ 2-го августа 1810 года ¹⁾ говорилось, что нѣкоторые изъ нижнихъ чиновъ, подвергнушіеся за побѣги неоднократно наказанію и оставшіеся по-прежнему въ полкахъ, не только не исправляются сами, но еще подговариваютъ къ побѣгамъ «въ нравахъ неспорченныхъ молодыхъ солдатъ». Вслѣдствіе этого предписывается главнымъ начальникамъ войскъ, утверждая приговоры по упомянутому закону 18-го октября 1806 г. и обращая ихъ къ исполненію, представлять объ означенныхъ нижнихъ чинахъ въ военную коллегію «для немедленнаго ихъ опредѣленія въ отдаленные гарнизоны; но дабы таковыя преступники, по третичному уже наказанію, не были терпимы въ обществѣ добрыхъ солдатъ, содержать ихъ до полученія указа изъ коллегіи и до самаго отправленія изъ полка подъ арестомъ». Почти къ тому же времени относится появленіе уклоненія отъ военной службы въ видѣ явнаго отказа отъ исполненія служебныхъ обязанностей, по причинѣ принадлежности къ сектѣ духоборовъ. Какъ видно изъ указа Императора Павла, отъ 28 августа 1799 года, ²⁾ «гнусная секта» эта, не признающая Верховной власти, «издавна въ Россіи умы и сердца развращающая, открывшаяся въ Новороссійскомъ краѣ», обратила тогда на себя вниманіе Правительства и когда «наикротчайшія мѣры» не подѣйствовали, то указомъ этимъ участники ея были признаны «недостойными ношады» и повелѣно было всѣхъ ихъ въ числѣ 31 человека сослать въ Екатеринбургъ вѣчно на работу въ рудникахъ, «содержа ихъ всѣхъ скованными и употребляя въ наитягчайшія работы», чтобы они «возчувствовали, что суть на землѣ власти, Богомъ опредѣленные, на твердую защиту добрыхъ, злѣдѣямъ неподобнымъ на страхъ и наказаніе». При Александрѣ I, въ 1809 году, возникъ вопросъ объ отвѣтственности духоборовъ «изъ уральскихъ преступниковъ, сосланныхъ на службу въ Кіевскій гарнизонный полкъ», изъ числа которыхъ рядовые: Сумкинъ, Рыкуновъ и Скачковъ, «по духоборческой своей ереси, не принимаютъ амуниціи,

УКЛОНЕНИЕ ОТЪ
СЛУЖБЫ.

¹⁾ П. С. З., т. XXXI, № 24.312.

²⁾ П. С. З., т. XXV, № 19.097.

провіанта и не хотять отправлять службы», вслѣдствіе чего указомъ, даннымъ Военной Коллегіи, отъ 23-го сентября 1809 г. ¹⁾ предписывается, «чтобы во-первыхъ внушена имъ была важность дѣлаемаго слушанія, за которое, подобно прочимъ, упорствовавшимъ Уральцамъ, подвергаются они каторжной работѣ. Во вторыхъ, ежели и послѣ сего упорствовать они будутъ въ своемъ мнѣніи, то поступить сходно представленію Генераль-Аудитора, отославъ ихъ на Нерчинскіе заводы въ работу». Затѣмъ Указомъ 15 ноября 1810 года ²⁾, объявленнымъ Генераль-Аудитору, вслѣдствіе увеличенія числа «нижнихъ чиновъ, впадшихъ въ духоворство», повелѣно тѣхъ изъ нихъ, «которые за всѣми убѣжденіями съ духовной стороны останутся во мнѣніи своемъ непреклонными, судить за непризнаніе надъ собою Верховной власти» и «чтобы Генераль-Аудиторіатъ, по окончаніи разсмотрѣнія дѣлъ, представлялъ объ нихъ съ заключеніемъ своимъ на Высочайшее усмотрѣніе».)

ЗАКОНЫ О СУДО-
УСТРОЙСТВѢ.

Въ первую половину царствованія Александра I-го относительно судоустройства узаконенія касаются главнымъ образомъ измѣненій въ организаціи учреждений, которымъ была ввѣрена высшая ревизія приговоровъ военныхъ судовъ, при чемъ надо имѣть въ виду, что пзданіе Учрежденія Министерствъ 8-го сентября 1802 года, ³⁾ повлекшее за собою образованіе министерства военныхъ сухопутныхъ силъ, не имѣло особеннаго значенія въ этомъ отношеніи, такъ какъ военная коллегія осталась по прежнему, хотя и была подчинена министерству военныхъ сухопутныхъ силъ, а Генераль-Аудиторіатъ по закону не былъ поставленъ въ зависимость отъ означеннаго министра. На военную коллегію, какъ мы видѣли, были возложены ревизія и окончательное утвержденіе приговоровъ о нижнихъ чинахъ не изъ дворянъ, подлежащихъ вмѣсто смертной казни замѣняющимъ ее наказаніямъ. Хотя находившаяся въ составѣ военной коллегіи Аудиторская экспедиція, вскорѣ по учрежденіи Генераль-Аудиторіата въ 1797 году, была упразднена, но она появилась вновь и существовала въ 1802 году, что видно изъ постановленія военной коллегіи отъ 15 февраля того же года «о порядкѣ производства (въ коллегіи этой) дѣлъ, росписанія ихъ по экспедиціямъ и вообще о должности канцелярскихъ чиновъ» 15 февраля 1802

¹⁾ П. С. З., Т. XXX, № 23856.

²⁾ Св. Узак. по в. с. части, ч. II, отд. 1 стр. 186.

³⁾ П. С. З., Т. XXVII, № 20406.

года ¹⁾, при чемъ упомянутая экспедиція находилась тогда въ вѣдѣніи аудитора (VII класса Бухало) и подъ ближайшимъ наблюдениемъ одного изъ членовъ военной коллегіи (генераль-маіора Христовскаго). Предметы вѣдомства ея были:

1-е, О исполненіи по Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Конфирмаціямъ, палагаемымъ на выпискахъ, кои отъ Генераль-Аудитора подносины бывають, и всякія по онымъ взысканія.

2-е, По всѣмъ фергерамъ и крѣгсехтамъ о нижнихъ чинахъ, отъ рѣшенія Коллегіи зависящимъ, и по всѣмъ слѣдственнымъ дѣламъ, присылаемымъ въ Коллегію отъ всѣхъ воинскихъ командъ, также по жалобамъ и представленіямъ на всѣхъ регулярныхъ войскъ служителей, относительно произведенія допросовъ, слѣдствій и суда.

3-е, О всѣхъ вступающихъ разными случаями подложно въ службу и о присылаемыхъ изъ всѣхъ мѣстъ бѣглыхъ воинскихъ и впадающихъ въ продерзости разныхъ чинахъ, для опредѣленія въ службу и учиненія по указамъ; также всѣ справки, принадлежація къ судебнымъ и слѣдственнымъ дѣламъ.

4-е, Собраніе отъ всѣхъ регулярныхъ и нерегулярныхъ войскъ статейныхъ объ арестантахъ списковъ и разсмотрѣніе оныхъ.

На Генераль-Аудиторіатъ единоличнаго состава, со времени его учрежденія въ 1797 году, возлагалась ревизія слѣдственныхъ и военно-судныхъ дѣлъ объ офицерахъ и нижнихъ чинахъ изъ дворянъ, представляемыхъ на Высочайшее усмотрѣніе, а также, какъ было сказано раньше, на немъ лежало и наблюдение за скорымъ производствомъ военно-судныхъ дѣлъ, давать наставленія военно-суднымъ комиссіямъ, въ случаѣ встрѣченныхъ ими затрудненій относительно примѣненія законовъ, учрежденіе этихъ комиссій по дѣламъ о лицахъ, предаваемыхъ военному суду Высочайшею властью, и переписка по исполненію Высочайшихъ конфирмацій.

Въ концѣ 1805 года появились Правила новаго образованія Генераль-Аудиторіата, вмѣстѣ съ Высочайше утвержденнымъ 8-го сентября того года докладомъ Комитета, которымъ они были составлены ²⁾. Какъ видно изъ этого доклада, означенный Комитетъ, руководствуясь «человѣколюбивыми намѣреніями» Государя «доставить всевозможныя средства къ оправданію,

НОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ГЕНЕРАЛЬ-АУДИТОРИАТА.

¹⁾ М. О. О. А. Г. III. Опис. 125, св. 23, № 3.

²⁾ П. С. З. Томъ XXVIII, № 21.904.

отвратить пристрастие и неправоe применение законов», находилъ неудобнымъ оставлять собственно на «одномъ лицѣ Генераль-Аудиторѣ» исполненіе указанныхъ выше важныхъ и сложныхъ обязанностей, лежащихъ по закону на Генераль-Аудиторіатѣ, которому, согласно Высочайшему повелѣнію, слѣдовало предоставить еще и окончательную конфирмацію приговоровъ въ тѣхъ случаяхъ, когда она принадлежала военной коллегіи. Вслѣдствіе этого и имѣя въ виду, что въ судахъ гражданского вѣдомства принято за правило, чтобы дѣла разсматривались въ трехъ инстанціяхъ, что и въ дѣлахъ военныхъ судовъ, сколь возможно, должно быть соблюдаемо, Комитетомъ предположено придать Генераль-Аудиторіату коллегіальное устройство, применительно къ тому, которое установлено Кратк. изобр. проц. для генеральнаго военного суда. На такое рѣшеніе вопроса могло оказать вліяніе и преобразование подобнаго рода, совершенное незадолго передъ тѣмъ въ Пруссіи ¹⁾, по образцу которой былъ учрежденъ Генераль-Аудиторіатъ въ 1797 году; кромѣ того, несомнѣнно, что въ этомъ отношеніи Комитетъ долженъ былъ руководствоваться опытомъ, который былъ сдѣланъ за годъ передъ тѣмъ въ морскомъ вѣдомствѣ, въ которомъ для ревизіи военно-судныхъ дѣлъ, подлежащихъ разрѣшенію властью Адмиралтействъ-коллегіи, при ней, по закону 12-го іюля 1804 года ²⁾, учрежденъ былъ «генеральный кригсрехтъ», т. е. генеральный военный судъ, который былъ оставленъ и послѣ преобразованія управленія морскимъ вѣдомствомъ («Морскимъ Департаментомъ») по закону 2-го апрѣля 1805 года ³⁾, «до будущаго о томъ постановленія». Генеральный кригсрехтъ этотъ состоялъ подъ предсѣдательствомъ, такъ называемаго, непремѣннаго члена, который долженъ былъ имѣть наблюденіе за скорымъ производствомъ всѣхъ военно-судныхъ дѣлъ морскаго вѣдомства. Въ помощь непремѣнному члену былъ приданъ особый Генераль-Аудиторъ-Лейтенантъ, и ему непосредственно подчинялись всѣ аудиторы морскаго вѣдомства. Съ новымъ образованіемъ Генераль-Аудиторіата, согласно упомянутому Высочайше утвержденному докладу 8-го сентября 1805 года, генеральный кригсрехтъ при Адмиралтействъ-Коллегіи былъ упраздненъ, такъ какъ въ Генераль-Аудиторіатѣ были переданы дѣла, по которымъ приговоры подлежали прежде окончательному утвержденію какъ военной, такъ и адмиралтействъ-коллегіи.

¹⁾ Friccius, Geschichte des deutschen Kriegsrechts, стр. 221.

²⁾ П. С. З. Томъ XXVIII, № 21396.

³⁾ П. С. З. Томъ XXVIII, № 21699.

Такимъ образомъ, въ Генераль-Аудиторіатѣ, по закону 8 сентября 1805 г., сосредоточилось завѣдываніе всей военно-судною частью въ военномъ и морскомъ вѣдомствахъ, и онъ былъ поставленъ, по правамъ, наравнѣ съ коллегіями, подчиняясь притомъ только Сенату и Государю Императору. На основаніи Правиль новаго образованія, Генераль-Аудиторъ былъ Президентомъ Генераль-Аудиторіата, по вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ руководствоваться постановленіями о своей должности главы 24-й первой части Воинскаго Устава Петра Великаго. Затѣмъ въ составъ Генераль-Аудиторіата входило шесть членовъ, изъ нихъ два генерала отъ военного вѣдомства, два генерала отъ морскаго вѣдомства и два военныхъ совѣтника. Для надзора за дѣлопроизводствомъ въ Генераль-Аудиторіатѣ, въ качествѣ директора канцеляріи его, полагался Генераль-Аудиторъ-Лейтенантъ, въ чинѣ отъ 8-го до 6-го класса, который долженъ былъ «изъ чиновниковъ наипаче искусныхъ въ правовѣдѣніи». Въ помощь ему назначается шесть оберъ-аудиторовъ, въ чинахъ отъ 9-го до 7-го класса, причемъ два—по дѣламъ арміи, а два—по дѣламъ флота; а въ помощь каждому оберъ-аудитору полагалось имѣть по два аудитора, въ чинахъ отъ 13-го до 8-го класса. Главная обязанность Генераль-Аудиторіата состояла въ ревизіи дѣлъ. При производствѣ этой ревизіи дѣль, если Генераль-Аудиторіатъ найдетъ дѣло недостаточно полнымъ, то собираетъ самыя нужныя свѣдѣнія или отсылаетъ дѣло обратно для дополненія; въ случаѣ признанія того, что приговоръ постановленъ неправильно, Генераль-Аудиторіатъ, не возвращая дѣла, самъ исправляетъ приговоръ установленнымъ порядкомъ. Вообще Генераль-Аудиторіатъ рѣшаетъ дѣла по существующимъ законамъ коллегіально, по большинству голосовъ; относительно опредѣленія наказанія, онъ полагаетъ свое мнѣніе, не ослабляя силы закона и, принявъ во вниманіе причины, вовлекшія въ преступленіе, прежнія заслуги, «безпорочную жизнь» и «доброе поведеніе виновнаго», «въ преступленіяхъ не столь важныхъ», смягчаетъ слѣдующее ему по закону строгое наказаніе и «предоставляетъ участь его Монаршему милосердію». Генераль-Аудиторіатъ постановляетъ самыя окончательныя приговоры о шибшихъ чинахъ не изъ дворянъ и обращаетъ приговоры эти къ исполненію черезъ Военную коллегію; по дѣламъ же объ офицерахъ и нижнихъ чинахъ изъ дворянъ онъ, согласно жалованной грамотѣ, представляетъ отъ себя доклады Государю Императору и по воспомощствованіи Высочайшей конфирмаціи, сообщаетъ ее для исполненія въ военную коллегію или въ адмиралтействъ-

коллегію. Кромѣ того, Генераль-Аудиторіатъ, подобно тому, какъ и прежде, долженъ былъ имѣть наблюденіе за скорымъ производствомъ военно-судныхъ дѣлъ и давать поставленія военно-суднымъ комиссіямъ, въ случаѣ встрѣченныхъ имъ затрудненій; затѣмъ, важная обязанность Генераль-Аудиторіата состояла въ назначеніи военно-судныхъ комиссій по дѣламъ о лицахъ, предаваемыхъ суду по Высочайшимъ повелѣніямъ, не только генераловъ и полковниковъ, какъ это было до 1797 года, но и всѣхъ прочихъ штабъ и оберъ-офицеровъ, за исключеніемъ случаевъ, когда власть преданія ихъ суду предоставлялась нѣкоторымъ инспекторамъ войскъ. Такою властью, какъ видно, напримѣръ, изъ указа 1 апрѣля 1809 г.¹⁾, пользовались: генералы: князь Прозоровскій, Тормасовъ, Кюрррингъ, князь Волконскій и Глазенапъ, по о преданіи суду офицеровъ должны были немедленно доносить Государю и увѣдомлять Генераль-Аудиторіатъ. Наконецъ, на Генераль-Аудиторіатъ, согласно правилъ новаго образованія его 8-го сентября 1805 года, была возложена обязанность установить при немъ обученіе молодыхъ людей для приготвленія ихъ въ аудиторы, чему, впрочемъ, было положено начало при прежнемъ Генераль-Аудиторіатѣ 8-го августа 1801 года, какъ о томъ будетъ сказано ниже. На основаніи же Высочайше утвержденного 8-го сентября 1805 года доклада, Генераль-Аудитору лично поручалось, для единообразнаго производства слѣдственныхъ и военно-судныхъ дѣлъ, составить такъ называемую «форму или обрядъ суда» и представить ее на Высочайшее усмотрѣніе, чего, насколько извѣстно, долгое время исполнено не было²⁾.

УПРОЩЕННОЕ
СУДОПРОИЗВОД-
СТВО.

Всѣ приговоры военныхъ судовъ о нижнихъ чинахъ не изъ дворянъ, за исключеніемъ смертныхъ, которые представлялись на окончательную конфирмацію сначала въ военную коллегію, а съ 1805 года — въ Генераль-Аудиторіатъ, — утверждались инспекторами войскъ. Съ установленіемъ въ 1805 году дѣленія войскъ на бригады, дивизіи и корпуса, подчиняемая иногда главнокомандующимъ, относительно рѣшенія дѣлъ о преступленіяхъ нижнихъ чиновъ не изъ дворянъ, былъ изданъ законъ 18-го октября 1806 года³⁾. По этому закону, имѣя въ виду, что представленіе приговоровъ объ упомянутыхъ нижнихъ чинахъ на окончательное утвержденіе къ главному начальнику, соответствующему Инспектору войскъ, по командѣ, чрезъ

¹⁾ П. С. З., Томъ XXX, № 23558.

²⁾ А. Г. В.-С. У., Дѣло о чиновникахъ, 1812 г.

³⁾ П. С. З., Томъ XXIX, № 22322.

посредство нѣсколькихъ указанныхъ воинскихъ начальниковъ, «потребуется уже болѣе прежняго времени, а между тѣмъ виновные въ такихъ преступленіяхъ, кои не подвергаются имъ по закону строгому наказанію и не требуютъ дальнѣйшихъ изысканій, оставались бы долго подъ карауломъ и не только сами не несли никакой службы, но и отвлекали отъ оной и употребляемыхъ къ присмотру за ними; а какъ сверхъ сего обстоятельства, во всякомъ случаѣ наказаніе, слѣдующее тотчасъ за преступленіемъ, почитается между весьма сильными средствами къ удержанію другихъ подвергаться оному», то, подобно упомянутымъ прежде законамъ 25-го іюня 1779 года¹⁾ и 15-го декабря 1796²⁾ года, закономъ 18-го октября 1806 г. принимается мѣры къ ускоренію производства дѣлъ, въ особенности мало-важныхъ и «не требующихъ дальнихъ справокъ». Поэтому, означеннымъ закономъ постановлено: во-первыхъ—по дѣламъ о первыхъ побѣгахъ и мало-важныхъ кражахъ на сумму не болѣе 20 рублей (на ассигнаціи), совершенныхъ въ первый разъ, военно-судныхъ комиссій не наряжать, а установленъ былъ какъ бы особый сокращенный порядокъ суда. Порядокъ этотъ состоятъ въ томъ, что обвиняемый допрашивался въ этихъ случаяхъ аудиторомъ (а за неимѣніемъ послѣдняго—старшимъ въ полку писаремъ), въ присутствіи штабъ-офицера и двухъ оберъ-офицеровъ, послѣ чего протоколъ допроса этого, вмѣстѣ съ справкой ротнаго командира о поведеніи обвиняемаго, должны были быть представлены непременно въ течение сутокъ къ шефу полка. Означенный начальникъ долженъ былъ представить дѣло къ бригадному командиру, который, «по внимательномъ разсмотрѣніи причины къ побѣгу, времени, какое въ ономъ находился, сноса и утраты казенныхъ вещей», опредѣляетъ ему наказаніе отъ 500 до 1,500 ударовъ и приказываетъ привести его въ исполненіе въ полку. Во-вторыхъ,—въ случаѣ совершенія преступленій болѣе важныхъ или сложныхъ полагается назначать для суда надъ обвиняемымъ военно-судную комиссію, причемъ за второй побѣгъ, хотя бы онъ явился изъ него добровольно, а кражу, совершенную во второй разъ или на сумму болѣе 20 руб. (на ассигнаціи), приговоръ представляется черезъ шефа полка къ бригадному командиру, а отъ послѣдняго къ дивизионному командиру, каждый разъ съ мнѣніемъ этихъ начальниковъ. Дивизионный же командиръ, если признаетъ,

¹⁾ П. С. З., т. XX, № 14889.

²⁾ П. С. З., т. XXIV, № 17649.

2

что виновный не заслуживаетъ болѣе строгаго наказанія, то опредѣляетъ ему наказаніе шпиретенами не болѣе 3000 ударовъ и обращаетъ приговоръ къ исполненію. Если же совершены имъ побѣгъ, не болѣе какъ въ пятый разъ или какое либо другое преступленіе особенной важности, то приговоръ представляется также, по командѣ, на утвержденіе «Главкома-мандующаго генералитета» (т. е. Главкомандующаго или командира корпуса), который опредѣляетъ наказаніе шпиретенами не болѣе 5000 уда-
 3

ровъ. Въ третьихъ — въ Генераль-Аудиторіатъ представляютъ, съ мнѣніемъ военныхъ начальниковъ, приговоры военно-судныхъ комиссій къ смертной казни или къ наказаніямъ ее замѣняющимъ, или когда подсудимые признапы виновными, «хотя и не въ столь важныхъ, но во многихъ однакожъ преступленіяхъ, за которыя уже наказываны и прочными въ службѣ въ войскѣ быть не могутъ». Наконецъ, въ четвертыхъ — о всѣхъ наказаніяхъ, назначенныхъ по конфирмаціямъ военныхъ начальниковъ, они обязаны до-
 4

нести военной коллегіи.

РАСШПРЕНІЕ
ПРАВЪ ПО КОН-
ФИРМАЦІИ ПРИ-
ГОВОРОВЪ.

Впрочемъ, вскорѣ послѣ начала у насъ войны, послѣ войны 1805 г., Главкомандующіе стали пользоваться относительно преданія суду и конфирмаціи приговоровъ весьма обширными правами, даже касательно назначенія смертной казни по власти, имъ предоставляемой особыми указами. Такъ впервые власть эта была предоставлена Главкомандующимъ земскимъ войскомъ (милиціи) каждой области, состоявшей изъ нѣсколькихъ губерній, въ 1806 г. Въ манифестѣ «объ образованіи милицій» 30 поября (3 декабря) по этому поводу сказано:

«Всѣ сіи мѣры для успѣшнаго исполненія требуютъ строжайшаго повиновенія и порядка, и малѣйшее ослушаніе начальству, обращаясь ко вреду общему, заслуживаетъ скорое и строгое наказаніе; то въ отвращеніе сего зла, угрожающаго всеобщемъ потрясеніемъ Имперіи, Главкомандующему дается черезъ сіе власть арестовать и предавать военному суду каждаго ослушника и нарушителя вѣрности и присяги (которая особенно для сего войска дана будетъ) и приговоры военного суда немедленно исполняемы будутъ, хотя бы оныя касались лишенія живота» ¹⁾.

О томъ же говорится въ Высочайшей Инструкціи Главкомандующему земскимъ войскомъ, отъ 20 декабря 1806 года, слѣдующее:

¹⁾ П. С. З. Томъ XXIX, № 22374, Гл. III, п. 20.

«Въ случаѣ нарушенія порядка и спокойствія, гдѣ обыкловенныя мѣры полицейскаго и судебного дѣйствія признаете вы недостаточными къ скорому ускромленію ослушныхъ, и гдѣ найдете вы нужнымъ дать примѣръ строгости, и въ самомъ корнѣ отсѣчь покушенія непокорности, Мы облекаемъ васъ властію, взявъ виновныхъ подъ стражу, предать ихъ военному суду, наблюдая его краткость, ему свойственную; и приговоръ сего суда по утвержденію вашему немедленно исполнить, хотя бы касался онъ лишенія живота»¹⁾).

Затѣмъ, въ Высочайшемъ Указѣ отъ 30-го января 1808 г., даннымъ на имя генерала графа Буксегвдена, командовавшаго войсками во время войны въ Финляндіи, говорится слѣдующее:

«Указомъ Моемъ 20 сего мѣсяца (января 1808 г.), давъ вамъ полную власть на соблюденіе порядка дисциплины и спокойствія въ войскахъ, начальству вашему порученныхъ, Я, для вящаго въ томъ успѣха и чтобы всякій противозаконный поступокъ не только тотчасъ искореняемъ былъ, но наказаніе служило бы въ примѣръ и другимъ, новелѣваю въ законныхъ случаяхъ, ежели бы они послѣдовали, согласно данной власти областнымъ начальникамъ манифестомъ моимъ 3 декабря 1806 г. изданнымъ, арестовать и предавать военному суду каждаго ослушника и нарушителя вѣрности и присяги, и приговоры военного суда немедленно исполнить, хотя бы оны касались лишенія живота»²⁾).

Почти одинаковая власть была дана, какъ мы видѣли выше, въ Высочайшемъ повелѣніи 11-го мая 1811 г. генералу герцогу (дюку) Ришелье, командовавшему войсками въ Новороссійскомъ краѣ, относительно назначенія смертной казни нижнимъ чинамъ, совершившимъ побѣги къ черкесамъ,—по съ тою разницею, что герцогъ Ришелье, по исполненіи смертныхъ приговоровъ этихъ, обязанъ былъ доносить о томъ Государю.

Вслѣдствіе замѣченнаго военной коллегіей обстоятельства, что во многихъ мѣстахъ, вопреки постановленіямъ Краткаго изображенія процессовъ, въ составѣ военно-судныхъ комиссій находятся офицеры, остающіеся въ ихъ ностоянно, безъ перемѣны,—указомъ 14-го августа 1802 года³⁾, въ интересахъ строевой службы, предписано было назначать презуса и ассесоровъ для разсмотрѣнія каждаго дѣла особо.

¹⁾ П. С. З. Томъ XXIX № 22405, Гл. I, п. 4.

²⁾ П. С. З., Томъ XXX, № 22794.

³⁾ П. С. З., Т. XXVII, 20370.

ПОЛОЖЕНИЕ
АУДИТОРОВЪ.

Полковые или просто аудиторы по табели о рангахъ были оставлены безъ всякаго чина, кромѣ аудиторомъ въ артиллеріи, и хотя съ тѣхъ поръ, въ теченіе XVIII столѣтія за ними признавался иногда чинъ подпоручика, по ихъ не повышали болѣе при нахожденіи въ должности аудитора, причемъ, для полученія дальнѣйшаго движенія въ чинахъ, они переводились въ строй или въ гражданское вѣдомство. При Павлѣ I дозволено было производить аудиторовъ, по представленію генераль-аудиторіата, повидному, какъ бы только за отличіе и притомъ лишь въ чины гражданскіе не выше титулярнаго совѣтника.

Въ царствованіе Александра I-го, еще 21 іюля 1802 года¹⁾, повелѣно было производить аудиторовъ въ провинціальныя секретари, т. е. XIII классъ, потомъ въ губернскіе секретари и т. д., по выслугѣ въ каждомъ оберъ-офицерскомъ чинѣ 3 лѣтъ, такъ что аудиторы получили гражданскіе чины, и для ихъ установлено производство за выслугу лѣтъ, причемъ — чинъ аудитора собственно какъ бы приравнялся только къ чину XIV-го класса (равнаго прапорщику). Во всеподданнѣйшемъ докладѣ генераль-аудитора князя Салагова, поданномъ 22-го января 1804 г.²⁾ объ аудиторахъ, «дабы точное положеніе имѣть о семъ чинѣ, ибо по разнымъ стеченіямъ обстоятельствъ дошло, что нельзя утвердительно полагать, въ какомъ классѣ вновь производимый аудиторъ долженъ, состоять» послѣ обзорнія положенія аудиторовъ со времени учрежденія у насъ этой должности, говорится, что аудиторы должны быть «люди способные и добросовѣстные» и «отъ аудитора весьма требуется доброе искусство въ правахъ, слѣдовательно нужно, чтобы былъ въ семъ званіи человекъ съ чувствами, который бы дорожилъ своею честью». «Онъ же (аудиторъ) притомъ всегда при полку находится во всѣхъ его движеніяхъ въ походѣ, а производство аудиторахъ назначено по статской службѣ, въ табели же о рангахъ сказано, что воинскіе чины выше прочихъ, то при всѣхъ отличіяхъ и способностяхъ, избираемый въ аудиторы унтеръ-офицеръ, лишается сего преимущества, котораго онъ надѣялся бы достигнуть по фронтовой службѣ». Въ заключеніе генераль-аудиторъ спрашивалъ только разрѣшенія считать аудиторовъ въ чинѣ XIII-го класса (т. е. равнаго чину провинціального секретаря) и производить черезъ 3 года въ чины до титулярнаго совѣтника, а въ дальнѣй-

1) П. С. З. Томъ XXVII, № 20. 20337.

2) П. С. З., Томъ XXVIII, № 21134.

шемъ повышеіи (т. е. въ штабъ-офицерскіе чины) «соображаться» съ узаконеніями о чиновникахъ статской службы, что и было Высочайше утверждено. По закону 9-го іюня 1804 г.¹⁾ производство аудиторомъ въ чинъ VIII-го класса, т. е. коллежскаго ассессора, предоставлявшій въ то время потомственное дворянство, допускалось пенначе, какъ по прослуженіи въ чинѣ титулярнаго совѣтника, для дворянъ—не менѣе 4 лѣтъ, а для не дворянъ—не менѣе 8 лѣтъ, но съ обязательнымъ переводомъ затѣмъ на соответствующую должность въ гражданское вѣдомство. Впрочемъ, вскорѣ дозволено было производить въ коллежскіе ассессоры, съ оставленіемъ въ должности, аудиторомъ, служащихъ въ генераль-аудиторіатѣ (по штату его 8-го сентября 1805 г.), въ полкахъ гвардіи (25-го января 1808 г.), при корпусныхъ командирахъ (1-го апрѣля 1808 г.) и при ордопансѣ-гаузахъ (6-го августа 1809 г.²⁾). Переводъ аудиторомъ въ строевые офицеры былъ ограниченъ (7-го марта 1808 г.³⁾ тѣмъ, что допускался только для лицъ, которыя до производства своего въ аудиторы пробыли въ строевой службѣ не менѣе 12 лѣтъ. Съ назначеніемъ аудиторамъ съ 1802 г. гражданскихъ чиновъ низшихъ классовъ (XIII—IX), не дающихъ правъ дворянства, положеніе ихъ еще болѣе понизилось, вслѣдствіе чего, подобно тому, какъ было сказано въ указѣ Петра III-го 1-го апрѣля 1762 г.—при Александрѣ I, 1-го сентября 1803 г.⁴⁾ постановлено, что «въ званіе аудиторомъ—дворянъ представлять не слѣдуетъ», что и соблюдалось до тѣхъ поръ, пока недостатокъ въ аудиторахъ не заставилъ правительство принять всякаго рода мѣры для привлеченія въ эту должность въ 1809—1816 годахъ, какъ о томъ будетъ сказано ниже.

Аудиторы высшихъ званій, которымъ, по табели о рангахъ, были назначены военные чины: Генераль-Аудитору—подполковника, Генераль-Аудиторъ-Лейтенанту—маіора и оберъ-аудитору—капитана, перѣдко во второй половинѣ XVIII-го столѣтія получали военные чины даже выше тѣхъ, которые имъ были положены. Назначеніе гражданскихъ чиновъ для простыхъ (полковыхъ) аудиторомъ повлекло за собою установленіе гражданскихъ чиновъ, но только среднихъ классовъ, для высшихъ аудиторскихъ званій, собственно для оберъ-аудиторомъ и Генераль-Аудиторъ-Лейтенантовъ,

¹⁾ П. С. З., Томъ XXVII, № 21341.

²⁾ П. З., С. Томъ, XXVIII, № 21904; т. XXX, № 22781, 22939, 23772.

³⁾ П. С. З., Томъ XXX, № 22876.

⁴⁾ П. С. З., Томъ XXVII, 20929.

пополняемыхъ большею частью изъ числа простыхъ аудиторовъ. По Штату 8-го сентября 1805 года, при Генераль-Аудиторіатѣ, Генераль-Аудиторъ-Лейтенанты полагаются въ чинахъ 9—7 классовъ, а оберъ-аудиторы—въ чинахъ 8—6 классовъ. По закону же 1 апрѣля 1808 г.¹⁾ это было принято для оберъ-аудиторовъ, состоявшихъ при дивизионныхъ и корпусныхъ командирахъ, и Генераль-Аудиторъ-Лейтенантовъ, состоящихъ при Главнокомандующемъ арміей.

При Павлѣ I первымъ генераль-аудиторомъ и предсѣдателемъ Генераль-Аудиторіата съ 1797 года былъ членъ военной коллегіи генераль-лейтенантъ князь И. А. Шаховской, а сверхъ того былъ назначенъ также Генераль-Аудиторомъ принятый вновь на службу генераль-маіоръ князь Салаговъ, оба лица генеральскихъ чиновъ и пзвѣстныхъ фамилій. Но въ 1800 году послѣдовало увольненіе отъ этой должности князя Шаховского, послѣ чего князь Салаговъ²⁾ оставался одинъ Генераль-Аудиторомъ въ царствованіе Александра I, въ Генераль-Аудиторіатѣ, какъ стараго устройства 1797 года, такъ и новаго устройства 1805 года, до замѣны Аудиторіата Аудиторіатскимъ департаментомъ въ концѣ разсматриваемой эпохи въ 1812 году, о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже.

Обязанности аудиторовъ за эту эпоху не измѣнились и на полковыхъ аудиторахъ лежать попрежнему обязанности по хозяйственной части, что видно изъ указа 2 апрѣля 1802 года³⁾, по которому въ гарнизонныхъ полкахъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ батальоновъ и имѣющихъ только казначея и аудитора, пріемъ и раздача провіанта возлагался на аудитора, очевидно, вмѣсто квартирмистра, а при отсутствіи аудитора—на казначея.

По вопросу о содержаніи, получаемомъ аудиторами, имѣется любопытный документъ—всеподданнѣйшій докладъ Генераль-Аудитора князя Салагова отъ декабря (непзвѣстнаго числа) 1803 года⁴⁾, относительно «крайней скудости» содержанія лицъ, служащихъ на аудиторскихъ должностяхъ въ самомъ Генераль-Аудиторіатѣ. Какъ сказано о томъ въ докладѣ, лица эти, получая жалованіе меньше того, которое опредѣлено для соотвѣтствующихъ должностей по новымъ штатамъ Военнаго Министерства,—

¹⁾ П. С. З., т. XXX, № 22.933.

²⁾ Кн. Шаховской былъ произведенъ въ генераль-отъ-инфантеріи (1799 г.), а кн. Салаговъ назначенъ сенаторомъ (1800 г.) оставаясь оба въ своихъ должностяхъ (см. приложение).

³⁾ П. С. З., т. XXVII, № 20.215.

⁴⁾ Арх. Гл. В.-С. Упр., Дѣло о чиновникахъ, 1803 г.

со времени издачія указа 4-го августа 1802 года, объ уравненіи городскихъ повинностей, — лишились квартиръ, отводимыхъ имъ прежде отъ города, вслѣдствіе чего, при дороговизнѣ жизни въ Петербургѣ, «на одинъ паемъ квартиръ издерживаютъ такое число денегъ, что въ содержаніи себя и своихъ семействъ претерпѣваютъ совершенную бѣдность». Между тѣмъ должность ихъ такова, что «не разбирается никакихъ праздничныхъ дней» и отъ этихъ лицъ требуется «при всѣхъ трудахъ» «опытность и въ законахъ совершенное знаніе, при благородномъ и честномъ поведеніи и особая склонность къ храненію тайны, на коихъ возможно было надѣяться». При такомъ положеніи служащихъ въ Генераль-Аудиторіатѣ аудиторскихъ чиновъ, какъ говорится далѣе, «новыхъ, достойныхъ къ опредѣленію въ него не отыскивается, ежели-жъ со стороны обученныхъ и способныхъ не принимать, то не только сіе мѣсто (т. е. Генераль-Аудиторіатъ), но и полки не будутъ имѣть достойныхъ аудиторовъ, поелику въ теченіе времени не безызвѣстно Вашему Величеству, что изъ Генераль-Аудиторіата много ихъ опредѣлено, нынѣ же отвлекаетъ ихъ недостаточное положеніе въ семь мѣствъ содержаніе». Поэтому Генераль-Аудиторъ всеподданнѣйше проситъ «возврътніа на сихъ трудящихся неусынно» и чтобы «изъ Высочайшаго милосердія» повелѣно было «назначить къ отпуску сколько-нибудь суммы ежегодно для пріохочиванія ихъ къ пріобрѣтенію знанія и дабы оная по трудамъ и заслугамъ каждаго къ подкрѣпленію ихъ жизни по разсмотрѣнію Генераль-Аудитора выдаваема была». Вслѣдствіе этого доклада послѣдовало Высочайшее повелѣніе отпустить изъ суммъ Кабинета Его Величества, для выдачи служащимъ въ Генераль-Аудиторіатѣ, на текущій 1804 годъ — три тысячи рублей, что видно изъ отзыва въ оный Кабинетъ Генераль-Аудитора князя Салагова, отъ 21-го января 1804 года. Въ выдачѣ означенной суммы, вѣроятно, не представилось надобности, съ изданіемъ новаго штата Генераль-Аудиторіата 8-го сентября 1805 года, по которому содержаніе служащимъ въ немъ значительно увеличено, а Генераль-Аудиторъ-лейтенанту и оберъ-аудиторамъ назначены квартирные деньги.

Все производство военного суда въ дѣйствительности лежало на аудиторахъ, вслѣдствіе чего, для успѣшнаго отправленія военного правосудія, они, какъ выражается Кратк. изобр. процессовъ, должны были быть «искусными въ правахъ и подлежить имъ быть добрыми юристами», а по мнѣнію, высказанному Генераль-Аудиторомъ Центаровымъ въ 1746 году,

*ПРИГОТОВЛЕНІЕ
АУДИТОРОВЪ.*

аудиторамъ слѣдовало бы знать и иностранныя артикулы воинскіе. Сначала, какъ мы видѣли, составъ аудиторовъ пополнялся иностранцами, но въ слѣдствіи Петръ Великій пробовалъ въ 1719 году обучать аудиторовъ изъ дворянскихъ недорослей при Подрядной канцеляріи и посылать ихъ даже за границу, но по малой пригодности для обученія этихъ дворянскихъ юношей того времени, означенная попытка никакаго успѣха не имѣла. Въ Шляхетномъ корпусѣ полагалось преподавать юридическія свѣдѣнія для подготовки къ исполненію высшихъ аудиторскихъ должностей, даже должности Генераль-Аудитора, но объ опредѣленіи воспитанниковъ его на службу по этой части никакихъ свѣдѣній не имѣется. Незавидное служебное положеніе простыхъ аудиторовъ и немаловажная трудность ихъ обязанностей повели къ тому, что было немного лицъ, желавшихъ занимать эту должность: поэтому пришлось пополнять составъ аудиторовъ писарями и унтеръ-офицерами, производимыми изъ солдатскихъ дѣтей, получившихъ большую часть образованіе въ устроенныхъ въ 1732 году гарнизонныхъ школахъ. Подобное образованіе для аудиторовъ было далеко недостаточнымъ, на что обратилъ вниманіе Генераль-Аудиторъ князь Салаговъ, который еще въ докладѣ своемъ, отъ 8-го августа 1801 года¹⁾, подашомъ въ Военную коллегію, говоритъ, что въ полкахъ «нерѣдко бывасть нужда къ избранію на тѣ вакансіи (аудиторовъ) и берутся изъ фрунтовыхъ не только не привыкшіе и не пріобщенные, но и неспособные, отчего не только медленности въ теченіи дѣлъ, но и важныя упущенія бывають», вслѣдствіе чего, избравъ по приказанію вице-президента военной коллегіи (будущаго перваго изъ Министровъ Военныхъ Сухопутныхъ силъ генераль-лейтенанта Вязмитинова) изъ военно-спротскаго дома, повидимому, изъ дѣтей офицеровъ, десять человекъ для опредѣленія ихъ аудиторъ-юнкерами, въ соотвѣтствіе, вѣроятно, съ коллегіи-юнкерами изъ молодыхъ дворянъ, получившихъ образованіе въ коллегіяхъ,—князь Салаговъ полагаетъ имѣть ихъ «таковое число всегда въ комплектъ при Генераль-Аудиторіатѣ» и чтобы поступали въ него «выбираемые изъ того же дома вольноопредѣляющіеся просящіе, но способные для пріобученія съ молодыхъ лѣтъ къ производству судныхъ и слѣдственныхъ дѣлъ», при чемъ на содержаніе ихъ испрашивалось по 150 рублей на cadaго.

Означенный докладъ Генераль-Аудитора былъ представленъ Государю *

¹⁾ А. Г. В.-С. У., Дѣло о чиновникахъ, 1797—1807 гг. Св. 1, № 20, 7 и 8

вице-президентомъ военной коллегіи, который объявилъ Высочайшую волю относительно того, чтобы, «выбравъ воспитанниковъ, приучать ихъ по знанію правъ и законовъ и по производству судовъ», по именовать ихъ, однако, «званіемъ канцелярскихъ служителей» и производить ихъ, начиная съ званія кописта, въ губерскіе регистраторы (неклассный чинъ), изъ которыхъ они могутъ быть представляемы въ аудиторы. Объ этой первой попыткѣ приготовленія аудиторомъ при высшемъ военномъ судѣ, сдѣланной въ XIX столѣтіи, при Александрѣ I, еще до учрежденія Министерствъ 1802 года, неизвѣстно почему, не упоминается впоследствии въ официальныхъ свѣдѣніяхъ по этому предмету, какъ напримѣръ, въ приводимой ниже запискѣ Министра Юстиціи «О мѣрахъ къ образованію для арміи аудиторомъ» 1815 года, хотя несомнѣнно она была принята въ 1801 году, такъ какъ имѣется даже списокъ назначенныхъ въ Генераль-Аудиторіатъ 10-ти воспитанниковъ сиротскаго дома ¹⁾.

Повидимому, попытка эта оказалась неудачною, вѣроятно, въ виду отсутствія въ послѣдующіе годы воспитанниковъ, желающихъ этого назначенія, вслѣдствіе того, что служба въ строю была легче и давала болѣе преимуществъ, чѣмъ аудиторская, въ особенности для нихъ, какъ сыновей офицеровъ, получавшихъ образованіе, равное образованію въ кадетскихъ корпусахъ. Кроме того, какъ видно изъ свѣдѣній, сообщенныхъ въ упомянутомъ выше всеподданнѣйшемъ докладѣ Генераль-Аудитора князя Салагова, поданномъ въ декабрѣ 1803 года, что при Генераль-Аудиторіатѣ получали подготовку къ аудиторской должности лица, обученныя и къ ней способныя, причемъ ихъ было выпущено въ полки «немалое число». Въ разсмотрѣнномъ выше Высочайше утвержденномъ докладѣ Комитета относительно новаго образованія Генераль-Аудиторіата 8-го сентябрю 1805 г., въ пунктѣ 39, говорилось: «Поелику должность аудиторская требуетъ не только искусства въ производствѣ судныхъ и слѣдственныхъ дѣлъ, но и знанія государственныхъ узаконеній, то для обученія къ таковымъ дѣламъ опредѣлять способныхъ молодыхъ людей по разсмотрѣнію Генераль-Ауди-

¹⁾ Списокъ назначеннымъ изъ военно-сиротскаго дома въ аудиторскій юнкера (А. Г. В.-С. У., Дѣло о чиновникахъ, 1797 г.):

Петръ Москвинъ.	Петръ Чирковъ.
Василій Курносовъ.	Петръ Шишкинъ.
Матвѣй Андреевъ.	Николай Яковлевъ.
Александръ Полонскій.	Егоръ Буторинъ.
Степанъ Петровскій.	Иванъ Медвѣдевъ.

тора изъ вольноопредѣляющихся и разночинцовъ и имѣть ихъ всегда при семь судѣ 15 человекъ, употребляя ихъ къ перепискѣ бумагъ и, по мѣрѣ успѣховъ въ познаніи дѣлъ, представлять на мѣста аудиторомъ, какъ въ семь судѣ, такъ и въ полкахъ». Въ штатѣ же Генераль-Аудиторіата означенные молодые люди названы писцами и имъ опредѣлено содержаніе въ размѣрѣ 300 рублей въ годъ. Но и эта попытка приготовления аудиторомъ успѣха не имѣла, между тѣмъ, какъ съ 1805 года Россіи пришлось вести непрестанныя войны, вслѣдствіе чего, съ увеличеніемъ числа войскъ, потребность въ аудиторахъ все возрастала и явился недостатокъ не только въ ихъ качествѣ, но даже въ количествѣ оныхъ. Ощутительная надобность въ аудиторахъ заставила всемогущаго Военнаго Министра, генерала графа Аракчеева, обратиться для ихъ пополненія къ содѣйствию Министерства Юстиціи и войти съ нимъ на этотъ счетъ въ предварительное соглашеніе. Вслѣдствіе чего 20-го сентября 1809 года¹⁾, на имя Министра Юстиціи князя Лопухина послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ, въ которомъ говорилось: «Для наполненія мѣстъ аудиторскихъ, при разныхъ полкахъ открывающихся, поручаю Вамъ, согласно предположенію Вашему, приславъ надежныхъ чиновниковъ, опредѣлять ихъ первоначально сверхъ штата въ канцелярію Уголовнаго Сената департамента, откуда, по сношенію съ Вами Военнаго Министра, и будутъ они въ аудиторы назначаемы». «Вы не оставите, сказано далѣе, употреблять ихъ къ дѣламъ по усмотрѣнію вашему, дабы образовались они и приобрѣтали навыкъ къ производству дѣлъ судебныхъ, сообразно ихъ назначенію». На жалованье этихъ обучающихся повелѣно было отпускать ежегодно отъ Военнаго Министерства въ распоряженіе Министра Юстиціи 2,000 рублей, для распределенія между ними этой суммы, «по ихъ трудамъ и заслугамъ»²⁾. Вслѣдствіе этого Министромъ Юстиціи было предписано: четыремъ оберъ-прокурорамъ двухъ уголовныхъ департаментовъ Сената, которые были въ Петербургѣ (5-й и 6-й), состоявшіе каждый изъ двухъ отдѣленій, прислать таковыхъ лицъ для приготовленія въ аудиторы изъ числа какъ служащихъ, такъ и неслужащихъ въ этихъ департаментахъ чи-

¹⁾ П. С. З., т. XXX, № 23.805.

²⁾ Любопытныя свѣдѣнія по этому предмету найдены нами въ Сенатскомъ Архивѣ по указанію сенатора Г. К. Рѣпинскаго, помѣстившаго замѣтку въ Журналѣ Министерства Юстиціи, 1897 № 10 (стр. 222—228), подъ названіемъ «Сенатская канцелярія, какъ аудиторская школа».

новниковъ и канцелярскихъ служителей, объявивъ имъ, что при опредѣленіи въ аудиторы, они получаютъ офицерскій чинъ. Кроме того, относительно обученія было сказано, что оно должно состоять не въ занятіи перепискою, но въ сочиненіи записокъ изъ уголовныхъ и слѣдственныхъ дѣлъ, съ приведеніемъ «приличныхъ къ тому законовъ».

Затѣмъ Министръ Юстиціи предписалъ 5 октября 1809 г. оберъ-прокурорамъ объ употребленіи «всевозможнаго старанія пріохочивать молодыхъ людей» къ поступленію для приготовленія въ аудиторы. Съ особеннымъ усердіемъ отнесся къ этому дѣлу оберъ-прокуроръ 1-го отдѣленія 5-го департамента Хитрово, составившій въ самое короткое время «Правила, конми руководствоваться для пріуготовленія въ канцеляріи 5-го департамента канцелярскимъ служителямъ къ должности аудиторской»¹⁾, въ которыхъ говорится о лицахъ, подлежащихъ пріему, ихъ обученіи, испытаніи и награжденіи чинами и деньгами. Затѣмъ, относительно вызова желающихъ поступить для приготовленія въ аудиторы, Хитрово вошелъ въ сношеніе со всѣми оберъ-прокурорами Сената и Петербургскимъ губернаторомъ и сдѣлалъ даже публикацію въ вѣдомостяхъ. Не находя достаточнаго числа подходящихъ для того лицъ, онъ, съ цѣлью «пріохотить» кого либо изъ служащихъ въ его вѣдѣніи канцелярскихъ служителей, приказалъ всѣмъ имъ заниматься вмѣстѣ съ приготовляющимися къ аудиторской должности «чтеніемъ законовъ, относящихся до сей должности, въ томъ мнѣніи, что они, пользуясь симъ занятіемъ, станутъ вмѣстѣ съ тѣмъ измѣрять и силы свои противу обязанностей аудитора, о конхъ они при семъ получаютъ свѣдѣніе, и если найдутъ въ себѣ надежду къ достиженію способностей, потребныхъ для исполненія оныхъ обязанностей, то смѣлѣ рѣшятся избрать аудиторское званіе»²⁾.

Упомянутыя мѣры, предложенныя Хитрово, примѣнялись имъ не только въ 1-омъ отдѣленіи 5-го департамента, но и во 2-омъ отдѣленіи онаго, съ согласія оберъ-прокурора его — князя Мещерскаго. Когда же вскорѣ послѣ этого, вслѣдствіе настоятельныхъ требованій Военнаго Министерства относительно доставленія необходимыхъ ему аудиторовъ, Министръ Юстиціи предписалъ оберъ-прокурорамъ 5 и 6-го департаментовъ «усугубить старанія о принсканіи желающихъ опредѣлиться въ это званіе», указывая этимъ лицамъ, что при назначеніи аудиторами они получаютъ офицерскій чинъ и если

¹⁾ См. Приложенія.

²⁾ Сенат. Арх., Дѣло Мин. Юст., 1809 г., № 103.

такихъ лицъ будетъ мало, то заставлятъ всѣхъ канцеляристовъ, подканцеляристовъ и копистовъ (подобно тому, какъ это дѣлалъ Хитрово), «приучаться къ сочиненію записокъ и читать имъ два раза въ недѣлю военный артикулъ въ особено-назначенномъ мѣстѣ»¹⁾, то на это оберъ-прокуроръ 1-го отдѣленія 6-го департамента, Шетневъ, который заявлялъ прежде о томъ, что будетъ «всемирно стараться» искать молодыхъ дворянъ, желающихъ быть аудиторами, — допелъ, что только одинъ коллежскій регистраторъ изъявилъ желаніе на этотъ счетъ, при чемъ онъ, Шетневъ, полагаетъ, что это зависитъ «не отъ одного произвольнаго нехотѣнія посвятить себя на службу въ званіи аудиторовъ», но потому, что они «чувствовали себя далеко неспособными къ тому новому, для нихъ необыкновенному и совсѣмъ неизвѣстному имъ роду служенія, ибо подканцеляристы и кописты суть ни что другое, какъ писцы, которые и при усердѣйшемъ исправленіи сихъ существенныхъ должностей своихъ едва успѣвать могутъ переписывать бумаги, а затѣмъ, по непрерывному теченію дѣлъ не остается уже времени и возможности писцамъ тѣмъ заниматься сочиненіемъ каковыхъ либо бумагъ, а паче немаловажныхъ, которыя долговременнаго навыка, опытности и познаній довольныхъ требуютъ». Касательно же канцеляристовъ говорилось, что они «не въ состояніи заниматься производствомъ дѣлъ, по вытѣямъ исправляемыхъ», и прибавляетъ, что «когда же симъ неопытнымъ людямъ поручать сочиненіе записокъ, то чрезъ сіе продлится только время и произойдти остановка можетъ въ докладѣ по дѣламъ». Что же касается чтенія канцелярскимъ служителямъ военнаго артикула, то Шетневъ писалъ, «что и сіе чтеніе для нихъ не предполагаетъ ожидаемой пользы, потому, во 1-хъ, что оно будетъ дѣлано для людей, не имѣющихъ желанія и склонности вступить въ аудиторы, и во 2-хъ, что чрезъ сіе отвлекаемы только будутъ они отъ существенныхъ ихъ должностей»²⁾.

Число поступавшихъ въ Сенатъ для приготовленія въ аудиторы было сравнительно съ потребностью въ нихъ весьма не велико, многіе поступали только для полученія впоследствіи чина, по оказывались вовсе непригодными къ этому званію и просили объ увольненіи сами, и несмотря на то, что обученіе продолжалось иногда даже только около мѣсяца, въ теченіе трехъ лѣтъ выпущено было въ аудиторы всего не болѣе 30 человекъ.

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Замѣтка Г. К. Рѣпинскаго, стр. 225.

Осенью 1811 года, когда уже готовились къ борьбѣ съ Наполеономъ, на запросъ Военнаго Министра, генерала Баркляя-де-Толли, относительно скорѣйшаго пополненія недостатка въ аудиторахъ, Министръ Юстиціи, отзывомъ 17-го октября 1811 г. за № 6000 ¹⁾, отвѣтилъ, что «таковыхъ чиновниковъ, кои могли бы быть опредѣлены на аудиторскія вакансіи, теперь нѣтъ и не готовятся; ибо желающіе хотя вызывани были чрезъ публикаціи, но никто не явился. Такимъ образомъ, всѣ пріисканія и обученія лицъ для опредѣленія на аудиторскія должности, несмотря на все стараніе исполнителей, не имѣли успѣха, при чемъ новая попытка на этотъ счетъ была сдѣлана опять при Сенатѣ въ послѣдствіи, въ 1816 году, какъ мы увидимъ ниже.

Военная подсудность, которая, кромѣ лицъ военнослужащихъ, рас-
пространялась по прежнему, со времени Елизаветы Петровны, на чиновъ
горнаго вѣдомства, получившихъ военные чины и званія въ 1760 году, въ
рассматриваемую эпоху царствованія Александра I-го была установлена
вполнѣ также и для чиновъ вѣдомства Путей Сообщенія, когда ему было
дано военное устройство въ видѣ особаго корпуса въ 1810 году ²⁾. Наконецъ
относительно порядка производства дѣлъ за это время, по докладу Генера-
ль-Аудитора 1 ноября 1803 года ³⁾, былъ изданъ законъ собственно для
военнаго вѣдомства—объ ограниченіи случаевъ содержащихъ подъ арестомъ
состоящихъ подъ судомъ или слѣдствіемъ офицеровъ. Въ докладѣ было
сказано, что такъ какъ назначеніе слѣдствія или суда по дѣламъ объ офи-
церахъ, со времени изданія указа Императора Павла 29 января 1798 года,
предоставляется единственно Высочайшему усмотрѣнію, по начальнику
войскъ, донося о преступленіяхъ офицеровъ, подвергаютъ ихъ собственною
властью аресту, но, имѣя въ виду, что дѣла судебныя производятся иногда
весьма долгое время, то обвиняемый «претерпѣваетъ нѣкоторымъ обра-
зомъ наказаніе», а случаются даже такія дѣла, когда подсудимому полага-
ется арестъ менѣе продолжительный, чѣмъ тотъ, который онъ понесетъ,
будучи арестованъ во время производства дѣла. Поэтому было повелѣно
содержать подъ арестомъ обвиняемыхъ офицеровъ лишь въ томъ случаѣ,
когда о томъ будетъ сказано въ Высочайшемъ повелѣніи о преданіи ихъ
суду или когда военный судъ, признавъ ихъ виновными въ военномъ пре-

УЗАКОНЕНІЯ О
ПОДСУДНОСТИ.

О ПОРЯДКѢ ПРО-
ИЗВОДСТВА ДѢЛЬ.

¹⁾ Сен. Арх. Дѣло Мин. Юст., 1811, № 2, л. 7.

²⁾ П. С. З., т. XXXI. № 24.356.

³⁾ П. С. З., XXVII, № 21.024.

ступленіи, постановить объ арестованіи его, чтобы осужденный, какъ говорить Кратк. изобр. проц., «вѣдая о сентенціи, не ушелъ», при чемъ, однако, какъ сказано въ упомянутомъ выше, изданномъ еще до учрежденія министерствъ, указъ 18 іюня 1802 года, обвиняемый офицеръ все-таки не можетъ быть подвергнутъ закованію въ желѣза, равносильному наказанію тѣлесному.

ВЫВОДЫ. Такимъ образомъ, на основаніи всего вышесказаннаго относительно эпохи царствованія императора Александра I до 27 января 1812 года, можно придти къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Мѣры, принятыя правительствомъ относительно облегченія участи осужденныхъ вообще и въ предшествующее учрежденію министерствъ время въ частности, сводились къ слѣдующему: возстановленіемъ дѣйствія Жалованной грамоты, Городового положенія и др. законовъ лица привилегированныхъ сословій были изъяты отъ тѣлеснаго наказанія и значительно облегчена тяжесть и характеръ самаго наказанія.

2) Вслѣдствіе наступленія періода войнъ, потребовавшихъ даже созыва ополченій, въ военно-судебной практикѣ число случаевъ назначенія и исполненія смертной казни безъ замѣны ея другими наказаніями, по конфирмаціямъ главнокомандующихъ, пользовавшихся особыми полномочіями, значительно увеличилось.

3) Генераль-Аудиторіатъ получилъ коллегіальное устройство и сосредоточилъ въ себѣ завѣдываніе всей судною частью военнаго и морского вѣдомствъ, оставаясь независимымъ отъ военнаго министра учрежденіемъ, при чемъ къ нему окончательно перешла власть утвержденія приговоровъ, принадлежавшая прежде военнои и адмиралтействъ-коллегіямъ.

4) Съ цѣлью ускоренія производства военно-судныхъ дѣлъ было предоставлено право конфирмаціи приговоровъ многимъ военнымъ начальникамъ, начиная съ бригаднаго командира и выше, при чемъ для дѣлъ мало-важныхъ установленъ особый сокращенный порядокъ суда.

5) Положеніе аудиторовъ опредѣлилось въ томъ только отношеніи, что они могли получать гражданскіе чины, выше тѣхъ ранговъ, которые были положены по Табели о рангахъ, и пользоваться правомъ производства за выслугу лѣтъ.

6) Попытка приготовленія аудиторовъ была сдѣлана сначала при Ге-

пераль-Аудиторіатъ, а затѣмъ, вслѣдствіе неудачи ея, — при Уголовныхъ Департаментахъ Сената въ Петербургѣ, въ вѣдѣніи Министерства Юстиціи.

7) Военная подсудность распространилась на получившій военное устройство Корпусъ инженеровъ путей сообщенія.

8) Отмѣнено закованіе въ желѣза для приговоренныхъ судомъ къ смертной казни офицеровъ и нижнихъ чиновъ изъ дворянъ и ограничены случаи предварительнаго ареста для обвиняемыхъ офицеровъ.

Н. Самокишъ..

П Р И Л О Ж Е Н І Я .

I.

Засѣданія Военной Комиссіи 1755 г.

3 мая, среда.

Слушали планъ о воинскомъ процессѣ.

4 мая, четвергъ.

Во время присутствія слушали по плану о военномъ артикулѣ и имѣли разсужденіе на какомъ основаніи оному быть.

5 мая, пятница.

Тоже.

10 мая, среда.

Тоже.

15 мая, понедѣльникъ.

Слушана полученная главнаго комиссаріата изъ комиссій оберъ-штеръ-кригсъ-комиссара Зыбина справка, которою требовано, об.-аудиторъ Рубцовъ котораго мѣсяца и числа въ комиссію явился; а по справкѣ въ комиссіи означенной оберъ-аудиторъ явился минувшаго апрѣля 20 числа и находится при сочиненіи Военнаго Артикула и процесса.

7 іюня, пятница.

Слушанъ указъ, полученный изъ Военной коллегіи о апробованномъ въ той коллегіи военнымъ артикулу и процессу плану и о сочиненіи по оному настоящихъ пунктовъ и при томъ сообщена записка, что еще по разсужденію коллежскому къ тому артикулу и процессу и куда пристойно дополнить надлежитъ. Приказано: по оному плану, артикулу и процессу надлежащія пункты сочинять, а при томъ на основаніи полученной записки дополнить по нижеслѣдующему комисскому разсужденію, что куда слѣдуетъ, и о томъ съ сего журналу и съ записки къ надлежащему исполненію дать копіи.

Что по разсмотрѣнію Государственной Военной Коллегіи въ планахъ воинскихъ процессахъ и артикулахъ исправить и пополнить. По разсужденію комиссіи.

А именно:

Въ Воинскомъ процессѣ.

Въ 6-й главѣ прописано о разныхъ родахъ доказательствъ. Не лучше ли назвать о разныхъ званіяхъ или способахъ доказательствъ? Пересправитъ: „о разныхъ доказательствахъ“.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Въ 8-ой главѣ въ 15-мъ пунктѣ не лучше ли написать: „ежели сужденной по очной ставкѣ свидѣтелей не повинится, что съ нимъ чинить“?!

Въ 10-ой главѣ объ очистительной присягѣ 6-ой пунктъ сумнителенъ, потому что во ономъ написано, кто изъ судящихъ въ назначенный терминъ у присяги не будетъ или присягать не захочетъ, а слѣдуетъ изъяснить: „ежели подсудимый долженъ будетъ очистительную присягу учинить, но оной не учинить или присягать не захочетъ, въ такомъ случаѣ какъ съ нимъ поступать“?

Въ 13-ой главѣ написано „о разныхъ родахъ пытки“. Не лучше ли назвать: „о пыткѣ разнымъ образомъ“?

Въ 14-ой главѣ прибавить и о гражданскихъ, ежели будутъ просить на воинскихъ. Какъ въ такомъ случаѣ поступать?

Да сверхъ того пополнить.

1. Указъ военной коллегіи 723 г. декабря 20-го. О судѣ отставныхъ офицеровъ и рядовыхъ гражданскимъ судомъ.

2. Сенат. указъ 738, дек. 31. Какимъ образомъ доношеніе и на указы о полученіи и о исполненіи репорты въ главное мѣсто подавать?

3. Ежели за утрату казенныхъ денегъ у офицеровъ и другихъ чиновъ по суду описаны будутъ деревни и пожитки, оныя какъ продавать?

4. Буде деревень за кѣмъ нѣтъ, а только опишутся пожитки, а случится то въ походѣ или въ компантѣ въ отдаленіи отъ городовъ, то тѣ вещи кому оцѣнивать и какимъ образомъ продавать?

5. Указъ 718 г. Ежели у кого такія деревни или пожитки опишутся, а между тѣми явятся женъ и приданные пожитки, какъ поступать?

При сочиненіи точно пояснить, что съ таковыми чинить, ежели по очной ставкѣ не повинится.

Переписать и написать въ настоящемъ «сужденной».

Переписать: „о разныхъ пытокъ“.

Оную въ заглавіи поправить: „о челобитчикѣ и отвѣтчикѣ въ партикулярныхъ ссорахъ между воинскими и всякаго званія людьми“.

Въ сочиняющемъ процессѣ пополнить, кромѣ отставныхъ отъ воинской службы.

Въ регламентѣ В. Коллегіи и въ уставѣ изъяснить.

Въ комисаріатскихъ и провіантскихъ регулахъ изъяснить.

Въ комисаріатскихъ и провіантскихъ регулахъ изъяснить.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

6. Въ какихъ дѣлахъ при воинскихъ судахъ рѣшительные приговоры или сентенціи подсудимымъ объявлять или читать?

Въ сочиняющемъ процессѣ пополнить, гдѣ прилично будетъ.

7. Кои отошлются въ гражданскій судъ и слѣдствіе при тѣхъ, кому отъ стороны воинской депутату быть и что его должность есть, или такъ судить, какъ въ магистратскомъ регламентѣ положено, чтобъ по половинѣ со обоихъ сторонъ членовъ было.

Въ процессѣ изъяснить.

8. Буде воинскій человѣкъ по гражданскому суду виненъ явится, онаго въ томъ ли судѣ судить съ присаіемъ ево винъ на воинской судъ присылать, исключая только тѣхъ, кои по деревенскимъ и землянымъ ссорамъ въ гражданскій судъ подвергнутся и по онымъ въ тѣхъ мѣстахъ слѣдуетъ судить.

Въ процессѣ изъяснить.

9. Не регулярные воинскіе люди: яко-то казаки и калмыки во время похода судятся воинскимъ судомъ по воинскимъ артикуламъ, а когда оныя будутъ въ своихъ мѣстахъ, а не въ походѣ, то по тѣмъ же ли воинскимъ артикуламъ или по уложенію ихъ судить надлежитъ, такожъ и въ партикулярныхъ между ими дѣлахъ и обидахъ какъ судъ производить?

Изъяснить: въ бытность въ походахъ, также и въ домѣхъ въ преступленіи должности при службѣ судить воинскимъ судомъ, по артикулу, а въ партикулярныхъ при домѣхъ ихъ ссорамъ по гражданскимъ правамъ.

10. По разбойнымъ и татиннымъ дѣламъ, по оговорахъ на солдатъ гражданскими и воинскими судами кладутся ко взысканію деньги, но оныхъ по малому ихъ жалованью и неимуществу платить имъ нечѣмъ, въ такомъ случаѣ, что съ таковыми чинить?

Справясь съ указами, въ процессѣ положить.

11. Изъ Указу 714 году авг. 30. Случающіеся при войскѣ челобитчиковыя дѣла, такожъ и въ друхъ мѣстахъ пошлины съ солдатъ кой-чѣмъ платить будутъ не въ состояніи, что чинить надлежитъ?

Пополнить.

12. Въ процессѣ „16-ой главѣ о должностяхъ генер.-ауд.-лейт. и ево подчиненныхъ“ быть кажется неприлично, потому что процессъ описываетъ только должности воинскаго суда и тяжбы между челобитчиковъ и отвѣтчиковъ и прочее, а всѣхъ чиновъ при войскѣ описаны въ воинскомъ уставѣ, гдѣ и нынѣ въ должности Г.-А.-Л. и оберъ Аудиторовъ слѣдуетъ внести, а полкового

Въ уставѣ написать.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Аудитора въ должности написать противъ прежняго между должностью полковыхъ офицеровъ?

Въ артикулѣ.

Во 2-й главѣ въ 8-мъ артикулѣ вмѣсто христіанъ, не приличнѣе ли будетъ написать: „ежели кто изъ слушающихъ въ войскахъ христіанскаго закона раскольническое и идолопоклонническое житіе имѣть будетъ“..?

Въ 5-ой главѣ „ежели кто, офицеръ или рядовой, скажетъ слово и дѣло“, не лучше ли различить, какой кому штрафъ чинить?

Въ 8-ой главѣ во 2-мъ артикулѣ написано: „ежели кто субординацію наблюдать и содержать не будетъ“.. Не удобнѣе ли оную переименовать, а назвать понятною на російскомъ языкѣ рѣчь или оную употребить со истолкованіемъ, какъ ее назвать на російскомъ языкѣ?

Въ той же главѣ приписать, какимъ образомъ штабъ и оберъ-офицерамъ подчиненными своими поступать и содержать оныя должно?

Въ 16-мъ артикулѣ: „ежели кто изъ офицеровъ хотя и разныхъ полковъ и младшій старшему скажетъ, а онъ не исполнитъ“ написано. Не удобнѣе ли переименовать, а написать старшій младшему?

Въ 10-ой главѣ прибавить: „ежели кто въ бытность на квартирахъ или лагеряхъ что найдетъ и не объявить“.

Въ 11-ой главѣ подъ 4-мъ артикуломъ прибавить: „ежели кто шпагу обнажить гдѣ въ домѣ или на улицѣ и другомъ мѣстѣ, а никого не уязвить“.

Въ 23-мъ артикулѣ прибавить: „кто товарищу своему подъ видомъ разниманья помогать будетъ“?

Во 12 главѣ въ 9-мъ артикулѣ: „ежели командированіе учинено кому для льготы, а не по очереди, не приличнѣе ли написать о томъ командированіи, ежели учинено будетъ одному для льготы, а другому не по очереди“?

При сочиненіи изъяснить.

При сочиненіи росписать, не упоминая чиновъ.

Субординаціи быть со истолкованіемъ.

Въ планѣ во 12 главѣ въ 22-мъ артикулѣ есть.

Оному такъ быть, какъ въ планѣ написано, о чемъ въ сочиненіи артикуловъ росписать.

При сочиненіи настоящаго изъяснить.

При сочиненіи настоящихъ артикуловъ изъяснить именно.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Въ 14-мъ артикулѣ: „ежели изъ офицеровъ или и нижнихъ чиновъ изъ дворянъ въ непристойныхъ мѣстахъ обращаться и высшіе непорядки въ непристойныхъ мѣстахъ чинить будутъ“, о тѣхъ ничего не написано. А понеже и въ семь случаѣ обрѣтающимся въ непристойнымъ мѣстахъ непорядки чинить неприлично и для того не лучше ли написать о томъ генерально о всѣхъ?

Къ 15-му артикулу прибавить: „кто на игру въ карты деньги давать будетъ или при томъ будетъ, а не донесетъ, штрафъ положить“.

Къ 21-му артикулу тоже прибавить: „ежели и подчиненный командиру въ репортѣ непристойными словами, касающимися къ поврежденію части или угрозами, писать будетъ“.

Въ 28-мъ артикулѣ написать: «помириться», а не «повиниться.»

Къ 45-му артикулу прибавить: „кто вольному служителю добраго состоянія худой паспортъ или аттестатъ дастъ или, не хотя отпустить, и паспорта или аттестата давать не будетъ или безъ всего съ двора сошлетъ“...

Въ 14-ой главѣ пополнить: „ежели во время походу командиры сами обывателямъ для обиды учинять и подкомандующимъ прикажутъ“...

При сочиненіи настоящихъ артикуловъ изъяснить именно.

Сочинить артикулъ.

При сочиненіи настоящего изъяснить.

Опшеку поправить.

Оное артикулу не слѣдуетъ, потому что российскіхъ вольныхъ людей нѣтъ, но каждый имѣетъ господина своего, который и долженъ добрыя свои услуги оказать ему, а другихъ націй можетъ получить удовольствіе выѣздомъ и съ того въ другое мѣсто, а когда кто паспортъ не отдастъ, то можетъ всякъ чрезъ словесную жалобу отъ командировъ удовлетвованъ быть. И дабы при такихъ жалобахъ съ помѣщиковъ суда не давать, о томъ изъяснить въ артикулѣ 74-мъ.

При сочиненіи настоящего изъяснить.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Въ 15-ой главѣ прибавить: „ежели кто въ городѣ или въ слободахъ по улицамъ днемъ и ночью трезвый и пьяный станетъ непристойно кричать и пѣсни пѣть“...

Въ 16-ой главѣ прибавить: „ежели офицеръ съ караулу своего безъ вѣдома, гдѣ онъ въ командѣ состоитъ, отлучится“...

Въ 17-ой главѣ прибавить: „Ежели бѣглый изъ-за границы выданъ будетъ“.

Въ той же главѣ: „бѣглые рекруты, кои еще въ полки приверстаны не были, а побѣги учинили и пойманы будутъ до учиненія имъ за побѣги наказанія и опредѣленія въ службу, сколько подъ карауломъ содержатся, какъ въ пропитаніи довольствовать“.

Въ 18-ой главѣ прибавить: „кто, будучи предъ не-пріятелемъ негоднымъ себя къ службѣ учинить какимъ-либо поврежденіемъ съ умысломъ, чтобы отъ службы отбыть“...

Въ 21-ой главѣ прибавить: „кто изъ казенныхъ денегъ другимъ и съ проценту, и безъ проценту займы даетъ“...

Въ 23-ей главѣ: „ежели полковой или ротный командиръ, слѣдующи съ полкомъ или командою, въ маршѣ или стоя на квартирахъ или лагеряхъ отпустить своихъ подчиненныхъ въ дома и съ нихъ за то взятки возметъ, и за то съ такими командирами да и съ тѣми, кто чрезъ взятки отпущекъ себѣ получить, что чинить“...?

Въ 24-ой главѣ въ 7 артикулѣ написано: „ежели тѣхъ канцелярій, къ которымъ служащіе обязаны, изъ членовъ или служителей, притѣсняя продолженіемъ дѣла во взятокъ, что съ военнаго человѣка брать будетъ“, не лучше ли написать со изъясненіемъ, что „ежели въ военныхъ канцеляріяхъ, къ коимъ военно-служащіе по раз-

Въ уставѣ въ должностяхъ полковыхъ и прочихъ командировъ о штрафѣ изъяснить.

При сочиненіи артикула изъяснить.

Разсужденія нѣтъ.

О пропитаніи въ провіантскихъ регулахъ изъяснено.

Въ сочиненіи 10-ой главы 44 артикула изъяснить.

При сочиненіи изъяснить: „ежели кто имѣющіеся въ вѣдомствѣ своемъ государевы деньги займы для прибыли или по дружбѣ кому займы дастъ“.

Въ планѣ есть.

При сочиненіи въ немъ надлежитъ поправить, понеже объ ономъ въ планѣ есть.

нымъ дѣламъ обязаны, отъ опредѣленныхъ во оныя канцеляріи служителей, притѣсняя продолженіемъ дѣла, кто во взятокъ брать будетъ“...

Въ 25-ой главѣ прибавить: „ежели отецъ съ дочерью, братъ съ сестрою, дядя съ племянницею и ближніе родственники блудно жить будутъ“... „Ежели отецъ дочь, братъ сестру или дядя племянницу изнасилничаютъ“.

Въ 28 главѣ прибавить: „кто, вѣдая бѣглаго, живущаго въ лѣсу или гдѣ индѣ, не донесетъ и ему пропитаніе давать будетъ“...

Справясь съ государственнымъ правомъ, роеписать по близости линіи.

При сочиненіи артикула изъяснить.

Сверхъ того пополнить:

1. Ежели изъ воинскихъ кто объявится раскольникъ и преданъ будетъ для увѣщеванія и исправленія духовному суду, но не покорится и останется по упрямству во всемъ заблужденіи, что съ таковыми чинить?...

Такого въ судъ гражданскому праву отдать.

2. Изъ толкованія 124 артикула. Ежели шпионъ или лазутчикъ, посланный отъ непріятели, въ войскѣ или въ другомъ мѣстѣ явится и въ томъ изобличенъ будетъ, что чинить?...

При сочиненіи учинить артикуль.

3. Указъ 724 г. Января 22. О обличившихся въ преступленіи, кои станутъ доносить на другихъ, то, хотя и докажетъ, въ службу не ставитъ, а буде не докажетъ, то что чинить?...

Въ процессѣ изъяснить

4. Указъ 724 г. Января 22. О доносителяхъ, кои сами явятся въ какихъ винахъ.

5. Ежели полковые командиры, унтеръ или оберъ-офицеры къ повышенію чина обиду, якобы онъ къ произвожденію не достоинъ, а послѣ откроется, что то учинено по какой ни есть страсти, а та персона къ повышенію достойна себя по слѣдствію окажетъ, то съ таковыми что чинить?

Учинить артикуль.

6. Указъ В. Коллегии 746 г. іюля 24. О содержаніи денщиковъ офицерамъ въ добромъ порядкѣ по употребленіи ихъ въ деревняхъ къ тяжкимъ работамъ.

При сочиненіи со изъясненіемъ учинить артикуль.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

7. Указъ 715 г. Сентября 27. Буде случится какому полку, или ротѣ, или командѣ быть при рѣкахъ или озерахъ и во время прибылой большой воды разнесетъ обывательскіи лѣсъ, дрова и суда и прочее, а кто изъ воинскихъ оныя перейметъ и удержитъ, что за переемъ давать? Въ уставѣ росписатьъ.
8. А буде кому можно оныя перенять будетъ, а онъ того отъ лѣвности или злости не учинить, то за то какой штрафъ положить? Въ артикулѣ изъяснить.
9. Указъ 724 г. Февраля 5. О штрафахъ за государственныя и партикулярныя преступленія какъ поступать? Въ должности о конфирмаціи изъяснить.
10. Ежели солдаты явятся чего въ кражѣ и покраденныя вещи всѣ утратили, а платитъ имъ за оныя нечѣмъ, а конфирмованы будутъ за тое кражу къ наказанію, а не къ смертной казни и ссылкѣ, въ такомъ случаѣ о взысканіи за покраденныя вещи какъ поступать? Въ сочиненіи 21 главы 13 артикула изъяснить.
11. Морск. Устава о штрафахъ 1 главы 15 артикулъ. Буде командиръ, обрѣтающихся подъ своею командою, безъ вины будетъ наказывать или за свою вину дерзнетъ что чинить? Въ планѣ есть.
12. Ежели за утрату казеннаго чего у офицеровъ и другихъ чиновъ отписныя пожитки продаются будутъ, а въ покупкѣ таковыхъ вещей явятся сами полковые командиры и другіе офицеры, кои о конфирмованіи и продажѣ тѣхъ пожитковъ сами приговоры подписали и опредѣлили. Въ уставѣ изъяснить, что покупать всѣмъ дозволяется.
13. Выданный 739 г. апрѣля 10 дня въ Ригѣ отъ генерала Бисмарка манифестъ. Ежели кто изъ чужестранныхъ въ россійской имперіи вербовать будетъ въ чужестранныя службы россійскихъ подданныхъ или, хотя и не подданныхъ, но въ Россіи и въ томъ пойманы будутъ, что съ таковыми чинить. При сочиненіи учинить артикулы со изъясненіемъ.
14. Буде кто такое жъ въ чужестранныя службы изъ здѣшнихъ вассаловъ или подданныхъ.
15. Указъ 173 г. ноября 15. О неназываніи состоящимъ ниже полнаго генералитета, а инымъ въ бригадъ Оный пунктъ оставить для того, что комиссія по-

ПРИЛОЖЕНІЯ.

дирскихъ и штатскихъ рангахъ просто генералами, а наименованіи себя по настоящему своему дѣйствительному чину, а кто оное пренебрежетъ, что чинить.

ложила, кромѣ настоящихъ генералитетскихъ чиновъ, другимъ не именоваться.

16. Ежели офицеры и рядовые, стоя гдѣ въ квартирахъ въ городѣхъ или уѣздѣхъ, безъ отводу тамошнихъ мѣстъ управителей рубить на дрова и прочее самовольно стануть, что чинить.

17. Указъ 715г. О нерубкѣ заповѣдныхъ лѣсовъ.
марта 25.

18. Ежели стоящій офицеръ на караулѣ другого офицера отпустить съ караула почевать въ квартиру или въ другое мѣсто.

19. Указъ 722г. Ежели кто колодника упустить изъ
авг. 12. взятковъ.

20. Указъ 723г. О свидѣтельствѣ падучихъ болѣзней,
мая 6. а ежели та болѣзнь окажется притворна, что чинить.

21. Приговоръ Военной Коллеіи 746. Ежели офицеры отдадутся на воинскій судъ или арестованы будутъ, коимъ по приговору военной коллеіи 720 года ноября 29 дня жалованья дается половинное, а раціонныя деньги или на оныхъ фуражѣ полный ли производить?

22. Буде въ полкахъ явятся издержанныя сверхъ положеннымъ по штату на канцелярскія или другія какія полковыя надобности казенныя деньги и кто оныя безъ указу самовольно употребить, за то какъ штрафовать?

23. Буде въ полкахъ полковые командиры сверхъ положеннаго по штату по своимъ прихотямъ что въ мундирѣ и аммуниціи прибавятъ или перемѣнятъ и на то съ солдатъ изъ ихъ жалованья или амуниционныхъ денегъ вычетъ чинить будутъ, что съ таковыми чинить?

24. Указъ 723 году. Ежели казначей, комиссаръ или счетчикъ за выборомъ полковыхъ и прочихъ командировъ къ такимъ должностямъ опредѣлены будутъ, а на нихъ явится какой начеть, а платитъ имъ нечѣмъ, то о взысканіи того начету съ выборщиковъ какъ поступать?

При сочиненіи артикулы въ пристойныхъ мѣстахъ изъяснить.

Въ регулахъ комиссаріатскихъ и провіантскихъ изъяснить.

При сочиненіи учинить артикулы.

Въ регулахъ комиссаріатскихъ и провіантскихъ изъяснить.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

25. Генер. Реглам. 31 глава, указъ 724 января 27. Кто въ судѣ изъ судей о другихъ дѣлахъ разговоры и непотребные слова и смѣхъ или другіе непристойные тому мѣсту поступки чинить будутъ, что съ такими чинить? Въ сходственностъ указа при сочиненіи учинить артикуль.

26. указъ 715 г. ноября дня. Ежели при полкахъ гдѣ явятся зазорные или подкинутые младенцы, со оными какъ поступать? Въ должности комиссаріатской изъяснить.

27. Кто изъ воинскихъ изъ монастыря черноризницу хотя и по совѣту съ нею уведеть и на ней женится.

28. Буде кто такую увезеть или уведеть сильно и блудъ сотворить и растлить ю.

29. Ежели оное не силою, но по согласію съ черноризицею учиня.

При сочиненіи въ приличныхъ тому преступленію главахъ учинить артикулы.

30. указъ 718 г. іюня 17 дня. О подозрительныхъ явившихся письмахъ, которыя къ заарестованнымъ подозрительнымъ персонамъ подъ другими конвертами присылають и съ такими особами, кои уже въ арестѣ содержатся, корреспондуютъ.

Справясь съ указомъ, учинить артикуль.

Въ артикулѣ 31-ой главы „о конфирмаціи“ въ силѣ воинскихъ артикуловъ кажется быть неприлично, ибо оныя содержать въ себѣ только казни и штрафы за преступления, а оная глава слѣдуетъ быть приличнѣе должности Военной Коллегии и Генералитета и для того, что до коллегии принадлежитъ, то приобщить къ регламенту коллежскому, а что до исполненія командующаго генералитета, то внести въ Воинскій уставъ?

Въ коллежскомъ регламентѣ и въ должностяхъ въ уставѣ изъяснить.

Подписали: Ливенъ
Князь Григорій Мещерскій.
Петръ Панинъ.
Бороздинъ.
Яковъ Елчаниновъ.
Степанъ Языковъ.
Михайло Яковлевъ.

(Моск. Отд. Общ. Арх. Гл. Шт., оп. 121, св. 51).

II.

ОБЗОРЪ

ВЫСОЧАЙШИХЪ КОНФИРМАЦІЙ

ПО ВОЕННО-СУДНЫМЪ ДѢЛАМЪ

ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА.

ОБЗОРЪ

ВЫСОЧАЙШИХЪ КОНФИРМАЦІЙ

за время съ 1797 г. по 12 марта 1801 г.

1797 г.

Въ царствованіе Имп. Павла первая конфирмаціи относится къ январю 1797 года. 17 Января въ С.-Петербургѣ былъ подтвержденъ докладъ, представленный Генераль-Аудиторомъ кн. Шаховскимъ по дѣлу поручика Недорубкова. Слѣдуетъ отмѣтить, что Имп. Павелъ положилъ свою конфирмацію не на поляхъ доклада, какъ слѣдовало по канцелярскимъ правиламъ, а въ самомъ верху выписки; въ послѣдующее время такихъ явленій болѣе уже не происходить.

Первая конфирмаціи не велики по объему, при чемъ Г.-Аудиторъ въ своихъ мнѣніяхъ старается быть краткимъ. Въ 1797 году было подтверждено 122 дѣла. Большинство подсудимыхъ принадлежитъ къ офицерскимъ чинамъ; нижніе чины—дворяне—явленіе сравнительно рѣдкое.

Изъ общаго числа подсудимыхъ двое принадлежатъ къ частямъ гвардіи; дѣла послѣднихъ имѣютъ особый реестръ.

Премущественныя преступленія: растрата, дурное поведеніе, пьянство, употребленіе солдатъ въ частную работу, нарушеніе караульной службы; обычныя конфирмаціи—взысканіе растроченныхъ денегъ, исключеніе изъ службы и лишеніе чиновъ.

Въ первое время замѣчается, что конфирмаціи Императора идутъ въ разрѣзъ съ мнѣніями Г.-Аудитора, который, зачастую отказываясь высказаться положительно, передаетъ судьбу подсудимаго на усмотрѣніе государя.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Иногда мнѣніе высказываетъ не Г.-Аудиторъ, а военная Коллегія.

Изъ наиболѣе интересныхъ конфирмацій слѣдуетъ отмѣтить:

1) По дѣлу Елатомской штатной команды о Подпоручикѣ Никифоровѣ: «Суду дать примѣтить, какъ могъ безъ грамотнаго накупъ въ офицеры назначать. Ген.-Маіору Лассію дать выговоръ, какъ рекомендовалъ въ офицеры безграмотнаго и пьянцу; впредь гражданскимъ чинамъ не присутствовать въ Кригсехтахъ развѣ будетъ дѣло, до обонхъ частей—гражданской и военной разомъ». Отмѣтимъ, что такая резолюція послѣдовала по дѣлу, разсмотрѣнному при Тамбовскомъ гарнизонномъ Батальонѣ. Никифоровъ обвинялся въ вымогательствѣ денегъ у крестьянъ; комиссія воинскаго суда опредѣлила разжаловать вшивнаго въ рядовые.

2) По дѣлу о Поручикѣ Яковлевѣ и Подпоручикѣ Навроцкомъ: «чтобы впредь подобныя дѣла представляемы были къ Его Величеству съ краткими Экстрактами и заключеніями Ген.-Аудитора». Эта конфирмація имѣла мѣсто по поводу нарушенія караульной службы, пьянства въ караулѣ и упуска арестанта; при представленныхъ докладахъ имѣлись подробныя выписки и подлинныя сентенціи. Изъ послѣдующаго не трудно видѣть, что это распоряженіе не всегда точно исполнялось.

3) По дѣлу объ исключенномъ изъ службы Поручикѣ Шариковѣ, сужденномъ за пьянство и нарушеніе благочинія, Государь повелѣлъ: «будучи изъ службы исключенъ, не слѣдовало и представлять».

4) Довольно часто въ конфирмаціяхъ можно встрѣтить Высочайшій выговоръ комиссіи военнаго суда. Такъ напр. по дѣлу Прапорщика Кожаева комиссія въ своемъ приговорѣ признала Кожаева, по силѣ законовъ, подлежащимъ къ отставленію отъ службы, но ссылаясь на Манифесты 28 Іюня 1787 года (п. 12, 15) и 2 Сентября 1793 года (п. 18, 21) положила освободить его отъ всякаго наказанія и взыскапія поелику все оное (растрата) произошло не умышленно». Императоръ сдѣлалъ комиссіи выговоръ «за неумѣстное приведеніе въ приговорѣ манифестовъ».

Во второй половинѣ 1797 года Ген.-Аудиторъ въ своихъ докладахъ все болѣе и болѣе отказывается высказывать положительныя мнѣнія, или ссылаясь на конфирмаціи одного изъ высшихъ начальниковъ, или передавая конфирмацію на Высочайшее благоволеніе.

Изъ другихъ конфирмацій отмѣтимъ: по дѣлу объ офицерахъ Гарнизоннаго Делассія полку: «арестъ достаточенъ былъ на ихъ исправленіе и тѣмъ дѣло кончить».

Дѣло заключалось въ панесеніи офицерами другъ другу побоевъ, въ объявленіи однимъ изъ нихъ желанія вступить въ бракъ съ дѣвкою и въ неисполненіи нѣкоторыхъ служебныхъ формальностей.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Въ январѣ 1797 года коифирмовано дѣлъ 12 о 15 подсудимыхъ; въ февралѣ—10 дѣлъ о 10 подсудимыхъ; въ мартѣ и апрѣлѣ коифирмацій не было; въ маѣ—3 дѣла о 3 подсудимыхъ; въ іюнѣ—21 дѣло о 27 подсудимыхъ; въ іюлѣ—11 дѣлъ о 19 подсудимыхъ; въ августѣ—14 дѣлъ о 32 подсудимыхъ; въ сентябрѣ—15 дѣлъ о 23 подсудимыхъ; въ октябрѣ—5 дѣлъ о 5 подсудимыхъ; въ ноябрѣ—15 дѣлъ о 16 подсудимыхъ; въ декабрѣ—18 дѣлъ о 45 подсудимыхъ; итого 122 дѣла о 195 подсудимыхъ.

Самымъ интереснымъ съ бытовой и юридической стороны слѣдуетъ считать дѣло Лейбъ-Кирасирскаго полка Ротмистра Графа Огерти. Графъ, находя военную службу тягостною, объявилъ Полковнику Князю Мещерскому въ іюлѣ мѣсяцѣ, что онъ долге сентября служить не станетъ. Между тѣмъ по просьбѣ Огерти ему Высочайше пожаловано было 200 руб. на экипажъ, каковыя деньги и были вручены Князю Мещерскому для передачи Огерти. На вопросъ Кн. Мещерскаго, останется-ли Огерти служить, послѣдній грубо отвѣчалъ, что, ежели бы давали бы ему и 10,000 рублей, то онъ и тогда бы въ службѣ не остался и денегъ не припаялъ. За это Огерти былъ исключенъ изъ службы. Однако, когда Огерти временно уѣхалъ изъ Царскаго Села въ Петербургъ, до свѣдѣнія Кн. Мещерскаго дошло, что ротмистръ подговаривалъ унт.-офицера Гофмана уходить въ отставку и произносилъ «дерзновенныя и хулительныя слова противъ службы». По возвращеніи Огерти изъ С.-Петербурга онъ былъ арестованъ. Изъ допроса Гофмана выяснилось, что Огерти отзывался о военной службѣ презрительно, уговаривалъ Гофмана оставить ее и говорилъ, что онъ до тѣхъ поръ не будетъ спокоенъ, пока не омоется въ крови русской, и когда армія Принца Конде придетъ въ Россію, тогда начнется революція, и онъ будетъ стараться быть первымъ у бунтовщиковъ предводителемъ и что много русскихъ будутъ держать его сторону и что наконецъ ему весьма хотѣлось бы убить тайно полковника, такъ какъ онъ былъ единственною причиною исключенія его изъ службы.

Однако на судѣ выяснилось нѣчто другое. Огерти утверждалъ, что, вслѣдствіе полученнаго имъ отъ отца письма, онъ по необходимости долженъ оставить службу и отказаться отъ пожалованныхъ денегъ, хотя бы и отъ 10,000 рублей; что слова «омоюсь въ крови россиянь» относились къ полковнику «въ тѣхъ мысляхъ, что когда сіе случилось бы въ другой землѣ, тогда Огерти вызвалъ бы его на поединокъ».

Унт.-офицеръ Гофманъ говорилъ на судѣ, что полковникъ допрашивалъ его пристрастно, страдалъ его разстрѣляніемъ и приказалъ подписать допросъ.

Кн. Мещерскій заявилъ, что Гофману онъ не угрожалъ, увѣщевалъ сказать правду, а въ противномъ случаѣ указывалъ на наказаніе—прогнаніе сквозь строй.

Комиссія военного суда не признала Огерти виновнымъ въ произнесеніи «попосныхъ словъ и въ желаніи принять участіе въ революціи», а за желаніе омыться въ крови

ПРИЛОЖЕНІЯ.

русскою опредѣлила лишить чина, посадить на три мѣсяца въ тюрьму и взять подписку, что Кн. Мещерскому оны зла никакого не учинить. Унт.-офицеръ Гофманъ за ложный доносъ на Огерти долженъ былъ подвергнуться лишенію дворянства и чина, написанію въ рядовые и отправленію въ отдаленныя гарнизоны. По мнѣнію Цесаревича В. Кн. Александра Павловича, вслѣдствіе уже понесенныхъ Огерти лишеній, слѣдовало ограничиться только отобраніемъ отъ виновнаго подписки; унт.-офицера же Гофмана, какъ показавшаго ложно изъ страха и угрозъ Кн. Мещерскаго, разжаловать на время.

Имп. Павелъ положилъ резолюцію:

«Князю Мещерскому учинить по семудѣлу выговоръ. Ротмистра Огертія пригласить по прежнему въ полкъ, съ подтвержденіемъ, чтобы не подавалъ случая къ сплетнямъ. Гофмана оставить по прежнему, какъ былъ».

1798 г.

Въ январѣ 1798 года было рѣшено 14 дѣлъ о 19 подсудимыхъ; въ февралѣ—16 дѣлъ о 18 подсудимыхъ; въ мартѣ—13 дѣлъ о 43 подсудимыхъ; въ апрѣлѣ—30 дѣлъ о 35 подсудимыхъ; въ маѣ—9 дѣлъ о 18 подсудимыхъ; въ іюнѣ—28 дѣлъ о 43 подсудимыхъ; въ іюлѣ—29 дѣлъ о 36 подсудимыхъ; въ августѣ—20 дѣлъ о 22 подсудимыхъ; въ сентябрѣ—17 дѣлъ о 22 подсудимыхъ; въ октябрѣ—17 дѣлъ о 23 подсудимыхъ; въ ноябрѣ 19 дѣлъ о 21 подсудимыхъ; въ декабрѣ 15 дѣлъ о 15 подсудимыхъ; итого 226 о 315 подсудимыхъ.

Съ точки зрѣнія юридической интересна конфирмація по дѣлу капитана Нашебургскаго полка Гофмана. Гофманъ за неучтивость былъ арестованъ; когда по освобожденіи ему была возвращена шнага, то оны ея не принялъ, а подалъ на Высочайшее имя прошеніе, «почитая себѣ сіе тѣлесное наказаніе не по внигъ своей и, слѣдственно, обиднымъ, а предъ собратіею своею постыднымъ, просилъ изслѣдованія по законамъ». Комиссія военнаго Суда признала точно также арестъ тѣлеснымъ наказаніемъ, а капитана Гофмана—обиженнымъ этимъ наказаніемъ.

Императоръ Павелъ своей конфирмаціей рѣшилъ дать юридическое опредѣленіе тѣлеснаго наказанія и между прочимъ указалъ, что «тѣлеснаго наказанія офицеру быть не можетъ и арестъ не есть тѣлеснаго наказаніе, за что Комиссія дѣлается строгій выговоръ, тѣлеснаая нужда не можетъ никому быть обидою».

Интересна также конфирмація Государя на прошеніе жены провіантъ-комиссара

Козьмина: «Маркова (генераль-провіантъ-мейстеръ-лейтенантъ Марковъ), какъ су-щаго вора, посады въ крѣпость, слѣдовать въ дѣянїяхъ его».

Среди слѣдственныхъ и судебныхъ дѣлъ можно не рѣдко встрѣтить и такія дѣла, которыя представляютъ собою не болѣе, какъ единичные акты предварительнаго дознанія или негласнаго разслѣдованія. Важно отмѣтить, какъ сильно расходились судебные дѣятели того времени въ своихъ юридическихъ опредѣленїяхъ: не говоря уже о родѣ и характерѣ наказаній за данныя преступныя дѣянїя, которыя всецѣло опредѣлялись усмотрѣніемъ конфирмующей власти, самый составъ преступленій не былъ точно опредѣленъ въ законѣ и могъ быть совершенно свободно истолковываемъ въ ту или другую сторону.

Такъ, напр. по дѣлу Астраханскаго Драгунскаго полка подпоручика Михайловскаго комиссія военнаго суда признала Михайловскаго виновнымъ въ томъ, что, слыша приказаніе генерала Апраксина идти всѣмъ офицерамъ къ нему на квартиру слушать военный уставъ, онъ пошелъ въ эскадронъ, что ложно рапортовался больнымъ и что одѣвался не по формѣ. За эти дѣянїя комиссія опредѣлила лишить Михайловскаго чиновъ и дворянства и вмѣсто смертной казни сослать въ каторжную работу вѣчно. Государь не призналъ Михайловскаго виновнымъ и въ дѣйствїяхъ его преступленій не нашель.

Для характеристики порядка отправленія военной юстиціи того времени отмѣтимъ интересное прошеніе находившихся въ Тобольской губерніи на поселеніи 4 казаковъ. Казаки писали, что въ войскѣ Донскомъ они служили безпорочно, а въ 1794 году начальствующій тамъ генераль Иловайскій выслалъ ихъ противъ желанія въ числѣ 3000 семействъ на Кавказскую линїю на поселеніе, и когда казачье общество просило Иловайскаго увѣдомленія, по какому повелѣнію онъ ихъ посылаетъ, то генераль, «превратя сію ихъ просьбу на бунтъ, посадилъ всѣхъ подъ стражу и по выдержаніи и наказаній тиранскимъ образомъ плетми, разослалъ, яко бунтовщиковъ, въ разныя мѣста и между прочимъ въ Сибирь»; казаки просили перевести ихъ на Донъ.

По справкѣ оказалось, что еще въ 1792 году Атаману Иловайскому былъ данъ Высочайшій указъ о нарядѣ на Кавказскую линїю 3000 семей казаковъ; казаки противились и собирали «сомнительные круги и скоища, за что яко нарушители порядка по приговору правительства наказаны плетми и послѣ того по указу Военной Коллегіи, въ страхъ другимъ и къ воздержанію отъ подобныхъ продерзости, сосланы въ Сибирь на поселеніе». Государь это донесеніе «слушать изволилъ, при чемъ оное возвращено».

Среди законоположеній, примѣнявшихся въ военныхъ судахъ, мало-по-малу приобрѣтають значеніе уставы, изданные въ царствованіе Павла. Уставъ о полевой пѣхотной службѣ и наставленіе о кавалерійской службѣ. Въ сентенціяхъ военныхъ судовъ доволно часто можно встрѣтить указанія на тѣ или другія уголовныя постановленія вышеуказанныхъ уставовъ, какъ напр., объ исполненіи наказаній, объ обязанностяхъ офицеровъ

ПРИЛОЖЕНІЯ.

и нижнихъ чиновъ, объ исключеніи изъ службы военпослужащихъ, совершившихъ «подлости» и т. п.

Исключеніе («выключка») офицеровъ изъ службы очень часто предшествовало отдашию подъ судъ; эта мѣра примѣнялась административнымъ порядкомъ по Высочайшему повелѣнію.

Въ конфирмаціи Государя часто проглядываетъ желаніе соразмѣрить мѣру ответственности со всѣми субъективными и объективными оттѣнками виновности преданныхъ суду лицъ. Государь часто указываетъ основанія, послужившія къ избранію данной мѣры наказанія. Но при недостаткѣ карательныхъ средствъ индивидуализація наказаній удается очень рѣдко и, несмотря на различныя по тяжести дѣянія виновниковъ, они подвергаются одинаковымъ наказаніямъ.

Укажемъ напр. на конфирмаціи Государя по дѣлу подполковника Степанова. Степановъ, «какъ уже неоднократно бывшій подъ судомъ», по конфирмаціи Павла былъ отставленъ отъ службы соучастникъ его, маіоръ Яхонтовъ, точно также былъ отставленъ отъ службы, но уже вслѣдствіе «своей неблагонадежности».

Въ разсматриваемую эпоху особеннымъ вліяніемъ на судьбу подсудимыхъ пользовались обстоятельства, увеличивающія и уменьшающія вину. Имъ пользовались не только высшіе начальники, утверждавшіе приговоръ, но даже военные суды, которые позволяли себѣ (но только при наличности уменьшающихъ обстоятельствъ) указывать иногда на необходимость замѣны наказанія, указаннаго въ законѣ, или даже совершенной его отмены.

Императоръ Павелъ полагалъ свои конфирмаціи не только по суднымъ и стѣдственнымъ дѣламъ, но и по жалобамъ. Жалобы эти представлялись Государю въ формѣ жалобныхъ пунктовъ и отвѣтныхъ объясненій. Такова напр. жалоба маіора Вестеррика на шефа полка — генерала Кнорринга. Такія жалобы часто служили единственнымъ основаніемъ для карательной резолюціи по отношенію къ жалобщику или отвѣтчику.

Въ 1797 году интереснымъ представляется дѣло полковника Спѣшнева по жалобѣ вдовствующей Царицы Карталинской и Кахетинской. Жалоба заключалась въ томъ, что Спѣшневъ, командуя «бывшимъ въ Грузіи російскихъ войскъ отрядомъ, далъ своей командѣ волю насильствовать и чинить разныя наглости и обиды, по всѣмъ деревнямъ немилосердно разорять и грабить, даже до того, что у князей, дворянъ и у купцовъ отнимали, что имъ ни попадалось, въ противномъ же случаѣ оныхъ били и другія причиняли обиды, отнимали у проѣзжающихъ по дорогѣ все, что бы ни случилось, посланнымъ же къ нему Спѣшневу отъ Царскаго Дома при письмахъ обиженнымъ, не только удовлетворенія дѣлано было, но были поруганы и на письма царскія не отвѣтствовали;

ПРИЛОЖЕНИЯ.

что офицеры, посланные для собиранія провіанта, по непорядочному и распутному своему поведенію, чинили разныя обиды, а самъ Спѣшневъ пьянствовалъ, упрекалъ Принца Теймураза несправедливостію и обѣщался чиновнику Мепурову дать въ спину 500 лозоповъ; что Спѣшневъ съ командою въ Мухранской степи ловилъ всѣхъ проѣзжающихъ и чинилъ мученіе, говоря, что будто бы Царь Его подсылалъ проѣзжающихъ для подговора солдатъ къ побѣгу; опредѣленному отъ Царевича Вахтанга для принятія Россійскаго войска и оказанія оному услугъ во время слѣдованія въ душевъ Начальникомъ Глахѣ Бабановичу Челяеву, доставившему для войска 9.000 пудовъ сахарей, онъ Спѣшневъ объявилъ, что повелѣно Челяева и Царевича Вахтанга со всею ихъ фамилією, взявъ подъ арестъ, везти въ Россію, а потому поставилъ около дома Челяева и Царевича Вахтанга караулъ, а присланнаго къ нему чиновника Мурванова поставилъ голымъ подъ пушки со связанными руками и держалъ въ такомъ положеніи съ вечера до утра и только на другой день по отрезвленіи освободилъ всѣхъ; что Священника Захарія, ѣхавшаго съ Дарами для причастія больного и двухъ человекъ, везшихъ для войска провіантъ, взялъ подъ караулъ и черезъ сутки отпустилъ священника и крестьянъ, у которыхъ отобралъ деньги; что казаки ограбили князя Андроникова, бывшаго со своими людьми на охотѣ, а послѣ этого связали ему руки, привели въ Тифлисъ, отдали его подъ судъ, сами оправдались, а онъ оставленъ безъ всякаго рѣшенія и т. д. Комиссія военного суда признала, что Полковникъ Спѣшневъ обиды Грузинскому Царству не сдѣлалъ, кромѣ слѣдующихъ обстоятельствъ: что отдалъ чиновника Мепурова подъ присмотръ, задержалъ князя Андроникова и арестовалъ дворянина Мурванова и священника Захарія, но «все сіе учинилъ онъ для сбереженія вѣреннаго ему за границею отряда и на удержаніе воинскихъ чиновъ отъ побѣговъ, для отысканія и поимки оныхъ другого средства не было и побѣги умножились такъ, что и по выходѣ войскъ изъ Грузіи осталось въ оной бѣглыхъ солдатъ не малое число». Генералъ-Аудиторъ, по разсмотрѣніи этого дѣла, вѣдомымъ Спѣшнева ни въ чемъ не нашель, но Императоръ Павелъ, «въ уваженіе къ Царскому Дому, въ сатисфакцію оному», повелѣлъ Спѣшнева исключить изъ службы.

1799 годъ.

Въ 1799 году императоръ Павелъ подтверждалъ 191 дѣло о 300 подсудимыхъ.

На основаніи конфирмацій можно установить, что въ рассматриваемую эпоху офицеры могли быть подвергаемы строгому аресту на хлѣбъ и на воду. Въ конфирмаціи

ПРИЛОЖЕНІЯ.

по дѣлу капитана Булатова значится, что трое офицеровъ были посажены подъ арестъ на хлѣбъ и на воду срокомъ на одинъ мѣсяць.

По прежнему преобладающимъ видомъ воинскаго наказанія является отставленіе отъ службы съ лишеніемъ чиновъ или безъ такового, при чемъ, какъ и въ прежніе годы, Государь указываетъ основанія примѣненія такого наказанія: «какъ негоднаго, выключить изъ службы», «исключить изъ службы, какъ ненадежнаго», «исключить, какъ безпокойнаго».

Подъ словомъ «безпокойный», которое въ конфирмаціяхъ 1799 года повторяется очень часто, слѣдуетъ разумѣть такого военнотружущаго, который или слишкомъ придерживается буквы воинскихъ уставовъ и тѣмъ «препятствуетъ своему высшему начальству», или подаетъ слишкомъ часто различныя жалобы, или просто пьянствуетъ и производитъ безпорядки.

Подъ «негоднымъ» конфирмаціи разумѣютъ лицо, совершившее или особо тяжкое общее нарушение, или какую-либо «низость», несовмѣстную съ достоинствомъ офицера.

Терминъ «ненадежный» весьма трудно поддается опредѣленію: все зависить отъ усмотрѣнія конфирмующей власти, которая по-своему и истолковываетъ поведеніе даннаго военнотружущаго, совершившаго то или другое нарушение.

Слѣдуетъ отмѣтить одно выдающееся наказаніе, паложешное по конфирмаціи Государя на сотника Данилова «за небытіе въ теченіе 7-ми лѣтъ у причастія»: «послать Суздальской Епархіи въ Спасо-Ефимовъ монастырь, гдѣ и содержать безотлучно». Оригинально, что срокъ покаянія конфирмація не опредѣлила и тѣмъ самымъ ставила продолжительность его на усмотрѣніе духовныхъ властей.

Точно также интересно отмѣтить особый порядокъ примѣненія денежныхъ взысканій въ качествѣ вознагражденія казны за вредъ и убытки: такъ, напр., по дѣлу генераль-маіора Игельстрома, который былъ командиромъ (шефомъ) кирасирскаго полка, было постановлено: за погорѣвшія вещи взыскать съ виновника генерала Игельстрома деньги, а «до выплаты суммы (4244 р. 37²/₃ и ¹/₈ коп.), посадить его въ Рижскую крѣпость».

Однако, несмотря на то, что императоръ Павелъ въ своихъ конфирмаціяхъ былъ вполне положителенъ, назначаемыя имъ наказанія зачастую отмѣнялись или замѣнялись особою конфирмаціею. Такъ, напримѣръ, по одному дѣлу Государь, постановляя конфирмацію: арестовать на мѣсяць, вмѣстѣ съ тѣмъ предписываетъ слѣдующее: «сообщить эту конфирмацію, куда слѣдуетъ, для исполненія во всей ея силѣ, но послѣ отправки со слѣдующей же почтою сообщить вторично, что Государь Всемилостивѣйше уменьшаетъ заслуженное виновными наказаніе на двѣ недѣли». Отмѣтимъ, что на докладѣ значится болѣе

строгая конфирмація, о замѣнѣ же наказанія сообщается генераль-аудитору черезъ Неплюева, начальника Капцеляріи Государя.

Въ 1798 году Государь какъ-будто недоволенъ дѣятельностью Генераль-Аудиторіата. Помимо частыхъ выговоровъ и упрековъ въ незнаніи военной службы, обращеннымъ по адресу Аудиторіата, имп. Павелъ положительно заявляетъ, что «аудиторіатъ бредитъ». Такая нелестная конфирмація состоялась по дѣлу подполк. Игнатьева, который комиссіей военнаго суда былъ освобожденъ отъ наказанія, съ чѣмъ согласился и Ген.-Аудиторіатъ. Государь повелѣлъ виновнаго исключить изъ службы, какъ безпокойнаго челоуѣка.

Иногда конфирмаціи оправдываютъ образъ дѣйствій подсудимыхъ, которые совершали преступленія, заботясь объ охранѣ казеннаго интереса или находясь въ обстоятельствахъ, устрашающихъ вмѣняемость. Такъ, напримѣръ, по дѣлу подиоручка Врангеля Государь конфирмуешь: «Врангелю сказать спасибо» и др.

Иногда Государь, желая прекратить дѣло или не находя въ дѣяніи признаковъ преступленія, пишетъ «дѣло пустое» или «дѣло сіе разряда прежнихъ временъ и не принадлежитъ до меня».

Неопредѣленность конфирмацій—естественное и обычное явленіе того времени: очень часто Государь отыѣчаетъ: «посадить патр мѣсяца», но не указываетъ мѣста заключенія. Имѣется полное основаніе предполагать заключеніе въ крѣпость, такъ какъ въ конфирмаціяхъ того времени тахімумъ ареста для офицеровъ опредѣляется въ одинъ мѣсяць, наконецъ и по характеру и тяжести преступленій, о которыхъ говорятъ конфирмаціи, можно заключить то же самое.

Браткія резолюціи Государя, которыя раньше дѣлались на самомъ докладѣ, съ теченіемъ времени увеличиваются въ объемѣ, вслѣдствіе чего нерѣдко можно встрѣтить довольно пространныя конфирмаціи, приложенныя къ дѣлу на отдѣльныхъ листкахъ.

Въ разсматриваемое время отправленіе военной юстиціи усложняется: Государь иногда остается недовольнымъ произведеннымъ судами или слѣдствіемъ и возвращаетъ дѣла безъ ко н ф и р м а ц і и для дополненія.

Дѣла рисуютъ низкій умственный уровень начальниковъ и подчиненныхъ, взаимное недовѣріе другъ къ другу, развитіе въ офицерской средѣ доносовъ, отсутствіе нравственныхъ правилъ, жестокое обращеніе съ подчиненными.

Въ 1799 году Генераль-Аудиторіатъ по-прежнему не самостоятеленъ въ своихъ мнѣніяхъ и постоянно ссылается и соглашается съ мнѣніемъ старшаго изъ конфирмовавшихъ приговоръ начальниковъ или передаетъ дѣло на Высочайшее усмотрѣніе.

Просматривая параллельно конфирмаціи по военно-суднымъ дѣламъ и Высочайшіе приказы, можно выставить положеніе, что отправленіе судебной и административной вла-

стей конкурируютъ между собою и послѣдняя пользуется преимущественнымъ значеніемъ; оригинально, что родъ наказаній, упоминаемыхъ въ приказахъ и конфирмаціяхъ, тоже-дственъ — исключеніе изъ службы.

1800—1801 г.г.

Въ теченіе 1800 и 1801 г. (до 12 марта) доклады, представляемые Генераль-Аудиторіатомъ, непомѣрно увеличиваются въ своемъ объемѣ: Государь принужденъ разсматривать очень пространныя выписки, повторяющія чуть ли не дословно всѣ показанія свидѣтелей и всѣ процессуальныя дѣйствія. Точно также, вмѣсто краткой выдержки изъ сентенціи, докладчики представляютъ Государю всѣ соображенія, послужившія комиссіи суда основаніемъ для данной сентенціи; мнѣнія Генераль-Аудитора излагаются по формѣ точно также очень подробно.

1800 годъ въ исторіи военной юстиціи ознаменовывается вступленіемъ въ Генераль-Аудиторіатъ новаго генераль-аудитора, кн. Салагова.

Благодаря безконечнодлинной массѣ докладовъ изъ Генераль-Аудитора, можно окончательно установить какъ роль новаго генераль-аудитора, такъ и характеръ его судебной дѣятельности.

До 25-го февраля доклады подписываются только княземъ Шаховскимъ, при чемъ въ заключеніе доклада стоитъ обычная формула: «Генераль-аудиторъ мнѣніемъ своимъ полагаетъ».

25-го февраля 1800 г. къ Государю поступаетъ первый докладъ, подписанный двумя генераль-аудиторами, при чемъ подпись князя Салагова стоитъ ниже подписи кн. Шаховского. Въ заключеніи доклада уже значится: «генераль-аудиторы согласны»... съ такою-то частью приговора и т. д.

Въ теченіе времени съ 25-го февраля до 18 марта 1800 года подъ докладами имѣются подписи обоихъ генераль-аудиторовъ и между ними царитъ полное единодушіе и совершенное согласіе: ни разу имъ не пришлось высказать неодинаковыхъ мнѣній. Однако, даже и въ этотъ незначительный промежутокъ времени генераль-аудиторы въ своихъ мнѣніяхъ становятся болѣе самостоятельными, позволяютъ себѣ не соглашаться съ конфирмаціями высшихъ начальниковъ и провозглашать о необходимости увеличенія или уменьшенія наказанія, принимая во вниманіе тѣ или другія обстоятельства.

По всей вѣроятности, дѣятельность обоихъ генераль-аудиторовъ становится болѣе удачною: Государь ни разу не объявилъ выговора, что, при предшествующихъ нареканіяхъ на высшее военное судилище, невольно поражаетъ при разсмотрѣніи конфирмацій за 1800—01 годы.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

19 марта 1800 года Государю представляется докладъ за подписью только одного князя Салагова и съ формулою: «генераль-аудиторъ мнѣніемъ полагаетъ»...

Съ этого момента начинается самостоятельная дѣятельность кн. Салагова, благодаря ухода въ отставку кн. Шалаховскаго.

Государь все чаще и чаще соглашается съ мнѣніями ген.-аудитора: «согласенъ», «рѣшить по отмѣткѣ генераль-аудитора», «быть по се-му» — пестрѣютъ на каждомъ почти докладѣ.

Объясняется ли это личными способностями кн. Салагова или, быть можетъ, опытомъ Генераль-Аудиторіата за предшествующіе годы, сказать трудно, но указываемый фактъ стоить внѣ всякаго сомнѣнія и бросается въ глаза.

За время съ 1 января 1800 по 12 марта 1801 г. Государю было представлено 345 дѣлъ; опредѣлить въ точности число подсудимыхъ — не представляется возможнымъ, такъ какъ военно-судныя дѣла въ большинствѣ являются изслѣдованіемъ даннаго событія, при чемъ виновные указываются или комиссіей военнаго суда, или Генераль-Аудиторомъ, или, наконецъ, наказаніе падаетъ на лицо, по выбору и усмотрѣнію Высочайшей власти, конфирмующей приговоръ.

Въ конфирмаціяхъ Государь становится особенно рѣшительнымъ: «вздоръ»; «онъ не дворянинъ, то и нечего лишать, а прогнать сквозь строй», «отста-вить, какъ вздорнаго человѣка», «наказать кнутомъ» и т. д.

Въ разсматриваемый періодъ конфирмаціи часто служатъ источникомъ военнаго права: такъ, напр., давая конфирмацію по какому-либо случаю и указывая въ ней порядокъ производства дѣлъ, Государь тѣмъ самымъ создавалъ прецедентъ, который и служилъ какъ бы закономъ: суды и генераль-аудиторіатъ уже руковод-ствуются этой конфирмаціей, какъ закономъ.

Такъ, напримѣръ, по дѣлу поручика Нуджевскаго, «оказавшагося... виновнымъ въ противузаконномъ произведеніи надъ передержателями воровскихъ вещей дѣла» (въ нижнемъ земскомъ судѣ), Государь указываетъ: «какъ сей Нуджевскій поступилъ изъ такового званія людей, изъ коего офицерами быть не слѣдуетъ (не дворянинъ), то, выключая его изъ сего званія, отослать къ гражданскому суду».

Изъ процессуальныхъ дѣйствій, которыя возлагались конфирмаціями на Генераль-Аудиторіатъ, слѣдуетъ отмѣтить интересное съ юридической точки зрѣнія уничтоженіе вещей, добытыхъ преступнымъ дѣяніемъ, или подложныхъ бумагъ, фальшивыхъ ассигнацій и т. п.

Последняя конфирмація имп. Павла относится къ 9 марта 1801 года.

III.

Конфирмаціи наелѣдника великаго князя Александра Павловича ¹⁾.

10 Января 1797 г.

Господину Генералъ-Фельдмаршалу и Кавалеру Графу Салтыкову.

На представленіи отъ военнаго полевыхъ полковъ кригсрехта ко мнѣ на конфирмацію распредѣлить ихъ, однихъ, по единымъ отъ команды отлучкамъ безъ наказанія, замѣняя имъ время аресту, а другихъ, наказавъ шницъ рутенгомъ, въ полки дивизіи мнѣ вѣренной, дабы чрезъ оное избѣжать затрудненія при пересылкѣ, а послѣднихъ по сдѣланнымъ или уже многимъ шалостямъ нужно отправить въ дальнія гарнизоны; которыхъ я и предписалъ отослать къ Вашему Сіятельству; и обо всѣхъ оныхъ прилагаю при семъ списокъ, изъ котораго, усмотря все оное, прикажите дать повелѣніе о выключкѣ изъ прежнихъ командъ, помѣщенныхъ въ мою дивизію, которые мною уже и въ показанные полки отосланы. Января 9 дня 1797 года.

АЛЕКСАНДРЪ.

С п и с о к ъ .

Какихъ командъ прежде были.	Кто имяны.	Конфирмація.	Куда пазначаются.
Нарвскаго пѣхотнаго полка Капитана Деландера деньщикъ . . .	Григорій Естифѣевъ.	Безъ наказанія.	Въ Гарнизонной полкъ Генерала Чернышева. } Въ гарнизонной полкъ Генерала Чернышева. }
Вѣлозерскаго пѣхотнаго полка рядовой	Иванъ Безродной.	Безъ наказанія.	
Отданный въ Москвѣ въ казенной палатѣ рекрутъ	Саломонъ Югановъ.	} Прогнать каждой сквозь баталіонъ шницъ рутенгъ по одному разу. }	
Тобольскаго пѣхотнаго полка рядовой	Александръ Гурьевъ.		
Екатеринославскаго Гренадерскаго полка гренадеръ	Ефимъ Мельниковъ.	Безъ наказанія.	Въ полкъ Генерала Архарова.

¹⁾ Выписано изъ дѣлъ Москов. Отд. Общ. Архива Главнаго Штаба, Опись 200, Св. 45, дѣло № 43.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Какихъ командъ прежде были.	Кто имена.	Конфирмація.	Куда назна- чаются.
Отданный въ Московскоі Казенной палатѣ рекрутѣ	Юганъ Никифоровъ.	Безъ наказанія.	Въ полкъ Генерала Архарова.
Рязанскаго пѣхотнаго полка рядовой . . .	Иванъ Рогожинъ.	тоже.	тоже.
Отданный въ Тверскоі казенной палатѣ и отпра- вленный въ парти съ Маіоромъ Крит- скимъ	Иванъ Козьминъ.	тоже.	тоже.
Прежде бывшей Гвардіи Семеновскаго полка ря- довой.	Константинъ Федо- ровъ.	Безъ наказанія.	тоже.
Выборгекаго пѣхотнаго полка рядовой . . .	Илья Астафьевъ.	тоже.	Въ Кексгольмскоі мушкатерскоі полкъ.
Олонецкаго Егерскаго баталіона егеръ . . .	Юганъ Касперъ Бо- лемъ.	Прогнать шпиръ ру- тенгъ сквозь бата- ліонъ одинъ разъ.	Отослать въ дальніе гарнизоны.
Штата Московскоі уп- равы благочинія 3 части фурманчикъ. .	Прокофій Козловъ.	} Во уваженіе старо- сти дѣтъ отъ наказа- нія освобождаются.	} Отослать въ даль- ныя гарнизоны.
Симбирскаго гарнизона рядовой	Кирило Орловъ.		
Итого 13 человекъ.			

Подписаль Генераль-Маіоръ и Кавалеръ *Аракчеевъ.*

1 Февраля 1797 г.

Господину Генералъ-Фельдмаршалу и Кавалеру Графу Салтыкову.

По содержанию сходенъ съ предшествующимъ.

С п и с о к ъ .

Какихъ прежде командъ были.	Кто имяны.	За какое преступленіе.	Какая резолюція и куда опредѣлена.
Таврическаго Гренадерскаго полка Сержантъ.	Бывшемъ воинскомъ полевыхъ полковъ Кригерехтъ: Иванъ Калачовъ.	За даваніе подъ видомъ яду дворовому человѣку порошковъ, и въ знаніи про намѣреніе тѣмъ человѣкомъ опонть помѣщика своего.	Разжалованъ въ рядовья и отосланъ въ военную Коллегію для опредѣленія въ дальняя гарнизоны.
Архангельскаго Гарнизоннаго Генералъ-Маіора и Кавалера Болотникова полка рядовой	Егоръ Михайловъ.	За побѣгъ.	Дано 50 лозоновъ и опредѣленъ въ гарнизонной Генералъ-Лейтенанта Вязмитнова полкъ.
Нижегородскаго мушкетерскаго полка рядовой	Василій Екимовъ.	За побѣгъ.	Безъ наказанія опредѣленъ въ полкъ Генерала отъ Инфантеріи Архарова.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Какихъ прежде командъ были.	Кто имяны.	За какое преступленіе.	Какая резолюція и куда опредѣлены.
Выключенной Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка капраль . . .	Фадей Григорьевъ.	За сочиненіе фальши-фыхъ атестатовъ пашпортовъ и векселей.	Прогнанъ шпицрутентъ сквозь тысячу человекъ два раза, разжалованъ въ рядовыя, и опредѣленъ въ полкъ Генерала отъ Инфантеріи Архарова.
Отставной изъ Пековскаго пѣхотнаго полка рядовой	Ефремъ Федоровъ. При Гвардейскомъ артиллерійскомъ баталіонѣ.	За пьянство.	Безъ наказанія опредѣленъ въ гарнизонной Генераль-Лейтенанта Вязмитинова полка.
Присланные Государственной военной Коллегіей изъ Генераль-Аудиторской Экспедиціи рекруты.	Петръ Ворцомъ. и Михаилъ Еремѣевъ. При Кекегольскомъ полку.	За побѣгъ. За побѣгъ.	Опредѣлены въ полкъ Генерала отъ Инфантеріи Архарова, первой безъ наказанія, а послѣднему дано 50 лозоновъ.
Присланные Государственной военной Коллегіи изъ Генераль-Аудиторской Экспедиціи рекруты.	Яковъ Югановъ. и Никифоръ Ивановъ.	За побѣгъ. За побѣгъ.	Опредѣлены безъ наказанія въ полкъ Генерала отъ Инфантеріи Архарова.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Какихъ прежде командъ были.	Кто имяны.	Конфирмація.	Какая резолюція и куда определены.
Бывшаго С.-Петербургскаго 1 баталіона профосъ	При Гарнизонномъ Генераль - Лейтенанта Вязмитинова полку. Иоганнъ Иогановъ.	За побѣгъ и утрату казенныхъ вещей.	Дано 50 лозоновъ и отосланъ въ военную коллегію для опредѣленія въ дальнія гарнизоны профосомъ.
Бывшаго С.-Петербургскаго 2 баталіона рядовой	Григорій Сосновъ.	За побѣгъ и утрату казенныхъ вещей.	Дано 50 лозоновъ, а за утрату казенныхъ вещей вычитать вѣдно изъ жалованья и опредѣленъ въ полкъ Генераль - Лейтенанта Вязмитинова.

Подлинный подписалъ Генераль-Маіоръ и Кавалеръ *Аракчеевъ*.

10 февраля 1797 г.

Господину Генераль-Фельдмаршалу и Кавалеру Графу Салтыкову.

По представленнымъ ко мнѣ дѣламъ изъ бывшаго отъ полевыхъ полковъ кринсрехта, о бывшемъ Екатеринскаго Егерскаго корпуса 1-го баталіона Маіора Парчевскаго денщикѣ Ильѣ Ивановѣ, и изъ учрежденной при ордонапсъ-гаузѣ комисіи воинскаго суда, Лейбъ Гусарскаго полка, Поручика Вѣтошкина, денщикѣ же Николаѣ Потановѣ и рекрутахъ, присланныхъ Государственной военной коллегіи отъ экзекуторскихъ дѣлъ, Леонѣ Кадушевичѣ, Василю Павловѣ, и отданномъ въ Тверской Казенной палатѣ, Яковѣ Шуровѣ, приказалъ я Иванова за побѣгъ и кражу шницрутенгомъ сквозь баталіонъ одинъ разъ, Шурова за кражу-жъ и побѣгъ прогнать шницрутенгомъ же сквозь баталіонъ два раза, денщику-же Потанову дать 25 лозоновъ палками, рекрута-жъ Кадушевича безъ нака-

ПРИЛОЖЕНИЯ.

занія. И опредѣлили въ полки: и изъ оныхъ Потапова, Иванова и Павлова къ Генералу-отъ-инфантеріи и Кавалеру Архарову, а Шурова и Кадушевича Генералу-Лейтенанту и Кавалеру Вязмитинову рядовымъ, о выключивъ жъ деньщиковъ Потапова и Иванова изъ прежнихъ командъ прикажите Ваше Сіятельство дать повелѣніе, которые мною уже въ показанные полки и отосланы. Февраля 10 дня 1797 г. АЛЕКСАНДРЪ.

По представленному ко мнѣ изъ учрежденной при ордонансъ-гаузѣ комисіи Военскаго суда слѣдственному дѣлу о бывшемъ въ С.-Петербургскомъ 4-мъ баталіонѣ, профосѣ Кирилѣ Мѣшалкинѣ въ учиненной имъ отлучкѣ, приказалъ я прогнать шницрутеномъ сквозь баталіонъ два раза, и по наказаніи для опредѣленія въ дальнія гарнизоны отослать въ Государственную военную коллегію, которой уже изъ прежней команды выключень, а Вашему Сіятельству симъ даю знать. Февраля 10 дня 1797 г. АЛЕКСАНДРЪ.

По представленному ко мнѣ изъ учрежденной при ордонансъ-гаузѣ комисіи военскаго суда слѣдственному дѣлу, Лейбъ-Гренадерскаго полку, о рядовомъ Данилѣ Архиповѣ, въ пьянствѣ и грабежѣ; приказалъ я прогнать шницъ-рутенгомъ сквозь комплектный баталіонъ оный разъ, и по наказаніи написавъ въ профосы, для опредѣленія въ дальнія гарнизоны отослать въ Государственную военную коллегію, которой уже изъ помянутаго полку выключень, о чемъ Вашему Сіятельству симъ и даю знать. Февраля 17 дня 1797 года. АЛЕКСАНДРЪ.

Кексгольмскаго мушкатерскаго полка унтеръ-офицеръ Кирило Капбаровъ за дурное поведеніе и не прилежность въ службѣ, по представленію Шефа разжалованъ въ рядовые. О чемъ Вашему Сіятельству симъ и даю знать. Февраля 19 дня 1797 года. На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Высочества. АЛЕКСАНДРЪ.

Опредѣленный прошлаго 795 года января 24 дня, Правительствующимъ Сенатомъ, въ Вышневолоцкую контору водяныхъ коммуникацій въ чертежные ученики Александръ Бахтуринъ, сего Февраля 19 дня Его Императорскимъ Величествомъ произведенъ въ Аудиторы, которой и помѣщенъ по представленію Генерала-отъ-инфантеріи и Кавалера Архарова въ его полкъ на имѣющуюся ваканцію, почему и предписано отъ меня ему, Архарову, онаго Бахтурина на сей чинъ привести къ присягѣ и, учинивъ надлежащее за повышеніе, за патентъ и прочее взыскаііе, въ полкъ онымъ званіемъ въ унтеръ штабъ причислить, о чемъ Вашему Сіятельству симъ и даю знать. Февраля 20 дня 1797 года.

АЛЕКСАНДРЪ.

IV.

Рескриптъ Императора Александра I-го.

Объ обращеніи съ солдатами ¹⁾.

1804.

Господишу генераль-лейтенанту, брестской и украинской инспекціи по кавалеріи, инспектору Боуру. Доходитъ до свѣдѣнія моего, что во многихъ полкахъ при обученіи солдатъ и рекрутъ экзерциціи наказываютъ ихъ съ такой строгостью, какую употреблять должно съ случаѣ важныхъ только преступленій. Метода сія, бывъ столько же вредна для службы, сколько противна здравому разсудку, введена конечно, или отъ непонятія, въ чемъ состоятъ должна воинская строгость, или же отъ природной нѣкоторыхъ склонности къ жестокостямъ. Первое непростительно никакому офицеру, а послѣдняя, обнаруживая дурныя свойства души, уничтожаетъ въ немъ самое достоинство человѣка. Неоспоримо, что строгость въ войскѣ отнюдь ослабляема быть не должна и взыскаііе за проступки дѣлать надлежитъ неупустительно; но съ преступленіями, подвергающимъ виновнаго строгому наказанію, нельзя смѣшивать погрѣшностей, происходящихъ по неумышленности или отъ непривычки еще къ тому, о чемъ погрѣшающій не имѣлъ прежде никакого понятія. Преступленія моральныя, какъ запрещаемыя всѣми законами: грабежъ, воровство, обманъ и проч., такъ, въ особенности, петершмыя въ службѣ воинской: неповиновеніе командиру, оплошность, стоя на караулѣ, небреженіе ружья своего и амуниціи, отлучка безъ позволенія, трусость противъ непріятеля и тому подобныя, требуютъ неотложнаго взыскаііа, сужденія по воинскимъ артикуламъ и неизбѣжнаго наказанія. Но ошибки въ ружейныхъ приѣмахъ, въ маршированіи, въ словахъ, когда рапортуетъ или является вѣстовымъ, особливо же въ повонрніиномъ солдатѣ, требуютъ больше

¹⁾ Русская Старина, 1872 г., т. VI.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

неусыпности офицера и способности его къ наученію, нежели строгости. Она въ семь случаевъ не только не вмѣстна, но вредна для службы и для самыхъ успѣховъ въ доведеніи обучаемыхъ до надлежащаго познанія; ибо кромѣ того, что чрезъ частныя безразсудныя наказанія лишается солдатъ здоровья и крѣпости, толико нужныхъ ему для понесенія трудовъ военныхъ, несогласно съ разумомъ, чтобы онъ, выходя на ученье, имѣлъ въ намѣреніи своемъ ошибаться съ умысла; напротивъ того, ежеминутное ожиданіе палочныхъ ударовъ, а особливо въ человѣкѣ торопливомъ, разстроиваетъ вниманіе его, и при всемъ напряженіи силъ исполнить наилучшимъ образомъ командуемое, ошибается онъ на всякомъ шагу и при всякомъ словѣ. Движимъ будучи чувствованіями состраданія къ сему толико заслуживающему о себѣ попеченія классу людей и желая, чтобы какъ высшіе, такъ и другіе офицеры при обученіи солдатъ должностямъ ихъ и экзерциціи, давали себѣ больше труда ко вразумленію ихъ въ томъ прилежнымъ и частымъ растолкованіемъ, и тѣмъ, а не побоями, гдѣ безъ нихъ обойтись можно, доводя ихъ до совершенной исправности, отличали сами себя успѣхами и приобрѣтеніемъ похвалы и достойной справедливости. Я рекомендую вамъ возымѣть объ ономъ рачительное попеченіе и сообщить съ сего копіи господамъ шефамъ полковъ ввѣренныхъ вамъ инспекціи, на тотъ конецъ, чтобы они не предписаніями и не отдачею въ приказахъ, а внушеніями, при случаяхъ приличныхъ, эскадроннымъ командирамъ и собственнымъ своимъ надзоромъ старались дать желаемое на сей предметъ вліяніе. Впрочемъ, сіе мое повелѣніе сохранить имъ, какъ и вамъ, въ одномъ только своемъ свѣдѣніи. Въ С.-Петербургѣ, іюля 12-го дня 1804 г.

Александръ.

V.

Правила, коими руководствоваться для приуготовленія въ канцеляріи 5 Правительствующаго Сената Департамента, Канцелярскимъ служителямъ къ должности Аудиторской 1809 г.

1.

Число приуготовляющихся неограничено.

2.

Принимать изъ всякаго состоянія людей съ атестатами о ихъ поведеніи, и чтобы знали правильно писать и читать, чинами не выше Губернскаго Секретаря и не ниже подканцеляриста и при самомъ принятіи ихъ, приводя къ присягѣ, употреблять къ назначенному запятію.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

3.

Занятіе ихъ будетъ подѣ наблюдениемъ Секретарей: сочинять изъ дѣла записки и послѣ обѣда два раза въ недѣлю собираться въ канцеляріи Сената и записываться подѣ наблюдениемъ особаго чиновника чтениемъ приличныхъ законовъ къ должности, къ коей они приготавливаются.

4.

Ежемѣсячно дѣлать испытаніе чрезъ Оберъ-Секретарей, при Оберъ-Прокурорѣ, о ихъ успѣхахъ; буде кто, по истеченіи трехъ мѣсяцевъ, никакого успѣха не покажетъ, то изъ числа учешковъ выключать, равно и тѣхъ, кои не явятся къ чтенію два раза сряду и не имѣя на то никакихъ законныхъ причинъ.

5.

По прошествіи трехъ мѣсяцевъ Оберъ-Прокуроръ имѣетъ представлять Министру о успѣхахъ приготавливаемыхъ чиновниковъ, и отличившіеся получаютъ по усмотрѣнію Министра денежное награжденіе.

6.

Кои окажутся способными для исправленія аудиторской должности, представлены будутъ отъ Оберъ-Прокурора Министру, къ выпуску съ награжденіемъ чина.

7.

Не воспрещается тѣмъ, кои имѣютъ мѣсто и чувствуютъ себя способными къ отправленію Аудиторской должности, съ позволенія своихъ начальствъ, не покидая занимаемыя ими мѣста, просить испытанія вмѣстѣ съ прочими, и буде найдутся способными, будутъ представлены Министру на основаніи 6 пункта.

8.

Способному чиновнику для отправленія Аудиторской должности предполагается знать хорошо сдѣлать изъ дѣла записку, порядокъ Военнаго Суда и частію законы уголовныя.

9.

Къ мѣсячному испытанію каждой приготавливающей себя къ Аудиторской должности обязанъ представить отъ Секретаря, у коего онъ находится, одобреніе, сколько въ теченіе мѣсяца сочинилъ изъ дѣла выписокъ и изъ какихъ именно. Къ выпискамъ симъ долженъ онъ подобрать приличные по обстоятельствамъ дѣла законы, и располагать ихъ такимъ образомъ, чтобы по повѣркѣ съ дѣломъ Секретаремъ, годна была она и для доклада Правит. Сенату.—А сіе и послужить доказательствомъ въ дѣятельности и успѣхахъ приготавлиющихся къ сказанному предмету.

(Сенат. Арх., Дѣла Мин. Юст., 1809 г.).

VI.

Докладъ по дѣлу о полковникѣ Вунчѣ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

Отъ Генераль-Аудиторіата

Д о к л а д ъ .

Марта 4-го дня
1812 гѣда
В ы с о ч а й ш е в е л ѣ н о
освободить отъ суда и
опредѣлить въ 19 егер-
скій полкъ.

По суду, произведенному надъ вышедшимъ изъ плѣна отъ Шведовъ, бывшимъ 25 Егерскаго полка Шефомъ Полковникомъ Вунчемъ 1-мъ, сужденномъ по Высочайшему Вашего Императорскаго Величества повелѣнію за то, что онъ въ мнившую компанію, находясь съ отрядомъ войскъ на Аландскихъ островахъ, отдался въ плѣнъ; во всеподданнѣйше подносимомъ отъ Генераль-Аудиторіата 811 года Апрѣля 18-го докладѣ изъясняемо было, что оный Полковникъ Вунчъ по даннымъ ему предписаніямъ занялъ Аландскія острова со 2-го числа Апрѣля прошедшаго 808 года, при чемъ отъ Главнокомандовавшаго Финляндскою арміею Генерала отъ Инфантеріи Графа Буксгевдена между прочаго велѣно: покуда ледъ еще не разрушился стараться ему Вунчу сколько возможно болѣе собрать лодокъ при всѣхъ проливахъ между островами на пути къ городу Або, такъ чтобы когда потребуется надобность, можно было свободно отряду его переправиться; отрядъ же сей при Полковникѣ Вунчѣ состоялъ изъ одного баталіона 25 Егерскаго полка и 22 казаковъ войска Донскаго полка Подполковника Лаццилина 1-го, имѣя продовольствія по 1-е число Мая и по распоряженію бывшаго Шефа Гродненскаго Гусарскаго полка Генераль-Маіора Шепелева, который уже уволенъ отъ службы, изъ онаго отряда 22 казака находились Свиты Вашего Императорскаго Величества по квартирмейстерской части при Маіорѣ Нейдгартѣ, да подъ его же командою расположены на большомъ острову при одномъ Штабъ-офицерѣ: Оберъ-офицеровъ 6, унтеръ-офицеровъ 8, музыкантовъ 2, егерей 120 человекъ, съ такимъ оному Нейдгарту повелѣніемъ, что коль скоро непріятель къ островамъ приближаться будетъ, то

соединиться ему съ Полковникомъ Вунчемъ на островѣ Кумлингѣ, на коемъ Вунчъ оставленъ по повелѣнію помянутого жъ Генералъ-Маіора Шепелева съ двумя Штабъ-офицерами, 17 Оберъ-офицерами, 12 музыкантами, 503-мъ рядовыми и 22 пестроевыми чинами. При такомъ положеніи отряда, по поводу допесенія онаго жъ Шепелева, что остановится удерживать Аландскія острова по вскрытіи воды не возможно, получилъ онъ, Вунчъ, предписанія 18 и 26 чиселъ Апрѣля, чтобы оставить острова и занять мѣста по данной диспозиціи; вслѣдствіе чего онъ Вунчъ, какъ ледъ съ 19 числа Апрѣля былъ уже слабъ, велѣлъ въ собранинхъ судахъ и лодкахъ исправить разныя случившіяся чрезъ зиму поврежденія; но между тѣмъ 24 числа Апрѣля бывшимъ на островѣ Эвериясъ шкетомъ примѣчены въ морѣ три большія парусныя и болѣе 50 мелкихъ судовъ, которые Маіоромъ Нейдгартомъ признаны непріятельскими, и потому онъ Нейдгартъ возвращался къ отряду при Феризундѣ; однако взбунтовавшимися въ то же самое время вооруженными жителями, онъ Нейдгартъ на пути, равно и вся команда подъ начальствомъ его бывшая, при всемъ сопротивленіи сдѣланы плѣнными. 25 числа около острововъ, занимаемыхъ Полковникомъ Вунчемъ, на всѣхъ мѣстахъ ледъ разрушился, а 26 показались и тамъ оныя жъ непріятельскія суда, въ какое время получено имъ Вунчемъ и вторичное предписаніе объ отступленіи; и онъ Вунчъ отправилъ впередъ одного Штабъ-офицера, одного оберъ-офицера, трехъ утеръ-офицеровъ, 44 человекъ егерей и пестроевыхъ чиновъ на островъ Брендо ¹⁾, а 27 числа, когда ледъ на морѣ сдѣлался рѣже, и число непріятельскихъ лодокъ умножалось, то Вунчъ, не имѣя никакого извѣстія о положеніи отряда Маіора Нейдгарта, рѣшился съѣсть на суда, бывшія подъ его Вунча распоряженіемъ, но при исполненіи видѣлъ совершенное свое незнакомство въ управленіи руля, парусовъ и движеній въ морѣ, находясь на ономъ, какъ и самъ объясняетъ, въ первый разъ въ своей жизни, равно и отъ подчиненныхъ видѣлъ совершенное незнакомство, безпорядокъ и неминуемую свою потерю; непріятель же, надзирая все его предпріятія, на всѣхъ пунктахъ подвинулся впередъ, дабы уничтожить сіе намѣреніе. Попытаясь на лодкахъ приблизиться къ берегу и выйти на островъ, но будучи въ разныхъ мѣстахъ встрѣченъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, не могъ предпріятія своего исполнить и удалился отъ выстрѣла, а онъ Вунчъ, не находя ничего болѣе, кромѣ защищать себя на островѣ, за исключеніемъ 47 большихъ, коихъ такое число утверждаетъ подъ присягою и лѣкаръ Статковскій, также тѣхъ командъ, кои расположены были на островахъ Брендо, Вартцало и въ деревнѣ Гельзингѣ, изъ оставшейся при немъ команды: Штабъ-офицера одного, оберъ-офицеровъ 12, утеръ-офицеровъ 33, музыкантовъ 12 и рядовыхъ 318 человекъ, учредилъ шкеты изъ сорока и болѣе человекъ на тѣхъ пунктахъ, гдѣ могъ ожидать атаки и десанта, а съ двумя ротами былъ въ

¹⁾ Сія команда, не дошедши до Брендо, на другой день сильнымъ льдомъ принесена на пустой островъ, и Шведами-жъ взята въ плѣнъ.

центръ острова и успивалъ тѣ мѣста, на которыя непріятель болѣе стремился, по 28 числа пополудни въ 12 часовъ непріятель, умножившійся болѣе трехъ тысячъ человекъ, приближась къ острову, очищалъ берегъ картечными и пушечными выстрѣлами, и сдѣлалъ въ трехъ мѣстахъ высадку съ артиллеріею при каждомъ мѣстѣ по три орудія и такимъ образомъ атаквали его въ одно время на всѣхъ пунктахъ. Толпы изъ вооруженнаго взбунтовавшаго парода подъ начальствомъ морскихъ офицеровъ, слѣдя за пушками и въ великомъ числѣ, стремились смѣло, однако-жъ егеря, несмотря ни на чрезмѣрное число непріятели, ни на пальбу пушекъ, дрались храбро до четырехъ часовъ пополудни, и, наконецъ, будучи сильно атакваны, отступали въ безпорядкѣ; хотя жъ Подполковникъ Чистяковъ бросился впередъ, ободрялъ егерей и собиралъ разстроенныхъ, но непріятель, наступая смѣло и не давая времени для устройства, почти въ одно время ворвался въ деревню, въ которой еще продолжалось нѣкоторое время сраженіе; на послѣдокъ, не имѣя при себѣ орудій и, когда у рядовыхъ не стало патроновъ, копѣхъ на каждомъ состояло положенное число по сорока²⁾, къ тому-жъ раненыхъ, какъ и лѣкарь Статковскій подъ присягою увѣряетъ, было уже 63 человекъ, и по несоразмѣрному числу непріятели, отъ котораго должно было имѣть въ разныхъ мѣстахъ шкеты, изъ копѣхъ нѣкоторые на отдаленныхъ пунктахъ острова отрѣзаны, непріятель преодолѣлъ отраженіе, и тогда онъ Вунчъ съ прочими сдѣланъ плѣннымъ. О каковомъ захваченіи нашего отряда и Генераль-маіору Шепелеву, донося Генераль-Маіору Сазонову, изъяснялъ, что непріятель, будучи въ превосходной силѣ, мелкою флотиліею, вооруженною орудіями, зашелъ моремъ въ тылъ къ острову Кумлинго, гдѣ Полковникъ Вунчъ, какъ жители деревни Гельзинга утверждаютъ, двое сутокъ упорствовалъ и удерживалъ сей островъ, но какъ непріятелю извѣстно было, что къ сторонѣ Гельзинга ледъ еще не очистился, то, видя невозможность къ ретирадѣ Вунча на лодкахъ, кои имъ были приготовлены, обошелъ сей островъ, производя безпрерывно выстрѣлы изъ пушекъ, многихъ побилъ и, наконецъ, высадилъ десантъ, чего Вунчъ по обширности мѣстоположенія удержать не могъ, и онъ Шепелевъ, какъ самовидецъ всѣхъ острововъ, свидѣтельствуетъ ту невозможность, которая по случаю прерванія коммуникаціи льдомъ, воспренятствовала ретироваться.

²⁾ Изъ числа бывшихъ въ отрядѣ Полковника Вунча оберъ-офицеровъ 6 человекъ показали, что 28 числа Апрѣля, продолжая съ непріателемъ сраженіе, рядовые выстрѣляли всѣ свои патроны, состоявшія на каждомъ по 30. А изъ рапорта Генераль-Маіора Шепелева къ Генераль-Маіору Сазонову отъ 9 мая видно, что при отрядѣ Вунча состояло и четыре патронныхъ ящика, но Вунчъ, утверждая о полномъ количествѣ патроновъ бывшихъ у рядовыхъ объясняетъ, что конечно тѣ офицеры исключаютъ патроны выстрѣленные 27 и показываютъ только о тѣхъ, сколько было на каждомъ егерѣ 28 числа, а что ящики находились при баталіонѣ, сіе согласно съ положеніемъ дѣла, ибо баталіонъ расположенъ былъ отъ Гельзинга до Экеры, между коимъ пространствомъ занимался и островъ Брендо, и на ономъ ящики оставлены по словесному приказанію помянутаго Шепелева за худостію льда, и такъ какъ онъ Вунчъ по увѣренію Начальства не будетъ оставаться на островахъ, то не основательно бы было забирать съ собою на дальнѣйшіе пункты патронные ящики по ломкому пути.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Подсудимый Полковникъ Вунчъ въ службѣ съ 777 года, въ высшемъ чинѣ съ 803 года, Сербскаго Шляхетства. изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей 44 лѣтъ, въ походахъ и многократныхъ сраженіяхъ находился, причемъ раненъ въ правую ногу на вылетъ пулею, а въ правую руку получилъ отъ картечи сильную контузію. За отличія въ сраженіяхъ имѣеть ордена: Св. Георгія 3, Св. Анны 2 класса, Св. Владиміра 3-й степени и за Изманльскій штурмъ золотой знакъ съ надписью «за отъѣшную храбрость», въ штрафахъ не бывалъ и къ повышенію аттестованъ достойнымъ.

Военный Судъ въ Сентенціи заключалъ: 1-е, что Полковникъ Вунчъ съ отрядомъ своимъ, состоявшимъ изъ Штабъ-офицеровъ трехъ, оберъ-офицеровъ двадцати трехъ, унтеръ-офицеровъ пятидесяти трехъ, музыкантовъ четырнадцати, рядовыхъ шестисотъ двадцати трехъ, Казачьяго Подполковника Лоцилна полка двадцати двухъ казаковъ, занималъ острова, большими разстояніями воды одинъ отъ другого отдѣленные, не могъ удачно удержать мѣста, будучи атакованъ превосходнымъ числомъ непріятеля на разныхъ пунктахъ и не имѣя у себя артиллеріи. 2-е, цѣль его отправленія, какъ изъ дѣла видно, относилась не къ удержанію острововъ, ибо и тогдашнее начальство полагало, что удерживать ихъ невозможно. 3-е, судя по большимъ плесамъ между острововъ, Вунчъ не былъ въ возможности сдѣлать благополучную ретраду, потому что задніе заливы были уже заняты непріятельскими военными судами. Подсудимый, находясь безъ орудій на лодкахъ, какія имъ только у Аландскихъ жителей были отобраны, и безъ людей, умѣющихъ управлять ими, при атакѣ его военными судами на морѣ, не могъ бы сдѣлать ни малѣйшей обороны, кромѣ того, какъ или сдаться, или отъ прострѣла его лодокъ пушечными зарядами, потонуть со всѣми людьми въ морѣ, не причиня ни малѣйшаго вреда непріятелю, и 4-е, скурса же онъ не могъ имѣть въ виду потому, что онаго не было назначено, да и не было никакой въ то время нашей флотиліи; почему Коммиссія военного суда, на основаніи воинскаго устава 123 артикула 3 и 4 пунктовъ, находя сѣи причины достаточными къ извиненію подсудимаго Полковника Вунча противу того, за что онъ преданъ сужденію, виновнымъ его не находила. Мнѣніями полагали:

Командиръ 21 дивизіи Генераль-Маіоръ Демидовъ, согласно съ Сентенціею военного суда; а Генераль-Лейтенантъ Штейнгель, описывая въ подробности обстоятельства сего дѣла, изъяснялъ, что изъ всѣхъ оныхъ Генераль-Аудиторіатъ усмотритъ, каково было положеніе Полковника Вунча. Въ разпорѣчивыхъ показаніяхъ о патронахъ и патронныхъ ящикахъ, хотя онъ и сдѣлалъ правдоподобныя поясненія, но они не удостовѣрены, и онъ Штейнгель не полагалъ въ томъ надобности 1-е: потому, что если бы Вунчъ по посланному къ нему повелѣнію о ретрадѣ съ острововъ, могъ оную выполнить, то ящики сѣи не что иное бы произвели, какъ затрудненіе, а можетъ быть и остановку въ отступленіи, и 2-е потому, что ежели бы имѣлъ ихъ при защищеніи себя, то можетъ быть держался бы день или два больше, и потомъ потеря болѣе людей убитыми, все бы принужденнымъ нашелъ себя сдаться

ПРИЛОЖЕНІЯ.

превосходству сихъ непріятели, ибо провіанта имѣлъ по 1-е только мая, скурса же никакъ и ожидать не могъ, послѣку Аладскіе острова съ того самаго времени находились занимаемыми Шведскими войсками чрезъ все то лѣто и осень до слѣдующей зимы; слѣдовательно, оба сіи обстоятельства не улучшили бы отряду сему ни ретраду, ни защищеніе. И за симъ онъ Генераль-Лейтенантъ Штейнгель, принявъ за удостовѣреніе въ защищеніи себя Вуичемъ на островѣ Кумлинго до послѣдней и самой крайней невозможности, свидѣтельство Штабъ- и Оберъ-офицеровъ и рапортъ Генераль-Маіора Шепелева, гдѣ онъ описываетъ положеніе того отряда и атаки на него непріятельской, и притомъ долговременная и похвальная служба подсудимаго доказываютъ, что онъ употреблялъ всѣ средства къ отвращенію своего несчастья, но не могъ по всей справедливости его превозмочь, а потому и онъ, Штейнгель, соглашаясь съ заключенною Сентенціею и мнѣніемъ Генераль-Маіора Демидова, предавалъ на разсмотрѣніе Генераль-Аудиторіатъ, по разсмотрѣніи сего дѣла, находя тогда приговоръ военного суда и мнѣніе Генераль-Лейтенанта Штейнгеля согласнымъ съ законами и обстоятельствами, по суду открывшимся, по коимъ подсудимый Полковникъ Вуичъ признанъ невиновнымъ въ отдачѣ себя съ отрядомъ войска въ плѣнъ, полагалъ его Вуича отъ Суда освободить. Но Военный Министръ Юня отъ 7-го числа объявилъ: что Ваше Императорское Величество по выслушаніи онаго доклада замѣтить изволили: что учрежденная надъ нимъ Вуичемъ Коммиссія военного Суда при производствѣ своемъ не имѣла у себя въ предметѣ донести по дипломатической части отъ Тайнаго Совѣтника Алапеуса писанной къ Государственному Канцлеру Нашему Графу Румянцову, которая даетъ дѣлу сему совсѣмъ другой видъ; а потому Высочайше повелѣть соизволили обратить упоминаемый докладъ и вмѣстѣ съ онымъ препроводить означенную денешу на тотъ конецъ, чтобы Коммиссія военного Суда, производившая дѣло надъ Полковникомъ Вуичемъ, разсмотрѣла описываемыя въ сихъ бумагахъ обстоятельства, и сдѣлавъ по онымъ заключеніе свое, представила потомъ въ Генераль-Аудиторіатъ, а сей, по доставленіи онаго заключенія, обязанъ будетъ сдѣлать соображеніе съ существомъ дѣла, и поднести тогда вновь докладъ на Высочайшую конфирмацію съ изложеніемъ мнѣнія своего; причемъ Военный Министръ приложилъ упоминаемую денешу на французскомъ языкѣ съ краткою выпискою изъ оной на русскомъ, которые и препровождены были въ учрежденную надъ Полковникомъ Вуичемъ Коммиссію военного Суда.

Въ оной же денешѣ и выпискѣ, сверхъ происшествій, случившихся съ прочими отрядами, обстоятельства, касающіяся до подсудимаго Вуича, находившагося на островѣ Кумлингѣ значится слѣдующее: Лейтенантъ Капфельманъ въ 1 рапортѣ своемъ отъ 9 мая 808 года писалъ, что, получая достаточныя свѣдѣнія о силахъ и положеніи непріятели, а притомъ перехвативъ повелѣніе Россійскаго Начальника въ Кумлингъ, чтобы Аладскому отряду немедленно ретироваться, отправился онъ Капфельманъ съ дивизіею его въ Кум-

ПРИЛОЖЕНІЯ.

лишгъ, дабы воспрепятствовать отступленію непріятели въ Финляндію; и такъ какъ непріятельскія войска, находящіяся въ Кумлингѣ, простирались до 660 человекъ и не могли оставить сей островъ по причинѣ льду, то Капфельманъ послалъ къ нимъ Парламентера, чтобы уговорить ихъ сдаться, на что получилъ отъ Полковника Вуича отвѣтъ, притомъ же рапортъ приложенный подъ № 1 съ предложеніемъ перемирія на 8 дней, на которое и онъ Капфельманъ согласился, потому что силы его были слабѣ русскихъ, съ тѣмъ однакожъ условіемъ, чтобы въ продолженіи сего времени никто изъ нихъ не могъ оставить островъ, на сіе получилъ отвѣтъ отъ помянутаго жъ Вуича приложенное подъ № 2 ¹⁾, а потому отправленъ отъ него Капфельмана Лейтенантъ Кронштедъ на баркасѣ № 11-й пробиваться съ помощью мужиковъ сквозь ледъ къ сѣверному берегу Кумлинга, дабы воспрепятствовать непріятелю переходъ въ Финляндію: самъ же въ виду Россіянъ завладѣлъ большою яхтою и потопилъ нѣсколько судовъ. А во 2 рапортѣ отъ 13 мая Лейтенантъ же Капфельманъ, донося, что онъ собралъ жителей Аладскихъ острововъ около 450 человекъ, и упоминая о заключенномъ съ непріятелемъ перемиріи на недѣлю съ вышеупомянутымъ условіемъ, чтобы никто не оставилъ острова Кумлинга и жители не потеряли бы никакого притѣненія, писалъ, что, получивъ извѣстіе о находящихся въ готовности пяти судахъ съ войсками къ отправленію въ Брендо и что непріятель грабилъ Кумлингскихъ жителей, кои прешуждены съ жепами и дѣтьми искать у него спасенія, и почитая сіе разрывомъ заключеннаго перемирія, онъ приказалъ Лейтенанту Кронштеду, командовавшему баркасомъ № 11, пробиваться сквозь ледъ и взять три большія мужичьи судна, дабы воспрепятствовать переѣзду въ Брендо, а къ непріятелю послалъ Парламентера для представленія о несправедливомъ его поступкѣ, самъ же, приближаясь съ своимъ Канонерскимъ баркасомъ, отправилъ другаго Парламентера, дабы увѣдомить непріятели о своихъ силахъ и уговорить его къ сдачѣ, но на то получилъ отказъ; а потому 9 числа, сдѣлавъ нужныя распоряженія къ нападенію, и взявъ съ Баркаса пять двухъ фунтовыхъ фалконетовъ, пошелъ на непріятели съ жителями Алада, и пополудни въ половинѣ 3 часа началась пальба, и сраженіе продолжалось съ большимъ упорствомъ до четырехъ часовъ, а тамъ непріятель положилъ ружье и взяты въ плѣнъ: одинъ Полковникъ, одинъ Подполковникъ, одинъ Маіоръ, Оберъ-офицеровъ 17, унтеръ-офицеровъ 38, лѣкаръ одинъ, цырюльниковъ три, барабанщиковъ 10 и 400 рядовыхъ. Съ Шведской стороны убитыхъ 2, раненыхъ 5, а непріятели, сколько онъ Капфельманъ узнать могъ, потерялъ убитыми одного и раненыхъ восьми.

¹⁾ Въ отвѣтахъ Полковника Вуича, писанныхъ къ Начальнику Шведскихъ войскъ отъ 26 Апрѣля 808 года, значится, во-1, что онъ соглашается на первое ихъ предложеніе, чтобы оставить въ теченіи недѣли острова, не причиняя ни малѣйшаго вреда жителямъ оныхъ; а во-2, отказываясь, онъ Вуичъ сдается на капитуляцію, соглашался заключить перемиріе на 8 дней, съ тѣмъ, что если въ теченіи сего времени не оставитъ острововъ или не получатъ помощи, то предоставялъ поступить съ собою по правамъ войны, на что и ожидалъ согласія.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Въ выпискѣ изъ Шведскихъ придворныхъ вѣдомостей 20 мая означено донесеніе приходскаго товарища Гуммеруса, въ коемъ между прочимъ сказано: что по полученному имъ Гуммерусомъ извѣстію, о прибытіи небольшой Шведской Эскадры въ Кумлингъ и о требуемой Начальникомъ оной помощи отъ тамошнихъ жителей, онъ Гуммерусъ отправился туда къ 10 числу съ 300 человекъ, и соединясь съ Лейтенантомъ Капфельманомъ начали панаденіе въ два часа пополудни. Русскіе аванпосты, поставленные за пригорками производили сильный огонь, на который ихъ люди и артиллерія отвѣчая равномерно, шли впередъ, и послѣ упорнаго сраженія, продолжавшагося полтора часа, русскіе положили ружье и подняли бѣлый флагъ.

Противу сего Полковникъ Вунчъ показалъ, что učinенное ему 26 числа Апрѣля отъ Лейтенанта Капфельмана предложеніе о сдачѣ, онъ Вунчъ отвергнулъ, согласенъ былъ буде въ продолженіи одной недѣли не получить сикурса, безъ кровопролитія оставить острова, на что было онъ Капфельманъ соглашался, прибавя, дабы Вунчъ взбунтовавшимся жителямъ не дѣлалъ никакаго притѣсненія, а не такъ, какъ онъ въ послѣднемъ рапортѣ своемъ доносить, что въ продолженіе недѣли не оставлять никому оныя; другихъ же никакихъ конвенцій съ нимъ Капфельманомъ не заключалъ; а въ продолженіе того времени былъ отправленъ Маіоръ Басковъ съ тремя унтеръ-офицерами, 32 Егерями, Аудиторомъ и писарями на Брендо, въ слѣдъ же за нимъ Подпоручикъ Арстовъ съ 12 егерями съ приказаніемъ пробраться чрезъ ледъ, о чемъ и въ преждѣ поданныхъ отвѣтныхъ пунктахъ отъ него объяснено, и не имѣя надежды получить сикурса, ожидалъ минуты очищенія водъ отъ льда дабы оставить острова, но Капфельманъ, увидя или другими своими офицерами будучи поставленъ, что принятое имъ условіе для нихъ невыгодно, и узнавъ, что нѣсколько лодокъ отправлены съ солдатами, выдумалъ придирку, какъ будто не надлежало никому оставлять острова, и вскорѣ послѣ того прислалъ Чиновника объяснить ему Вунчу, что отправленіе на 5-ти судахъ войска противно сдѣланной конвенціи, и также будто бы отъ подчиненныхъ его дѣлали жителямъ обиды, почему онъ и не соглашается на перемиріе, а требовилъ вторично, дабы Вунчъ сдался, но онъ съ презрѣніемъ отвергнулъ такъ же, какъ и въ первый разъ, послѣ чего начались непріятельскія дѣйствія; притѣсненій же и грабительства жителямъ никогда дѣлаю не было; а изъ выписки, приложенной при запросныхъ пунктахъ, съ соболѣзнованіемъ читалъ онъ Вунчъ несправедливыя донесенія Капфельмана, но къ облегченію чести сего Вунча, несправедливость сія обнаружена несогласіемъ собственныхъ онаго Капфельмана донесеній; изъ сего Судъ и можетъ заключить о подлинности оныхъ.

Военный Судъ изъясняетъ, что онъ, разсмотрѣвъ отвѣты полковника Вунча, равно и депешу по дипломатической части Тайнаго Совѣтника Алопеуса и сравнивая рапорты Лейтенанта Капфельмана и приходскаго товарища Гуммеруса съ показаніями Вунча и

ПРИЛОЖЕНІЯ.

прочихъ чиновъ, служившихъ тогда подъ его Начальствомъ, находятъ, что объясненія съ Русскої и Шведскої стороны совершенно сходны, съ исключеніемъ нѣкоторыхъ пунктовъ, а именно: 1-е Капфельманъ показываетъ, что по свидѣніямъ, имъ полученнымъ, состояло на Кумлингѣ 660 русскихъ нижнихъ чиновъ, что дѣйствительно происходило отъ ошибки, ибо при выступленіи Полковника Вунча по 31 марта къ Алаидскимъ островамъ, его отрядъ состоялъ съ Кавалеріею 668 человекъ, изъ коего числа 120 егерей, 44 кавалериста, всего 164 отправлено на большой Алаидъ, сверхъ того осталось достаточное прикрытіе прпоставленныхъ на Брендо патронныхъ ящикахъ. 2-е Капфельманъ въ первомъ рапортѣ своемъ даетъ разумѣть, якобы заключилъ съ Полковникомъ Вунчемъ перемиріе на недѣлю съ тѣмъ однако жъ, чтобы никто изъ русскихъ войскъ не оставилъ Кумлинга и жители притѣсненій не претерпѣли, и во второмъ рапортѣ посылаетъ Парлементера съ объясненіемъ, что перемиріе нарушено потому, что уже пять судовъ готовы были къ отправленію войскъ на Брендо, и что въ ту ночь якобы русскіе грабили кумлингскихъ жителей. По первому пункту видно изъ отвѣтовъ Полковника Вунча № 1 и 2, представленныхъ самимъ Капфельманомъ, что онъ, Вунчъ, согласился на перемиріе на недѣлю только съ тѣмъ, чтобы оставить островъ безъ кровопролитія, не причиняя жителямъ никакаго вреда, буде онъ въ теченіи сего времени не найдетъ случая отправится прежде, или помощи отъ своихъ не получить, послѣ чего можетъ Лейтенантъ Капфельманъ поступать съ нимъ Вунчемъ по правамъ войны, на что онъ будетъ ожидать отвѣта, по отвѣта не воспослѣдовало и никакаго перемирія не заключено и видно, что сими нерешками Шведскій Начальникъ искалъ обмануть своего непріятеля выигрышемъ времени и совершеннымъ взбунтованіемъ Алаидскихъ жителей, потому какъ Капфельманъ объясняетъ въ то время, онъ приказалъ Лейтенанту Крошстеду съ помощію обывателей отрѣзать русскимъ войскамъ дорогу въ Финляндію; по второму, якобы въ ту ночь грабили жителей, которые съ женами и дѣтьми прибѣжище свое искали у Капфельмана, изъ всего дѣла равно и изъ депеши видно, что жители собрались подъ начальствомъ Капфельмана не для избѣжанія грабежа, но для нападенія на русскихъ, и натурально, что, ожидая кровопролитнаго происшествія, жены и дѣтей взяли съ собою, почему если случился въ то время какой либо безпорядокъ, то оный не можетъ относиться къ несоблюденію дисциплины, ибо народъ взбунтовающійся претраетъ всѣ права законовъ; сверхъ того приходскій товарищъ Гуммерусъ въ своемъ донесеніи ни гдѣ о грабежѣ не упоминаетъ, а если бы оный дѣйствительно случился, тогда бы онъ не упустилъ о семъ упомянуть. 3-е Капфельманъ показываетъ о пяти судахъ, заготовленныхъ для отправленія Россійскихъ войскъ на Брендо, что якобы тѣмъ нарушилось перемиріе, но сіе во второмъ пунктѣ доказано, что ни какое перемиріе заключено не было, почему сіе показаніе Шведскаго Начальника не справедливо; ибо по всѣмъ отвѣтамъ, отобраннымъ отъ подсудимаго Полковника Вунча и всѣхъ бывшихъ тогда при немъ

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Штабъ и Оберъ-Офицеровъ, значится, что отправленіе Маіора Баскова съ 32 Егерями на пяти лодкахъ, и потомъ одного оберъ-офицера и 12 Егерей, случилось прежде пачала переговоровъ, то есть въ то время, какъ видна была вдали Шведская флотилія и признапа за непріятельскую. 4-е Лейтенантъ Капфельманъ, сколько могъ узнать, показываетъ потерю со Шведской стороны состоящихъ двухъ убитыхъ и пяти раненыхъ, а съ русской въ одномъ убитомъ и восьми раненыхъ; Полковникъ Вунчъ и прочіе въ плѣнъ взяты съ нимъ офицеры не могли о томъ дать отчета, по той причинѣ, что въ ту минуту какъ взяты, отдѣлены были отъ нижнихъ чиновъ, но онаго полку бывший тогда лѣкарь Статковскій подъ присягою объявль, что послѣ сраженія, по взятіи въ плѣнъ, перевязываль онъ трудно и легко раненыхъ 63 человекъ.—Лейтенантъ Капфельманъ во второмъ рапортѣ своемъ прописываетъ, что наконецъ онъ, отдавъ команду баркаса, пошелъ самъ съ пятью пушками своимъ на непріятеля, и сраженіе продолжалось съ великимъ жаромъ отъ половины 3 часа по полудни до 4 часовъ, то есть одного съ половиною часа, послѣ чего непріятель положилъ ружье и сдался; приходскій товарищъ Гуммерусъ такъ же въ рапортѣ своемъ прописываетъ, что послѣ упорнаго сопротивленія, продолжавшагося полтора часа, російскій отрядъ положилъ ружья и выставилъ бѣлый флагъ. Изъ сихъ обѣихъ донесеній видно, что выданное Капфельманомъ число раненыхъ Россійскихъ воинскихъ чиновъ, и то по слухамъ, не заслуживаетъ довѣренности; напротивъ того, показаніе подъ присягою лѣкаря Статковского никакому сомнѣнію не подвержено, ибо невѣроятно, чтобъ сверхъ прежнихъ стычекъ, въ продолженіи полутора часа послѣ упорнаго сраженія съ пушками, потеря русскихъ войскъ столь мала, какъ значится въ донесеніи Лейтенанта Капфельмана. А потому военный Судъ все вышесказанное представляетъ на разсмотрѣніе высшаго Начальства, что при внезапномъ покушеніи Шведовъ на Аландскія острова, а именно на Кумлингъ, оставались Полковнику Вунчу два способа: первый—ретироваться чрезъ Брендо въ Гельзингъ, или отразить непріятеля вооруженною силою; и первый изъ сихъ способовъ сопряженъ былъ съ невозможностію по поводу неумѣнія нижнихъ чиновъ грести, управлять рулемъ и парусами и тогдашняго состоянія моря, покрытаго плывущимъ льдомъ, который вдругъ собирался въ кучи, представлялъ непреодолимое препятствіе, что можно ожидать было изъ примѣра Маіора Баскова; что-жь касается до отраженія непріятеля вооруженнаго силою, то Полковникъ Вунчъ не могъ противиться десанту на Кумлингъ Аландскихъ жителей подъ предводительствомъ Лейтенанта Капфельмана, который очищаль берегъ артилеріею своею въ таковой дистанціи, отъ коей отрядъ Россійскій, не имѣвъ при себѣ орудіевъ, непріятелю вредить не могъ, послѣ же десанта съ артиллеріею собравшихся Аландскихъ толповъ, по увѣщанію приходскаго товарища Гуммеруса, отрядъ Полковника Вунча имѣль также не выгоду въ разстрѣляніи въ продолженіи полутора часа всѣхъ своихъ патроновъ; онъ могъ бы конечно продолжать кровопролитіе, но безъ всякой пользы; въ числѣ

ПРИЛОЖЕНІЯ.

главныхъ причинъ сего несчастія, Коммиссія полагаетъ возвращеніе ружей обывателямъ Аландскимъ, по повелѣнію Генераль отъ Инфантеріи Графа Буксгевдена, отъ чего духъ взбуртовавшихся Аландцовъ усилился; ¹⁾ почему Коммиссія и не находитъ чтобы депеша имѣла вліяніе къ обвиненію Полковника Вунча, то совершенно и согласно съ прежде учиненнымъ объ немъ, Вунчѣ, приговоромъ.

Презусами по сему дѣлу были: при заключеніи первой Сентеціи Генераль-Маіоръ Чоглоковъ; а при дополненіи — Артиллеріи Генераль-Маіоръ Бельгардъ, о подсудимомъ же Полковникѣ Вунчѣ въ Сентеціи объяснено, что онъ находится въ городѣ Або не арестованнымъ.

Представившій сіе дѣло въ Генераль-Аудиториатъ Генераль-Лейтенантъ Штейнгель пишетъ: какъ первая Коммиссія не нашла ни въ чемъ виновнымъ Полковника Вунча, да и нынѣшняя по разсмотрѣніи упоминаемой депеши согласилась съ тѣмъ же приговоромъ то и онъ Генераль-Лейтенантъ подтверждаетъ прежнее его по сему дѣлу мнѣніе. Генераль-Аудиториатъ, сообразивъ упоминаемую депешу съ существомъ преждѣ произведеннаго о подсудимомъ Полковникѣ Вунчѣ дѣла, находитъ, что невозможность въ отступленіи ему Вунчу съ отрядомъ изъ Аландскихъ острововъ тогда, когда уже имѣлъ онъ и предписаніе о семъ, такъ же упорное сопротивленіе при случаѣ нападенія на него съ Шведской стороны на островѣ Кумлингѣ, и превосходство непріятели въ людяхъ и орудіяхъ, видны и изъ самой оной депеши, ибо 1-е командовавшій Шведскими войсками Лейтенантъ Канфельманъ говоритъ, что наши войска, находившіяся въ Кумлингѣ не могли оставить сей островъ по причинѣ льду, а чтобы и болѣе воспрепятствовать переходу ихъ въ Финляндію, то отъ него Канфельмана посланъ былъ Лейтенантъ Кронштедъ къ сѣверному берегу Кумлинга на Баркасѣ съ тремя большими мужичьими судами, да и кромѣ сихъ препятствій, невозможность въ переправѣ тогда чрезъ море, доказалъ самый опытъ отправленныхъ Вунчемъ впередъ судовъ съ командою подъ начальствомъ Маіора Баскова, которые не могли дойти до острова Брендо, прибиты льдомъ къ другому мѣсту и взяты шведами. 2-е что при нападеніи съ Шведской стороны на отрядъ Вунча, сраженіе продолжалось полтора часа съ большимъ упорствомъ, сіе согласно показываютъ какъ Лейтенантъ Канфельманъ, такъ и дѣйствовавшій соединенно съ нимъ приходскій товарищъ Гуммерусъ, объясняя, что при семъ нападеніи были со стороны ихъ употреблены къ дѣйствию и артиллерійскія орудія, какихъ Полковникъ Вунчъ, какъ изъ произведеннаго надъ нимъ суда открылось, при отрядѣ своемъ не имѣя, тогда уже сдался, когда рядовые выстрѣляли всѣ натроны, которыхъ и

¹⁾ По дѣлу видно, что Генераль-Маіору Шепелеву предписано было отъ 1-го апрѣля 808 г., чтобъ у жителей не отбирали тѣ ружья, которые они имѣютъ для охоты, исключая казенныхъ орудій; и оный Шепелевъ отъ 6 апрѣля Генералу отъ Инфантеріи Князю Баргатиону доносилъ, что отобранныя отъ жителей ружья велѣлъ онъ возвратитъ имъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

въ добычѣ упомянутый Капфельманомъ доносившій о числѣ плѣнныхъ и о припасахъ взятыхъ съ ними, не показывалъ, то и сямъ подтверждается, сколько упорное сопротивленіе нашего отряда, столько же и истощеніе всѣхъ возможныхъ средствъ къ дальнѣйшей оборонѣ и отраженію непріятеля; а хотя въ донесеніи Лейтенанта Капфельмана показано съ нашей стороны убитыми одинъ и ранеными восемь человекъ, но какъ изъ онаго-жъ донесенія его видно, что онъ о себѣ потерѣ писалъ по однимъ только слухамъ, а находившійся при отрядѣ Вунча лекарь Статковскій подъ присягою засвидѣтельствовалъ, что раненыхъ было 63 человека, то при семъ засвидѣтельствованіи Чиповника, не подвергающагося отвѣтственности за воинскія дѣйствія, и не можно полагаться на донесенія непріятельскаго Начальника, тѣмъ паче, что онъ писалъ, какъ и самъ упоминаетъ, сколько могъ узнать, не говоря утвердительно, чтобы такое число убитыхъ и раненыхъ было по общимъ и удостовѣреннымъ свѣдѣніямъ. 3-е Капфельманъ въ своихъ самыхъ донесеніяхъ о числѣ находившихся въ Кумлингѣ нашихъ войскъ написалъ различно, ибо въ первомъ означилъ число оныхъ до 660 человекъ, а во второмъ убитыхъ, раненыхъ и взятыхъ въ плѣнъ всѣхъ чиповъ 481, то самая сія разность въ донесеніяхъ не только доказываетъ невѣрность оныхъ о числѣ бывшихъ на Кумлингѣ нашихъ войскъ, но и подкрѣпляетъ показаніе Вунча подъ присягою, засвидѣтельствованное Подполковникомъ Чистяковымъ, что за исключеніемъ 47 больныхъ, равно и тѣхъ командъ, кои расположены были на островахъ Брендо, Вартцало и проч., отрядъ Вунча на островѣ Кумлингѣ оставался всего изъ 376 человекъ, въ числѣ коихъ было рядовыхъ 318, да и тѣ находились не въ одномъ мѣстѣ, но частію на разныхъ пикетахъ, о дѣйствительности коихъ упоминается и въ донесеніи приходскаго товарища Гуммеруса; о превосходномъ же числѣ людей со стороны Шведскоѣ при нападеніи на нашъ отрядъ въ Кумлингѣ, изъ самыхъ донесеній Капфельмана и Гуммеруса явствуетъ, что при нихъ было однихъ жителей Аландскихъ острововъ до 750 человекъ, кромѣ находившихся войскъ въ эскадрѣ Капфельмана, а сіе превосходство силъ, подкрѣпленное артиллерійскими орудіями, число раненыхъ съ нашей стороны, признанная самимъ Начальствомъ невозможность держаться на острову и не только затруднительная, но даже и невозможная ретрада, должны были поудить Полковника Вунча, неимѣющаго надежды на sikerсъ, для спасенія остальныхъ людей отъ неизбежной и бесплодной для отечества гибели, отдаться непріятелю въ плѣнъ, и чего ему въ вину, не нарушая строгой справедливости, Генераль-Аудиторіатъ поставлять не можетъ.

Но за всѣмъ тѣмъ, какъ при пытѣнномъ дополненіи открылись такія обстоятельства, которыя по прежде произведенному суду подсудимыхъ Вунчемъ не были подробно объяснены и именно: что онъ, Вунчъ, въ тотъ же самый день, въ который прибылъ непріятель къ острову Кумлинго, на предложеніе Начальника ихъ, безъ совѣта предписаннаго воинскимъ Уставомъ главы 50 въ пунктѣ 5, самъ собою давалъ отвѣты, изъявляя согласіе къ

ПРИЛОЖЕНІЯ.

заключенію перемирія и предоставляя поступить съ собою по правамъ войны тогда, когда не получить помощи, чѣмъ самымъ сколько открылъ онъ, Вунчъ, предъ непріателемъ нужду свою въ помощи, столько и поспѣшностію въ отвѣтахъ поступилъ неблагоразумно и оплошно, за что по воинскому 28 артикулу и подлежалъ бы быть отставленъ отъ службы; но во уваженіи, что оную продолжалъ онъ, Вунчъ, 30 лѣтъ съ немалыми отличіями, какъ сіе подтверждается всемилостивѣйшими пожалованіями ему трехъ орденовъ и особеннаго знака за отмѣнную храбрость, а притомъ бытія въ походахъ и многократныхъ сраженіяхъ, въ концѣ получилъ онъ рану и контузію, да и при послѣднемъ на него нападеніи непріятеля, къ отраженію онаго были употреблены всѣ возможныя средства, которыя превосходство непріятеля людьми и орудіями преодолѣло; не благоугодно ли будетъ Всевысочайше повелѣть вмѣнить ему, Вунчу, въ наказаніе бытность подъ судомъ, подъ коимъ онъ состоитъ уже третій годъ. Впрочемъ, всеподданнѣйше предастъ на Высочайшее Вашего Императорскаго Величества благосопзволеніе. Января 4 дня 1812 года.

VII.

СПИСОКЪ ЛИЦЪ ¹⁾,

стоявшихъ во главѣ военно-судебнаго управленія

Генераль-аудиторы XVIII ст.

1.

Иванъ Васильевичъ Кикинъ.

Управлялъ дѣлами Военной Канцелярїи въ Москвѣ съ 1712 по 1716 г.

Помощникъ Генераль-Плеинпотенціара-Кригсъ-Комиссара вв. Долгорукова въ Военной Канцелярїи съ 1716 г. (апрѣля) по 1718 г.

Вызванъ въ Москву въ 1718 г. по розыскному дѣлу о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ.

Назначенъ воеводою въ Астрахань въ 1722 г.

Уволенъ изъ Астрахани въ С.-Петербургъ въ 1724 г.

2.

Феодоръ Центарови (Центаровїи или Центаровъ).

1726—1752 г.

Происходитъ изъ чеховъ.

Назначенъ генераль-аудиторъ-лейтенантомъ при Военной Коллегїи 11 іюля 1719 г.

Назначенъ генераль-аудиторомъ при Военной Коллегїи 14 іюля 1726 г., съ получешемъ «ранга подполковничья».

Участвуетъ въ составленїи проекта Воинскаго Устава и въ засѣданїяхъ воинской комиссїи въ С.-Петербургѣ въ 1730 году.

¹⁾ Составленъ на основанїи опредѣленїи Военной Коллегїи, Дѣлъ изъ Московскаго Отдѣленїя Общаго Архива Главнаго Штаба, списковъ Генералитету и книги г. Розенгейма.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Находясь на службѣ въ Военной Коллегіи въ должности генераль-аудитора, служилъ также и въ Правительствующемъ Сенатѣ по Лифляндскимъ и Эстляндскимъ дѣламъ.

Уволенъ отъ службы въ отставку за дряхлостью и старостью, съ награжденіемъ бригадирскимъ рангомъ 29 апрѣля 1752 г.

3.

Василій Чистюнищъ.

1752—1756 г.

Состоялъ на службѣ въ Военной Коллегіи.

Назначенъ на должность генераль-аудиторъ-лейтенанта при Военной Коллегіи съ лучшимъ ранга майорскаго 4 апрѣля 1747 г.

Назначенъ на должность генераль-аудитора съ награжденіемъ подполковничьимъ рангомъ 29 апрѣля 1752 г.

Въ теченіе 1754—1755 г. въ спискахъ генералитету Чистюнищъ значится «за генераль-аудитора», но обязанностей не несетъ.

Получаетъ чинъ военнаго совѣтника 19 января 1756 г.

Обязанности генераль-аудитора за 1754—1755 г. исполняетъ Михайла Макаровъ, служба котораго такова:

Оберъ-аудиторъ при Военной Коллегіи 1744 г. (?)

Назначенъ генераль-аудиторъ-лейтенантомъ въ рангѣ майора 20 апрѣля 1752 г.

Пожалованъ въ коллежскіе совѣтники съ назначеніемъ къ другимъ дѣламъ.

4.

Матвѣй Дмитріевъ-Мамоновъ.

1757—1761 г.

Поступилъ въ Военную Коллегію изъ капитановъ арміи и назначенъ на должность генераль-аудиторъ-лейтенанта въ рангѣ майорскомъ 12 января 1756 г.

Произведенъ въ подполковники въ октябрѣ 1756 г.

Назначенъ на должность генера-аудитора 2 февраля (?) 1757 г.

За болѣзнь уволенъ отъ должности генераль-аудитора, съ назначеніемъ на службу въ Дворцовую Капцелярію 8-го января 1761 г.

При немъ состоялъ генераль-аудиторъ-лейтенантомъ знаменитый Александръ Васильевичъ Суворовъ (съ 28 октября по 4 декабря 1756 г.).

5.

Илья Плюсковъ.

1761—1763 г.

Оберъ-аудиторомъ съ 1752 года.

Назначенъ въ генераль-аудиторы съ награжденіемъ подполковничьимъ рангомъ 8 января 1761 г.

Уволенъ отъ должности генераль-аудитора, съ награжденіемъ чиномъ полковника и съ назначеніемъ на службу въ С.-Петербургскій гарнизонъ 22 іюля 1763 г.

6.

Ларіонъ Украинцевъ.

1763—1777 г.

Назначенъ на должность генераль-аудиторъ-лейтенанта въ 1660 г.

Назначенъ въ генераль-аудиторскую экспедицію 9 іюня 1773 г.

Пожалованъ рангомъ бригадира 22 сентября 1777 г.

Назначенъ на должность помощника правителя Тульского намѣстничества 15-го ноября 1777 года.

7.

Егоръ Наумовъ.

1778—1781 г.

Вступилъ въ должность генераль-аудитора (которая съ уходомъ Украинцева въ течение года оставалась незамятою; исполнялъ генераль-аудиторскія обязанности—генераль-аудиторъ-лейтенантъ Евстигней Ивановъ) — 25 октября 1778 г. изъ коллежскихъ совѣтниковъ.

Переименованъ въ полковники по арміи—тогда же.

Пожалованъ рангомъ бригадира и назначенъ контролеромъ въ С.-Петербургскій банкъ для вымѣна государственныхъ ассигнацій 10 марта 1781 г.

8.

Захаръ Корнѣевъ.

1781—1782 г.

«Произведенъ» въ генераль-аудиторы Военной Коллегіи изъ премьеръ-маіоровъ С.-Петербургскаго Драгунскаго полка 10 марта 1781 г.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Уволенъ отъ службы по прошенію за болѣзною, съ награжденіемъ чиномъ полковника
23 марта 1782 г.

9.

Василій Волковъ.

1782—1788 г.

Назначенъ на должность генераль-аудиторъ-лейтенанта при Военной Коллегіи 8 мая
1778 г.

По опредѣленію Военной Коллегіи произведенъ въ генераль-аудиторы оной, состоя
въ чинѣ военнаго совѣтника 28 апрѣля 1782 г.

По прошенію за болѣзною уволенъ отъ должности генераль-аудитора, съ награж-
деніемъ чиномъ бригадира и съ назначеніемъ оберъ-комендантомъ въ городъ Сѣнно
29 января 1788 г.

10.

Алексѣй Кобылинскій.

1788—1797 г.

Назначенъ на должность оберъ-аудитора въ Военную Коллегію 16 февраля 1786 г.

Опредѣленіемъ Военной Коллегіи назначенъ генераль-аудиторомъ въ чинѣ подпол-
ковника 31 января 1788 г.

Произведенъ за отличіе въ Военные Совѣтники 22 ноябрю 1793 г.

Назначенъ контролеромъ Счетной Экспедиціи, исполняя обязанности генераль-ауди-
ора при Военной Коллегіи 31 января 1797 г.

11.

Князь Иванъ Андреевичъ Шаховской.

1797—1800 г.

Назначенъ управляющимъ Генераль-Аудиторствомъ изъ членовъ Военной Коллегіи,
въ чинѣ генераль-лейтенанта, 9 января 1797 г.

Назначенъ предсѣдателемъ Генераль-Аудиторіата 24 января 1797 г.

Произведенъ въ генераль-отъ-пифантеріи въ 1799 г.

По именному Его Величества указу, данному Военной Коллегіи 18 марта 1800 г.,
за старостью былъ отставленъ отъ службы, съ исключеніемъ изъ общаго армейскаго ге-
нералитета.

Генераль-аудиторы XIX ст.

12.

Генераль-лейтенантъ князь **Семень Ивановичъ Салаговъ.**

1800—1812 г.

Происходить изъ грузинскихъ князей.

Въ службѣ состоялъ:

Прапорщикомъ 21 августа 1771 г.

Сержантомъ 1 сентября 1771 г.

Полковымъ адъютантомъ въ Сѣвскомъ пѣхотномъ полку 24 ноября 1774 г.

Полковымъ квартирмейстромъ 7 марта 1778 г.

Переименованъ въ поручики въ бывшемъ Черниговскомъ легко-конномъ полку 4 августа 1784 г.

Оберъ-аудиторомъ 24 сентября 1784 г.

Флигель-адъютантомъ 23 января 1786 г.

Генераль-адъютантомъ чина премьеръ-маіорскаго въ бывшемъ штабѣ полнаго генерала 23 августа 1787 г.

Подполковникомъ 22 іюня 1789 г., съ оставленіемъ при главнокомандовавшемъ арміею на Кавказской линіи,

Оберъ-кригсъ-коммиссаромъ въ комиссаріатскомъ штатѣ 28 іюня 1791 г.

Переименованъ въ полковники 28 іюня 1792 г. и опредѣленъ въ Сумской легко-конный (что нынѣ Гусарскій) полкъ.

Генераль-маіоромъ 16 іюля 1797 г. и опредѣленъ шефомъ въ Смоленскій драгунскій полкъ.

Уволенъ отъ службы 22 апрѣля 1798 г.

Принятъ въ службу 9 сентября 1798 г. и опредѣленъ полковымъ командиромъ Л.-Гвардіи въ Гусарскій полкъ.

Уволенъ отъ службы съ мундиромъ 12 января 1800 г.

Принятъ въ службу 19 февраля 1800 г. съ назначеніемъ генераль-аудиторомъ.

Произведенъ въ III-ій классъ 15 іюля 1800 г. и тогда же назначенъ сенаторомъ съ оставленіемъ при прежней должности.

Переименованъ въ генераль-лейтенанты 16 апрѣля 1801 г.

Назначенъ президентомъ Генераль-Аудиторіата 8 сентября 1805 г.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Назначенъ въ совѣтъ военнаго министерства непремѣннымъ членомъ 12 апрѣля 1812 г.

Скончался 4 февраля 1820 г.

Всего въ службѣ, за исключеніемъ времени бытности въ отставкѣ, находился 48 лѣтъ и 1 день.

Въ офицерскихъ чинахъ—45 лѣтъ, 2 мѣсяца и 10 дней.

Въ чинѣ генералъ-лейтенанта 19 лѣтъ, 6 мѣсяцевъ и 19 дней.

Въ отставкѣ былъ 5 мѣсяцевъ и 22 дня.

Отъ роду имѣлъ 66 лѣтъ.

Въ штрафахъ и домовомъ отпуску не бывалъ.

Въ походахъ и въ сраженіяхъ былъ:

въ 1772 году до рѣки Дуная,

въ 1773 году подъ городомъ Селистрою и Гирсовымъ,

въ 1774 году при Шумлѣ,

въ 1783, 1784 и 1787 гг. въ Польшѣ, и

въ 1788 г. при осадѣ города Хотина.

За отличіе по службѣ награжденъ:

Орденами Св. Александра Невскаго. Св. Владиміра 2 степени,

Св. Анны 1 класса съ алмазами и Св. Іоанна Іерусалимскаго командорствомъ.

Сверхъ того:

объявлены ему Монаршія благоволенія,

пожаловано въ Слободско-Украинской губерніи 399 душъ, мужеска пола крестьянъ въ 1801 г.

Получалъ жалованья:

окладного по чину	2160 руб.,
денщичныхъ и раціоновъ	619 руб.,
по званію непремѣннаго члена совѣта военнаго министерства столовыхъ денегъ	4000 руб.
<u>Всего</u>	<u>6779 руб.</u>

О г л а в л е н і е

Историческаго Очерка Главнаго Военно-Суднаго Управленія.

В в е д е н і е.

ГЛАВА I. До-Петровскій періодъ	1
ГЛАВА II. Царствованіе Петра Великаго	26
ГЛАВА III. Эпоха преемниковъ Петра Великаго	131
ГЛАВА IV. Царствованіе Имп. Павла I.	154

Царствованіе Александра I.

ОБЩІЙ ОБЗОРЪ	169
ГЛАВА I. Эпоха до учрежденія министерствъ	171
ГЛАВА II. Эпоха до 27 января 1812 г.	179

П р и л о ж е н і я

Н. Самокишъ..

ВОЕННО-ТЮРЕМНАЯ ЧАСТЬ.

**СТОЛЪТІЕ
ВОЕННАГО
МИНИСТЕРСТВА**

1802 ≡ 1902

ХІІ

Книга II.

ВОЕННО-ТЮРЕМНАЯ ЧАСТЬ.

СОСТАВИЛЪ

Н. И. Фалѣевъ.

Часть I.

AMERICAN
SOCIETY
OF
MUSIC

1802 1802

СТОЛѢТІЕ
ВОЕННАГО МИНИСТЕРСТВА
1802-1902

Военно-Тюремная Часть.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Книга II.

Часть I.

главный редакторъ генераль-лейтенантъ Д. А. Скалонъ.

составилъ капитанъ Н. И. Фалѣевъ.

подъ редакціей заслуженнаго профессора Александровской военно-юридической академіи
генераль-маіора І. А. Шендзиковскаго.

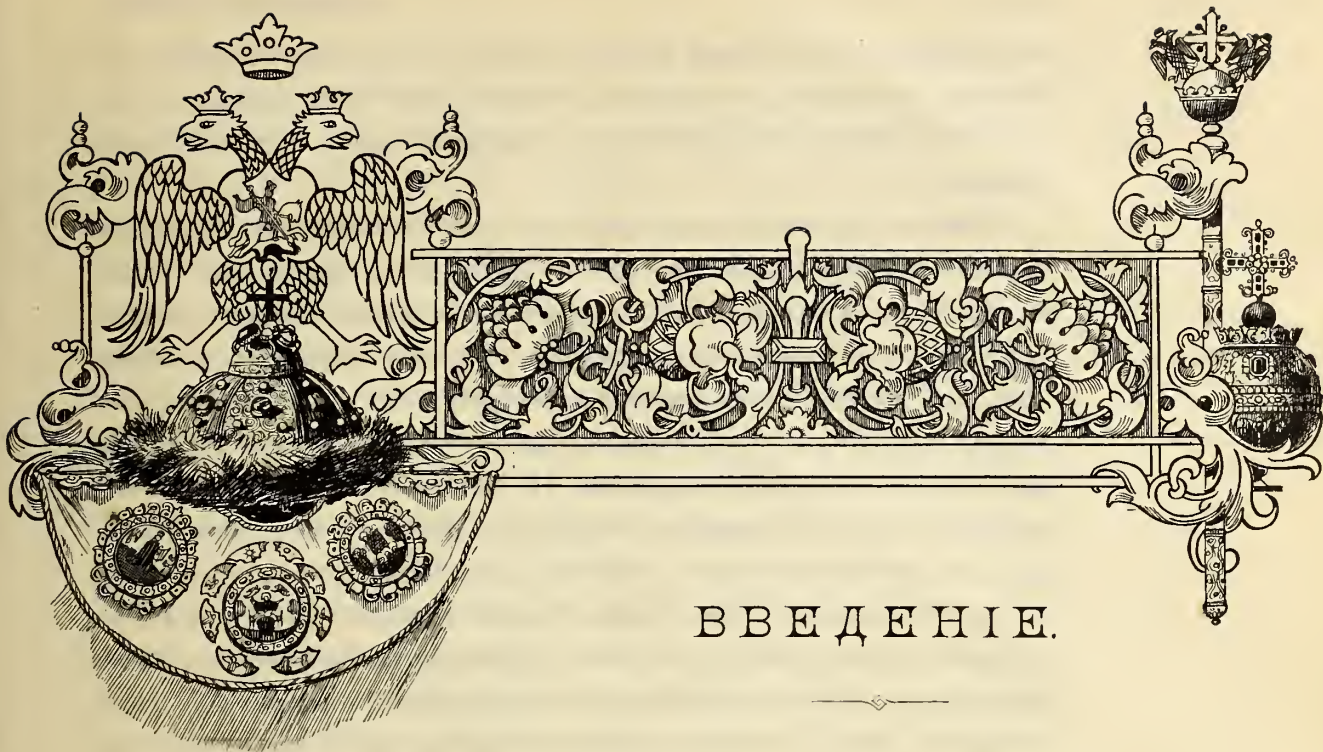

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза»
Большая Подъяческая, № 39.
1902.

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Министерство обороны

ПЕЧАТАНО ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА.

ВВЕДЕНИЕ.

ГЛАВА I.

Московскій періодъ.

Н. С. Амочкинъ.

В

Ъ НАШЕМЪ законодательствѣ раѣе другихъ формъ лишенія свободы появляется ссылка.

Юридически она практикуется, какъ наказаніе, уже во второй половинѣ XVI столѣтія — именно въ дополнительномъ указѣ 1582 года къ судебнику встрѣчается указаніе на ссылку, какъ на послѣдствіе примѣненія къ виновному торговой казни ¹⁾. Такимъ образомъ, ссылка являлась не самостоятельною карательною мѣрою ²⁾. Законодатель, устанавливая этотъ карательный придатокъ къ тѣлесному наказанію, стремился къ извлеченію изъ преступника возможно большей пользы для государства; поэтому и первая ссылка носитъ чисто-утилитарный характеръ: виновные въ крамоулѣ дѣти боярскія и вообще люди, можно

ВРЕМЯ ПОЯВЛЕНІЯ ССЫЛКИ ВЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМЪ.

¹⁾ Фойницкій, Ученіе о наказаніи, стр. 260.

²⁾ Акты историческіе, I, № 54, пун. XX.

жалующіеся или затѣвующіе ложные извѣты на судѣ, признавались порочными, вредными для общества, а потому ихъ было предписано высылать изъ центра на окраины—«въ украинные города—Сѣвскъ, Курскъ и иные».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, желая создать изъ преступниковъ особое единеніе, полезное для государства, законодатель предписывалъ верстать изъ сосланныхъ казаковъ и обязывать ихъ военною службою на границахъ государства.

ЦѢЛИ ССЫЛКИ.

Послѣднее обстоятельство представляется очень важнымъ; въ самомъ дѣлѣ, высылая преступниковъ изъ центра, правительство преслѣдовало цѣли охраны общества отъ правонарушителей, стремилось къ достиженію задачъ внутренняго благоустройства. Но этого мало—поселяя порочныхъ членовъ общества на границахъ государства, правительство, съ одной стороны, до извѣстной степени оберегало внѣшнюю безопасность, а съ другой—создавало тѣмъ самымъ сильное карательное средство для самихъ преступниковъ, такъ какъ въ разсматриваемую эпоху югъ Россіи представлялся мѣстомъ небезопаснымъ отъ вражескихъ нападеній, и жизнь ссыльныхъ отнюдь не могла считаться привлекательною для безпорочнаго населенія.

Затѣмъ вплоть до изданія Соборнаго Уложенія наше уголовное законодательство совершенно умалчиваетъ о ссылкѣ, уложеніе же смотритъ на ссылку, какъ на карательный придатокъ, а не на самостоятельное наказаніе¹⁾.

*ФАКТИЧЕСКОЕ
ПРИМѢНЕНІЕ
ССЫЛКИ.*

Таковы законодательныя данныя, касающіяся ссылки. Но, обращаясь къ фактическому изслѣдованію вопроса, приходится придти къ убѣжденію, что ссылка, какъ мѣра административная, появилась значительно раньше своего признанія въ законодательствѣ.

Въ XVI столѣтіи у московскихъ государей проявляется стремленіе извлекать пользу изъ военнопленныхъ путемъ ссылки ихъ въ восточныя окраины. Главнымъ пунктомъ служили Астрахань и Сибирь. Ссылнымъ инземцамъ—литовскіе люди, нѣмцы, черкассы и др.²⁾—предоставляется право вступать на службу и получать жалованье; при переходѣ ихъ въ православіе, они получаютъ льготы, становятся въ положеніе начальниковъ и т. д. Вслѣдъ за военнопленными ссылка распространяется и на преступниковъ. Въ уложеніи мы встрѣчаемъ уже 11 случаевъ примѣненія этой мѣры.

¹⁾ Фойницкій, цит. соч., стр. 261.

²⁾ Въ Астрахани въ XVII ст. было много ссыльныхъ индѣйцевъ. Дополн. къ Акт. Ист., VII, 55.

Не перечисляя этихъ случаевъ, укажемъ лишь, что въ 1679 году ссылка была распространена на военнoслужашихъ за чисто-воинское преступное дѣяніе — побѣгъ со службы: въ грамотѣ Чердынскому воеводѣ предписывается бѣглецовъсылать въ Сибирь ¹⁾. Подобное законодательное опредѣленіе встрѣчается позднѣе: въ 1696 году ссылка назначается стрѣльцамъ за побѣгъ со службы изъ подь-Азова ²⁾, а въ 1697 году — рейтарамъ и солдатамъ за неявку на службу ³⁾. Наконецъ, въ 1699 году за стрѣльбу изъ ружей, не вызываемую необходимостью, во второй разъ въ городѣ Москвѣ — ссылка примѣнялась, уже какъ самостоятельная карательная мѣра ⁴⁾.

Однако, ограничиваться законодательными памятниками для выясненія объема ссылки не представляется возможнымъ. Зачастую въ Московскомъ государствѣ ссылка примѣнялась за такія преступныя дѣянія, которыя были обложены другими наказаніями. Въ этихъ случаяхъ судебная власть не могла удовлетвориться наказаніемъ по закону и осуществляла такое наказаніе, которое болѣе всего соответствовало обстоятельствамъ даднаго случая. Такъ было, напримѣръ, въ 1661 году, когда ссылка примѣнена была къ солдатамъ, сопротивлявшимся при выемкѣ корчемнаго питья ⁵⁾; кромѣ того, она назначалась «полковымъ воеводамъ за ихъ службы» ⁶⁾ (т. е. служебныя нарушенія).

Наконецъ, необходимо отмѣтить ссылку какъ мѣру предупредительнаго или полицейскаго свойства. Не будучи въ состояніи выяснить виновность даднаго лица въ томъ или другомъ преступленіи (обыкновенно, политическомъ), а вмѣстѣ съ тѣмъ страшась будущихъ дѣйствій подозрѣваемаго, правительство послѣ розыска отправляло обвиняемаго въ ссылку, выбирая при этомъ наиболѣе отдаленныя отъ центра мѣстности. Такъ было, напримѣръ, съ полковникомъ Гадяцкимъ, который, по свидѣтельству Желябужскаго ⁷⁾, «пытанъ въ государствешномъ дѣлѣ... съ пытки онъ ни въ чемъ не вишился, очистился кровью и сосланъ въ ссылку».

¹⁾ Акты Истор., т. V, стр. 56.

²⁾ П. С. З., № 1552.

³⁾ Дополн. Ак. Ист., т. XII., стр. 389.

⁴⁾ П. С. З., № 1693; Сергѣевскій, Наказаніе въ русск. правѣ XVII вѣка, стр. 222.

⁵⁾ Gordon, Tagebuch des Generals Gordon, I, стр. 294—295; Сергѣевскій, стр. 224.

⁶⁾ Котошихинъ, О Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича, стр. 43.

⁷⁾ Записки русскихъ людей, СПб., 1841 г., стр. 12.

Таковы предѣлы примѣненія ссылки, которыя, надо замѣтить, не отличались достаточною опредѣленностью.

ФОРМЫ ССЫЛКИ.

Формы примѣненія ссылки отличались большимъ разнообразіемъ. Законодатель въ теченіе второй половины XVII столѣтія пытается отыскать такіе виды ссылки, которыя болѣе всего способствовали бы извлеченію изъ преступника большихъ выгодъ. Ради этого, съ одной стороны, расширяется объемъ территорій для ссыльныхъ, съ другой — правительство заботится о лучшей организаціи ссыльнаго населенія.

Вслѣдствіе этого грозная система карательныхъ мѣръ Соборнаго Уложенія, не скупившагося на изувѣчивавшія и болѣзненные наказанія, мало-по-малу смягчается примѣненіемъ ссылки. Иностранец Reutenfels, побывавшій въ Россіи въ 1680 году, справедливо замѣчаетъ, что ссылка вытѣснила собою прежнія казни, а вмѣстѣ съ тѣмъ явилась мѣрою, имѣющею за собою полезное общественное значеніе. «Теперь весьма значительная часть преступниковъ», говоритъ онъ ¹⁾, «ссылаются въ Сибирь... тамъ они живутъ, предназначенные или для военной службы... или для земледѣлія и, въ случаѣ помилованія, возвращаются оттуда большею частью богаче прежняго».

*ССЫЛКА ДЛЯ
ВОЕННО-СЛУ-
ЖАЩИХЪ.*

Съ точки зрѣнія воинскаго наказанія лишеніемъ свободы, ссылка московскаго періода очень немногимъ отличалась отъ ссылки общегражданской. Не касаясь видовъ ссылки и ея организаціи, слѣдуетъ остановиться на разсмотрѣніи ссылки, примѣнявшейся исключительно къ лицамъ, обязаннымъ военною службою.

Въ этомъ отношеніи важно отмѣтить цѣлый рядъ грамотъ къ воеводамъ, относящихся ко второй половинѣ XVII столѣтія. Въ этихъ документахъ постоянно сквозитъ одна и та же мысль: преступникъ, послѣ назначенія наказанія, не исключается изъ службы; наоборотъ, при отбытіи наказанія онъ продолжаетъ числиться на службѣ и нести обязанности, лежавшія на немъ до совершенія преступленія.

Грамоты положительно заявляютъ: «по Великаго Государя указу ссыльныхъ людей посылаютъ съ Москвы въ ссылку въ Сибирь, въ котормъ городѣ и въ какомъ чинѣ кому въ Сибири быть велѣно» ²⁾,

¹⁾ Reutenfels, De rebus Moscoviticis, стр. 147.

²⁾ Доп. Акт. Ист., т. VI, стр. 324.

или: «указали мы, Великій Государь, быти имъ (ссылнымъ) въ указанныхъ мѣстѣхъ и въ чинѣхъ, гдѣ кому въ которомъ городѣ и въ какой службѣ... быть указано»¹⁾.

Но, оставляя ссылнаго въ прежнихъ юридическихъ отношеніяхъ къ арміи, правительство вмѣстѣ съ тѣмъ считало необходимымъ внести въ ссылку карательный элементъ чисто-служебнаго характера; впрочемъ, это положеніе въ цѣломъ примѣнялось исключительно къ лицамъ, занимавшимъ высшее служебное положеніе: сосланные понижались по службѣ, подвергались «разжалованію»²⁾. Такъ, напр., гетманъ Демьянъ Многогрѣшный былъ сосланъ въ 1673 году на службу въ простые казаки.

Военно-служащіе, приговоренные къ ссылкѣ, высылались въ различные города—преимущественно сибирскіе и окраинные. Въ указѣ, сопровождавшемъ ссылаемаго, обыкновенно обозначалось его преступленіе, мѣсто ссылки, родъ его службы и «чинъ», понимая подъ послѣднимъ названіе его должностного или служебнаго положенія; въ томъ же указѣ значилось: «сослать въ службу, въ какую кто годится».

Въ мѣстахъ ссылки сосланные въ службу фактически приверстывались: въ дѣти боярскія, въ дворяне, въ стрѣльцы, въ казаки. Родъ службы въ ссылкѣ соответствовалъ, главнымъ образомъ, прежнему общественному положенію виновнаго и только отчасти—важности вины. Котошихинъ вполне подтверждаетъ это, говоря, что «изъ Приказовъ Казанскаго и Сибирскаго ссылаются на вѣчное житіе, всякаго чину люди, за вины, а тѣхъ ссылочныхъ людей, въ тамошнихъ городѣхъ верстають въ службы, смотря по человѣку»...³⁾.

Наконецъ, имѣется очень важное указаніе иностранца Олеарія⁴⁾, относящееся къ 1663 году, который утверждаетъ, что стрѣльцы и солдаты слова занимали солдатское мѣсто—Soldatenstelle—и получали хорошее пропитаніе и годичное жалованье.

Приверстывать ссылнаго въ другіе чины или оклады строго воспрещалось, и если воеводы сибирскіе позволяли себѣ иногда нѣкото-

*ВЕРСТАНІЕ
ВЪ СЛУЖБУ.*

¹⁾ Акты Ист., т. IV, стр. 460.

²⁾ Сергѣевскій, Наказаніе, стр. 238.

³⁾ Котошихинъ, указ. соч., стр. 73.

⁴⁾ Olearius, Ausführliche Beschreibung, стр. 223; Schleswig, 1663.

рыя упущенія въ этомъ отношеніи, то подвергались строгимъ выговорамъ изъ Москвы 1).

Довольствіе ссыльныхъ и жалованье едва ли отличались отъ обыкновенныхъ нормъ; только изрѣдка въ тѣхъ или другихъ мѣстахъ дѣлались исключенія: какъ, напр., сосланные въ 1675 г. въ Великій Устюгъ 32 человекъ самарскихъ и саратовскихъ стрѣльцовъ получили хлѣбное жалованье наравнѣ съ устюжскими стрѣльцами, а денежное—на 1 рубль менѣе 2).

Этими немногими данными исчерпывается все, извѣстное намъ о ссылкѣ для военно-служащихъ въ Московскій періодъ.

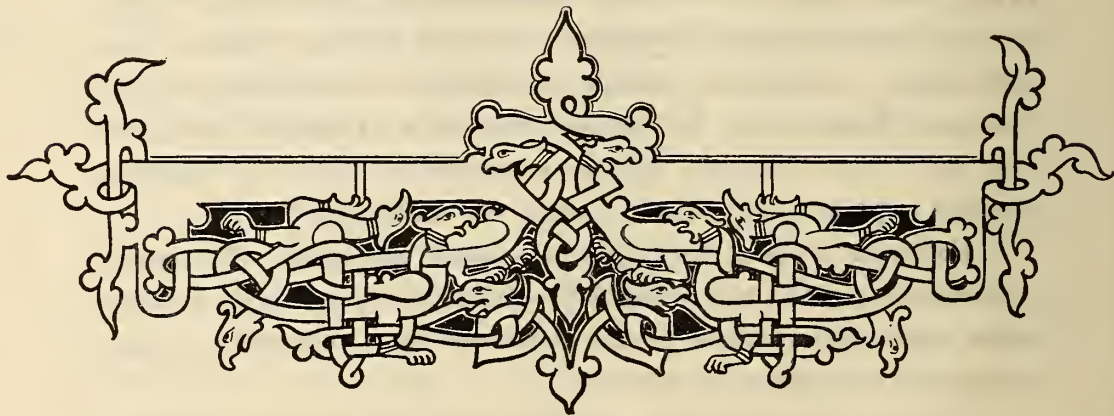
ВЫВОДЫ.

Все изложенное приводитъ къ убѣжденію, что

1) преимущественнымъ значеніемъ въ теченіе Московскаго періода пользовалась ссылка, которая поглощала собою всѣ другія формы лишенія свободы;

2) законодательная регламентація ссылки отличалась крайнею неопредѣленностью;

3) ссылка имѣла задачу: устранить преступника изъ общества, поселить его на окраинахъ государства и создать изъ сосланныхъ единеніе полезное для интересовъ государства.

Н. С. Мокишъ.

1) П. С. З. 562, Акт. Ист. т. IV, № 190.

2) Доп. Акт. Ист., т. X., стр. 56.

ГЛАВА II.

Петербургскій періодъ.

I.

Царствованіе Петра Великаго.

Формы ссылки.

ВЪ КОНЦЪ XVII столѣтія, вмѣстѣ съ ускореніемъ хода государственной и общественной жизни, ссылка получаетъ нѣсколько иную постановку. Преступникъ, по возрѣніямъ того времени, долженъ былъ давать государству какъ можно больше матеріальной пользы. А такъ какъ продолжать старую Московскую ссылку въ прежнихъ условіяхъ представлялось мало цѣлесообразнымъ въ виду удивительно быстрого роста сухопутныхъ и главное — морскихъ силъ, а также и увеличивающихся повсюду вооруженій и снаряженій,—то естественно является мысль утилизировать преступника, какъ силу.

*ИЗМѢНЕНІЯ
ВЪ СЫЛКѢ.*

Бѣдность рабочихъ рукъ, широкіе планы работъ по возведенію укрѣпленій, построекъ и т. п. и наконецъ колонизаторская пропаганда въ восточныхъ областяхъ Россіи — все это, вмѣстѣ взятое, по необходимости вноситъ много новаго въ устройство и форму ссылки.

Правительство, по-прежнему, верстаетъ сосланныхъ на службу. Но эта служба представляетъ собою уже подневольный, обязательный трудъ, трудъ каторжныи: внесеніе въ ссылку этого послѣдняго элемента совершенно измѣнило ея фізіономію, не внося въ существо ея какихъ-либо новыхъ началъ.

ПРОЕКТЪ
ВІННІУСА.

Измѣненіе формы ссылки произошло путемъ административныхъ распоряженій. Еще въ 1668 году Андрей Виніусъ подалъ въ Посольскій приказъ проектъ организаціи работъ на каторгахъ ¹⁾). Несмотря на то, что слово «каторга» было уже извѣстно въ Россіи ²⁾), тѣмъ не менѣе Виніусъ пояснилъ въ своемъ проектѣ, что «каторга» — есть гребное судно; устройство такихъ каторгъ, по мнѣнію составителя проекта, удобнѣе всего было произвести на Хвалынскомъ морѣ, такъ какъ, кромѣ многочисленныхъ услугъ по охраненію вышней безопасности Руси, онѣ могли извѣстнымъ образомъ содѣйствовать морской торговлѣ и тѣмъ поднять благосостояніе государства. Съ точки зрѣнія карательной, каторга, какъ писалъ Виніусъ, являлась средствомъ цѣлесообразнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. «Всякихъ воровъ — шшетъ онъ — и басурманскихъ полопянниковъ можно на каторги сажать для гребли на цѣпяхъ, чтобъ не разбѣжались и зла не учили; и тѣмъ такимъ ворами и полопяникамъ, которыхъ по тюрьмамъ бываетъ много, хлѣбъ тупѣ давать, и они бѣ на каторгахъ хлѣбъ зарабатывали, а пныхъ воровъ, по дѣлу смотря, можно посадити на 5 и 6 лѣтъ и болши, а пныхъ, которые достойли смерти, и на вѣкъ по обычаю пныхъ государствъ».

Проектъ Виніуса не получилъ осуществленія, однако мысль, лежавшая въ основѣ его, была вѣрна. Каторга была тою же «ссылкою», но съ болѣе цѣлесообразнымъ распредѣленіемъ рабочихъ силъ, получаемыхъ отъ преступниковъ.

Можно положительно утверждать, что эта мысль существовала и раньше у московскихъ государей, и только не представлялось случая

¹⁾ Доп. Акт. Ист., т. V, № 70.

²⁾ Грамота Воронежск. воеводѣ 1645 г., см. Воронежск. Памятвкы, 2, LXVII, стр. 72; а также Сергѣевскій, стр. 18.

или возможности ея осуществить: ссылка на службу была также утилизаціей силъ преступника и мѣрою безопасности; эти же свойства были вполне присущи и каторгѣ.

Ссылка на каторгу впервые была примѣнена въ 1699 году, когда повелѣно было: Веневскаго земскаго старосту и другихъ посадскихъ людей «положить на плаху и, отъ плахи поднявъ, бить вмѣсто смерти кнутомъ безъ пощады и послать въ ссылку въ Азовъ съ женами и дѣтьми, и быть имъ на каторгахъ въ работѣ»¹⁾. Такимъ образомъ, старая ссылка, по содержанію, не измѣнилась, но карательное ея значеніе получило иную постановку.

ПУНКТЫ
КАТОРИИ

Затѣмъ слово «каторга» встрѣчается уже въ Уложеніи Шереметева и въ Воинскомъ Артикулѣ такимъ образомъ закрѣпляется въ законодательствѣ.

Петербургскій періодъ ссылки характеризуется именно введеніемъ «ссылки на каторгу». Гдѣ нужно было извлечь изъ преступника всю даваемую имъ пользу, тамъ и образовывались пункты каторжной работы.

Первоначально такими пунктами служили Азовъ и Троицкой. Въ документахъ, относящихся къ 1701 году, имѣется указаніе, что преступники «ссылались» въ эти города на «вѣчное житіе» и на «каторгу» съ ихъ семействами. Отсюда видно, что правительство, вводя новый видъ ссылки, вмѣстѣ съ тѣмъ не отказывалось отъ ссылки старой, ссылки на вѣчное житіе съ приверстываніемъ на службу²⁾. Но названіе «вѣчное житіе» вовсе не соответствовало содержанію самого наказанія, и нерѣдко ссылаемые вѣчно получали освобожденіе по истеченіи большаго или меньшаго времени³⁾. Такимъ образомъ, и это служить подтвержденіемъ тому, что старая ссылка продолжала свое существованіе на ряду со ссылкой реформированною.

Одновременно со ссылкой въ Азовъ и Троицкой появляется ссылка на Олонецкую верфь. Здѣсь ссылаемые или обязывались принудительною работою, или приверстывались на службу⁴⁾.

Съ начала XVIII ст. число пунктовъ каторжныхъ работъ увели-

¹⁾ Полн. Собр. Закон., № 1722.

²⁾ Арх. Морск. Мин., дѣла прик. В. Морскаго Флота, № 22, 1701—1702 г.

³⁾ Арх. М. М., прик. В. М. Ф., № 56, 1704 г., 3330

⁴⁾ Арх. М. М., Дѣла Адм.-Сов., № 9, 1701 г., 17—83.

чвается ежегодно; къ указаннымъ выше присоединяются: Петербургъ, Кронштадтъ, Балтійскій портъ (Рогервикъ), Таганрогъ и др.

Иногда мѣста ссылки появлялись на короткое время, а затѣмъ ссыльные распределялись по другимъ областямъ.

Такъ, напримѣръ, въ 1727 году изъ Кронштадта было повелѣно прислать арестантовъ къ постройкѣ Галерной Гавани на Васильевскомъ Островѣ¹⁾; изъ Рогервика часто требовались люди въ другіе города и т. д.

Изъ другихъ памятниковъ разсматриваемой эпохи можно усмотрѣть, что преступники военнопослужащіе ссылались въ указанные города и «на поселеніе»²⁾, по какова была ссылка этого рода—сказать трудно.

ВИДЫ ССЫЛКИ.

Такимъ образомъ, въ началѣ XVIII ст. въ Россіи существовала ссылка: 1) въ каторжныя работы, 2) на поселеніе и 3) на жительство, т. е. всѣ существующіе въ современномъ законодательствѣ виды. Но, при неопредѣленности терминологіи того времени, установить различіе этихъ видовъ не представляется возможнымъ, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ документахъ о ссылкѣ одного и того же лица термины «поселеніе», «жительство» и «каторжныя работы» упоминаются, какъ нѣчто равнозначущее.

Однако, можно предполагать съ нѣкоторою долею вѣроятности, что, только при положительномъ указаніи на обязательность работы, ссылка была равнозначуща каторгѣ; въ остальныхъ случаяхъ осужденный могъ быть приверстываемъ на службу, или на пашню, или вообще поселяемъ.

ОРГАНИЗАЦІЯ РАБОТЪ.

Каторжная работа производилась: на каторгахъ или галерахъ—судахъ особаго устройства, въ крѣпостяхъ, на дорогахъ, на рѣкахъ и т. п., словомъ тамъ, гдѣ въ данный моментъ была нужда въ рабочихъ рукахъ.

Сосланные носили различныя названія: каторжныхъ, галерниковъ, колодниковъ, арестантовъ, мастеровыхъ, рабочихъ, ссыльныхъ и т. д. На каторгѣ вмѣстѣ съ преступниками работали: свободные рабочіе, солдаты, военно-плѣнные и т. д.

На пополненіе каторжнаго населенія правительство посылало плѣнныхъ турокъ³⁾, татаръ⁴⁾ шведовъ⁵⁾, поляковъ⁶⁾, сюда же стекались и

¹⁾ Арх. М. М., Дѣла вице адмирала Зимаевича, № 34, 1727 года.

²⁾ А. М. М., Дѣла Прик. В. М. Флота, № 87, 1706.

³⁾ А. М. М., Д. Адм.—Сов., № 9, 1701.

⁴⁾ А. М. М., Дѣла Прик. В. М. Фл., № 22, 1701—1702.

⁵⁾ А. М. М., Дѣла гр. Апраксина, № 51, 1712 г., 102.

⁶⁾ А. М. М., *ibid.*, 100.

несостоятельные должники¹⁾. Ссылные могли забирать съ собою или просить о высылкѣ къ нимъ жепъ и дѣтей²⁾.

Такимъ образомъ, колонизаторское значеніе ссылки продолжаетъ чувствоваться и въ Петербургскій ея періодъ, наряду съ ея карательнымъ и полицейскимъ содержаніемъ.

Обращаясь къ рассмотрѣнію объема примѣненія каторги къ военно-служащимъ, слѣдуетъ отмѣтить въ этомъ отношеніи полную неопредѣленность. Изъ документовъ, хранящихся въ Архивѣ Морского Министерства, видно, что на каторгу въ Азовъ и Таганрогъ въ 1703 году ссылались «люди разнаго званія и чина за взяточничество, недосмотръ за лѣсами, воровство и другія вины»³⁾; въ 1704 году въ каторжную работу морского флота ссылались солдаты за кражу казенныхъ денегъ, матросы—за буйство и произнесеніе въ пьяномъ видѣ «государева слова»⁴⁾; въ 1706 году—«преступники съ Олопецкой верфи въ каторгу на 10 лѣтъ за побѣгъ изъ службы»⁵⁾; бѣглые солдаты, оставшіеся въ живыхъ, послѣ поимки и повѣшенія одного изъ четверыхъ⁶⁾; плѣнные, за побѣгъ изъ Азова⁷⁾ и т. д.

ПРИМѢНЕНІЕ
КАТОРГИ.

Срокъ наказанія каторгою точно также отличался крайнею неопредѣленностью: каторга назначалась или до указа, или по указу⁸⁾. Въ первомъ случаѣ срокъ наказанія могъ окончиться въ любой моментъ времени, при условіи полученія указа объ этомъ въ мѣстѣ ссылки, во второмъ—въ точно опредѣленный въ указѣ, сопровождавшемъ ссылаемаго, моментъ времени.

СРОКЪ КАТОРГИ.

Но, помимо этой неопредѣленности, слѣдуетъ замѣтить, что одинаковыя преступленія могли влечь за собою каторгу на разные сроки.

Такъ, напр., изъ доношенія въ Адмиралтействъ-Коллегію 1720 года видно, что за побѣгъ военнослужащія находились въ каторгѣ на слѣдующіе

¹⁾ А. М. М., Указы Адм.-Кол. 6 (отд. III), 1722, 39.

²⁾ А. М. М., Дѣла Прпк. В. М. Фл., № 57, 105, лл. 350, 434, 503, 508—510, 584—586, 595.

³⁾ Дѣла Пр. В. М. Фл., № 37.

⁴⁾ Пр. В. Мор. Флота. № 44.

⁵⁾ Ibid., № 77.

⁶⁾ Дѣла графа Апраксина, № 248.

⁷⁾ Ibid. № 51.

⁸⁾ Ibid., № 257, 1720 г.

сроки: за первый побѣгъ: 1 солдатъ—на 5 лѣтъ, 4 солдата—вѣчно; за второй побѣгъ и за третій также вѣчно¹⁾).

Изъ дѣлъ Московскаго отдѣленія Архива Главнаго Штаба видно слѣдующее:

I. «до указу» ссылались: «за похищеніе Его Царскаго Величества казны», «за обмѣну паруса съ Чухонской лодки», за побѣгъ, «за фальшивую подпись подъ руку генерала», за пріемъ завѣдомо краденаго, за «продажу мундира и за брошеніе государственнаго палаша»;

II. вѣчно: «за отрубленіе у руки своей двухъ перстовъ, хотя отбыть службы», за разбой, за побѣгъ и воровство, за «ложное сказываніе за собою Государева слова» и др.;

III. на 10 лѣтъ: за грабежъ, отрубленіе пальца, разбой, кражу, за побѣгъ и др.;

IV. на 5 лѣтъ: «за воровское пропускное письмо», за пріѣздъ къ капитану «въ неуказанные часы», за фальшивую подпись;

V. на 3 года: за побѣги, за сносъ государственныхъ денегъ.

Иногда каторга назначалась на 15 лѣтъ, на 2 года, на 1 годъ и даже въ такихъ дробныхъ числахъ, какъ, напримѣръ, 4 года 5 мѣсяцевъ и 12 дней.

Интересно отмѣтить, что на каторжную работу отсылались иногда и тѣ изъ недорослей, которые укрывались отъ службы или «не являлись на смотръ къ Его Величеству»; указы 1716 и 1717 г. повелѣваютъ отправить виновныхъ на каторгу «къ битью свай», а вмѣсто нихъ взять въ матросы ихъ крѣпостныхъ людей²⁾).

Сосланные на каторгу въ теченіе срока наказанія могли быть свободно перемѣщаемы изъ одного пункта въ другой, въ зависимости отъ нужды государства въ рабочихъ рукахъ. Изъ центральныхъ мѣстностей колодникі толпами отправлялись на сѣверъ—въ Петербургъ, Рогервикъ или Котлинъ, гдѣ ихъ трудомъ можно было воспользоваться съ выгодною³⁾); точно такое же перемѣщеніе замѣчается и въ тѣхъ мѣстахъ ссылки, гдѣ работы въ данный моментъ увеличивались или пзмѣнялись. Нерѣдко можно встрѣтить въ документахъ той эпохи предписаніе

1) Дѣла Воен. Кол., кн. № 2, л. 707.

2) А. М. М., Д. П. В. М. Ф., № 111.

3) А. М. М., Д. Адмир.-Кол., № 7, 1701 г.

въ родѣ слѣдующихъ¹⁾: «прислать артиллерійскаго ученика съ каторги на пушечный дворъ для работы и послать на пушечный дворъ, ради всякой артиллерійской работы, всѣхъ артиллерійскихъ служителей, осужденныхъ на каторгу въ вѣчную работу или на урочные годы».

Работы, производившіяся каторжными, отличались большимъ разнообразіемъ; тяжесть работъ не принималась во вниманіе; для правительства цѣннымъ былъ самый трудъ, независимо отъ его карательнаго значенія.

Эти данныя, въ связи съ другими, вполне подтверждаютъ мысль, что и каторга была тѣмъ же московскимъ «приверстваніемъ» въ службу, «кто куда годится».

Содержаніе ссыльныхъ.

Содержаніе невольниковъ, посланныхъ на каторгу, установить положительнымъ образомъ представляется возможнымъ; дошедшія до насъ историческія данныя представляются довольно неполными и не могутъ дать сколько-нибудь ясной картины. Тѣмъ не менѣе, на основаніи матеріаловъ, хранящихся въ архивѣ морскаго министерства, можно установить слѣдующее.

Въ первые годы XVIII столѣтія управленіе каторгою и завѣдываніе невольниками непосредственно возлагалось на стольниковъ, которые обязаны были вести имъ учетъ, слѣдить за производствомъ ими работъ и довольствовать ихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они имѣли дисциплинарную власть въ отношеніи ссыльныхъ, но установить предѣлы этой власти—не представляется возможнымъ.

УПРАВЛЕНІЕ
КАТОРГОЮ.

Стольники являлись начальниками южныхъ каторгъ—въ Азовѣ, Таганрогѣ и др. городахъ; иногда каторжные переходили изъ вѣдомства одного стольника въ вѣдомство другого. Число каторжныхъ въ вѣдѣніи каждаго изъ нихъ опредѣлялось въ 1000 человекъ.

Управленіе сѣверными каторжными пунктами непосредственно лежало на обязанностяхъ приказа Адмиралтейскихъ дѣлъ²⁾.

Сосланные на каторгу довольствовались денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ. Случай далъ намъ возможность установить формы и способы этого довольствія.

¹⁾ А. М. М., Указы Адм.-Коллегіи 2 (отд. 1), 1719.

²⁾ А. М. М., Дѣла П. В. М. Фл., № 68, 1703 г., л. 167.

Въ 1721 году мануфактуръ-коллегія, имѣвшая въ своемъ распоряженіи на Екатерингофскомъ полотняномъ заводѣ нѣсколько невольницъ, обратилась въ Адмиралтействъ-Коллегію съ просьбою указать способы довольствія сосланныхъ. По этому поводу Адмиралтействъ-Коллегія писала слѣдующее:

«По справкѣ... каторжнымъ невольникамъ дается провіанта муки по 2 четверика, крупъ по малому четверику, соли по фунту человѣку на мѣсяць, и въ годъ муки по 3 четверти, крупъ по полдва четверика, соли по 12 фунтовъ каждому человѣку.

Мундира въ годъ: холста на рубашки и подкладочнаго по 12 (?), на портки изъ хрящевого по восемь аршинъ человѣку, голицъ по двѣ пары, варигъ по одной, упаковъ (?) по 3 пары человѣку въ два года, сукна сермяжнаго по 14 съ полу аршиномъ, да въ 3 года по шубѣ барахлей человѣку.

А денежнаго жалованья онымъ невольникамъ не бываетъ.» ¹⁾

Эти даншы носятъ мѣстный характеръ и не являются общимъ правиломъ, такъ какъ въ иныхъ мѣстахъ каторжные получали мундирное, кормовое и денежное содержаніе.

Такъ довольствовались сосланные.

Но, въ виду того, что каторга перѣдко вмѣщала въ себѣ и подслѣдственныхъ арестантовъ ²⁾, а правительство не отпускало на ихъ содержаніе никакихъ средствъ, то ближайшіе управители каторгами перѣдко входили по начальству съ просьбою указать имъ способы довольствія подслѣдственныхъ арестантовъ. Такъ напр. въ 1720 году ландсгевденъ гр. Дугласъ подаль графу Апраксину записку слѣдующаго содержанія: ³⁾.

«...Многое число арестантовъ присылается и по дѣлу допрашиваются, такожъ и свидѣтели очищаются, а держатся долгое время за карауломъ и дневныя пищи не имѣютъ, а безъ указу на пропитаніе отпустить не смѣютъ, и Ваше Сіятельство на оныхъ провіантъ изъ магазейновъ отпустить повелите».

Гр. Апраксинъ положилъ слѣдующую резолюцію: «колодниковъ

¹⁾ А. М. М., Дѣла Адмиралтействъ-Коллегіи, № 20, 1725.

²⁾ Содержащіеся на каторгѣ, подъ присмотромъ до суда и слѣдствія, занимались также работами, «дабы даромъ хлѣба не ѣли».

³⁾ А. М. М., Дѣла гр. Апраксина, № 257, 1720 года, листъ 98, оборотъ.

сколько возможно долго не держать, и которые явятся чисты,—свободить на вѣрныя порукп, а виноватымъ чинить казнь по суду, и допдеже будутъ подъ арестомъ, давать хлѣба по полтора фунта и на педѣлю четверть фунта соли и воды». Эта мѣра имѣеть очень много общаго съ содержаніемъ каторжныхъ, откуда и была вѣроятно заимствована.

Иногда каторжные выходили изъ вѣдомства того или другого административнаго органа и поступали въ вѣдѣніе или губернскихъ властей, или мѣстнаго военнаго начальства. Ради подтвержденія этого приведемъ распоряженіе, отданное гр. Апраксинымъ оберъ-коменданту Фельдендшгу ¹⁾:

«Каторжныхъ невольниковъ, которые были въ вѣдомствѣ адмиралтейскомъ, изволите приказать, и взявъ у комиссара Турова именныя списки, съ прописаніемъ именно, кто на сколько лѣтъ посланъ и сколько вѣчно и до указа, принять всѣхъ въ свою команду и содержать оныхъ въ такомъ порядкѣ, какъ содержаны были до сего времени, и провіантъ давать изъ генеральнаго магазина, а не изъ адмиралтейства, и вѣдомости подавать къ дачѣ хлѣбной послѣ гварнизона, и въ работу посылать, куда надлежитъ, съ вашего позволенія, а мундиръ по заручнымъ вѣдомостямъ будутъ давать по прежнему изъ адмиралтейства».

Такая дробность въ управленіи—естественное явленіе того времени, когда власти еще не были размежеваны надлежащимъ образомъ.

Устройство каторгъ отличалось многообразіемъ. Первые каторги отбывались на особыхъ тюремныхъ дворахъ, впоследствии получившихъ названіе каторжныхъ дворовъ (см. приложение «Описаніе тюремнаго двора»).

*УСТРОЙСТВО
КАТОРГЪ.*

Каторжные помѣщались въ пзбахъ по нѣсколько человекъ, слѣдовательно по системѣ совмѣстнаго заключенія. Въ качествѣ предохранительныхъ мѣръ являлись караулы; каковъ былъ ихъ составъ, нельзя высказаться положительно, но что онъ былъ не великъ—явствуетъ изъ размѣра караульныхъ избъ.

Кацдалы содержались или по числу каторжныхъ, или въ большемъ числѣ.

«Желѣза» служили мѣрою дисциплинарнаго взысканія или примѣнялись къ наиболѣе важнымъ изъ каторжныхъ.

«Долгія чепи» съ ошейниками служили для хожденія «въ мнръ»; это

¹⁾ А. М. М., Дѣло гр. Апраксина, № 257, 1720 г.

подтверждаетъ, что подаяніе, какъ способъ довольствія тюремныхъ сидѣльцевъ, имѣло мѣсто даже и при реформѣ ссылки.

ЮРИДИЧЕСКОЕ
ПОЛОЖЕНІЕ
ССЫЛЬНЫХЪ.

Среди каторжныхъ встрѣчаются «чины»: капитанъ, казаки, стрѣльцы, солдаты. Это обстоятельство указываетъ, что сосланные и при отбытіи наказанія продолжали числиться прежними чинами.

Вопросъ о юридическомъ положеніи ссыльныхъ военнопослужащихъ былъ рассмотрѣнъ г. Розенгеймомъ въ его трудѣ: «Очеркъ исторіи военно-судныхъ учреждений въ Россіи до кончины Петра Великаго», причемъ авторъ, на основаніи ряда дѣлъ военной коллегіи, пришелъ къ слѣдующему.

«Есть основаніе думать, что ссылка на каторгу или на галеры не влекла за собой окончательнаго пораженія всѣхъ правъ не только состоянія, но и служебныхъ» ¹⁾.

Съ своей стороны, мы укажемъ, что о какомъ-либо служебномъ правопораженіи при ссылкѣ не могло быть и рѣчи: ссылка, сама по себѣ взятая, будь-то каторга, поселеніе или житье, не влекла другого ограниченія, кромѣ свободы передвиженія и свободы труда, а служебныя праволшпенія имѣли своимъ основаніемъ ичто другое, какъ будетъ указано ниже.

Другое замѣчаніе того же автора представляется вѣрнымъ также только отчасти. Онъ говоритъ, что «осужденные въ каторгу или на галеры, по окончаніи сроковъ, возвращались въ войска и при томъ не только нижніе чины, но и офицеры тѣми же чинами, въ какихъ постигло ихъ осужденіе» ²⁾.

Въ этомъ отношеніи мы идемъ еще далѣе и положительно утверждаемъ, что военная служба была единственнымъ пунктомъ, куда стекались всѣ, освобожденные отъ работъ, разумѣется, если въ видахъ полицейскихъ, они не пересылались на поселеніе или житье въ Сибирь.

Такъ, напримѣръ, въ 1711 году было повелѣно пополнять полки рекрутами, старыми солдатами и освобожденными каторжниками ³⁾, въ томъ же году освобождаются отъ каторги невольники, находившіеся въ Азовскомъ краѣ, но не всѣ, а только тѣ изъ нихъ, которые до ссылки служили въ солдатскихъ полкахъ ⁴⁾.

Изъ этого видно, что въ наиболѣе критическіе моменты государствен-

¹⁾ Очеркъ, стр. 125.

²⁾ Ibid., стр. 125.

³⁾ Арх. М. М., Дѣла гр. Апраксина № 28.

⁴⁾ Арх. М. М., ibid. № 26, л. 270—295.

ной жизни, при затруднительности наборовъ, правительство обращается къ преступному населенію —сылнымъ и только указываетъ имъ новую форму принудительной работы, производимой также въ интересахъ государственныхъ. Въ этомъ же явленіи снова подтверждается утилитарный взглядъ на ссылку, какъ на наказаніе, осуществляемое въ цѣляхъ государственной пользы.

Такія освобожденія отъ каторжныхъ работъ имѣли мѣсто въ теченіе всей первой половины XVIII столѣтія; не считаясь съ единичными случаями освобожденія, отмѣтимъ коллективное принятіе «по-прежнему въ службу» каторжныхъ, отбывшихъ урочные годы, въ 1724 году, причемъ публично битые кнутомъ были «прикрыты флагомъ»¹⁾.

Изъ длиннаго ряда дѣлъ такого характера укажемъ наиболѣе интересныя, причемъ замѣтимъ, что единичные случаи вторичнаго вступленія на службу послѣ отбытія наказанія совершались путемъ помилованія, такъ что иногда допускалось опредѣлять на службу, не выжидая протеченія урочныхъ лѣтъ.

Такъ, напр., въ 1720 году «били челомъ Его Царскому Величеству пѣхотнаго полку солдаты..., которые посланы на каторгу за то, что, будучи на работѣ у кирпичныхъ заводовъ, упустили изъ своего караула шведскаго невольника, и дабы ихъ съ каторги учинить свободныхъ, которое прошеніе прилагается при семъ. Извольте приказать оныхъ солдатъ, когда годъ минеть, отъ каторжной работы свободить и опредѣлить по-прежнему въ тѣ-жъ полки, въ которыхъ служили». Это предписаніе гр. Апраксинымъ было направлено къ генераль-маіору Фельдендингу²⁾.

Другое предписаніе къ комиссару Турову гласило: «подашую отъ васъ выписку о невольникѣ... рассмотрѣли, которую къ вамъ посылаю, и онаго невольника съ каторги свободите и отошлите къ генераль-маіору и оберъ-коменданту Фельдендингу, понеже онаго повелѣно написать въ солдаты въ гарнизонные полки, и о томъ отъ насъ къ оному генераль-маіору указъ посланъ»³⁾.

Помилованіе такой формы распространялось также и на офицеровъ.

¹⁾ А. М. М., Дѣла Адмир.-Совѣта, № 32.

²⁾ А. М. М., Дѣла гр. Апраксина, № 270, л. 237.

³⁾ Ibid, л. 190.

Намъ удалось найти приказаніе отъ гр. Апраксина къ Девьеру, въ которомъ значилось:

...«присланъ къ намъ указъ изъ военной коллегіи, въ которомъ объявлено: прошедшаго декабря 31 числа 1719 года по именному Царскаго Величества указу велѣно финляндскаго корпуса Азовскаго пѣхотнаго полка подполковника Якова Островскаго да майора Василя Мартынова, которые въ прошломъ 1718 году ноября 20, по приговору на кригерехтѣ за ихъ вины, сосланы были на каторгу на четыре года, съ каторги освобождены и быть имъ тѣмъ же чинами въ томъ финляндскомъ корпусѣ... Извольте освобожденнымъ учинить по Его Царскаго Величества указу».

Помилованіе и опредѣленіе на службу имѣло мѣсто и въ другихъ случаяхъ: напримѣръ, «для всемірной радости со швецкимъ королемъ вѣчнаго мира» и т. п.

На основаніи приведенныхъ данныхъ позволительно будетъ сдѣлать слѣдующія заключенія о ссылкѣ для военно-служащихъ.

ПРАВООГРАНИЧЕНІЯ ПРИ ССЫЛКѢ.

Ссылка не всегда и не для всѣхъ влекла за собою правоограничительныя придатки, общаго или служебнаго характера. Ни въ одномъ изъ просмотрѣнныхъ нами документовъ не имѣется указаній на то, что правоограниченіе было необходимымъ послѣдствіемъ наказанія. А если это такъ, то и правоограниченія, поскольку ихъ слѣдовало примѣнять въ данномъ случаѣ, стояли въ зависимости отъ усмотрѣнія суда и свойства преступнаго дѣянія. Словомъ, правопораженія не были связаны съ самымъ наказаніемъ.

Военнослужащія, отбывая ссылку въ той или иной формѣ, по справедливому замѣчанію г. Розенгейма, продолжали именоваться прежними чинами, но въ дѣйствительности они не пользовались преимуществами своего званія.

Въ самомъ дѣлѣ, солдаты, матросы, казаки, офицеры, живя на тюремномъ дворѣ, числились въ составѣ подневольнаго населенія, они были тѣми же каторжниками-невольниками. На существованіе какихъ-либо отдѣльныхъ помѣщеній на каторгѣ для военнослужащихъ нѣтъ прѣчи. «Мундирное строеніе» поступаетъ для всѣхъ каторжанъ, независимо отъ ихъ прежняго служебнаго положенія. Довольствіе ссыльныхъ точно также одинаково для всѣхъ. И такимъ образомъ, на долю военнослужа-

щихъ— офицеровъ и нижнихъ чиновъ—остается лишь одно: возможность возвращенія ихъ на службу прежними чинами.

Однако, съ тѣмъ положеніемъ, что на каторгѣ военнослужащіе имевались своими чинами, приходится считаться. Въ этомъ отношеніи, какъ кажется, нельзя видѣть чего-либо самобытнаго, свидѣтельствующаго и о привилегіяхъ военнослужащихъ. Наоборотъ, именныя списки людей «разнаго чину» на каторжныхъ дворахъ, упоминая прежнее положеніе сосланнаго, только констатировали этотъ фактъ, не придавая ему никакого значенія, какъ простую ссылку на происхожденіе виновнаго, и вмѣсто «изъ солдатъ» писалось просто «солдатъ» и т. д.

Этимъ заявленіемъ мы хотимъ лишь указать на возможность нивелировки всѣхъ каторжанъ, въ чемъ и скрывалась одна изъ важныхъ причинъ карательной тягости ссылки.

Къ счастью, намъ удалось розыскать нѣсколько историческихъ документовъ, могущихъ до извѣстной степени освѣтить этотъ наиболѣе интересный вопросъ ссылки для военнослужащихъ.

Изъ дѣлъ Адмиралтействъ - Коллегіи¹⁾ можно видѣть, напримѣръ, что «капитанъ... сосланъ былъ на каторгу вѣчно и ноздри у него пороты и въ прошломъ 721 году... по указу изъ Сената и по сенатской отмѣткѣ... съ каторги освобожденъ... и велѣно его для опредѣленія отослать по приговору Адмиралтействъ-Коллегіи. И отосланъ онъ съ прочими въ военную коллегію... для отправленія въ Сибирь».

Изъ приведеннаго документа можно усмотрѣть, что препятствіемъ для припятія сосланнаго вновь на службу могло явиться «поротіе поздрей». Но это заключеніе, хотя и вѣрно, но до извѣстной степени и обобщающаго значенія имѣть не можетъ.

Изъ дѣлъ графа Апраксина²⁾ вытекаетъ новое положеніе. «Присланъ къ намъ указъ изъ военной коллегіи — ишетъ Апраксинъ — и при томъ бывшаго Азовскаго полка прапорщикъ Бутримовъ, который въ оной коллегіи объявилъ о себѣ въ сказкѣ своей, якобы по кригсрехту, по которому посыланъ онъ былъ въ каторжную работу, прапорщикьяго чина не лишень и чтобъ его тѣмъ чиномъ опредѣлить въ Финляндскій корпусъ въ тотъ же полкъ, въ которомъ онъ прежде сего служилъ. На что отвѣтствую: по справкѣ

¹⁾ А. М. М., Д. Адм.-Кол., № 60, 1725 г.

²⁾ А. М. М., Дѣла гр. Апраксина, № 257, 1720 г.

въ походной нашей морской военной канцеляріи, по кригсрехту, держанному надъ нимъ, въ сентенціи отъ всѣхъ персонъ, кои при томъ присутствовали, положено отнять чинъ и послать на каторгу на годъ, и за такимъ пренятіемъ о посылкѣ его въ Финляндскій корпусъ къ опредѣленію прапорщикомъ, какъ вышеобъявленный указъ повелѣваетъ, учинить намъ не можно, чего ради онаго для подлиннаго о немъ рѣшенія я паки симъ посылаю»...

Отсюда явствуетъ, что если въ вышеприведенномъ дѣлѣ препятствіемъ для принятія вновь на службу служили порокия поздри, то во второмъ такое же значеніе имѣло отнятіе чина.

Какъ слѣдуетъ предполагать, юридическое положеніе сосланныхъ офицеровъ не совсѣмъ было ясно и для современныхъ дѣятелей, примѣнявшихъ на практикѣ — освященное обычаемъ или неизвѣстнымъ намъ закономъ — право. Что подобныя недоразумѣнія не были единичными, служить доказательствомъ появленіе въ 1721 году указа военной коллегіи, окончательно и прочно установившаго содержаніе праволишеній при каторгѣ.

Этотъ указъ представляется намъ настолько важнымъ, что мы рѣшаемся передать его дословно ¹⁾.

...«Которые офицеры и рядовые по кригсрехтамъ и кофирмаціямъ подлежатъ будутъ тѣлесному наказанію и ссылкѣ на каторгу, и таковымъ чиня наказаніе такое: которые приговорены будутъ на каторгу въ вѣчную работу съ наказаніемъ, тѣхъ бить кнутомъ, а которые урочные годы, тѣхъ гонять шшицрутень, а кнутомъ не бить, чего и по кригсрехтамъ ихъ не приговаривать для того, что, ежели по прошествіи урочныхъ лѣтъ оныя свободятся, то за такимъ порокомъ, что были въ кацкихъ рукахъ, невозможно ихъ въ прежнюю употреблять службу».

Освобожденіе ссыльныхъ.

Моментъ освобожденія отъ каторжныхъ работъ и водвореніе ссыльныхъ точно также не лишены извѣстнаго интереса, почему мы и позволимъ себѣ нѣсколько остановиться на немъ.

*ПЕРЕСЫЛКА
ОТБЫВШИХЪ
НАКАЗАНІЕ.*

По общему правилу, освобожденные отъ каторги были передаваемы начальству, приславшему ихъ къ работѣ. Но въ случаѣ помилованія каторжные непосредственно изъ мѣста ссылки, какъ изъ мѣста командировки, отправлялись въ части войскъ.

¹⁾ А. М. М., гр. Апраксина № 198, 1721.

Иногда освобожденные отправлялись въ Сибирь: къ лицамъ этой категоріи относились всё, такъ или иначе лишенные права на занятіе вновь мѣстъ въ арміи.

Они направлялись или подь карауломъ, или «на своемъ коштѣ» и подь личною отвѣтственностью.

Порядокъ и способъ пересылки освобожденныхъ ясно рисуется изъ слѣдующаго документа:

«По вышискѣ отъ коллегіи освобожденнаго съ каторги... по силѣ сенатской резолюціи... послать въ ссылку въ Сибирь на вѣчное житье. И отправить его изъ Санктъ-Петербурга съ указомъ въ Москву за карауломъ Московскоѣ Адмиралтействъ-Конторы, съ солдаты, на ямской одной подводѣ, по дачѣ на ту подводу подорожной; за указные прогоны въ ямскую канцелярію послать промеморію, а о прогонныхъ деньгахъ къ полковнику и казначею Засѣдкому—указъ, а на проѣздъ въ пути выдать ему провіанта противъ каторжныхъ невольниковъ натурою на мѣсяць отъ Адмиралтействъ-Провіантъ-Конторы, а изъ Московскоѣ Адмиралтействъ-Конторы выдать ему на дорожный кормъ деньгами противъ преждепосланныхъ... колодниковъ на 5 мѣсяцевъ: по алтыну на день, записавъ въ расходъ съ роспискою. И отправить его за карауломъ же, сухимъ или водянымъ путемъ, какъ способиѣе, до Нижняго и вслѣдъ его объявить вице-губернатору... А изъ Нижняго... отправить его за карауломъ же въ Казань и для отсылки въ Сибирь вслѣдъ его объявить губернатору... А въ Сибиріи о пріемѣ и опредѣленіи его... рапортовать въ командѣ»¹⁾.

Иногда пересылку освобожденныхъ въ Сибирь разрѣшалось производить безъ участія властей, какъ это видно изъ слѣдующаго:

«По указу... Адмиралтействъ-Коллегіи... солдату...: собрать тебѣ поручную запись по свободеннымъ ...отъ вѣчной каторжной работы... Повелѣно послать въ ссылку въ Сибирь на вѣчное житье въ Тобольскъ съ добрыми поруками, въ томъ, что за тѣми поруками... явиться въ Тобольскъ обрѣтающемуся тамъ губернатору... А ежели опъ за тѣми поруками въ Сибирь не поѣдетъ и въ назначенный срокъ въ Тобольскъ не явится, и за то ему и поручникову ево штрафитца, какимъ штрафомъ указомъ... повелѣно будетъ, а поручниковъ его всѣхъ въ Сибирь или куда указомъ повелѣно будетъ, движимое и недвижимое ихъ имѣніе все взять на Его Вели-

¹⁾ А. М. М., Дѣла Адмир.-Кол., № 60, 1725, л. 408—409.

чество. И собравъ тѣхъ поручиковъ въ указной срокъ, для освидѣтельствования тѣхъ подписавшихся по немъ, поруки объявить въ Адмиралтействъ-Коллегию»¹⁾).

Отвѣтственность поручителей измѣнялась, вѣроятно, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, въ зависимости отъ свойствъ преступнаго дѣянія и степени благонадежности освобожденнаго.

Такъ, напримѣръ, мы имѣемъ другой документъ, который указываетъ:

«... По прошенію освобожденнаго съ каторги ...послать въ Сибирь на вѣчное житіе на ево коштъ, дать сроку... и въ томъ собрать по немъ отъ крѣпостныхъ дѣлъ поручную записъ, что ему въ Сибиріи стать и явиться тамошнему губернатору на объявленный срокъ неотложно. А ежели на означенный срокъ въ Сибиріи не явится, а будетъ еще укрываться, то онъ лишень будетъ живота, а подписавшіеся по немъ поручики сосланы будутъ въ каторжную работу вѣчно»²⁾).

Разумѣется, трудно сказать, были ли эти указанія реальною угрозою или лишь платоническимъ воздѣйствіемъ; но изъ этого уже видно, что боязнь опасности со стороны освобожденнаго стала особенно сильно сознаваться государственною властью.

Такова была организація ссылки въ царствованіе Петра Великаго.

Мы остановились на ней подробно именно потому, что, съ одной стороны, эта организація являлась наиболѣе полною, съ другой—она просуществовала въ главныхъ своихъ чертахъ до начала XIX столѣтія.

Принципъ утилизаціи рабочей силы, получаемой отъ преступника, легъ въ основаніе ссылки и такъ прочно, что и въ послѣдующее время онъ занималъ главенствующее мѣсто въ системѣ военно-карательныхъ мѣръ, направлявшихся противъ свободы.

ВЫВОДЫ.

Такимъ образомъ, на основаніи всего предшествующаго, мы можемъ придти къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Ссылка на каторгу могла быть назначаема вѣчно и на опредѣленный срокъ.

2) Въ томъ и другомъ случаѣ она могла соединяться съ извѣстными юридическими послѣдствіями.

¹⁾ А. М. М., Дѣла Адм. Кол., № 60, л. 116.

²⁾ А. М. М., Дѣла Адм. Кол., № 60, 1725 года.

3) Содержание этих карательныхъ придатковъ касалось сферы поражения правъ или «наказаній», т. е. поражения тѣлесной неприкосновенности.

4) Пораженіе служебныхъ правъ являлось въ формѣ отнятія чина или чиновъ.

5) Тѣлесное наказаніе осуществлялось въ формѣ примѣненія кнута черезъ палача, или ката, или посредствомъ шпицрутеновъ, или посредствомъ примѣненія болѣзненныхъ членовредительныхъ придатковъ, какъ, напри- мѣръ, поротія поздрей.

6) Лишеніе чиновъ, конечно, безусловно препятствовало виновному вновь вступить на службу прежнимъ чиномъ, но, вѣроятно, не устраняло возможности вступить въ армію рядовымъ.

7) Поротіе поздрей, отнимавшее гражданскую и воинскую честь сосланнаго, лишало его правъ на прежнюю службу, и помилваніе не могло простираться дальше освобожденія отъ работъ.

8) Примѣненіе кнута палагало на военнотружущаго пятно позора, препятствовавшее занять ему прежнее служебное положеніе. Впрочемъ, въ крайнихъ случаяхъ, при нуждѣ въ устройствѣ арміи, допускалась фактически реабилитация въ формѣ «прикрытія флагомъ» (или знаменемъ—въ сухопутныхъ войскахъ) публично битыхъ.

9) Кнутомъ наказывались ссылаемые на вѣчную работу.

10) Каторга на урочные годы, если она не влекла за собою примѣненіе кнута или разжалованія, не отнимала у сосланнаго его правъ на вступленіе на службу.

11) Бывшіе военнотружущіе, лишеныя права вступить въ службу, направлялись военною коллегіею въ Сибирь—на поселеніе или житье.

Въ такомъ видѣ рисуется ссылка для военнотружущихъ въ царствованіе Петра Великаго.

II.

Эпоха преемниковъ Петра Великаго.

Послѣдующія данныя, касающіяся ссылки въ XVIII столѣтіи, представляются крайне незначительными. Законодательныхъ постановленій почти не встрѣчается, и все ограничивается административными распоряженіями, замѣнявшими, дополнявшими и измѣнявшими данныя закона.

*ПОМИЛОВАНИЕ
ССЫЛЬНЫХЪ.*

Императрица Екатерина I, тотчасъ же по вступленіи на престолъ, указываетъ:

«для поминовенія Его Императорскаго Величества и всего спиклпта каторжныхъ невольниковъ, которые сосланы въ вѣчную работу, также которые безъ сужденія на каторгу... посланы и не посланы, тѣхъ всѣхъ неумедля на каторгѣ и съ каторжныхъ работъ свободить и послать въ Сибирь въ украинскіе города, а кто посланъ и за какія вины присланъ и опредѣленъ быть въ каторжной работѣ... всѣмъ списокъ учиня въ Адмиралтействъ-Коллегіи и подать въ Правительствующій Сенатъ... а которые явятся въ доимочныхъ деньгахъ, тѣхъ всѣхъ свобода... послѣ ни въ какомъ случаѣ не опредѣлять»¹⁾).

Кромѣ этого акта, мы не имѣемъ никакихъ другихъ, изъ которыхъ можно было бы почерпнуть что-либо о ссылкѣ и ея примѣненіи.

Всѣ воинскія комиссіи, пересматривавшія военно-уголовное законодательство, не останавливались на переустройствѣ карательной системы вообще и лишенія свободы въ частности.

*УКАЗЪ О
ВСЕГДАШНЕЙ
РАБОТѢ.*

Знаменитый указъ Елизаветы объ отмѣнѣ смертной казни ввелъ новую форму лишенія свободы—всегдашнюю работу въ кандалахъ послѣ примѣненія кнута и клейменія.

Этотъ указъ, равно примѣнявшійся и къ общимъ, и къ воинскимъ преступленіямъ, влекъ за собою исключеніе военнотружачаго изъ арміи. Слѣдовательно, каторга, какъ замѣна смертной казни, безусловно исключала вмѣшательство военной власти въ организацію этого наказанія. Съ момента произнесенія приговора, осужденный лишался воинской чести и званія и, слѣдовательно, переставалъ интересоваться собою армію.

¹⁾ А. М. М., Дѣла Кол.-Кол., № 60, 1725 г.

Что касается каторги на урочные годы, то осужденные къ таковой обыкновенно направлялись туда, гдѣ въ данный моментъ требовались рабочія руки; этими пунктами является крѣпость или вообще мѣста, гдѣ производились инженерныя работы.

Какъ утверждаетъ проф. Фойницкій, «въ крѣпостяхъ во второй половинѣ XVIII столѣтія работали, подъ руководствомъ инженернаго вѣдомства, люди самыхъ различныхъ категорій, какъ-то: артиллерійскіе служители, солдаты, сдавшие помѣщикамъ крестьяне, которые, въ случаѣ смерти, зачитались имъ за рекруты» и т. д.

РАБОТА ВЪ
КРѢПОСТЯХЪ

Потребность въ рабочихъ была крайне настоятельною, и даже въ 1795 году генераль-адъютантъ Князевъ писалъ генераль-прокурору:

«ссылочные невольники для работъ вездѣ нужны, гдѣ только крѣпости инженернаго вѣдомства по границамъ находятся, нашаче потому, что во многихъ мѣстахъ вольнонаемныхъ людей ни за какія деньги отыскать невозможно, а гдѣ оныя есть, то требуемые ими за работы деньги столь неумѣренны, что выходятъ изъ той соразмѣрности, въ каковой фортификаціонная сумма находится» ¹⁾.

Принудительность работъ была принципомъ, на которомъ основано было устройство рабочихъ домовъ при Екатеринѣ II въ 1775 году.

Появившіеся «рабочныя и смирительныя дома» имѣли назначеніемъ вмѣщать въ себѣ лицъ не военнослужащихъ по приговорамъ обичихъ судовъ. Преступники изъ военнослужащихъ попрежнему отправлялись въ крѣпостную работу, гдѣ они не выходили изъ вѣдѣнія военнаго начальства и продолжали нести службу въ интересахъ «фортификаціонныхъ», чисто военныхъ.

Впослѣдствіи, уже въ царствованіе Императора Павла, эта мысль получаетъ полное осуществленіе въ указѣ 13 сентября 1797 г. Указъ разграничивалъ преступниковъ на три категоріи, причѣмъ осужденные къ каторгѣ, взамѣнъ смертной казни, подвергались наказанію кнутомъ и отправлялись на работы въ Нерчинскъ; приговоренные къ вѣчной ссылкѣ препровождались на Иркутскую суконную фабрику, а осужденные къ заключенію въ рабочныя и смирительныя дома—направлялись къ крѣпостнымъ строеніямъ ²⁾.

¹⁾ Фойницкій, Ученіе о наказаніи, стр. 271.

²⁾ П. С. З., № 18140.

Вслѣдъ за этимъ въ 1798 г. сенатъ установилъ, что въ крѣпостныя работы должно было отправлять лицъ, осужденныхъ къ заключенію въ смиренительныхъ домахъ на значительные сроки; при небольшомъ срокѣ осужденные отбывали наказаніе попрежнему въ работныхъ домахъ.

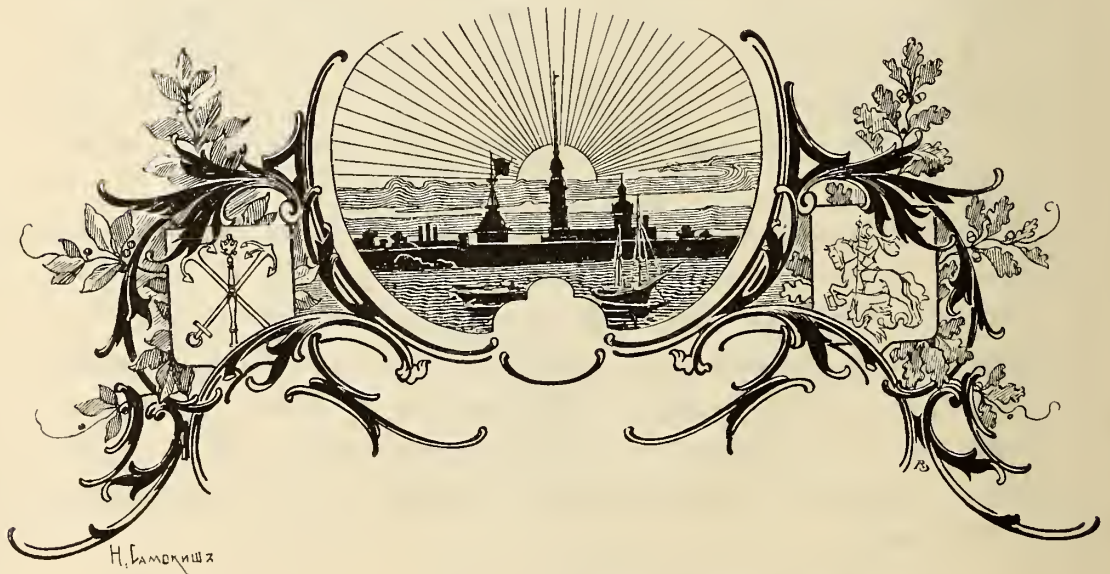
Такимъ образомъ, вся предшествующая законодательная и административная дѣятельность правительства къ устройству ссылки выразилась окончательно и получила извѣстную формулировку только въ эпоху императора Павла,

ВЫВОДЫ.

На основаніи документовъ этой эпохи, относящихся исключительно къ военнопослужающимъ, можно установить, что въ началѣ XIX столѣтія въ Россіи ссылка существовала въ слѣдующихъ формахъ:

- ссылка на каторгу,
- ссылка на поселеніе,
- ссылка на житье
- и ссылка въ крѣпость.

Такимъ образомъ, къ царствованію императора Александра I-го ссылка естественнымъ путемъ подраздѣлилась на самостоятельные виды, которые въ послѣдствіи и получили законодательное освященіе сначала въ полевомъ уголовномъ уложеніи, а затѣмъ въ военно-уголовномъ уставѣ 1839 года.

ГЛАВА III.

Царствованіе Александра I.

ВОПРОСЪ о реформѣ ссылки для военнослужащихъ, особливо въ первые годы XIX столѣтія, едва ли могъ интересовать правительство занятое разсмотрѣніемъ длиннаго ряда вопросовъ, относящихся къ другой области управленія.

Поэтому, при вступленіи на престолъ императора Александра, не замѣчается какихъ-либо новыхъ движеній въ пользу реформы военно-тюремнаго дѣла. Наоборотъ, изъ конфирмацій Императора, относительно военно-судныхъ дѣлъ¹⁾, легко можно усмотрѣть, что принципы, завѣщанные предшествовавшимъ столѣтіемъ и въ особенности эпохою Павла, продолжаютъ существовать.

¹⁾ Гл. В.-Суд. Упр., Часть журнальная.

Отдача въ крѣпостныя работы для нижнихъ чиновъ и офицеровъ является преобладающимъ видомъ лишенія свободы. Правопоражающіе придатки къ наказанію хотя и встрѣчаются, но значительно рѣже.

Однако, ссылка реформировалась самостоятельно, безъ всякаго вмѣшательства въ это дѣло правительства.

Мѣры, принимаемыя въ интересахъ государственной пользы, совершенно неожиданно пзмѣнили характеръ ссылки, какъ наказанія, организовали новыя мѣста отбытія наказанія и, такимъ образомъ, оказали значительное вліяніе на постановку военно-тюремнаго дѣла въ Россіи въ послѣдующую эпоху.

ВОЕННО-РАБОЧИЯ
РОТЫ.

Эти мѣры, на первый взглядъ не имѣющія ничего общаго со ссылкой, состояли въ учрежденіи такъ называемыхъ военно-рабочихъ ротъ.

Въ 1807 году 25 ноября было Высочайше утверждено «Положеніе Министра Военныхъ Сухонутныхъ силъ о содержаніи поступающихъ въ крѣпости милиціонныхъ ратниковъ, употребляемыхъ къ производству строеній». ¹⁾

Изданію этого положенія предшествовалъ указъ 27 сентября того же года ²⁾, которымъ повелѣно было тѣхъ милиціонныхъ ратниковъ, которые окажутся неспособными служить въ полкахъ, батальонахъ, губернскихъ ротахъ и мѣстныхъ воинскихъ командахъ, распределять по крѣпостямъ для производства въ нихъ работъ.

Эти ратники, по вступленіи въ крѣпости, получали названіе «военныхъ рабочихъ». Они состояли въ вѣдѣніи Инженернаго Департамента, получали за работу деньги, какъ нижніе чины въ полкахъ, и были подчинены Командантамъ и Начальникамъ гарнизона.

Положеніе предписывало слѣдующее: «На попеченіе командировъ... возлагается наблюдать, чтобы военные рабочіе употребляемы были инженернымъ вѣдомствомъ къ работамъ и строеніямъ точно такъ, какъ употребляются командируемые для сего изъ полковъ, не назначая имъ оныхъ превыше силъ и не возлагая такихъ тяжкихъ, какія исправляются ссылными ³⁾».

¹⁾ П. С. З., № 22. 696.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же, пунктъ 10.

Этот пункт положенія представляет собою значительную цѣнность для объясненія многихъ явленій въ организаціи ссылки для военно-служащихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вводя въ крѣпости непреступный элементъ, государство, съ одной стороны, утверждаетъ принципъ предшествующаго столѣтія для организаціи мѣсть ссылки: пужда въ рабочихъ рукахъ, съ другой—посылаетъ ратниковъ въ тѣ же самые пункты, гдѣ сосредоточивается преступный элементъ общества. Кромѣ того, чтобы создать извѣстную границу между тѣми и другими относительно положенія и обязанностей, правительство предписываетъ считать ихъ нижними чинами, назначенными для производства менѣ тягостныхъ работъ.

Итакъ, крѣпость должна была заключать въ себѣ: преступниковъ—общихъ и военныхъ, несостоятельныхъ должниковъ, нижнихъ чиновъ и военныхъ рабочихъ.

Но дѣло этимъ далеко еще не завершилось: въ 1816 году 2-го мая издается Высочайше утвержденное положеніе объ учрежденіи въ Москвѣ, въ вѣдомствѣ Комиссіи Строеній, двухъ военно-рабочихъ батальоновъ¹⁾, въ томъ же году 20-го іюля утверждается журналъ комитета по устройству дорожной части объ устройствѣ рабочихъ бригадъ по государственнымъ дорогамъ²⁾, и наконецъ въ 1818 году, 21-го августа, издается Положеніе о военно-рабочихъ ротахъ для Инженернаго Корпуса³⁾.

Это послѣднее предписывало образовать 36 военно-рабочихъ ротъ⁴⁾, вмѣсто имѣвшихся до этого времени въ вѣдѣніи Инженернаго Департамента мастеровыхъ, военно-рабочихъ и фурлейтъ. Рота составлялась изъ мастеровыхъ и рабочихъ. На укомплектованіе ротъ предназначались: всѣ состоявшіе къ тому времени мастеровые и военно-рабочіе; что касается ежегоднаго комплектованія убыли въ ротахъ, то оно производилось людьми саперныхъ и пионерныхъ батальоновъ, а также и тѣми изъ крѣпостныхъ арестантовъ, которые должны были удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: 1) быть благонадежными въ поведеніи, 2) имѣть «нестарые годы» и 3) находиться въ крѣпости въ качествѣ арестанта, наказаннаго не по суду.

¹⁾ П. С. З. № 26. 252.

²⁾ П. С. З. № 26. 361.

³⁾ П. С. З. № 27. 491. Кромѣ того, см. П. С. З. №№ 22.879, 23.490, 23.506, 23.670, 24.032, 24.176, 26.730. 27.435 и 27.491.

⁴⁾ Въ 1820 году 29 апрѣля образовано еще 2 роты при Тульскомъ оружейномъ заводѣ. П. С. З. № 28.262.

Последнее требование объясняется тѣмъ, что правительство, желая улучшить положеніе арестантовъ, отданныхъ въ крѣпости на основаніи дисциплинарнаго постановленія начальства (за побѣгъ въ первый разъ, пьянство, отлучки и т. д.), вмѣстѣ съ тѣмъ преслѣдовало цѣли уголовной политики, заставляя заключеннаго «исправить свое поведеніе».

Положеніе совершенно умалчивало о характерѣ работъ для бывшихъ арестантовъ, изъ чего можно заключить, что они исполняли тѣ же работы, какъ и другіе нижніе чины, и ничѣмъ не отличались отъ нихъ по своему положенію.

Такимъ образомъ, положеніе 1818 года, уничтожая фактически прежнихъ военныхъ-рабочихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ вносило извѣстную ясность въ порядокъ организаціи государственныхъ работъ.

Однако, нужда въ рабочихъ рукахъ продолжала ощущаться сильнѣе съ каждымъ днемъ. Въ виду этого правительство рѣшается нарушить положеніе 1818 года и, главнымъ образомъ, ограниченіе относительно военныхъ арестантовъ.

Мѣры, принятыя административною властью, получили законодательное утвержденіе уже въ царствованіе Императора Николая I-го, когда Высочайше было разрѣшено «на всегда» принимать такія мѣры, которыя клонились къ наилучшей организаціи военно-рабочихъ ротъ ¹⁾.

Въ 20-хъ годахъ, вслѣдъ за изданіемъ Положенія, инспекторъ инженернаго корпуса въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ даетъ свое разрѣшеніе принимать на укомплектованіе военно-рабочихъ ротъ арестантовъ изъ крѣпостей, безъ ограниченія, указаннаго въ Положеніи, и между прочимъ и зъ бродягъ, отданныхъ въ крѣпостную работу ²⁾.

Затѣмъ, съ усиленіемъ нужды въ рабочихъ и за неуккомплектованіемъ рабочихъ ротъ, разрѣшается временно принимать въ роты бродягъ, находящихся въ работѣ менѣе года или о коихъ еще не имѣется дѣйствительныхъ справокъ объ ихъ личности; кромѣ того, принимались также и бродяги, объявившіе себя иностранцами выходцами и т. д.

Наконецъ, правительство рѣшается дозволить пріемъ въ рабочія роты и такихъ лицъ, которыя имѣютъ возрастъ свыше 40 лѣтъ, но еще годны къ службѣ.

¹⁾ См. отношеніе Начальника Главнаго Штаба отъ 15 января 1828 года, № 475.

²⁾ Тамъ же.

Кромѣ того—и это самое важное—на укомплектованіе ротъ было разрѣшено допускать и крѣпостныхъ арестантовъ, поступившихъ въ крѣпости, хотя бы и по суду, но на срочное время, а также и такихъ арестантовъ, которые были до этого болѣе трехъ разъ въ побѣгахъ и болѣе двухъ разъ наказаны шпицрутенами.

Отсюда уже недалеко было указать на рабочія роты, какъ на такой пунктъ, гдѣ должны сосредоточиваться преступники изъ военно-служащихъ, отбывшіе наказаніе ранѣ вступленія ихъ обратно въ части войскъ.

Не менѣе интереснымъ представляется и то обстоятельство, что назначеніе арестантовъ въ роты производилось по выбору командировъ инженерныхъ командъ или окружныхъ командировъ вмѣстѣ съ медицинскими чиновниками и комендантомъ.

Такимъ образомъ, была установлена связь между крѣпостными работами и рабочими ротами.

Вмѣстѣ съ этимъ по необходимости должно было подвергнуться измѣненіямъ и положеніе крѣпостныхъ арестантовъ. Въ самомъ дѣлѣ, смѣшеніе въ одномъ мѣстѣ военныхъ и общихъ арестантовъ не могло не отзываться дурно на положеніи военно-тюремнаго дѣла. Мнѣніе, что крѣпости въ первой четверти XIX столѣтія были школами разврата и преступленія, заслуживаетъ полнаго вѣроятія. Къ тому же необходимо имѣть въ виду, что военно-срочные арестанты не исключались изъ военнаго вѣдомства и, возвращаясь изъ крѣпостныхъ работъ, несли съ собою растлѣвающее вліяніе и въ части войскъ.

Такимъ образомъ, сама организація крѣпостныхъ работъ, въ которыхъ государство продолжало нуждаться, взывала къ необходимости своей реорганизаціи.

Новое положеніе о крѣпостныхъ арестантахъ, по представленію генераль-инспектора по инженерной части, было утверждено Императоромъ 3 іюня 1823 года ¹⁾.

*ПОЛОЖЕНІЕ О
КРѢПОСТНЫХЪ
АРЕСТАНТАХЪ.*

Это положеніе является первымъ законодательнымъ актомъ, установившимъ болѣе или менѣе цѣлесообразныя начала военно-тюремнаго дѣла въ Россіи. Въ виду этого мы остановимся на немъ нѣсколько подробнѣе.

Положеніе сначала образовываетъ арестантскія роты въ двухъ пунк-

¹⁾ См. Арх. Гл. В.-Суд. Упр. Дѣло о нижнихъ чинахъ изъ дворянъ, томъ 3.

тахъ: Динабургъ и Бобруйскъ, куда раньше стекалось обыкновенно наибольшее значительное количество арестантовъ.

Такимъ образомъ, создается всего 15 ротъ: семь изъ нихъ — въ Динабургъ и восемь — въ Бобруйскъ; эти роты получаютъ официальное названіе «крѣпостныхъ арестантскихъ ротъ».

Въ составъ каждой роты входили слѣдующіе чины: къ постоянному составу принадлежали: командующій ротой въ штабъ- или оберъ-офицерскомъ чинѣ и три младшихъ офицера, нижніе чины: 1 фельдфебель, 16 унтеръ-офицеровъ и 1 барабанщикъ. Переменный составъ — арестанты — полагался по штату каждой роты въ числѣ 120 человекъ.

Постоянный составъ могъ быть увеличиваемъ: положеніе указывало что «въ случаѣ, если бы число арестантовъ потребовало умноженія унтеръ-офицеровъ, оныя прикомандировываются изъ служащихъ или неслужащихъ инвалидовъ».

Изъ изложеннаго видно, что арестантскимъ ротамъ была придана совершенно военная организація, въ общихъ чертахъ сходная съ организаціей современныхъ строевыхъ ротъ въ пѣхотѣ.

Постоянные чины арестантскихъ ротъ получали отъ казны прежнее жалованье по ихъ окладамъ. Офицеры и нижніе чины носили мундиръ служащихъ инвалидовъ; имъ были присвоены трости, которыя они должны были носить во время отправленія службы. Какъ говорило Положеніе, офицеры «въ рукѣ имѣютъ тростниковую трость съ костяною головкою», фельдфебели также имѣютъ трость тростниковую, а унтеръ-офицеры — обыкновенную.

Арестанты были рассчитаны на отдѣленія, во главѣ которыхъ стояли унтеръ-офицеры. Отдѣленія составлялись изъ 8, 10 или 12-ти человекъ.

Подраздѣленіе на строевую секцію — «отдѣленіе» — преслѣдовало вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣли классификаціи заключенныхъ: «въ отдѣленіе подбирались люди равному приговору осужденію». Такимъ образомъ, составъ каждого изъ отдѣленій могъ измѣняться, но въ предѣлахъ 8 — 12 человекъ; свыше этого числа отдѣленія не могли быть.

Осужденные въ военно-арестантскія роты къ крѣпостной работѣ на срокъ составляютъ первыя отдѣленія по старшинству, или первый разрядъ.

Второй разрядъ составляется изъ бродягъ или бѣглыхъ военнаго вѣдомства, «кои за справками остаются въ крѣпостныхъ арестантахъ».

Всѣ такъ называемые вѣчные арестанты ¹⁾ поступали въ одну роту; число арестантовъ въ этой ротѣ не ограничивалось.

Арестанты этой категоріи дѣлились также на отдѣленія, но для классификаціи ихъ Положеніе выставляло другой критерій — знаніе мастерства; впрочемъ Положеніе заявляло также, что арестанты «дѣлятся по мастерствамъ, къ коимъ приучены или приучаются». Отсюда видно, что въ случаѣ познанія какого-либо мастерства, вѣчный арестантъ могъ попасть «для приученія» въ любое отдѣленіе. Въ ротахъ, благодаря этому, могло явиться нѣсколько отдѣленій, производившихъ одинаковыя работы.

Всѣ приговоренные къ срочному заключенію поступали въ другую роту и составляли отдѣленія, въ зависимости отъ свойствъ приговоровъ и знанія ремесль.

Что касается бродягъ, то таковыя подраздѣлялись на столько ротъ, «сколько по числу придетъ», — отъ 100 до 140 человекъ въ ротѣ.

Раздѣленіе бродягъ на отдѣленія зависѣло отъ двухъ причинъ: отъ числа лѣтъ и «подозрѣнія, на нихъ лежащаго». Последний критерій не объясненъ Положеніемъ и мы затрудняемся сказать что-либо о немъ опредѣленное; однако можно предположить, что этотъ признакъ не игралъ существенной роли, такъ какъ онъ упоминается въ Положеніи какъ бы случайно.

По всей вѣроятности, Положеніе подразумѣвало подъ этимъ терминомъ дѣленіе бродягъ на такихъ, личность которыхъ еще не подтверждена справками, и такихъ, о которыхъ еще не сдѣлано надлежащихъ публикацій.

«Самые молодые арестанты» — моложе 30 лѣтъ — образовывали самостоятельную роту и дѣлились здѣсь на отдѣленія также по лѣтамъ.

Положеніе предписывало арестантовъ всѣхъ вообще отдѣленій и ротъ «подчинить строжайшей военной дисциплинѣ»; имъ не разрѣшалось носить никакой другой одежды, кромѣ выданной имъ по положенію; содержать арестантовъ предписывалось въ наилучшей чистотѣ; наблюдать, чтобы они были острижены, вымыты и выбриты, «какъ бы находились на службѣ».

РЕЖИМЪ.

Положеніе 1823 года, въ цѣляхъ охраны благочинія среди арестантовъ, требовало соблюденія цѣлаго ряда условій; такъ, напримѣръ, оно говорило: «къ какой бы работѣ ни были назначены арестанты, они не должны никогда выходить изъ тюрьмы и идти въ безнорядкѣ».

¹⁾ Сосланные безсрочно; см. ниже стр. 36.

Передъ выходомъ арестантовъ изъ тюрьмы барабанщикъ билъ въ ротъ «сборъ».

По этому сигналу, арестанты выходили и строились въ своихъ отдѣленіяхъ по строевому уставу.

Послѣ этого производилась перекличка. По окончаніи ея арестантовъ вели на работы «въ полномъ порядкѣ», причемъ передъ каждымъ отдѣленіемъ шелъ унтеръ-офицеръ. Всѣ движенія «производились обыкновенными командными словами».

По окончаніи работъ, вторично били сборъ; арестанты строились прежнимъ порядкомъ, и съ соблюденіемъ вышеуказанныхъ условій возвращались въ тюрьму.

Исключая ротнаго командира, всѣ остальные офицеры постоянного состава роты водили арестантовъ на работы поочередно.

Работы производились «цѣлый день», къ вечеру арестанты приводились въ тюрьму для наблюденія порядка и присмотра.

Изъ этого видно, что работы цѣлыми ротами лежали только на тѣхъ арестантахъ, которые не знали какого либо мастерства. Въ ротахъ же мастеровыхъ арестанты дробились на участки; за каждымъ изъ участковъ наблюдалъ унтеръ офицеръ; офицеръ обязанъ былъ «лично удостовѣряться», достаточно ли за ними присматриваютъ.

Въ помощь администраціи арестантскихъ ротъ отъ крѣпостнаго гарнизона назначался конвой, при чемъ на обязанность командира возлагалось наблюдение за тѣмъ, чтобы «сей парядъ былъ достаточнымъ для безопасности».

Во избѣжаніе возможности подкуна, Положеніе воспрещало арестантамъ имѣть на рукахъ какія-либо деньги и предписывало слѣдить, чтобы они не получали ихъ и со стороны.

Этими данными исчерпывается содержаніе Положенія въ отношеніи шажныхъ чиновъ.

Кромѣ того, оно содержало въ себѣ правила относительно офицеровъ, разжалованныхъ по суду. Здѣсь Положеніе устанавливало, во 1-хъ, что «лишенные чиновъ офицеры должны быть одѣты и содержимы безъ всякаго различія отъ прочихъ арестантовъ»; во 2-хъ, что они поступаютъ въ такія отдѣленія, «коиъ принадлежатъ по учиненному надъ ними приговору», т. е. въ зависимости отъ свойствъ совершеннаго ими нарушенія и назначеннаго имъ наказанія; въ 3-хъ, что разжалованные были лишены права имѣть чернила, бумагу, перья, книги и т. п. Въ этомъ послѣднемъ уже

сказывается полпцейская цѣль, опасеніе возможнаго нарушенія тюремнаго порядка. Наконецъ, Положеніе содержало въ себѣ и другое ограи-ченіе, которое, какъ кажется, отпосилось исключительно къ разжалован-нымъ изъ офицеровъ арестантамъ: имъ воспрещалось давать «пожи и всякій инструментъ»... «когда починка ихъ платья или обуви требуетъ отпуска иголь, шила и проч., то оное отпускается единственно для озна-ченнаго употребленія и по минованіи надобности тотчасъ же отбирается назадъ».

Изъ административныхъ постановленій Положенія укажемъ на слѣ-дующія:

Арестантскія роты состоятъ «въ полной зависимости» крѣпостнаго коменданта, который обязанъ былъ отвѣчать «за строгое наблюденіе прав-иль, существующихъ на содержаніе и присмотръ за арестантами».

Одежда для арестантовъ получалась отъ комиссаріата; комендантъ наблюдалъ за исправностью ея и за правильностью обмундированія по утвержденной формѣ; ротные командиры въ этомъ отношеніи являлись для него «настоящими помощниками».

Суммы на жалованье всѣхъ чиновъ роты отпускатись въ распоряженіе ротныхъ командировъ; расходъ и употребленіе этой суммы возлагался на его отвѣтственность, подъ наблюденіемъ коменданта.

Въ качествѣ средствъ, могущихъ улучшить содержаніе заключенныхъ, Положеніе разрѣшало выставять въ гарнизонной церкви кружку для пода-ній, за печатью коменданта. Кружечный сборъ предназначался на улучше-ніе пищи для арестантовъ, но за личнымъ присмотромъ самого коменданта.

«Напстрожайше» запрещалось назначать крѣпостныхъ арестантовъ на какія-либо другія работы, кромѣ крѣпостныхъ, а особенно «на исправ-леніе частныхъ или партикулярныхъ работъ и порученій».

За всякій безпорядокъ или отступленіе отъ инструкціи отвѣчали комен-дантъ и ротный командиръ.

Постоянный составъ роты заключалъ въ себѣ офицеровъ, выращенныхъ «со всевозможныхъ тѣпаніемъ» изъ корпуса внутренней стражи, и ниж-шихъ чиновъ изъ «служащихъ швалцдовъ отличнаго поведенія».

Таково было содержаніе Положенія.

Однако, вскорѣ послѣ его появленія, — хотя уже въ царствованіе Императора Николая I, издается новое правило, поясняющее и дополняю-

щее самое Положеніе: сущность новаго правила состоитъ въ слѣдующемъ ¹⁾:

*ВѢЧНЫЕ
АРЕСТАНТЫ.*

Такъ какъ главный контингентъ крѣпостныхъ арестантовъ составлялся изъ нижнихъ чиновъ, отдаваемыхъ въ работы за прежніе побѣги для исправленія, при чемъ часто бывали случаи новыхъ побѣговъ изъ арестантскихъ ротъ, то, съ цѣлью пресѣченія такихъ случаевъ, начальникъ штаба инженерныхъ войскъ вошелъ съ представленіемъ, которое и было утверждено. Согласно этому было постановлено, что коменданты рѣшаютъ непосредственно и самостоятельно дѣла о побѣгахъ арестантовъ, причемъ они, послѣ тѣлеснаго наказанія виновныхъ, зачисляють ихъ въ разрядъ вѣчныхъ арестантовъ.

Изъ этого можно видѣть, что указанное правило было распространено на рабочія и арестантскія роты, такъ какъ къ лицамъ, бѣжавшимъ послѣ отбытія наказанія въ арестантскихъ ротахъ и находженія въ рабочихъ ротахъ, примѣнялось одно и то же правило.

Эти вѣчные арестанты содержались закованными и отправляли службу и работы также въ оковахъ.

Впослѣдствіи (въ томъ же 1830 году) было издано Высочайшее повелѣніе, въ силу котораго въ разрядъ всегдашнихъ арестантовъ съ закованіемъ было предписано отдавать и тѣхъ нижнихъ чиновъ, которые, «будучи отправлены, по конфирмаціямъ начальства, въ крѣпостную работу на срокъ, прежде окончанія сихъ сроковъ, по особой милости Его Величества, были обращены на службу въ пѣхотные полки.., и не возчувствовали сей милости, вновь сдѣлають побѣги».

Такимъ образомъ, Положеніе 1823 года является первою ступеню въ дѣлѣ цѣлесообразнаго устройства военно-тюремнаго заключенія. Само собою разумѣется, оно имѣло слишкомъ много отрицательныхъ сторонъ, чтобы оказать рѣшительное вліяніе на все послѣдующее законодательство, тѣмъ не менѣе значеніе его весьма важно и только со времени его изданія является возможность говорить о самостоятельномъ видѣ военно-тюремнаго заключенія.

Что касается заключенія для офицеровъ, то, какъ и въ предшествующую эпоху, оно не пользуется большимъ распространеніемъ: конфирмаціи

¹⁾ См. Отчетъ Генераль-Аудиторіата, 1830 г.

Императора стремятся ввести для офицеровъ, какъ наиболѣе цѣлесообразную мѣру, лишеніе служебныхъ правъ.

Однако въ 20-хъ годахъ появляется не менѣе важное указаніе на различіе тюремнаго заключенія по его тяжести для офицеровъ: Высочайшее повелѣніе 1824 года ¹⁾ (мѣсяць и число—неизвѣстны) раздѣляетъ лишеніе свободы въ крѣпости на 3 самостоятельныя группы: 1) содержаніе въ крѣпости, 2) содержаніе въ казематахъ и 3) содержаніе на гауптвахтѣ.

*ЛИШЕНИЕ СВО-
БОДЫ ДЛЯ
ОФИЦЕРОВЪ.*

Первая форма примѣнялась къ разжалованнымъ офицерамъ, которые присуждались вмѣстѣ съ тѣмъ къ крѣпостнымъ работамъ.

Вторая форма напоминала собою заточеніе, указанное въ Полевомъ Уложеніи, при чемъ заключенный, не подвергаясь работамъ и не лишаясь чиновъ и званія, отбывалъ лишь въ заключеніи назначенный ему срокъ лишенія свободы.

Наконецъ, третья форма наказанія была наиболѣе употребительною, при чемъ заключеніе отбывалось при караульных помѣщеніяхъ въ крѣпостяхъ и не влекло за собою никакихъ ограниченій по службѣ.

Изъ другихъ мѣръ, принятыхъ въ эпоху Александра I-го, необходимо отмѣтить нѣкоторыя изъ правилъ, установленныхъ уставомъ о ссыльныхъ 1822 года.

*УСТАВЪ О
ССЫЛЬНЫХЪ*

Такъ, напримѣръ, уставъ стремился провести извѣстную гранцу среди каторжныхъ, ссылаемыхъ изъ общества и изъ арміи. Для этого онъ создавалъ особый разрядъ каторжныхъ: дорожныхъ рабочихъ, куда выбирались самые лучшіе, здоровые и крѣпкіе люди, «за неважныя» вины посланные на каторгу. Со вступленіемъ въ этотъ разрядъ работникъ переставалъ быть «на ряду съ прочими ссыльными» и имѣлъ значеніе нестроевого военно-работчаго, получая, по истеченіи 5-ти лѣтъ хорошаго поведенія и трудолюбивой жизни, право быть водвореннымъ въ званіи государственнаго крестьянина.

Наконецъ, по отношенію къ тѣмъ изъ военно-служащихъ, которые отправлялись въ каторгу безъ исключенія изъ военнаго вѣдомства, уставъ 1822 года предписывалъ направлять ихъ, по окончаніи срока каторги, къ военному начальству, которое и распоряжалось имъ по своему усмотрѣнію.

Этими немногими данными исчерпывается все, имѣющее отношеніе къ военно-тюремной части въ царствованіе Александра I-го.

¹⁾ Отчетъ Аудиторіатскаго Департамента 1824 г.

ВЫВОДЫ.

Такимъ образомъ, подводя итоги всему вышесказанному, можно придти къ заключенію, что эпоха Александра I-го оказалась наиболѣе плодотворной въ дѣлѣ организаціи лишенія свободы, какъ воинскаго наказанія.

Съ одной стороны, законодатель указалъ на необходимость разграниченія видовъ лишенія свободы для офицеровъ и нижнихъ чиновъ.

Съ другой стороны, воинское лишеніе свободы рѣзко отдѣляется отъ общаго: крѣпостнымъ арестантамъ дается извѣстная организація, соотвѣтствующая строевой, работы производятся исключительно въ цѣляхъ военныхъ и сами арестанты, подчиняясь «строжайшей военной дисциплинѣ», должны стремиться къ «исправленію» своего поведенія.

Изъ этого видно, что вмѣстѣ съ реорганизаціей мѣсть военнаго заключенія измѣнились и самыя цѣли наказанія: не отказываясь отъ пользы въ интересахъ публичныхъ, государство стремится и къ достиженію пользы частной, пользы самого преступника.

А это послѣднее явилось, въ свою очередь, однимъ изъ дѣятельныхъ факторовъ, обнаружившихъ себя въ послѣдующую эпоху.

Кромѣ всего этого, необходимо отмѣтить оставшійся по послѣдству отъ предшествующаго столѣтія взглядъ на лишеніе свободы, какъ на наказаніе, поражающее исключительно свободу и не уничтожавшее правъ наказаннаго, — взглядъ, который еще долго продолжаетъ жить въ нашемъ военно-уголовномъ законодательствѣ и въ послѣдующее время.

— Н. Самокишъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Описаніе тюремнаго двора.

Въ виду того, что ни въ одномъ изъ изслѣдовацій по исторіи уголовного права въ наше время не имѣется какихъ-либо болѣе или менѣе обстоятельныхъ указаній на устройство этихъ дворовъ, мы считаемъ нелишнимъ привести дословно одинъ изъ документовъ, относящійся къ 1702 году, когда въ Азовѣ, при производствѣ официального описанія города, было составлено наиболѣе подробное описаніе тюремнаго двора.

Вотъ этотъ документъ (Арх. М. М. Дѣла Пр. В. М. Флота, № 25, л. 1630—1635):

«По приказу Великаго Государя и по приказу думнаго дворянина и воеводы Стенана Богдановича Логвинова съ товарищи, городничей Борисъ Лопухинъ тюремный дворъ въ длину и поперекъ и высоту мѣрилъ, а что по мѣрѣ явилось длиннику и поперечнику и высоты тюремному двору и что на тюремномъ дворѣ строеній и невольничковъ всякихъ чиновъ людей, и кацалъ, и желѣзъ, и каторжныхъ чепей, и то писано ниже сего.

Тюремный дворъ огороженъ острогомъ стоячимъ сосновымъ. Длиннику ему 21 сажень съ полусаженей, поперечнику 16 сажень, высота три сажени.

На тюремномъ дворѣ калитка; у ней четыре кольца, желѣзныхъ двѣ чени, желѣзныхъ восемь пробоевъ, у ней же замокъ висящій.

На тюремномъ дворѣ строенія изъ бударнаго лѣсу построены: 13 избъ ветхихъ.

Первая изба мѣрою длиннику 2 сажени полтретей четверти, ширина 2 сажени 2 четверти безъ вершка.

Другая изба длиннику 2 сажени три четверти; ширина—2 сажени полтретей четверти.

Третья изба длиннику 2 сажени 6 вершковъ, поперечнику 2 сажени съ вершкомъ.

Четвертая изба длиннику 2 сажени 6 четвертей съ вершкомъ, ширина тожь.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Пятая изба длиннику 2 сажени 5 четвертей два вершка, ширина 2 сажени съ четвертью.

Шестая изба длиннику 2 сажени 6 вершковъ, ширина тожь.

Седьмая изба длиннику 2 сажени три четверти, ширина 2 сажени 6 вершковъ.

Восьмая изба длиннику 2 сажени три четверти, ширина двѣ сажени два вершка.

Девятая изба длиннику 2 сажени 6 четвертей два вершка, ширина 2 сажени 2 четверти 2 вершка.

Десятая изба длиннику 2 сажени 2 четверти 2 вершка, ширина тожь.

Одиннадцатая изба длиннику 2 сажени 5 четвертей 2 вершка, ширина 2 сажени 6 четвертей.

Двѣнадцатая изба длиннику 2 сажени и 10 четвертей съ вершкомъ, ширина 2 сажени 6 четвертей.

Тринадцатая изба длиннику 2 сажени 5 четвертей 2 вершка, ширина 2 сажени 6 четвертей безъ вершка.

Противъ тюремнаго двора караульня избы: первая длиннику 2 сажени съ четвертью и вершкомъ, ширина 1 сажень три четверти; вторая—сажень 5 четвертей, ширина—сажень полторы четверти; третья—длиннику полторы сажени, ширина тожь.

А тѣ вышесказанныя избы на тюремномъ дворѣ и караульни крыты камышомъ.

На тюремномъ дворѣ кандалъ худыхъ и добрыхъ 165 кандалъ; въ томъ числѣ лопатныхъ 37 кандалъ.

Ножныхъ желѣзъ худыхъ и добрыхъ съ замками 12 желѣзъ.

Двѣ чени длинныхъ, что въ мирѣ ходять, и съ ошейниками; у нихъ четыре замка висящихъ.

Имена тюремнаго двора невольщиковъ всякихъ чиновъ людей, которые сидятъ на тюремномъ дворѣ: разныхъ чиновъ люди—98 человекъ: малолѣтнихъ стрѣльцовъ 8 человекъ, турковъ и татаръ—10, шведовъ—51; да прислали изъ приказныхъ палатъ черкесь; да по дѣламъ которые сидятъ на тюремномъ дворѣ полковника Аонасьева, конной службы капитанъ Аонасій Смирновъ, рядовые казаки—8, стрѣлецъ—1, дворянинъ—1, стрѣлецъ—1, казакъ—1, казакъ—1, солдатъ—1, солдатъ—1, крестьянинъ—1, солдатъ—1, солдатъ—1, полковые капралы—2, малолѣтній каторжникъ—1, матросъ—1, солдатъ—4.

Да по записямъ, которые освобождены съ тюремнаго двора разныхъ чиновъ люди: 18 человекъ, малолѣтніе стрѣльцы—6 чел., шведы—12 человекъ».

III.

Петербургскій полицеймейстеръ Девьеръ по одному частному поводу написалъ графу Апраксину письмо, изъ котораго можно видѣть очень многое, относящееся и къ управленію, и къ быту арестантовъ того времени.

Въ письмѣ этомъ между прочимъ говорилось слѣдующее:

«Въ канцелярію полицеймейстерскихъ дѣлъ въ поданныхъ доношеніяхъ майора Рыкунова написано: на каторжный дворъ въ казармы каторжнымъ певольщикамъ и шведскимъ арестантамъ для возки дровъ въ зимнее время давалось съ адмиралтейскаго конюшеннаго двора по 5 лошадей въ день. И прошедшаго 718 года января 28 дня въ письмѣ изъ Адмиралтейской канцеляріи за рукою ландрата Кушелева ко одному майору писано: повелѣно прислать въ Адмиралтейскую канцелярію вѣдѣніе, коликое число надобно на каторжномъ дворѣ шведскимъ арестантамъ въ казармы дровъ въ годъ? И того-жъ числа на оное письмо въ оную канцелярію отъ него отвѣтствовано:

На каторжный и арестантскій дворы надобно въ годъ дровъ: въ зимнее время октября съ 1-го апрѣля по 1-е число, итого на 6 мѣсяцевъ, по 22 сажени на мѣсяць, итого 132 сажени, да въ лѣтнее время въ больницы и для печенья хлѣбовъ противъ зимняго на 6 мѣсяцевъ третью часть—44 сажени, итого 176 саженей.

И противъ того и во отвѣтствованіе оныхъ дровъ и по се число на каторжной дворъ не отпускаютъ, также и лошадей противъ прежнихъ годовъ съ конюшеннаго адмиралтейскаго двора не отпускаютъ же, въ чемъ шведскіе арестанты и каторжные певольщики имѣютъ не малую нужду, а напротивъ въ больницахъ больные имѣютъ въ томъ отъ стужи, тягчая себѣ болѣзнь.

Такожде нынѣ при С.-Петербургскомъ Адмиралтействѣ на каторжномъ дворѣ каторжныхъ певольщиковъ 517 человекъ и непрестанно изъ разныхъ канцелярій присылается вновь, а въ прошлыхъ годахъ въ декабрѣ мѣсяцѣ присылалось съ Москвы изъ разныхъ канцелярій въ каторжную работу по сту и полтора и больше.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

А нынѣ при каторжномъ дворѣ на лицо чепей съ кольца и съ веретены только двадцать, и ежели противъ прежнихъ годовъ будетъ присылка съ Москвы и изъ другихъ канцелярій въ каторжную работу, толкое-жъ число невольниковъ и на оныхъ каторжныхъ чепей не достаетъ и вскорѣ взять будетъ негдѣ. Того ради дабы повелѣно сдѣлать на каторжной дворѣ для сковки вновь присланныхъ невольниковъ 200 чепей съ кольца и веретены, въ чѣмъ бы остановки не было и безъ работы люди напрасно не гуляли.

А на вышеописанномъ каторжномъ дворѣ ветхихъ 12 казармъ, въ которыхъ живутъ нынѣ каторжные невольники съ великою нуждою; въ томъ числѣ солдатскихъ караульныхъ казармъ двѣ и нынѣшнюю зиму въ оныхъ казармахъ каторжнымъ невольникамъ будетъ жить невозможно, понеже всѣ стоятъ на подпорахъ; потолоки, и полы, и стѣны вонъ выпали и печи всѣ во время нынѣшнія осеннія большія воды размыло и испортило, о чемъ многократно подавано доношеніе, для того, что оныя казармы строены въ прошломъ 707 году на Васильевскомъ острову и оттуда снова перенесены въ 709 году, о чемъ Вашему Сіятельству напередъ его писано прошедшаго декабря 20-го дня 718 года, на которое по се число указу не имѣю.

Того ради прошу, дабы повелѣно было о вышеомянутомъ указѣ учинить, понеже въ томъ есть каторжнымъ невольникамъ и шведскимъ арестантамъ, не токмо больнымъ, но и здоровымъ не малая нужда.

Арх. Мор. Мин., Дѣла гр. Апраксина, № 178, 1718, лл. 139—140.

О г л а в л е н і е

Историческаго Очерка Военно-Тюремной Части.

Введение.

ГЛАВА I. Московскій періодъ	1
ГЛАВА II. Петербургскій періодъ	7
ГЛАВА III. Царствованіе Имп. Александра I.	27

Приложенія.

2
к-108/2

к

